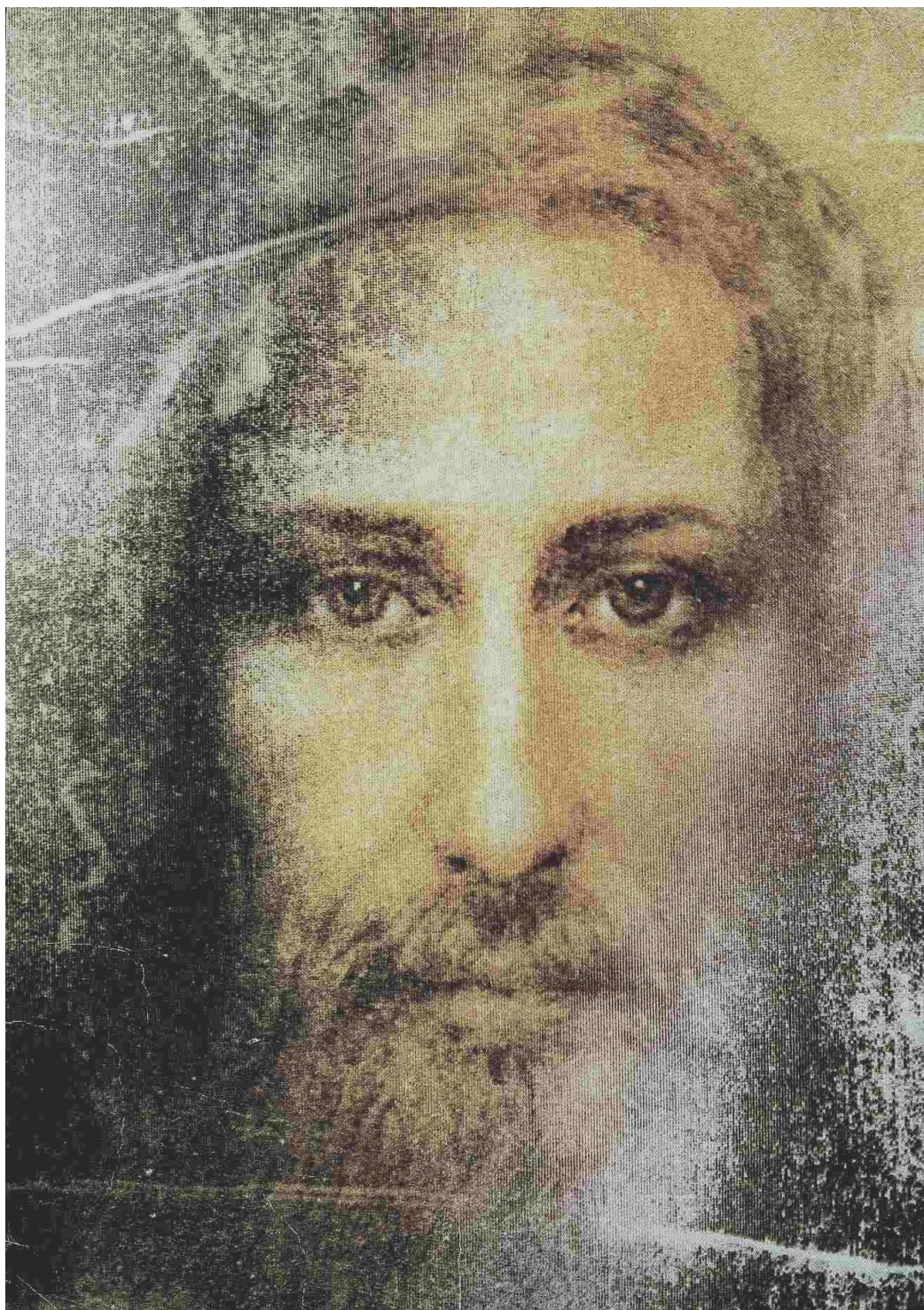


*святитель Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический*

## **Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа**



## Содержание

- I. Краткое обозрение земной жизни Иисуса Христа по отношению к Его последним дням жизни
- II. Последнее путешествие Иисуса Христа из Галилеи в Иерусалим
- III. Воскрешение Лазаря с его последствиями
- IV. Торжественный Вход Иисуса Христа в Иерусалим, его цель и значение
- V. Проклятие смоковницы и изгнание из храма торжников
- VI. Всенародное посольство к Иисусу Христу от синедриона
- VII. Посрамление сект иудейских и обличение их пороков перед народом
- VIII. Заключение общественного служения Иисусова в качестве Мессии
- IX. Беседа с учениками о судьбе Иерусалима и последних днях мира
- X. Взгляд на (образ) исполнения пророчеств о судьбе Иерусалима, с примечаниями касательно (образа) изъяснения пророчеств о последних днях мира
- XI. Предание Иисуса Христа Иудой
- XII. Омовение ног и Тайная Вечеря
- XIII. Прощальная беседа Иисуса Христа с учениками
- XIV. Гефсиманский подвиг Иисуса Христа
- XV. Предание
- XVI. Иисус Христос на суде первосвященников и синедриона
- XVII. Окончательный приговор синедриона Иисусу Христу
- XVIII. Судьба предателя
- XIX. Иисус Христос на суде Пилата
- XX. Иисус Христос на суде Ирода
- XXI. Иисус Христос осуждается на бичевание и смерть Пилатом
- XXII. Взгляд на образ суда над Иисусом Христом
- XXIII. Распятие
- XXIV. Иисус на кресте
- XXV. Взгляд на покаявшегося на кресте разбойника
- XXVI. Чудесные знамения с их последствиями
- XXVII. Последние события при кресте Иисуса
- XXVIII. Снятие со креста и погребение
- XXIX. Кустодия.

## I. Краткое обозрение земной жизни Иисуса Христа по отношению к Его последним дням жизни

В три с половиной года всенародного служения Иисуса Христа в качестве Мессии среди народа иудейского уже совершенно оправдалось многозначительное предсказание о Нем праведного Симеона, изреченное в то время, когда Он, яко мнимый сын Иосифа, еще младенцем принесен был, по закону, в храм Иерусалимский – «поставити Его пред Господем» ([Лк. 2, 22](#)). Со дня на день становилось очевиднее, что «Утеха Израиля» лежит не только на восстание, но и на «падение многих во Израиле» – в Предмет противоречий, «да откроются помышления многих сердец» ([Лк. 2, 34–36](#)). Божественный Потомок Давида не являлся еще в виде грозного Домовладыки, Который, по словам Его Предтечи, пришел отребить гумно Свое (народ иудейский), дабы плевелы сожечь «огнем негасающим» ([Мф. 3, 12](#)); лучшие люди видели в Нем только Агнца Божия, вземлющего грехи мира ([Ин. 1, 29](#)), во всех беседах Его открывалось одно кроткое веяние духа благодати: но для плевел, давно истлевших от зноя страстей, несносно было и это небесное веяние, они сами собой возметались и летели прочь от Вейтеля; неисцельным членам народа иудейского обращался во вред самый благотворный бальзам, который небесным Самарянином был возливаем на их раны ([Лк. 10, 29–37](#)). Перед концом трехлетнего общенародного служения Иисусова в качестве Мессии уже вся Иудея в отношении к Нему видимо делилась на две стороны ([Ин. 11, 48](#)), из которых одна веровала в Него и благоговела перед Ним, а другая враждовала против Него ([Ин. 12, 37](#)) с такой злобой, что не усомнилась вознести Его на крест.

Краткое обозрение этого, по многим отношениям единственного в мире, явления послужит для нас вместо введения в историю «Последних дней земной жизни Господа нашего».

С первого взгляда казалось невозможным, чтобы народ иудейский не узнал своего Мессию. Никогда не ожидали Мессии с таким нетерпением, как во времена Иисуса Христа: о пришествии Его молились в храме и по домам; рассуждали в синагогах и синагогах; Мессию старались находить во всех сказаниях пророков, какие не только относились действительно, но могли быть относимы как-нибудь к Его лицу. Даже презираемые иудеями за свою ересь самаряне твердо верили, что скоро придет величайший из пророков, который разрешит все недоумения о предметах веры, разделявшие тогда народ израильский. Между самыми язычниками повсюду распространился в то время слух о скором наступлении чрезвычайного «переворота вещей, когда Восток снова возьмет верх над Западом и из Иудеи выйдут люди для возобладания всем светом». Некоторые по легкомыслию и

нетерпению, а иные из ласкательства, думали уже видеть исполнение всеобщих надежд касательно пришествия Мессии то в Ироде Великом, то в разных кесарях римских. Были даже такие мечтатели и честолюбцы, которые, пользуясь народным ожиданием, осмеливались выдавать дерзновенно самих себя за обетованного Избавителя, и хотя скоро обнаруживались в своей лжи, но увлекали за собой немалое число последователей из народа.

Чтобы удалить от себя всякую опасность – не узнать и отвергнуть истинного Мессию или принять ложного, иудейские книжники старались для сего извлекать из писаний пророческих все указания на Его лицо и время пришествия. На этом основании составилось пространное учение о «**признаках**» истинного Мессии, то есть о Его именах, происхождении, природе, свойствах, действиях, наклонностях и проч., которое во всех синагогах излагалось с уточнениями, свойственными раввинской учености. Простой народ не участвовал в подобных исследованиях, почитавшихся собственностью книжников; но, поскольку предмет их был крайне занимателен и равно важен для всякого, то многие мнения и толки о Мессии неприметно перешли из школ к народу и столько распространились повсюду, что, в случае нужды, самый последний простолюдин почитал себя способным судить о лице Мессии. При таком всеобщем и пламенном ожидании Мессии, при такой заботливости предохранить себя от заблуждения касательно Его пришествия можно ли было думать, что истинный Мессия будет не признан, отвергнут, осужден, распят?... ([Ин. 12, 37.](#)) Но так произошло на самом деле!..

Причины столь губительного ослепления существовали в народе иудейском издавна, хотя ужасное действие, ими произведенное, трудно было представить себе заранее во всей полноте. И во-первых, чтобы узнать Того, Кто пришел с неба, чтобы всех возвести за Собой от земли на небо, необходимо было народу иудейскому иметь – хоть в некоторой степени – чувство небесного, жажду вечного, стремление к святому и освящающему. Но в этих-то драгоценных качествах у иудеев, – кроме малого числа избранных, – был крайний недостаток. Поклонение истинному Богу заключалось в исполнении одних обрядов, оно не проникало в сердца и не производило благотворных действий в нравах и жизни ([Мф. 23, 23–31](#)). У большей части действительным богом души и сердца был не Иегова, а «**чрево**» ([Ин. 12, 17–43](#); [Лк. 12, 57](#)) и «**злато**». И Мессия не мог не потребовать, тотчас по явлении Своем, совершенной перемены в мыслях, чувствах и во всем образе жизни от желающих быть Его последователями ([Ин. 3, 3](#)). Но как им было отказаться от своих любимых предрассудков и страстей? Ведь они измлада привыкли ограничивать права свои на благословение Божие одним

происхождением своим по плоти от Авраама, одним обрезанием по закону и наблюдением покоя субботнего. Что всего неблагоприятнее, вожди народа Божьего – старейшины и книжники, на которых особенно и прежде других лежал долг познать явившегося Мессию и принять Его, первые принадлежали к числу людей неспособных, по их душевной нечистоте, войти в Царствие Божье ([Мф. 23, 24](#)).

Во-вторых, несмотря на бесконечные толки о признаках истинного Мессии, в раввинском учении об этом важном предмете не было надлежащего единства и точной определенности. Гибельное несогласие сект, от которых страдала [церковь](#) иудейская, обнаруживалось – к величайшему вреду – и здесь: когда, например, по мнению одних, основывающемся на ясном указании пророка, Мессия должен был произойти из Вифлеема, другие, следуя каким-то устным преданиям, утверждали, что Он явится неизвестно откуда.

Наконец, превратное понятие о царстве Мессии и цели Его пришествия довершало зло и содействовало большую часть народа иудейского мало способной узнать Мессию истинного.

Чтобы видеть, в чем состояло и каким образом составилось это жалкое, превратное понятие, должно привести себе на память учение о Мессии древних пророков. Изображая Его в виде величайшего Пророка, Первосвященника, Ангела завета, праведника, они весьма часто – чтобы приблизилось понятие о Нем к разумению народа – представляли Мессию и под видом царя, подобного Давиду, который «[восставит скинию Давидову падшую, воцарится в дому Иаковли во веки веков](#)», и будет Владыкой всех народов от моря до моря, в царстве которого «[все раскуют мечи на рала и копия на серпы](#)» ([Ис. 53, 10](#); Иезек. 38, 40). Причина, почему пророки изображали будущее владычество Мессии в виде царства, подобного царству Давидову, сокрывалась частью в желании сделать предсказание о Мессии как можно понятнее и утешительнее для народа иудейского, который, страдая от различных бедствий, с сожалением воспоминал о временах Давида, и ничего более не желал как возвращения их. Неоспоримо, что, кроме благ духовных, пророки ожидали от пришествия Мессии и земного благоденствия (изобилия, тишины и пр.), почему и народ, находящийся под владычеством Мессии, описывали могущественным, многочисленным, победоносным, нетерпящим никакой нужды.

Вообще же, целью пришествия Его поставлялось у них не временное, а духовное и вечное блаженство, состоящее в искуплении от грехов, в чистоте нравов и жизни в мире с Богом, в восстановлении первобытного богоподобия и достоинства человека и проч. Если при этом упоминается у пророков и о земном благоденствии почитателей

Мессии, то оно является плодом не каких-либо гражданских переворотов, сражений и побед, а естественным следствием их духовно-нравственного совершенствования и верного исполнения заповедей нового высшего завета с Богом через Мессию, как то действительно сбылось над последователями христианской религии, которые, превзойдя все прочие народы нравственным образованием, решительно превзошли их наконец и земным могуществом, так что теперь судьба всех прочих народов видимо зависит от христиан.

Обещая, наконец, народу иудейскому особенное участие в благодеяниях пришествия Мессии, – пророки обещали его не безусловно, а только при неизменной верности Богу отцов, чистоте нравов и трудов в царстве Мессии для распространения его путем [проповеди](#) по всему роду человеческому. В противном случае они угрожали иудеям еще большим наказанием и бедствиями.

Но чувственный, ниспадный в глубину унижения сначала нравственного, а потом и гражданского, народ иудейский недолго был в состоянии следовать за высоким, чистым и светлым учением пророков о Мессии и Его царстве, особенно после плена вавилонского. Тогдашнее всеобщее оскудение духа веры и чистоты нравственности, умножение различных, одна другой противоположных, сект, образование нового народного диалекта и постепенное забвение древнего священного языка, изменение нравов от смешения с другими народами, вольное и невольное участие в нечистых видах царей сирийских, египетских, а потом римлян и многие другие причины сделали то, что народ иудейский, не стараясь проникать в истинный дух пророческих сказаний о царстве Мессии, остановился на их букве и тем более прилеплялся к толкованиям буквы, чем более представлялось в них пища для воображения и чувств, для народного самолюбия и выгод земных.

Вместо ангела завета, имеющего начертать в сердцах людей новый закон жизни, вместо Первосвященника по чину Мельхиседекову, долженствующего искупить Своей Кровью весь род человеческий от греха и смерти, вместо великого Пророка, грядущего водворить по всей земле истину, добродетель и веру, вместо Сына Божьего почти все начали ожидать в лице Мессии всемирного завоевателя, который для того и явится во всем могуществе Посланника Божьего, окруженный знаменами и чудесами, чтобы низложить и упразднить все тогдашние царства на земле, составить из всего рода человеческого единую державу, в которой иудеи должны занять первое место и быть Его наперсниками. Великие притеснения от царей сирийских, египетских и от римлян еще более усиливали в иудеях такое ожидание: чем более терпели в настоящем, тем больше надеялись получить в будущем.

Между прочим, воображали, что пришествие Мессии должно быть предварено явлением Илии, имеющим помазать Его на царство, Иеремии, Исаии и многих других пророков. У многих существовало грубое заблуждение, состоящее в том, что Он будет человек, подобный прочим, только с необыкновенными силами и дарами от Бога. Другие представляли Его существом высшим, но однако же не Богом, претыкаясь слепо о слова Моисея: «Господь **Бог** твой, Господь **един есть**». Мессия, по мнению иудеев, не подлежал смерти. Плодами пришествия Мессии почиталось, между прочим, немедленное чудесное собрание в Палестину иудеев из рассеяния их по всему свету, не исключая и десяти колен Израилевых, изведение из ада и воскресение всех умерших иудеев, восстановление царства Давидова ([Деян. 1.6](#)), обновление Иерусалима и устройство нового великолепного храма, покорение всех народов иудеям, учреждение великолепных вечере́й, чрезвычайное плодоносие земли, уничтожение болезней и смерти и проч. Лучшие и благонравнейшие соглашались, что вход в царство Мессии будет открыт не всем иудеям без разбора, а достойным ([3Ездр. 2, 37–41](#)) и что это достоинство должно состоять в истинном благочестии и в неукоризненности нравов или в искреннем всецелом покаянии; но большая часть основывала надежду войти в царство Мессии единственно на своем плотском происхождении от Авраама, почитая невозможным, чтобы **Бог**, обещав потомкам Авраама вечное Свое благоволение, лишил кого-либо из них самого первого блага – участия в блаженном царстве Мессии ([Рим. 11:1, 3:3](#)).

Вследствие этих и подобных заблуждений, первосвященники иудейские и прочие старейшины, естественно, надеялись, что Мессия если не к ним первым обратится со Своим Божественным посольством ([Ин. 1, 19](#)), то, по крайней мере, не оставит их без особенного внимания впоследствии. Призовет их на служение и помощь Себе, и они, передав Ему власть над народом, останутся первыми и довереннейшими слугами Его нового небесно-земного царства. Надменным своей мнимой святостью фарисеям и той силе, которую они имели в синедрионе и народе, особенно казалось невозможным ([Ин. 1:24, 8:48](#)), чтобы великое дело открытия на земле царства Мессии совершилось без их участия, чтобы они не были приняты в Его особенное благоволение и не стали ближайшими орудиями Его всемирного владычества. Также, без сомнения, мечталось и прочим сектам иудейским: саддукеям, ессеям, иродианам, – из которых каждая находила в себе то самое, что, по ее понятию, было особенно нужно и благопотребно для будущего великого Царя Израилева.

При таком губительном ослеплении умов и сердец, что долженствовало произвести появление Иисуса Христа в народе иудейском не с мечом,

величием и славой земной, а в самом простом и смиренном виде народного Учителя, окруженного не легионами воинов, а дванадцатью простых и бедных учеников, – с одной проповедью о приближении Царства Божьего ([Мф. 4,17–23](#); [Мк. 1,14](#); [Лк. 4:21, 43](#); [Мал. 3,2](#)) и исцелением недужных, без обещаний свободы от ига иноплеменников, без всяких предложений каких-либо земных выгод, даже без обращения к главам народа, к лицам, имеющим вес и влияние в обществе? Мессия из Галилеи, откуда, по ложному понятию тогдашних книжников, и обыкновенный пророк «не приходит» ([Ин. 7, 52](#)), – из Назарета, где, по бедности и малолюдству этого города, не предполагали ничего важного и общепольного ([Ин. 1,46](#)), Мессия, вместо славы и побед, проповедующий нищету и самоотвержение ([Мф. 5, 10](#)), не имеющий где поклонить главу ([Мф. 8, 20](#)), нередко предрекающий Себе поносную [смерть](#) на кресте, а между тем в то же время усвояющий Себе бытие до рождения Авраама ([Ин. 8, 56–59](#)), возносящий Себя превыше всех праотцов ([Ин. 4:12, 8:53](#)) и даже равняющий Себя с Самим Богом ([Ин. 10, 30](#)), Мессия, не щадящий страстей и пороков в фарисеях и первосвященниках ([Мк. 7, 6](#); [Ин. 8](#); [Мф. 23:21, 31–32](#)), ставящий ни во что их мнимую праведность ([Мф. 5, 20](#)) и в то же время обращающийся с мытарями и грешниками ([Мк. 2, 16](#)), обещающий ввести в Царство Небесное язычников, с изгнанием из него многих иудеев во тьму кромешную ([Мф. 8, 11, 12](#); [Лк. 13, 24–30](#)), Мессия, повелевающий платить беспрекословно дань кесарю ([Мф. 20, 43](#); [Мк. 12,13–17](#); [Лк. 20, 20–26](#)), думающий без оружия и земной силы одной проповедью основать какое-то духовное, невидимое царство ([Лк. 17, 20](#); [Ин. 18, 26](#)), без всякого участия синедриона ([Мф. 21, 23–27](#)), Мессия, идущий во всем вопреки любимейшим ожиданиям народа, вопреки всем понятиям книжников, против господства самого синедриона, – такой Мессия преданному мирским видам и честолюбию, своекорыстному и гордому Каиафе и клеветам его в синедрионе, по необходимости, казался лицом странным и недоприемлемым, противным и опасным.

Не принимавшие Иисуса Христа за Мессию расходились, как обыкновенно, в разные стороны своими мнениями касательно Его лица и действий. Еще одним из самых снисходительных суждений было то, что необыкновенный Учитель Назаретский есть человек благочестивый, любящий истину и правду, желающий добра ближним и отечеству, но предающийся воображению, слишком верящий в силу добра над людьми и потому замышляющий величайшие дела с малыми средствами, не видящий опасных сторон Своего положения и несбыточности Своих предприятий ([Ин. 2:48](#)). Когда Богочеловек, в полноте сознания Своего Божественного достоинства вещал и действовал как Сын Божий, Которому Отец все передал во власть, Он



казался в то время для таких людей выходящим из Самого Себя и потому требующим даже предостережения и дружеского надзора над Собой ([Мк. 3,21](#)). Таков взгляд на дело и состояние Иисусово был у тех, о которых евангелист Марк говорит, что они, «**слышавше, изыдоша да имут Его! глаголаху бо, яко неистов есть**» (вышел из себя).

Другие, судя, без сомнения, по самим себе, позволяли себе в суждении о Иисусе идти еще ниже и думали видеть в Нем человека, преданного тайному честолюбию, Который, под личиной ревности по правде, намерен обратить в Свою пользу народное ожидание Мессии. Это те, кто, по свидетельству евангелиста, вопреки утверждавших о Иисусе, «**яко благ есть, глаголаху: ни, но льстит народы**» ([Лк. 17, 18](#)).

Наконец, были и такие, которые с намерением или без намерения, вслед за другими, утверждали, что новый Учитель и Чудотворец есть как бы наперсник духа тьмы, что Он если и изгоняет бесов и совершает чудеса, то творит все это силой не Божьей, а «**о Вельзевуле, князе бесовстем**» ([Ин. 10, 20](#); [Мк. 3, 22](#)).

Все это было и означилось совершенно и резко уже под конец служения Иисусова; а вначале Он, по простоте Своей жизни, по бедности Своей, по недостатку каких-либо связей в обществе, долго не обращал на Себя внимания гордых старейшин иудейских. В самом деле, несмотря на чудесные события, сопровождавшие первые дни земной жизни Иисусовой (появление волхвов восточных во Иерусалиме и чудесной звезды, пророчества Симеона и Анны, отверстие небес на Иордане и глас при этом с неба) и, без сомнения, сделавшиеся впоследствии известными в народе ([Ин. 1, 15–20](#); [Мф. 3, 2–12](#); [Лк. 3, 4–16](#)), несмотря даже на торжественный отзыв Иоанна Крестителя, несколько раз повторенный перед посланными от синедриона ([Ин. 1, 29–34](#); [Мф. 3, 16](#); [Мк. 1, 10](#)), перед народом ([Ин. 1:35–36, 3:27–36](#); [Мф. 21, 26](#)) и учениками о том, что принявший от него крещение Иисус, а не кто другой, есть истинный Агнец Божий, вземлющий грехи мира, – отзыв, долженствовавший иметь великую силу по тому уважению, которое все имели к Иоанну, – мы нисколько не видим, чтобы к Иисусу отправляемо было какое-либо посольство и чтобы Его, подобно Иоанну, спросили: не Он ли Мессия? Для безумной гордости синедриона, соблазнявшегося уничиженным состоянием Иисуса Христа, такое исследование казалось вовсе ненужным и бесполезным. Уже впоследствии, когда святость жизни Иисусовой, необыкновенная сила Его слова и бесед ([Лк. 4, 32, 15–22](#); [Мф. 7:29, 13:54](#); [Ин. 7, 15](#)) **проповедь** 12-ти и 70-ти учеников, обошедших все города израильские с возвещением Царства Божьего ([Мф. 10](#); [Мк. 6, 30](#)), и особенно слава знамений и чудес ([Лк. 4:36, 5:9](#); [Мф. 8:27, 9:8, 26:33, 12:23, 15:31](#)) обратили к Иисусу сердце большей части народа иудейского ([Лк. 5:15, 4:14, 42, 37](#); [Мф. 4, 24](#); [Мк. 6:54–56](#)) и

соделали Его предметом самых лучших надежд для благонамеренных людей из всех состояний ([Ин. 12,42](#)), – фарисеи и книжники, тщательно наблюдавшие за всем, что происходило в народе, начали в большем и большем числе окружать нового Пророка и Чудотворца ([Лк. 5, 17](#); [Мк. 7, 1](#)), и каждый со своими собственными нечистыми видами и целями, многие с личной ненавистью к Нему за Его проповедь и обличения, почти все с сердцем, глухим для истины и добродетели, с желанием найти в Нем что-либо предосудительное и обратить Ему во вред. Открылся непрерывный ряд хитрых вопросов, злонамеренных толкований слов Иисусовых, нареканий на действия Его и учеников, даже прямых клевет и подущений против Него народа, – что все с такой простотой и верностью описано евангелистами. Вначале действовали порознь, без особенного плана, по временам – но всегда хитро и злобно ([Мф. 9:3, 11, 12:38, 16:1, 19:3](#); [Мк. 8, 11](#); [Лк. 11, 53–54](#)). Чтобы умалить и обессилить всеобщее расположение к Иисусу Христу народа, старались приводить в подозрение образ действий Его и жизни: твердили всем и каждому, что Он друг мытарям и грешникам, враг закона и преданий, разоритель покоя субботнего, благоприятель язычников, особенно самарян, даже сообщник Вельзевула и темных сил ([Мф. 11:19, 12:2, 15:2](#); [Мк. 2:18, 24](#); [Ин. 8:48, 10:20](#)).

Следствием подобных-то клевет и наущений было то, что некоторые из простого народа приверженного к фарисеям, в жару фанатического раздражения, не раз покушались лишить Иисуса Христа жизни: то хотели свергнуть Его с горы, то брали камни, чтоб побить Его, как богохульника ([Ин. 7, 12](#)); то хотели захватить Его в свои руки ([Ин. 7, 26](#)), чтобы предать врагам Его.

Среди такого волнения умов, естественно, все ожидали мнения верховного синедриона ([Ин. 7, 26](#)), на котором лежали право и долг пеших о чистоте веры и нравов, различать истинных пророков от ложных, тем более быть руководителями народа в суждении о Мессии. Мнение это действительно вскоре сделалось известным народу; но, будучи основано на явном пристрастии, противореча очевидному опыту, вместо успокоения произвело повсюду новое волнение в совестях. Напрасно благонамеренные члены синедриона предлагали ([Ин. 7, 51](#)) исследовать дело Иисуса по законам, выслушать Его учение и доказательства и потом рассудить о Нем беспристрастно. Фарисеи и саддукеи, из которых большей частью состоял верховный совет иудейский, не хотели и думать, чтобы презираемый ими Галилеянин мог быть Мессией. Под личиной любви к отечеству положено преследовать Его всеми средствами как человека, опасного, между прочим, для покоя общественного, с тем чтобы при первом случае захватить Его в свои руки и погубить так или иначе.

Может казаться непонятным, что случая такого не успели найти в продолжение трех лет; но при этом не должно забывать, что [Иисус Христос](#) большую часть времени проводил в странствовании по Галилее ([Мк. 7:31, 6:53, 5:1, 4, 1:8, 11](#); [Мф. 19,1](#)), находившейся под управлением Ирода Агриппы, который не очень благоприятствовал власти первосвященников и влиянию фарисеев; что во время посещения Иерусалима Он бывал окружен множеством приверженного к Нему народа и на ночь удалялся в окрестные места к Своим почитателям, особенно в Вифанию; что под владычеством римлян старейшины иудейские не могли располагать сами, без римского прокуратора, военными средствами и вообще принуждены были действовать более хитростью, нежели открытой силой. Более же всего должно не упустить из виду, что время и продолжение великого служения Спасителя мира зависело не от слепого произвола человеческого, а от непосредственного распоряжения свыше; и поскольку назначенный в Предвечном Совете великий час всемирного искупления еще не пришел ([Ин. 7, 30](#)), то все козни врагов Иисусовых распадалась сами собой, как паутина. Между тем, синедрион делал все, что мог. После безуспешия некоторых частных мер всенародно объявлено было, что тот из иудеев будет отлучен от синагоги (угроза страшная), кто признает Иисуса Христа за Мессию ([Ин. 9,22](#)). Это значило связать совести и навести ужас на почитателей Его; ибо подвергшийся отлучению от синагоги почитался как бы исключенным из потомства Авраамова, обреченным, подобно язычнику, на вечную погибель за гробом. Не довольствуясь этим, старейшины иудейские старались захватить Иисуса Христа в свои руки; в последнее пребывание Его в Иерусалиме нарочно были отправлены для этого ближайшие слуги архиерейские. Только небесная сладость Его беседы, тронувшая до глубины души этих простых, а потому беспристрастных людей сделала меру сию недействительной; ибо они не посмели возложить рук своих на Того, Кто говорил так, как не говорил никогда никакой человек ([Ин. 7, 45. 46](#)). Изобретательность и злоба фарисеев ручаются за то, что были для этой же цели употреблены и другие меры, хотя евангелисты, по свойственной им краткости, не упоминают о них ([Мф. 12,14](#); [Ин. 10, 39. 7, 19](#)). Вообще, в начале четвертого года служения Иисусова ненависть врагов Его уже совершенно созрела: ученики Иисусовы, как увидим, страшились и одной мысли идти в Иудею ([Ин. 11,9. 10](#)), и в самом народе опасались даже говорить о Нем, чтобы не подвергнуться преследованию от фарисеев ([Ин. 7–10](#) гл.).

После этого что оставалось делать Тому, Кто, возвещая суд и правду народам, должен был вести Себя так, чтобы **«не воспрекословить, ни возопиять, трости надломленной не преломлять, и льна курящегося не**

угашать, пока правда» (одна правда) «Его не одержит победы» ([Мф. 12, 18–21](#); [Ис. 41, 1–3](#))? Прежде [Иисус Христос](#) в случае опасности со стороны иерусалимских врагов Своих мог, по крайней мере, беспрепятственно удалиться в Галилею ([Ин. 12, 1](#)), где они не имели силы. Но к концу третьего года служения Его и здесь открылась опасность. Владевший Галилеей Ирод после Иоанна Крестителя, им умерщвленного, обратил свои кровавые подозрения и на Иисуса и замышлял при первом случае лишить жизни и Его так же, как погубил Иоанна ([Лк. 13, 31–33](#)). Посему, чтобы избежать злобы врагов, надлежало или не являться в Иерусалим, оставить даже Палестину, идти к народам чуждым и начать учить язычников ([Ин. 7, 35](#)) – что несообразно было с целью служения Мессии, «**посланного к овцам погибшим дома Израилева**» ([Мф. 15, 24](#)), – или непрестанно спасать Свою и учеников Своих жизнь какими-либо чудесными средствами, что однако же не соответствовало бы состоянию Его уничижения ([Мф. 26, 53–54](#)). Судя по такому ожесточению и козням врагов Иисусовых, можно было предугадывать, что Агнец Божий, преследуемый лютыми вепрями, не продлит Своего пребывания на земле, а поспешит для окончания Своего дела на крестный жертвенник, который уже давно сооружен был для Него в их уме и сердце.

К тому же заключению, хотя другим образом, мог вести взгляд на самых расположенных к Иисусу Христу людей.

Число почитателей Его, привлеченных всеобщим ожиданием Мессии, многократным свидетельством о Иисусе Иоанна Крестителя ([Ин. 10, 41](#)) и вообще славой чудес и силой проповеди Иисусовой, было очень значительно и умножалось со дня на день. Уважение и любовь их к Нему были глубоки и искренни; но образ мыслей их большей частью был ниже своего предмета и не соответствовал Его плану о спасении рода человеческого ([Лк. 2, 34. 35](#); [Ин. 1, 29](#)). Только немногие чистые и святые души (Иоанн Креститель, Симеон и др.), озаренные светом свыше, проникали совершенно в высокую цель пришествия Мессии – провидели и открывали другим, что для спасения мира от грехов Иисусу Христу, как Агнцу Божьему, надлежит быть заклану на кресте и потом уже – путем страданий – войти в славу Свою, и что самая эта слава должна состоять не в земном владычестве над Иудеей, соединенном с покорением прочих народов, а в духовном невидимом, благодатном царствовании над всем родом человеческим ([Лк. 2, 31. 32](#)). Прочие последователи Иисусовы, будучи более или менее омрачены народным ожиданием в лице Мессии царя и завоевателя, думали иначе. Некоторые из них почитали Его даже не за самого Мессию, а только за одного из Его предтеч, т.е. тех из пророков, которые, по мнению иудеев, имели восстать из мертвых перед пришествием Мессии

([Мф. 16, 14](#); [Ин. 7:40–41](#)). Таким образом мыслей примирялось в уме их иначе неразрешимое для них противоречие, что [Иисус Христос](#) весьма свят, одарен Божественной силой и между тем не имеет земного величия Мессии. Те, которые признавали Иисуса Христа за самого Мессию, также не оставляли совершенно отрадной мечты о Его земном царстве, воображая, что Он на время только принял вид унижения и бедности, но вскоре покажет Себя истинным потомком победоносного Давида ([Мф. 20, 21](#)), превознесенным Царем Израиля, к подножию престола которого должны пасть все цари и народы. К их числу, несмотря на всю доброту сердца, принадлежали и 12 учеников Иисусовых, пока благодатию Св. Духа не потреблено было в душе их все земное и плотское, что последовало уже по воскресении Господа и сошествии Духа Утешителя в день Пятидесятницы. А до того времени, во все пребывание их с Учителем, особенно же перед Его страданиями, и даже по воскресении, мы видим противное: они тем прилежнее мечтают о земном величии Учителя, чем большие принесены для Него жертвы и чем важнейшими по тому самому надеялись они наслаждаться выгодами в Его царстве ([Мф. 19, 27](#); [Лк. 18, 28](#)).

Богочеловек употреблял все средства для освобождения Своих последователей, особенно же Своих ближайших учеников от несбыточной надежды на Его земное владычество над миром. Уже первые беседы Его явственно показали всем и каждому, что царство, которого Он возвещал приближение, а Себя основателем и главой, есть царство истины, добродетели и мира с Богом и с самим собой, а не владычество земное. Кроме постоянных частных намеков и указаний на эту истину, неоднократно и прямо объявляемо было от Него ученикам, что это царство Божье не придет, как того неразумно ожидали иудеи, чувственным каким-либо, пышным и торжественным образом ([Лк. 17, 21](#)), что оно вообще находится не вне, а внутри каждого, не имеет никакого сходства с преобладанием властителей земных ([Лк. 22, 25](#)) и состоит в свободе от греха и страстей, во владычестве над своим сердцем и наклонностями, в восстановлении в себе первобытного совершенства и богоподобия. Частое объявление о Своих будущих страданиях и смерти, как главной цели Своего пришествия на землю, прямо направлено было всегда против народной мечты о земном царстве Мессии; и, что весьма примечательно, Иисус Христос делает это объявление именно тогда, когда ученики Его почему-либо особенно предавались воображениям об этом царстве. Вообще все беседы и деяния Его обнаруживали, что если Он позволяет иногда именовать Себя Сыном Давидовым, то не по каким-либо видам на тогдашний престол иудейский, а единственно потому, что происходит

по плоти от Давида и предсказан под таким наименованием пророками.

Но ученики Иисусовы, «**по окаменению**» (как выражается один из них) «**сердца своего**» ([Мк. 6, 52](#)), лучше соглашались не понимать слов своего Учителя, нежели, разумея их, как должно, расстаться со всеобщим любимым народным предрассудком о чувственном царстве Мессии. Даже можно сказать, не выступая из пределов исторической вероятности, что если бы ученики Иисусовы узнали решительно, что надежда земного царства, которой они питались до самой Его смерти, не может сбыться на самом деле, то они немедленно оставили бы Иисуса Христа и возвратились каждый в свое место. Прочие почитатели Его еще менее способны были изменить мысль о Мессии – победителе народов, на веру в Мессию – распятого. От такого образа мыслей далеко ли было до соответственных ему действий?.. Долго ли было кому-либо из пламенных почитателей Иисусовых поднять Его именем знамя восстания против синедриона, который нимало в то время не пользовался уважением народным? И как противно было бы это Божественному характеру служения Иисусова!

Для избежания сего, можно сказать, бедствия весьма много служило уже то, что Спаситель не составлял из Своих последователей никакого видимого, внешне связанного чем-либо общества, в котором мог бы образоваться дух самостоятельности гражданской и противодействия тогдашнему римскому преобладанию над Иудеей. Только 12 учеников находились в постоянном союзе между собой и с Ним: все же прочие почитатели Его, даже так называемые 70 учеников, собирались вокруг Его повременно; слушали Его беседы, получали исцеление от своих недугов, оказывали разные знаки уважения и пособия Ему и Его ученикам ([Мф. 27, 55](#)); но, по удалении небесного Наставника (ибо Он постоянно переходил из одного места в другое. – [Деян. 10, 38](#)), немедленно все возвращались к своему месту жительства и обыкновенным занятиям, не думая почитать себя членами какого-либо новоучрежденного общества или признавать себе подлежащими каким-либо новым обязанностям кроме тех, которые давно лежали на каждом по закону Моисея и по внушению собственной совести. Тем не менее, многие из последователей Иисусовых думали, что Ему надлежало бы соединить Своих почитателей воедино и, объявив Себя главой нового общества, начать преобразование Иудеи, вопреки всем ее властям, – и римским и отечественным. Некоторые из таковых в жару набожно-мирской мечтательности покушались сами положить начало тому, чего с таким нетерпением ожидали от Иисуса – объявить Его царем Иудеи ([Ин. 7, 15](#)), в том, без сомнения, чаянии, что Он Сам, волей-неволей, должен будет принять это усердие; прочие

последователи не замедлят присоединиться к ним, и престол Давидов будет восстановлен, к утешению и славе всего народа израильского. С продолжением времени надлежало ожидать еще более подобных явлений, ибо народ, волнуемый различными мнениями о Иисусе Христе, не мог судить хладнокровно и от споров легко переходил к насильственным мерам. Римское правительство, весьма подозрительное и везде, тем более в Иудее, славившейся беспокойным характером своих жителей, вскоре обратило бы внимание на такое волнение народа, и небесный Посланник мира, вопреки цели Своего пришествия в мир, сделался бы поводом и предметом гражданских смут и народных волнений.

Поэтому, и смотря на большую часть последователей Иисусовых, можно было предвидеть, что их детская мечтательность и ревность не по разуму скоро заставят Сына Человеческого, окончив Свое земное поприще, вознестись «туда, откуда низшел» и куда не могли бы следовать за Ним их противные Его цели мечтания о земном царстве ([Ин. 13, 33. 8, 21](#)).

Впрочем, самый внимательный наблюдатель происшествий не мог решительно сказать, когда и как окончится великое движение умов и совестей, происшедшее по всей Иудее от появления Иисуса Христа на [проповедь](#) со знамениями и чудесами. Явно было только, что первосвященники и книжники не оставят своего злобного предубеждения против неумолимого Обличителя их нравов и жизни; еще явнее, что Сын Давидов не изменит грозного гласа обличений на ласкательство Каиафе и его клеветам; след., рано или поздно надлежало быть неминуемо одному из двух: или врагам Иисуса произвольно пасть перед величием Его святости, или Ему сделаться жертвой их злобы и коварства. Но нельзя было утверждать, чтобы это случилось непременно в следующем году, тем менее в следующую пасху. Ибо кроме того, что не было невозможности – продлиться еще на неопределенное время Божественному служению Иисусову, того же требовало, по-видимому, даже благо учеников Иисусовых, еще не успевших отвыкнуть совершенно от народных предрассудков и совершенно войти в дух Его религии ([Ин. 16, 11](#)), требовало и свойство Его служения, ибо Он еще не объявил Себя гласно и всенародно Мессией ([Ин. 10, 24](#)), что было необходимо как для народа иудейского, так и для исполнения в лице Его пророчеств о Мессии.

Уже последующие события, которые, впрочем, состояли в воле Иисуса Христа, как-то: воскрешение Лазаря, вход в Иерусалим и проч., дали решительное направление ходу обстоятельств, дотоле неопределенному, и приблизили Его ко кресту, который, кроме Его Самого, еще ни для кого из последователей Его не был приметен в

такой близости и неизбежности. С этих-то событий и мы, при помощи Божией, начнем описание последних дней земной жизни Господа нашего, преследуя не только пополнение сведений об этом важном предмете, но и назидание для души и сердца.

## **II. Последнее путешествие Иисуса Христа из Галилеи в Иерусалим**

*Весть о болезни Лазаря и предсказание о его воскресении. – Беседа с учениками по случаю путешествия в Иудею. – Мечтательное прошение двух учеников. – Исцеление слепцов иерихонских. – Обращение Закхея. – Поучительная притча ученикам.*

Между тем как Иисус Христос, в твердой решимости положить вскоре душу Свою за спасение мира, приготавливал к этому необычайному событию Своих учеников ([Мк. 8, 31](#)) и в самих врагах хотел произвести спасительную перемену мыслей, – приближался праздник пасхи, четвертый в продолжение служения Иисусова и, по определению Промысла, долженствовавший служить концом этого служения. Богочеловек и прежде имел обыкновение приходить ежегодно на этой праздник в Иерусалим, где законом Моисеевым предписано было совершать пасху: теперь этого требовала уже необходимость. Поэтому, странствуя по Галилее, Он еще за несколько недель до праздника начал склонять путь Свой к пределам иудейским, только не прямо, а по долине Иорданской, продолжая между тем обыкновенное Свое занятие: [проповедь](#) Евангелия и чудесное исцеление болящих ([Лк. 9, 51, 13:33](#)). В окрестностях Иордана до малого общества Иисусова достигло известие о таком обстоятельстве, которое, по-видимому, должно было побудить Его ускорить Свое путешествие. Некто Лазарь, давний друг Иисусов, живший в Вифании, близ Иерусалима, сделался болен. Сестры его, Марфа и Мария, – которые также пользовались благоволением Господа, – не находя, вероятно, средств помочь болящему брату естественным образом, прислали известить о его болезни Иисуса в той, конечно, надежде, что Он, помогая столь охотно всем страждущим, тем более не оставит без помощи Своего болящего друга. Посланные должны были только сказать: **«Господи, се, его же любиши, болит!»** – все другие убеждения и просьбы поспешить на помощь – казались излишними для святой дружбы ([Ин. 11, 1–3](#)).

Услышав о болезни Лазаря, Иисус не обнаружил, по-видимому, ни особенного сострадания, ни равнодушия; явно было, что Он слышит о таком предмете, который Ему, как всеведущему, давно уже был известен. В присутствии учеников, которые также знали и любили Лазаря, Он сказал только посланным: **«Сия болезнь несть к смерти но о славе Божией, да прославится Сын Божий ея ради».**



Такой ответ походил более на пророчество, нежели на совет друга, у кого просят помощи, – и, доставляя на первый раз нужное успокоение сестрам Лазаря, служил вместе с тем немалым испытанием их веры. Видя доселе в болезни брата своего одно естественное, несчастное приключение, они должны были теперь узнать, что это горькое приключение находится в непосредственном распоряжении самого Промысла Божьего, имеет цель самую высокую и благотворную – славу Божью и прославление Сына Божьего, а не смерть Лазаря, которой они столько страшились. Это уже одно должно было их успокоить за будущее и расположить к полной преданности в волю Божью и к ожиданию чего-то высшего и необыкновенного. Какой истинный израильтянин не согласился бы перенести болезнь, даже умереть для славы своего Мессии?

Но все это могло быть только под условием живой и высокой веры; для веры обыкновенной, какова вера сестер Лазаря, слова Господа, особенно по сравнению их с последующими печальными событиями, могли казаться непонятными, странными, противными делу и потому даже как бы огорчительными. Не говоря о том, что в ответе не объявлено, каким образом в болезни Лазаря откроется слава Божья и Мессии, – нисколько не предуведомлено даже о том, что было всего нужнее, то есть что больной должен, хотя на краткое время, умереть и быть погребенным. Слова: «болезнь не к смерти», – побуждали даже решительно ожидать, что Лазарь не умрет; а потому, когда Лазарь умер, эти прежде весьма утешительные слова, потеряли весь смысл, могли представляться не иначе, как только каким-либо иносказанием, тем более безотрадным и огорчительным, что оно напрасно служило прежде действительным утешением. Одна вера Авраама могла бы не пасть при гробе Лазаря; но сестры Лазаревы, при всем их уважении и искренней любви к Господу, – как увидим, – были еще не так близки к этой высоте веры.

И в учениках Иисусовых знаменательные слова Господа не произвели никакого высшего ожидания. Довольствуясь тем, что болезнь Лазаря, как говорил Учитель, не смертельна, они даже не любопытствовали, каким образом через нее должна открыться божественная слава их Учителя. По отшествии посланных Иисус Христос, без сомнения, с особенным намерением пробыл на том же самом месте, где получена весть о болезни Лазаря, еще два дня (Ин. 11, 6). По такой медлительности тем более можно было заключить, что Лазарь находится вне всякой опасности; ибо Учитель никогда не медлит в подании нужной помощи, тем более не замедлил бы теперь. А чтобы Он оставался здесь в ожидании того, пока наступит определенный Промыслом день явить

над Лазарем Свое божественное всемогущество, – это, после слов Учителя, едва ли кому из них приходило на мысль.

Когда Лазарь с его болезнью таким образом был как бы забыт, спустя три дня, Богочеловек, без всякого нового повода, вдруг сказал ученикам Своим: «Идем во Иудею!» Поскольку о происшедшем теперь с Лазарем ученики ничего не знали, а пасха была еще не так близко, то слова Учителя удивили их и привели в страх: воображению некоторых тотчас представились опасности, каким за несколько месяцев перед тем они подвергались в Иерусалиме, когда были там на празднике обновления храма. Поэтому, чтобы отклонить от путешествия, как казалось, преждевременного, и потому опасного (в самый праздник пасхи по множеству народа, к Иисусу вообще весьма приверженного, не было так опасно), некоторые осмелились привести на память прошедшее: "Равви, – говорили, – давно ли иудеи искаху Тебе камением побити, и паки ли идеши тамо?" (Ин. 11,8.)

Язык сей, очевидно, отзывался искренним усердием и осторожностью, не был однако же вполне достоин учеников Иисусовых. Находясь при Нем в продолжение 3-х лет и будучи свидетелями всей Его жизни и действий, они должны были приметить, что все пути и дела их находятся под охранением свыше, что Отец Небесный никогда не оставляет Своей помощью Сына, в Котором положил все Свое благоволение (Мк. 1, 11). Даже одного обыкновенного доверия к великим качествам своего Учителя достаточно было, чтобы предохранить учеников от напрасного опасения, будто Он может предаваться опасностям, не предвидев их или не подумав о них. Только невнимание к путям Промысла, некое забвение божественности служения Иисусова и чрезмерная человеческая забота о своей личной безопасности могли привести учеников к той мысли, что враги Иисусовы в состоянии воспрепятствовать Его великому делу и побить преждевременно камнями Того, Кто мог «из камени воздвигнуть чад Аврааму» (Мф. 3, 9).

Богочеловек не обнаружил при этом никакого неудовольствия; дал однако же заметить ученикам, как опасения их недостойны людей, совершающих, как они, великое дело Божье. «Не дванадесять ли», – сказал Он им в ответ, – «часов есть во дни? Аще кто ходит во дни, не поткнется, яко свет мира сего видит. Аще кто ходит в нощи, поткнется, яко несть света в нем». – Из этих несколько прикровенных слов ученики Иисусовы должны были уразуметь три весьма важные и нужные для них истины, ими теперь забытые или не понимаемые, как должно: первое, что Промысл Отца Небесного ни в каком случае не может оставить без помощи их божественного Учителя; во-вторых, что для служения Иисусова, по чрезвычайной важности его, назначено свыше со всей точностью определенное время, которое, не могут ни

продлить, ни сократить никакие усилия врагов; в-третьих, что это predeterminedенное время еще не окончилось, а продолжается. Сравнение Своего служения с продолжением дневного пути употреблено здесь Спасителем, без сомнения, потому, что предметом настоящей беседы Его с учениками было не другое что, как путешествие в Иудею.

Беседа эта снова подтвердила, что Господь имел обыкновение отвечать на недоумения Своих учеников, сколько было только нужно для их настоящего вразумления и успокоения, не входя в объяснение тех причин, почему Он поступает так, а не иначе. Ибо в Иерусалиме ожидали Его теперь не только великие опасности, но и самые страдания и смерть; между тем, Он не говорит теперь об этом; сказывает даже нечто как бы противное тому, то есть что ученики напрасно опасаются за Него. И почему поступает таким образом? Потому что истинная сила вопроса, предложенного выше учениками, состояла не в том, ожидают ли их в Иерусалиме опасности, а в том, можно ли, не подвергаясь упреку в безрассудности, идти туда, где опасность. Господь отвечает, что можно; ибо этот путь принадлежит к делам дня ко времени Его служения, которое, вопреки опасениям учеников, никем на земле и никак не может быть ни сокращено, ни продолжено.

Ученики успокоились, по крайней мере, умолкли. Тогда Господь, как бы вспомнив о Лазаре, сказал им: **«Лазарь, друг наш, успе; но иду, да возбужду его»**. Так говорил Он о смерти Лазаря, которая случилась именно в то время и действительно была как бы сном и для Лазаря – по ее кратковременности, и для Иисуса – по той легкости, с которой Он возбуждал уснувших сном смертным. Ученики однако же поняли слова Его буквально, не о смерти, а о усыплении Лазаря. Привыкнув к опытам Его всеведения, они не думали спрашивать, как Он узнал о положении Лазаря; только некоторые заметили, что это добрый знак; ибо, говорили они, **«аще успе, спасен будет»**, то есть если он уснул, то скоро выздоровеет. И следовательно, подразумевалось, нет нужды идти теперь во Иудею – и для Лазаря.

Тогда Учитель сказал, уже не обинуясь: Лазарь умре; и радуюсь вас ради, яко не бых тамо (иначе просьбы Лазаря, слезы сестер его побудили бы Премилосердного исцелить Своего болящего друга и не допустить до смерти). Идем к нему.

Вероятно, некоторые из учеников и при сем не обнаружили всей ожидаемой решимости идти во Иудею, хотя для погребения Лазаря, что для одного из них, именем Фомы, показалось уже совершенно неуместным. «Что же мы медлим, – воскликнул он к соученикам, – **«идем и мы, да умрем с ним!»** И для Фомы идти к умершему в Иудею

значило почти то же, что идти на смерть: однако же он не только не продолжает отклонять Учителя от Его намерения, но и недоволен медленностью прочих учеников, и приглашает всех умереть с Лазарем и Иисусом: приглашение, достойное ученика Иисусова! Хотя увидим впоследствии, что сердце Фомы еще не было теперь действительно так самоотверженно, как были его уста...

Вслед за тем Господь и ученики Его отправились в Иудею, но без поспешности однако же, которая, по-видимому, теперь не была уже и нужна. Достигли пределов Иерихона, откуда до самого Иерусалима оставалось не более шести часов пути, а до Вифании еще менее. Дорога была покрыта путешественниками, со всех сторон стекавшимися в Иерусалим на приближающийся праздник. Учитель шел один ([Мк. 10, 32](#)), впереди Своих учеников, которые следовали за Ним на некотором расстоянии, размышляя и беседуя между собой о будущем. Внутреннее состояние их, по замечанию Евангелиста Марка, было весьма расстроено ([Мк. 10, 32](#)). Сколько можно судить по соображению обстоятельств ([Ин. 11, 8](#); [Мк. 10, 35](#)), в душе их боролись теперь между собой два чувства: желание как можно скорее видеть открытие царства Мессии и разделить со своим Учителем славу Его земного владычества над всем миром и нежелание подвергнуться страшным опасностям, которые, по общему понятию, почитались при этом неизбежными. Слова Иисуса Христа еще в одной из бесед в Галилее обещавшего соделать их, в награду за пожертвование и труды, судьями Израиля и посадить на 12-ти престолах ([Мф. 19, 27–30](#)) (обещание, заключавшее в себе высший духовный смысл, но учениками понятое буквально), надежда, что настоящий путь в Иерусалим будет последним и с наступлением праздника пасхи откроется царство Мессии – их Учителя, примечание всеобщего расположения в народе к гражданским и религиозным переменам, и в частности, сильного расположения к Иисусу Христу и другие обстоятельства наполняли воображение учеников мыслями самыми восхитительными. Но когда воображение утихало и от будущих неопределенных надежд обращались к суровой действительности прошедшего и настоящего, когда начинали беспристрастно судить о положении вещей, своей незащитности, бедности, силе и злобе своих врагов – тогда невольно приходили к недоумениям и опасению, делались малодушны и боязливы. **«И ужасохуся, и во след идуще, бояхуся».**

Такое расположение духа не могло укрыться от Сердцеведца. Поскольку главным источником боязни была нерешительность мыслей, незнание будущего, то Он нашел нужным еще раз с возможной ясностью повторить ученикам, чего они доселе не уразумели надлежащим образом, то есть что Его в Иерусалиме ожидает не

престол, а крест, который однако же не прекратит дела Божьего и Его великой деятельности, а доставит спасение всему миру и Ему такую славу, которая несравненно выше всякой воображаемой ими славы и величия. Для того, подзвав учеников к Себе и уединившись от прочих путешественников, Господь начал говорить им так: «се, восходим во Иерусалим и Сын Человеческий» (так Он любил называть Себя) «предан будет архиереям и книжникам, и осудят Его на смерть, предадут Его языком на поругание, биение и пропятие, и в третий день воскреснет!» (Мф. 20, 17–19; Мк. 10:32–34; Лк. 18, 31–34). Так решительно, так ясно и с такой подробностью обстоятельств никогда еще не было говорено Им о Своей будущей судьбе; в этих словах заключалась кратко вся история наступающих событий, все, что в них было и крайне печального, и вполне утешительного. «Учитель наш вскоре будет предан, осужден, умучен, распят, мертв; но потом должен воскреснуть со славой; значит (так должны были рассуждать ученики), напрасно мы предаемся теперь несбыточным мечтам о Его земном царстве, напрасно и страшимся за Него и за себя: судьбы Всевышнего должны совершиться!» Между тем, ученики Иисусовы не только не вывели из настоящего предсказания Его подобных заключений; но, по свидетельству Евангелиста, не поняли даже из него ни одного слова. «И тии ничесоже от сих разумеша: и бе глагол сей сокровен от них, и неразумеваху глаголемых» (Лк. 18, 34).

Непонятливость изумительная – для нас, кому теперь так трудно поставить себя в уме на место учеников Иисусовых и войти совершенно в их образ мыслей и чувствований; но в них самих все это происходило естественно. Не представляя себе никогда, сообразно народному верованию, что Мессия должен умереть, тем более умереть так, как предсказывал теперь Господь, – смертью самой поносной, на кресте, – ожидая, напротив, со дня на день открытия Его славного земного царства, ученики, при всей доброте их сердца, потому самому не могли уразуметь слов Его в прямом их смысле и как надлежало. Для объяснения этого представим, что кто-нибудь, будучи другом сына царева, слышал от него и от других, что отец назначил его своим наследником престола, видел не раз опыты особенного благоволения к нему отца; потом услышал от него же, что отец его, нимало не переменив ни своих мыслей о нем, ни любви к нему, позволит однако же некоторым развращенным людям подвергнуть его посрамлению, мучениям и самой смерти, имея возможность все это отвратить – такой человек, слыша все это, поверил ли бы сыну цареву – своему другу? Или, поверив ему, понял ли бы вдруг слова его, как должно? Не скорее ли бы согласился предположить в них какой-либо неизвестный для себя, иносказательный смысл, – особенно, если бы знал, что друг его

любит выражаться языком притчей? – Подобное случилось и с апостолами: без сомнения, они представляли себе слова своего Учителя каким-либо непонятным для них иносказанием. – Но в таком случае к чему служило предсказание Господа о Своих страданиях и смерти? – Оно было полезно, хотя ученики и не поняли его. Кроме того, впоследствии яснейшим образом открылось из него, что Богочеловек провидел крест Свой со всеми его ужасами, имел потому всю возможность отклониться от него, и если подверг Себя смерти, то добровольно, для блага рода человеческого. Кроме сего, сами ученики, по крайней мере, некоторые из них, при наступлении страданий Учителя должны были привести себе на память настоящее предсказание и, видя точное исполнение со стороны его печальной, то есть по бедствиям, тем самым побуждались с благодушием ожидать исполнения и радостной части пророчества – о славном воскресении Господа. (Не этим ли самым предсказанием воодушевлен был впоследствии св. Иоанн, который, как увидим, во время страданий и смерти Иисусовой, несмотря на свою юность, покажет себя мужественнее всех прочих учеников Его?)

Как бы в доказательство того, что беседа о кресте оставалась теперь непонятой, двое из учеников, Иаков и Иоанн, сыны Зеведея, обнаружили теперь же в себе следы любочестия, самого детского. Господь заметно отличал их от прочих учеников, удостоивая особенной доверенности и близости; только один Петр мог спорить с ними в этом отношении; ибо Господь отличал и его. Это-то, без сомнения, пророчество, плохо понимаемое, возродило в юных умах надежду, что Учитель и по наступающем мнимом восшествии Его на престол иудейский не преминет отличить их от прочих при раздаянии наград и милостей. Мать их Саломия (которая теперь вместе с ними шла в Иерусалим на праздник) разделяла и едва ли не возбуждала подобные надежды. Воображая, что ее просьба (Саломия была знакома Господу) может быть в этом деле не бесполезной, и желая предварительно получить от Иисуса Христа обещание касательно будущей награды детей своих, она решилась воспользоваться уединенной беседой с Господом и, подойдя к Нему вместе с детьми, со всей покорностью и дружеством, объявила, что хочет просить у Него чего-то, не важного для Него, но весьма важного и приятного ей, сыновьям ее и всему их семейству ([Мф. 20, 20](#)). «**Чесо хочещи?**» – спросил Господь. «Ничего более, – отвечала она, – как только препоручить в Твою милость сыновей моих. Ты, без сомнения, скоро взойдешь на престол Давидов; сделай тогда, по любви Своей к ним, чтобы один из них занял место по правую, а другой по левую сторону Твоего престола». То есть Саломия хотела, чтобы дети ее были первые после Мессии в Его царстве и

удостоились преимущества не только перед всем прочим народом, но и пред ближайшими Его учениками и друзьями. Оба брата видом своим показывали, что желание матери есть вместе и их собственное желание. Нельзя было найти прошения, более противного настоящему душевному состоянию Богочеловека, Который весь был занят мыслью о Своих будущих страданиях. Извинением могло служить одно то, что Иаков и Иоанн не поняли Его предсказания и искали быть близкими к своему Учителю, без сомнения, не по одному любочестию, а и по чувству любви к Нему, которая опасалась быть удаленной от Него во славе Его. Ответ Господа служит поучительным примером, с какой снисходительностью исправлял Он самые важные ошибки Своих учеников. Вместо каких-либо упреков Он отвечал просто с кротостью: «**Не веста, чесо просита. Можета ли пиши чашу**» (чаша у евреев означала страдания и бедствия ([Пс. 59, 5](#); [Ис. 51, 17. 22](#); Пч. [Иер. 6: 21](#))), «**юже Аз имам пити, или крещением**» (так иносказательно назывались великие искушения), «**им же Аз крещаюся, креститися?**» То есть Господь хотел внушить мечтателям, что им должно думать еще не о награде, которая сама собой придет к достойному, а о средствах, как заслужить оную. «**Можева**»,» – отвечали ученики, побуждаемые, вероятно, более желанием получить просимое и показать себя достойными его, нежели по внутреннему убеждению в необходимости страданий для достижения славы ([Мф. 20, 22](#)); ибо они не имели еще ясного понятия ни о предстоящей чаше, ни о крещении, о которых говорил Господь. Но Учитель, как сердцеведец, предвидел уже, что слова эти, сказанные теперь без ясного сознания дела, придут некогда в совершенное исполнение, что сыны Зеведеевы действительно со временем будут, подобно Ему, крещены страданиями; потому в духе пророчества, которое они должны были выразуметь впоследствии, продолжал: «**Чашу Мою испиета, и крещением, имже Аз крещаюся, имате креститися, а еже сести одесную Мене и ошуюю Мене, несть Мое дати, но им же уготовася от Отца Моего**». Тем кончилась беседа.

Очевидно, что Господь хотел преподать сынам Зеведеевым наставление, для них необходимое, но без той строгости, которой заслуживало более прошение, нежели просители. Они должны были узнать, что в деле столь важном, каково учреждение на земле Царства Божьего, ничто не может зависеть от произвола или пристрастия личного, а все от закона и справедливости; что Господь и Учитель их, если можно так сказать, Сам не может оказать им какую-либо милость без их способности и заслуг. После того они сами собой должны были убедиться, что и в этом отношении они не знали, «**чего просили**».

Хотя беседа эта не была слышна прочим ученикам, но они не замедлили узнать, что было ее предметом. Это произвело неудовольствие и ропот между ними, не несправедливые в отношении к искателям первенства, но напрасные по существу дела, ибо они искали невозможного. Особенно мог оставаться недовольным Петр, который не менее сынов Саломииных был отличаем в обществе учеников Иисусовых ([Мф. 19, 27](#); [Мк. 10, 41–45](#)), не менее имел и прав на то, но никогда не доходил до такого любочестия, чтобы видимо желать господства даже над своими соучениками, довольствуясь обещанием Учителя – посадить каждого из них на особенном престоле.

Это взаимное неудовольствие учеников послужило случаем к преданию им самого назидательного урока в смирении и братской любви. «Вам известно, – сказал Господь, собрав их вокруг Себя, – в чем полагают господство свое мирские владыки и повелители: в том, чтобы им служили и повиновались, славил и величали их. Но между вами – Моими учениками – не должно быть сего; никто не должен искать отличия, соединенного с унижением других; между вами – **«иже аще хочет вящий быти, да будет вам слуга! И иже аще хочет в вас первый быти, да будет вам раб!»** Вспомните, – продолжал Господь, обращая речь к предмету, забытому учениками, но о котором теперь более всего надлежало думать, – вспомните, что Сам Сын Человеческий, которому принадлежит всякая слава, пришел в мир этот не для того, чтобы – как многие ложно думают, – покорять народы и принимать почести и услуги от других, но чтобы оказать их со Своей стороны другим и самую душу Свою отдать для искупления мира!» Таким образом, о том, чего ученики никак не могли согласить с достоинством Мессии, – о страданиях и смерти Своей, Иисус Христос говорил снова, как о главной и первой цели Своего пришествия в мир. Столь часто и с такой силой повторяемое внушение об этом могло бы совершенно и навсегда отвратить учеников от честолюбивых мечтаний и замыслов: но предрассудок о земном царстве Мессии, их Учителя, так был силен, что самый крест и Голгофа не могли совершенно искоренить его. И по воскресении, при первом явлении Учителя они будут вопрошать Его: **«аще в лето сие устроявши царствие Израилево?»** Только сошествие Святого Духа в день Пятидесятницы совершенно возродило их, уничтожив в душе их все плотские понятия, так что они все могли сказать о себе словами св. Павла: **«Аще и разумехом Христа по плоти, ныне же ктому не разумеем»**.

В продолжение таких бесед Господь и ученики Его приблизились к Иерихону, одному из значительнейших городов иудейских по его древности и богатству. Перед воротами города у дороги сидело два слепца для испрошения милостыни у проходящих. Шум от толпы



путешественников, сопровождавших Господа, не замедлил привлечь их внимание, и они любопытствовали знать, кто идет; то есть не вельможа ли с многочисленной свитой, у которого можно получить богатую милостыню ([Лк. 18, 36](#)). Когда сказали, что это Иисус, известный Чудотворец и Пророк Галилейский, то в них тотчас возродилась надежда быть исцеленными от Него. Поэтому со всем нетерпением людей, которые хотят насладиться светом Божиим, они начали восклицать: «**Господи, Сыне Давидов, сжался над нами!**» Называя Иисуса сыном Давидовым, слепцы этим всенародно признавали Его Мессией; признание, в котором хотя давно участвовали весьма многие, но редкий отваживался сделать публично, тем паче что Сам Господь не всегда одобрял его, считая преждевременным. Посему-то многие из народа, окружавшего Иисуса, опасаясь, вероятно, фарисеев и римлян, приказывали теперь слепцам умолкнуть, по крайней мере, не произносить название сына Давидова, столько же опасное, сколько для всех любезное. Напрасно! – Слепцы продолжали кричать еще громче: «**Сыне Давидов, помилуй нас! Сыне Давидов, помилуй нас!**»; Богочеловек остановился и велел позвать слепцов: воззвание их преклонило Его оказать им помощь. Услышав, что Иисус ожидает их, слепцы сбросили с себя даже все свое верхнее платье, чтобы скорее явиться перед Божественным Врачом. «**Что хочета, да сотворю вама?**» « – спросил Он. «**Господи, чтобы отверзлись очи наши!**» Господь коснулся их очей, и они тотчас отверзлись. «**Ступайте в дом свой**», – сказал Он потом, – «**вера ваша спасла вас**» ([Лк. 18, 42](#)).

В самом деле, бедствие ли, угнетавшее тех несчастных и часто располагающее людей к лучшему образу мыслей, или другие обстоятельства были причиной, – только настоящий поступок слепцов в отношении к Иисусу Христу показал, что их душевное око было несравненно чище и дальновиднее очей книжников и фарисеев. Слепцы иерихонские неспособны были, подобно тем суесвятам, соблазняться происхождением Иисуса Христа из Галилеи, от бедных родителей; великие и святые дела Его оставались для них великими и святыми, несмотря на то, в какой бы день ни были совершены – в пяток или субботу; мудрое мнение слепца иерусалимского, что грешников **Бог** не послушает и что Иисус не мог бы творить чудес, если бы не был от Бога ([Ин. 9:33](#)) – служило и для них руководством в суждении о Его Божественном достоинстве. Сердце их, без сомнения, давно уже признало Его истинным сыном Давидовым: представился случай, и они всенародно свидетельствуют свою веру в Него, пренебрегая опасностью быть отлученными за то от синагоги или обвиненными в возмущении против римлян.

Несмотря на позволение Божественного Врача – идти куда угодно, исцеленные слепцы шли во след Его, славя Бога и своего Спасителя. Проходили через Иерихон. Слух о чуде немедленно разнесся по всему городу и еще более увеличил толпу, окружавшую Иисуса; каждый хотел видеть великого Чудотворца, но поэтому многие не могли видеть Его. В числе последних был и некто Закхей, старшина над мытарями ([Лк. 19, 2](#)), или сборщиками податей. Посредством своего промысла он приобрел себе великое богатство, не всегда чуждаясь, вероятно, и таких средств, какие людям его звания ставил в упрек еще Иоанн Креститель ([Лк. 3, 13](#)). Скупость, жестокосердие, склонность к притеснениям были общим свойством мытарей, к чему располагало самое их звание. Снимая у римлян на откуп подати, они, естественно, употребляли все меры, чтобы не остаться в убытке; соотечественники, кроме неохоты платить подати иноплеменникам, видели в них орудие римского преобладания, тем более ненавистное, что им соглашались быть иудеи. Поэтому мытарь и язычник почитались словами равнозначащими ([Мф. 9:10–11](#); [Лк. 15:1–2](#); [Мф. 18, 17](#)): для того и другого даже было одно общее название – «грешника» ([Лк. 19, 7](#)). Закхей был старейшина мытарей, следовательно, по мнению народа, одним из первых грешников.

Впрочем, Закхей, как видно из всех настоящих поступков его, не был теперь уже тем, чем бывал (если бывал действительно) некогда: в душе его пробудилось отвращение к пороку, злато не прельщало его более, и он начинал чувствовать нужду в приобретении сокровища негибнущего. В таком расположении духа обыкновенно ищут перед кем-либо раскрыть язвы своей совести: и кто же более мог уврачевать их, как не Иисус? Таким образом, сердце невольно влекло Закхея к великому Разрешителю уз греховных. Но он еще не смел надеяться на столь великую милость – чтобы Святейший из Пророков обратил внимание на первого из грешников; и, в сознании собственного недостойнства, искал только «**видеть Иисуса**» – сравнить черты Божественного лица Его с тем, что говорили о Нем, Его милосердии, величии, святости – почерпнуть в Его взорах для себя назидание и утешение, прочесть в них будущую судьбу грешников – свою собственную. И это желание нельзя было исполнить! Будучи мал ростом, Закхей совершенно терялся в толпе народа, сопровождавшего Иисуса. Но на пути, по которому надлежало проходить Иисусу, стояло дерево: Закхей, опередив всех, с поспешностью влезает на него в сладкой надежде насмотреться на лицо Пророка (может быть, – думал Закхей, – Мессии, который вскоре будет судить его), тем лучше, чем неприметнее.

Иисус Христос мог и не видеть Закхея; не видно также, чтобы этот мытарь был известен Ему прежде, но от Сердцеведа могло ли что-

нибудь укрыться? Человеколюбец мог ли не воспринять на рамена заблудшую овцу, которая сама начинала искать пастыря? Едва только поравнялись с деревом на котором сидел Закхей, Иисус остановился и, устремив взоры на Закхея сказал ему: «**Закхее, потщався, слези: днесь бо в дому твоём подобает Ми быти**» (Лк. 19,5).

Изумленный такой снисходительностью, мытарь спешит оставить дерево и принять в дом свой столь необыкновенного Гостя, не зная еще, что за цель Его посещения, но убеждаясь самым делом, что Пророк Галилейский нимало не сходен с знаменитыми фарисейскими раввинами, которые почли бы за осквернение для себя – сказать ему всенародно одно дружеское слово. Иисус, напротив, не обнаруживал ничем, будто дом Закхея, в который шел Он, кажется для Него чем-либо не чище других или что Он, вступая в него, отступает от каких-либо правил. Но толпа, Его сопровождавшая, судила иначе. Вступить в дружеский разговор с разбогатевшим мытарем – человеком, как думали, без любви к отечеству, без веры, – самому вызваться на посещение его дома, не взять, по крайней мере, при вступлении в него, предосторожностей к сохранению законной чистоты, постоянно в подобном случае употребляемых фарисеями: все это в глазах безрассудных ревнителей преданий фарисейских казалось странным, предосудительным, нимало не достойным того мнения, какое им хотелось иметь о великом Пророке.

Закхей сам чувствовал, как далеко простирается к нему снисхождение Иисуса и как много может страдать через то слава Его в народе. Как бы желая дать отчет в своем поведении – показать, что он уж не раб своих сокровищ, что в сердце его живет еще или ожила любовь ко всему доброму, – благоразумный мытарь становится перед Иисусом и при всех, соблазнявшихся милостью, ему оказанной, объявляет, что (в память посещения Иисусова) целая половина имения его раздана будет нищим, и если он кого обидел, то такому возвратит вчетверо. Такое обещание действительно могло убедить каждого, что Закхей хочет сделаться достойным своего имени. По закону Моисееву ([Исх. 21:37, 22:1–4](#); [Чис. 5:6–7](#)), только тот обязывается вдвое или вчетверо возвращать похищенное, кто был приведен в суд и обличен в преступлении; а кто сам собой признавал свой [грех](#), тот должен был возвратить похищенное только с присовокуплением пятой части: но Закхей, бывший доселе ниже закона, вдруг делается выше его и хочет поступать с этих пор по закону не только правды, но и любви, Божественный образец которой видит перед собой в Иисусе.

По всему видно, что благоразумный мытарь понял цель посещения Иисусова, вошел, так сказать, в дух милости, ему оказанной. Евангелист не говорит, чтобы он заботился слишком много (как некогда Марфа) об

угощении Господа и учеников Его, не сказывает даже, чтобы угощал их. Искреннее обещание вознаградить всех обиженных, раздать пол-имения нищим было самым лучшим угощением для Того, Кто поставлял брашно Свое в исполнении воли Отца Небесного ([Ин. 4, 34](#)).

Господь не оставил без награды усердия столь чистого. Как бы в уверение, что Он нимало не сомневался в исполнении обещания Закхеева, не сожалеет о посещении его дома, – «Днесь», – сказал Он окружавшим Его, – «днесь спасение дому сему бысть» (благотворная перемена в домовладыке должна была произвести перемену и в домочадцах); – «зане и сей сын Авраамль есть» (как доказал настоящий опыт, хотя доселе многие почитали его наравне с язычниками); – «прииде бо Сын Человеческий взыскати и спасти погибшего».

Последние слова, очевидно, направлены против тех, которые соблазнялись милостью, оказанной старейшине мытарей; в них раскрывалась тайна общения Иисуса с грешниками, которое постоянно ставилось Ему в упрек фарисеями. Мечтая только о славе, богатствах и почестях, эти лицемеры забывали что нет величия выше того, которое состоит в благодеяниях, и особенно нравственных, – в научении и исправлении грешников, а потому нисколько не представляли себе и того, чтобы главной целью пришествия Мессии было – «взыскать и спасти погибшее». Та же слепота открывалась и в суждении их о ближних. Привыкнув видеть в очах брата малый сучец и не замечать в своем глазе бревна, суесвяты не хотели и думать, чтобы из явных грешников, ими презираемых, многие были гораздо ближе их к Царствию Небесному, потому что ближе их были к сознанию своего недостойнства, к раскаянию во грехах. Но Иисус Христос взирал иначе – и в толпе язычников обретал иногда веру, которой напрасно искал в целом Израиле. Многократные опыты доказали, что милосердие Сына Человеческого, с которым Он обращался с грешниками, производило еще большие действия, нежели Его чудотворения. Многие из живых мертвецов, как бы одушевленные любвеобильным дыханием Человеколюбца, восставали из гробов – совершенно переменяли свою злую жизнь, имея то преимущество перед воскресенными от смерти телесной, что последние снова подвергались смерти, а первые могли всегда наслаждаться жизнью духа. Доказательством этого служит, между прочим, тот самый Закхей: по свидетельству древнейшего предания, он сделался истинным последователем Иисуса Христа; был потом спутником апостола Петра в его апостольских путешествиях, и посвящен им в епископа Кесарии Палестинской.

Оставив дом Закхея, Иисус продолжал путь Свой к Вифании и мог бы в этот же день придти туда, если бы до пасхи не оставалось еще около

недели и не надлежало дать Лазарю быть погребенным и сделаться четверодневным мертвецом; поэтому Он шел медленно, останавливаясь в селениях, лежащих при пути, и пользуясь всеми случаями для наставления Своих учеников и народа.

Ученики однако же (так велика была сила народного предрассудка!), забыв о смерти Лазаря и о недавней беседе о кресте Учителя, снова предались мечтательности-и еще более, нежели когда-либо. Полагали, между прочим, за достоверное, что с наступающим праздником должны окончиться все их труды и опасности, что Учитель их, по случаю великого стечения народа иудейского на праздник, торжественно объявит Себя Мессией ([Лк. 19, 11](#)). Такую надежду могла питать, кроме других причин, благосклонность, с которой при входе в Иерихон принято было Им всенародно наименование сыном Давидовым от слепцов иерихонских. «Не есть ли это, – так могли судить ученики, – прямой вызов к тому, чтобы наконец все признали Его теперь за Мессию? А если Он уже решился на всенародное объявление Себя Мессией, то когда лучше сделать это, как не в праздник Пасхи?» – И из спутников многие думали согласно с учениками, восхищаясь заранее славой, в какой они увидят вскоре Того Самого Иисуса, Который шел с ними по одному пути, беседовал с ними и, может быть, разделял их дорожную трапезу.

Поскольку в мнении иудеев о земном царстве Мессии было не все ложное и несбыточное, а была и истина, то нельзя было в настоящем случае сказать ученикам вообще: «Ваши ожидания напрасны!» Они не были бы напрасны, если бы ученики и все иудеи умели отличать пришествие Мессии первое и уничиженное – от пришествия второго, славного и величественного и не смешивали духовного всемирного владычества Его с земным господством над Иудеей. Чтобы указать им истинную точку зрения на предметы и дать ключ к разумению наступающих событий, которые действительно содержали в себе весьма много превышающего их тогдашние понятия и чудесного, Господь обратился к обыкновенному своему роду речи – к притче.

«Один человек, – сказал Он, – высокого происхождения отправлялся в далекую страну для принятия царского достоинства; в получении венца царского он уверен был столько, что перед отшествием своим сделал все нужные распоряжения, чтобы во время отсутствия обыкновенные доходы его нимало не потерпели. Из десяти избранных его каждому дано было по мине, с тем чтобы они употребили эти деньги в дело. После этого он отправился. Но из сограждан многие, хотя без всякой с его стороны причины, не были расположены к нему. Чтобы удалить его от престола, они отправили посольство к тому царю, который должен был утвердить права его на царство. Всякого другого, говорили

посланные, мы скорее согласимся иметь царем, только не его. Но представления их не имели никакого действия: нелюбимый наследник возвратился царем. Начался отчет о деньгах, вверенных рабам. – Государь, – сказал с радостью первый, – посмотри: мина твоя принесла десять мин! – Прекрасно поступлено, – отвечал царь, – ты добрый слуга; я вверил тебе мало, но ты сделал много: возьми в управление десять городов! – И я сделал пять мин из одной, – сказал другой. – Получи и ты награду за труды, – отвечал царь, – пять городов будут в твоём управлении. – А я, – начал говорить третий, ничего не сделал и не делал из твоей мины. Зная, что ты весьма скуп и жесток, – жнешь где не сеял, берешь, где не клал, – я заботился только о том, чтобы сохранить ее в целости, и для того держал ее в потаенном месте, завернувши в плат. Вот она! Ни более, ни менее, как была взята! – Твоими же словами, – сказал царь, – я осужу тебя, злой раб! Ты знал, что я человек жестокий, который более требует, нежели дает, жнет, где не сеял, собирает, где не расточал: для чего же ты не отдал серебра моего в оборот, чтобы я, возвратясь, получил его с лихвой? Возьмите у него, – сказал он прочим слугам, – эту мину и отдайте тому, у кого десять мин. – Такая награда одного человека показалась им слишком великой, особенно в сравнении с тем, у кого все отнималось. – Государь, – заметили они, – у него и так уже десять мин. – Что за нужда? – отвечал царь. – Имеющему (и хорошо употребляющему) дано будет, а у не умеющего (употребляющего неправильно или вовсе не употребляющего) и то, что он имеет, отнимется!..»

Рассчитавшись со слугами, государь потребовал привести врагов своих. Не было нужды судить и обличать их, – и все они были казнены ([Лк. 19, 12–27](#)).

Глубокие и важные наставления содержались в этой притче. Что Иисусу Христу надлежит отойти в дальнюю страну – к Отцу, на небо, для принятия царства (против заблуждения, будто Он вскоре взойдет на престол Иудейский); что сограждане Его – иудеи и по Его отшествии не убедятся в действительности Его прав на царство, а будут отвращать всех от признания Его Мессией (против предрассудка, что Мессия может быть не признан и отвергнут иудейским народом); что избранные слуги Его – апостолы и другие последователи – получают при этом каждый известное число мин, дарований духовных, которые они должны употребить на пользу царя и царства (против ложного мнения, будто последователи Его вскоре разделят с Ним власть, и притом земную, не заслужив предварительно награды верным исполнением своих обязанностей); что Он не раньше, как по возвращении Своем, явится в должном величии, благотворном для верных подданных и трудолюбивых рабов, грозном и нестерпимом для подданных

мятежных и рабов лукавых (против сомнения, что, может быть, никогда не исполнятся предсказания пророков о царстве Мессии, если не исполнятся ныне). Что все это содержится в данной притче, каждый может убедиться сам, если сравнит содержание ее с тем, что нам вообще известно о свойстве, продолжении и различных видах царства Христова. Но чтобы ученики правильно поняли смысл данной притчи, этого не видно ни из Евангелия, ни из обстоятельств. Впоследствии, после Воскресения Господа, они должны были среди прочих непонятных для них бесед своего Учителя вспомнить и об этой притче и, при озарении от Святого Духа, постигнуть глубокий смысл ее. Для позднейших читателей, как мы, притча эта служит сокращенным вариантом всего великого предначертания Иисуса, Его сугубого царства, последователей и врагов Его и, показывая, что случилось, располагает к ожиданию того, что должно совершиться в будущем.

Материалом для этой притчи могло служить одно из современных гражданских событий. Высокородный человек, в ней представленный, напоминает Архелая, сына Ирода, который, после смерти отца, отправился к Августу для принятия от него царского скипетра; и действительно получил его – вопреки всем усилиям иудеев, которые через особенное посольство просили кесаря не отдавать их в подданство Архелая. Таким образом, в устах Небесного Учителя самые земные события служили для изображения духовных предметов царства благодатного. Между тем путь продолжался, и Господь с учениками Своими приблизился к Вифании, где обитал Лазарь, лежавший теперь уже четвертый день во гробе.

### **III. Воскрешение Лазаря с его последствиями**

*Горестное положение вифанских друзей Иисусовых. – Нерешительность веры сестер Лазаревых. – Чудо воскрешения. – Совещание по сему случаю синедриона с его решением. – Удаление Иисуса Христа в Ефраим. – Мнение о Нем народа. – Вечера в дому Симона прокаженного.*

Дом вифанского друга Иисусова не был уже теперь тем мирным убежищем, в котором Он со учениками Своими не раз уклонялся от шумного и враждебного Иерусалима; место прежней тишины и довольства, которыми наслаждалось добродетельное семейство, заступили теперь скорбь и слезы о потере, столько же непредвиденной и невознаградимой, сколько драгоценной. Лазарь умер вскоре после того, как посланные возвратились от Иисуса; **смерть** его была ничем невознаградимой потерей для его сестер, которым он заменял собой родителей. Чем более он был любим, тем более сокрушались у его гроба. Тайственное обещание Господа – явить в болезни Лазаря Свою

Божественную славу – не было понято, а потому и не могло доставить утешения, в нем заключавшегося. Когда вспоминали воскрешения юноши наинского ([Лк. 7, 11–15](#)) и дочери Иаировой ([Мф. 9, 18](#); [Мк. 5, 22](#)), совершенные Иисусом в Галилее, то луч надежды мог мгновенно озарять сердца, омраченные скорбью, но эта надежда тем более ослабевала, чем долее Лазарь продолжал лежать во гробе, а Иисус медлил. Признаки совершенного разрушения, обнаружившиеся в бездушном трупе, побуждали оставить и последнюю надежду видеть его снова одушевленным; и теперь, спустя четыре дня после смерти Лазаря, Иисуса, по-видимому, уже не ожидали в Вифанию, полагая, что если Он и зайдет утешить друзей Своих, то перед самым праздником, когда будет идти в Иерусалим, или после него, при Своем возвращении в Галилею.

Между тем, дом Лазарев представлялся многолюднее, нежели когда-либо. По древнему обыкновению иудеев, отчасти сохранившемуся до сих пор, родственники, друзья и знакомые умершего должны были в продолжение семи дней после кончины навещать его дом, доставлять утешение осиротевшему семейству и участвовать в печальных обрядах, которые оканчивались не раньше восьмого дня. Число таких утешителей было теперь весьма велико уже потому, что дом Лазарев почитался между значительнейшими домами в Вифании. Кроме того, Лазарь своими добродетелями и дружелюбием невольно привлекал к себе общее уважение и любовь, которые, как известно, никогда не обнаруживаются с такой живостью, как после смерти лица уважаемого. Между посетителями находились многие из иерусалимлян, и притом из людей высшего сословия, едва ли даже не членов синедриона, потому что Евангелист Иоанн под общим названием иудеев (которое употреблено в настоящем случае) почти всегда понимает старейшин и начальников иудейских. Чтобы тем вернее исполнить долг любви и дружбы, а вместе соблюсти обычай, некоторые из иерусалимских посетителей оставались в доме Лазаря на всю печальную седмицу.

О знакомстве умершего с Иисусом мог знать всякий, но что Иисуса нарочно приглашали к болящему другу, а равно и о таинственном ответе Его и замедлении в пути, по-видимому, не было известно посетителям; скромность сестер Лазаревых не позволяла открывать этих обстоятельств, которые весьма легко могли быть перетолкованы в неблагоприятную сторону для Иисуса Христа, для них самих и умершего брата.

Слух о Божественном Учителе и Чудотворце всегда предварял приход Его. Марфа (вероятно, выйдя из дома по нуждам домашним, которыми она особенно занималась ([Лк. 10, 38–42](#))), первая услышала, что Иисус приближается к Вифании, и тотчас, не заходя в дом, чтобы уведомить



сестру, поспешила навстречу Ему тем путем, по которому надлежало идти Господу. Он находился еще вне селения, когда печальная Марфа пала к ногам Его. При виде всемогущего друга в душе ее невольно со всей живостью пробудилась мысль: как было бы все иначе, если бы Иисус пришел в надлежащее время, то есть, когда Лазарь еще был жив. «Господи, **аще бы еси zde был, не бы брат мой умер! Но**», – продолжала Марфа, желая исправить мысль свою и показать, что ее вера в Учителя не изменилась, – «**но и ныне вем, яко елика аще просиши у Бога, даст Тебе Бог!**» Оставалось досказать: «и что Ты можешь воскресить брата». Но скромность, по замечанию блаженного Августина, не позволяла обнаружить это желание, ибо откуда, продолжает он, знала Марфа, что брату ее полезно воскреснуть? Потому-то и сказала просто: знаю, что можешь; если хочешь, сделай; ибо Тебе одному известно, должно ли сделать».

«**Воскреснет брат твой!**» – отвечал Господь – как бы в оправдание медленности Своего прихода. Величественная простота и спокойствие, с какими произнесены слова эти, должны были вдохнуть надежду в душу Марфы, убитую печалью.

Но для нее само это спокойствие было безотраднo, с последними словами ее излился уже, так сказать, весь остаток ее надежды. Мысль, что Господь просто и так внезапно обещает ей чудесное воскресение брата – четверодневногo, смердящего мертвеца, – была выше ее воображения; сердце искало для слов Учителя обыкновенного и ближайшего смысла, который не требовал бы новых усилий веры. Смысл тот представлялся сам собой, ибо выражение – «воскреснет», употребленное Иисусом, у иудеев постоянно означало будущее всеобщее воскресение мертвых. На этом-то воскресении остановилась скорбная мысль Марфы. «**Вем**», – отвечала она с некоторым прискорбием и как бы сухостью, – что воскреснет – «**в общее воскресение, в последний день**».

Явно было, что сердце Марфы, пораженной скорбью, имеет нужду в сильном движении, чтобы пробудиться от безнадежности. И Господь начал вещать к ней тем возвышенным языком, который приличествовал только Сыну Божьему, «**имеющему жизнь в Самом Себе**» и могущему даровать ее кому и когда угодно.

«**Я есмь**», – продолжал Иисус, – «**воскресение и живот! Веруй в Мя, аще и умрет**» (телесно), «**оживет, и всяк живой и веруй в Мя, не умрет во веки**». (Ибо смерть телесная, которой подвергаются верующие, не есть собственно смерть, а только перемена бытия худшего на лучшее). «**Емлеши ли веру сему?**»;

Такое требование безусловной веры заставляло ожидать от Требовавшего чего-то необыкновенного. Казалось, Иисус Христос

хотел внушить, что для Него не нужно никакого условия, чтобы получить что-либо от Бога (как говорила Марфа), – что Он Сам есть источник всех благ и всех даров.

Марфа чувствовала, что ей сказано нечто не так; видела, что Господь не совсем доволен ее словами; не знала, на что именно нужна ей вера и чего ей должно ожидать от Господа, но напоминание о вере было чувствительно для сердца нежного; им предполагалось в ней сомнение о достоинстве Учителя, которое она почла бы для себя величайшим несчастьем. Это как бы пробудило ее. «Ей, Господи, – воскликнула она, – я всегда верила и теперь верую, что Ты Христос, которому надлежало придти для спасения мира!»

Справедливо замечено еще отцами Церкви, что после исповедания Иисуса Сыном Бога живого (Мессией), которое произнес некогда Петр, еще никто не исповедовал Его с такой силой обетованным Мессией и Спасителем мира, как делает теперь Марфа. Но несмотря на живость и искренность ее веры, мысль о воскресении брата, которую именно хотел возбудить в ней Господь, и теперь осталась для нее чуждой. Она могла ожидать от Господа всего, – только не возвращения своей потери, которую почитала невозвратимой. Таково свойство тех, которые долгое время колебались между надеждой и страхом и наконец предали себя печали: истощенное сердце становится бесчувственным; как прежде, когда оно еще могло надеяться, все ободряло и питало его, в чем человек с холодным размышлением не нашел бы для себя никакого ободрения, так после ничто не может его воодушевить. Поэтому не должно удивляться, если Марфа как бы противоречит самой себе; и начав верой, когда Иисус Христос еще не подал признака надежды, потом, несмотря на явные намеки на предстоящее чудо, представляется безутешной и непонимающей. Сердцу, пораженному скорбью, такие противоречия весьма естественны: и в Марфе верующей, колеблющейся, недоумевающей видим изображение всех страдальцев. Впрочем, и последние слова Господа при всей их разительности и способности возбудить надежду на воскрешение Лазаря заключали в себе довольно темноты, чтобы служить испытанием веры. Безутешной Марфе могло казаться, что Учитель преподает ей наставление о том, что всякому верующему в Него не должно заботиться о земном и временном, ниже о самой жизни и смерти, потому что его ожидает блаженство вечное, перед которым временные потери и страдания ничего не значат.

Господь не сказал ничего на слова Марфы, хотя разговор казался еще неоконченным. Смущенная Марфа не могла не почувствовать, что гораздо лучше было бы, если бы при ней находилась сестра ее, которая, чаще беседуя с Господом, привыкла понимать Его возвышенные

беседы. Тем приятнее было, когда Учитель, как бы желая вывести ее из замешательства, велел идти домой и пригласить Марию. Сам Он не пошел в дом их, скорее всего, потому что иначе пришлось бы снова возвращаться на гроб Лазаря, который, по обыкновению иудеев, находился вне селения. Но Марфе представилось, что Ему неуютно появляться в многочисленном собрании иудеев, находившихся с Марией. Потому, придя домой, она тайно от гостей сказала сестре, что Учитель (так называли они своего Божественного Друга, Который всегда поучал их чему-нибудь) здесь и зовет ее.

Мария немедленно последовала за сестрой, не сказав никому, куда она идет и зачем.

Иисус оставался на том же месте, где встретила Его Марфа, отдыхая от пути и занимаясь беседой с учениками.

Первая мысль, возникшая в Марии при взгляде на своего Учителя, была та же самая, которая обнаружена Марфой. «Ах, Господи!» – воскликнула она, упав к стопам Его, – «если бы Ты был здесь, брат наш не умер бы!» В этом восклицании выражалась вся полнота ее чувствований – и прежняя надежда, и настоящая безутешность, и любовь к брату, навсегда потерянному, и уважение к Учителю, нечаянно явившемуся. Более ничего не могла она сказать: одни слезы свидетельствовали о том, что происходило в ее сердце!

Иисус Христос еще не начал Своей беседы с Марией, как явилось перед Ним все печальное общество иудеев, находившихся в доме Лазаря. Как только Мария по первому знаку сестры оставила их, им пришло на мысль, что она пошла на гроб брата, чтобы там снова предаться слезам. Не идти за ней казалось неблагопристойностью. Но выйдя из селения, они, к удивлению своему, нашли ее у ног Иисуса. Взгляд на первое свидание друзей и знакомых после того, как одни из них потерпели какую-либо великую потерю, всегда имеет в себе нечто трогательное. Величие Иисуса, о Котором все думали, что Он повелевает природой, слабость и беспомощность осиротевших сестер, которые, обливаясь слезами, искали у ног Его утешения, еще более усугубляли эту трогательность. Из иудеев многие не могли удержаться от слез; других побуждало к тому же само приличие: все молчали и все плакали!

Любвеобильное сердце Иисуса всегда было исполнено сострадания к страждущим. Мы увидим, что один взгляд на Иерусалим, одно представление бедствий, грядущих на его жителей, будут для Него причиной слез. Теперь все располагало к скорби – и мысль о бренности естества человеческого, и воображение друга, который лежит бездыханным во гробе, и вид плачущих сестер, которые ожидали, но еще не получили от Него помощи. Между тем невнимание к словам Иисуса Христа, которыми Он хотел возбудить веру, злонамеренность

некоторых из иудеев, которые становились свидетелями величайшего из чудес, Им совершенных, самый недостаток веры в друзьях Своих, когда она особенно была необходима, – невольно возбуждали горестное чувство... «Огорчися духом и возмутися». «Где вы положили его?» – сказал Он наконец тоном, который показывал, что говорящий гораздо более чувствует, нежели говорит.

«Господи, пойд и посмотри», – отвечала одна из сестер. В настоящем положении и то уже казалось утешением, чтобы вместе с Учителем и другом посетить гроб брата. Новые потоки слез показывали, как нужно теперь утешение.

Такое положение сестер могло тронуть всякого. Мог ли не сочувствовать им Иисус? Совершенная уверенность, что Лазарь скоро будет Им воскрешен и слезы плачущих друзей будут отерты и пременены на радость, не препятствовала отдать долг природе человеческой. Сердце истинно человеколюбивое не может не скорбеть со страждущим, хотя готовит ему полную отраду. Самая радость, особенно, если она следует за огорчением и как бы борется в душе с печалью, любит выражаться в слезах. Иосиф, плачущий при свидании с братьями, служит тому трогательным примером.

«Прослезися Иисус!». «Смотри, как Он любил его», – говорили иудеи, идя вслед за Иисусом. Слезы Его для них были чем-то необыкновенным: между тем как во всяком другом недостаток их показался бы теперь необыкновенным. Если такой великий Пророк, думали, Который не печется ни о чем земном, не возмущается ничем плотским, весь живет в Боге, если Он плачет, то предмет, им оплакиваемый, должен быть крайне дорог Его сердцу. «Но, – шептали другие, вероятно, не совсем расположенные к Иисусу, – Тот, Кто отверз некогда очи слепому, не мог ли сделать, чтобы друг Его не умер? Если не хотел, зачем теперь так скорбит? Если же хотел, для чего не спешил на помощь? Больного может исцелить каждый врач, а возвратить зрение слепорожденному никто не может. Что же случилось с Его чудотворной силой? Ужели ее нет для одной дружбы? – Такой язык свидетельствовал, что эти люди едва ли не сомневались и в чудесном исцелении слепорожденного и припоминали о нем единственно для того, чтобы иметь теперь возражение против чудодейственной силы Иисуса Христа.

Для Господа, сердце Которого весьма болезновало уже о печальном положении друзей Своих, такое неверие иудеев было тем чувствительнее. Слезы не струились более из очей Его, но по взорам и движениям обнаруживалось, что душа Его сильно страдает.

Пришли на гроб. Это была высеченная в скале пещера, устье которой заваливалось камнем, чтобы погребаемые тела не сделались добычей

плотоядных зверей. Таковы были гробы всех богатых людей в Палестине. Почва, усеянная небольшими каменными скалами, благоприятствовала этому обычаю; а пример Авраама и других праотцов, которые все погребены были в подобных пещерах, располагал поддерживать его во всей силе.

Никто не ожидал чуда. Думали, вероятно, что Иисус хочет только видеть место, где лежат бездыханные останки друга, отдать ему последнюю дань слезами и потом преподать утешение сестрам. Тем удивительнее было, когда Он велел отвалить заграждавший вход камень по обычаю, сделавшемуся почти законом, почитался неприкосновенным и который отваливали только в случае особенной необходимости. Для внимательной Марии и подобных ей такое поведение могло служить предвестием чего-либо чудесного; но заботливой Марфе, которая привыкла смотреть на вещи проще, отваливание камня показалось даже неуместным; она почла нужным предупредить Учителя, что исполнение Его приказания соединено с неприятностью: «Господи, уже смердит: ибо четыре дня, как он во гробе!»

Это было последнее усилие маловерия. «**Не рех ли ти**», – отвечал Господь, – «**яко еще веруеши, узриши славу Божию!**»;

Камень тотчас отвалили. Стоявшие ближе к устью пещеры могли видеть обвитый погребальными пеленами труп, который уже начинал разлагаться. Но взоры всех более устремлены были на Иисуса: каждому хотелось знать, что Он будет делать; ибо не напрасно, думали, заставил Он отвалить камень.

В положении, подобном настоящему, Сам Иисус еще никогда не находился. Весьма часто совершая чудеса, Он совершал их, так сказать, между делом, то есть проповедью о спасении человеческом. Чем они бывали разительнее, тем менее искал Он свидетелей и даже запрещал иногда рассказывать о них. Теперь надлежало совершить самое великое чудо, и совершить – всенародно! Обстоятельства служения Его требовали именно подобного чуда и знамения. Ибо благотворное впечатление в уме народа от прежних чудес Иисусовых, совершенных в Иерусалиме (где Он, впрочем, гораздо менее творил их, нежели в Галилее), могло ослабеть частью с течением времени, а еще более от злонамеренных толков фарисейских. С другой стороны, для друзей и почитателей Иисусовых предстояло теперь самое великое искушение – в Его страданиях и смерти, от которого неукрепленная вера могла пасть. Надлежало поэтому новым решительным чудом оживить в уме народа память о прежних знамениях и даровать ученикам и последователям Своим твердую опору веры и залог надежды. Настоящее время, место и другие обстоятельства совершенно

благоприятствовали этому. Никогда чудо не могло произвести большего впечатления, как теперь, будучи совершенно близ Иерусалима, в присутствии многих из его жителей, – перед праздником Пасхи, когда святой град наполнен был иудеями со всего света, и следовательно, все, в нем случившееся, могло вскоре сделаться известным всюду, где только были иудеи.

«Возвед очи к небу», – туда, где всегда было сердце Его, – "Отче, – сказал Богочеловек, – благодарю Тя, яко услышал еси Мя; Аз же ведех, яко всегда послушаеши Мя; но, народа ради, стоящего окрест, рех, да веру имут, яко Ты Мя послал еси. Сказав сие, Иисус воззвал гласом велиим: «Лазаре, гряди вон!»;

При этом гласе четверодневный мертвец тотчас встал и вышел из гроба – в том самом виде, в каком положили его во гроб, – с лицом, обвязанным убрисом, по рукам и ногам обвитый погребальными пеленами. Сила, разрешившая узы смерти, разрешила действие и этих преград. Господь повелел однако же снять пелены и развязать лицо.

Столь внезапное, чрезвычайное чудо должно было произвести не удивление только, но и ужас. Перед очами всех стоял живым тот, кто за мгновение перед тем находился в другом мире, которого самые ближние не прежде надеялись увидеть, как в последний день на всемирном суде! Можно ли было смотреть на Лазаря и не верить в Иисуса? Многие из иудеев, тут находившихся, действительно уверовали в Него. Но были и такие, которые самым опытом доказали истину слов Спасителя: «Аще кто из мертвых воскреснет, не имут веры». Вместо того чтобы остаться долее в доме Лазаря, разделить общую радость и насладиться беседой и лицезрением Сына Божьего, погибельные люди сии поспешили в Иерусалим, чтобы уведомить скорее первосвященников и книжников о том, что случилось в Вифании. Таким образом, величайшее из чудес и следовательно, священнейшее из действий Богочеловека для тех людей с сожженной совестью послужило, может быть, случаем высказать приверженность свою к какому-либо знатному фарисею!

Здесь как бы прерывается нить повествования Иоаннова. Он не говорит ничего более ни о первых чувствах и выражениях воскрешенного Лазаря, ни о радости и восторгах сестер его; умалчивает даже о том, чем кончилось это трогательное зрелище и был ли Иисус в доме Лазаря; уже – по соображению – находим, что Господь с учениками Своими, скоро оставив Вифанию, удалился в один из смежных уединенных городков. Краткость удивительная! Там, где писатель, водимый собственным воображением, дал бы ему всю волю, почел бы за долг показать, что он умеет понимать великое, трогаться дивным и сообщать свои переживания другим, – там писатель,

движимый Духом Божиим, «**глаголющий не в наученных человеческия премудрости словесех**» ([1Кор. 2, 13](#)), молчит, не заботясь о том, что его рассказ может показаться неполным. Между тем, он полон, цель достигнута, предсказание Иисуса исполнилось, в воскрешении Лазаря открылась Его Божественная слава; этого довольно: остающиеся подробности при всей занимательности их для ума и воображения ничего не значили в очах писателя, целью который было, дабы читающие веровали, яко «**Иисус есть Сын Божий**», и веруя, наследовали во имя Его жизнь вечную ([Ин. 20, 31](#)).

Из трех прочих евангелистов ни один не упоминает о воскрешении Лазаря. Причина этого открывается сама собой, коль скоро обращаем внимание на свойство и цель их повествования. Из всего видно, что евангелисты не имели намерения описывать всех деяний Иисуса Христа: каждый, сообразно со своей частной целью (главная цель – породить веру в Иисуса Христа – была у всех одна), избирал известные деяния и беседы Его; оттого находим, что у евангелистов есть сказания, им всем общие, и у каждого есть нечто такое, чего нет у других. В частности, Матфей, Марк и Лука, как видно из их Евангелий, занимались более описанием тех деяний Иисуса Христа, которые совершены Им в Галилее; о последних событиях – от праздника кущей до последней Пасхи – они ничего не говорят. Напротив, св. Иоанн повествует более о том, что Иисус Христос совершал в Иудее, и особенно о том, что происходило от праздника кущей до последней Пасхи. Поэтому, как прочим евангелистам весьма удобно было не упомянуть о воскрешении Лазаря, так св. Иоанну нельзя было умолчать о нем. Для доказательства, что Иисус Христос воскрешал мертвых, могли служить другие чудеса, совершенные Им в Галилее; и действительно – у св. Матфея ([Мф. 9, 18](#)) и Марка ([Мк. 5, 42](#)) описано воскрешение дочери Иаировой ([Лк. 8, 41](#)), а у св. Луки – воскрешение юноши Наинского. Иоанн, напротив, имея более в виду Иудею, уже не упоминает об этих чудесах, довольствуясь воскрешением Лазаря, которое он излагает особенно подробно.

Довольно правдоподобна также мысль некоторых, что Лазарь находился еще в живых, когда первые три евангелиста описывали деяния Иисуса Христа и что поэтому упомянуть о его воскрешении значило бы подвергнуть его новым гонениям со стороны иудеев, которые и без того хотели его умертвить. А св. Иоанн, как известно, писал Евангелие свое весьма поздно, когда Лазаря, как можно полагать, не было уже в живых, – и, следовательно, не было причины для подобных опасений.

Присовокупим нечто из древних преданий к сказанию евангельскому. Лазарю было около 30 лет, когда он воскрешен из мертвых, и столько

же почти лет прожил он после того. По воскресении своем он будто спросил Господа: должно ли ему будет умереть в другой раз? Образ жизни и поступков воскресшего Лазаря был так строг, что никто не видел на лице его улыбки; много вместе с сестрами своими он содействовал распространению веры христианской и скончался епископом Массилийским на острове Кипр.

На первосвященников и фарисеев известие о новом вифанском чуде Иисуса Христа произвело такое же действие, какое испытал Ирод при ужасном для него слухе о рождении царя Иудейского. Честолюбие их давно не предвидело для себя от нового Чудотворца ничего, кроме опасностей, но воскрешение Лазаря показалось им объявлением открытой войны. В смущении и растерянности немедленно собран верховный совет (Ин. 11, 47) не с тем, чтобы рассуждать о божественности нового чуда (Анна, Каиафа и им подобные едва ли верили чудесам, а если и верили, то давно предположили, что чудеса Иисуса не от Бога), но чтобы с общего согласия определить, как удобнее остановить Его успехи, предотвратить дальнейшее действие их на народ и таким образом спасти свою власть и выгоды. Анна с Каиафой, в чьих руках была вся сила, конечно, предварительно были уверены, что собрание не сделает ничего больше, как только последует их мнению; они могли бы привести в действие против Иисуса собственные свои средства, не опасаясь ответственности перед своими сочленами; но им хотелось в таком опасном деле, которое могло вести к народному возмущению, действовать от имени всего синедриона, иметь на своей стороне общий голос: обыкновенная хитрость людей, которые не хотят обнаружить своего самовластия, хоть тайно все направляют к своим целям, даже своих противников.

Мы заметили, что в синедрионе с самого начала в отношении к Иисусу Христу было два мнения: значительнейшая часть членов, состоя из фарисеев, саддукеев и книжников, явно враждовала против Него; другая, гораздо меньшая, но самая лучшая по своим добродетелям, заметно благоприятствовала Ему. Теперь, когда рассуждениям касательно Его надлежало принять тон более решительный и окончательный, когда дело начинало идти уже не только о Его учении, но о Его жизни и смерти, – разногласие членов должно было обнаружиться в самой высшей степени. Так действительно и было, как видно по ходу дела, хотя евангелист Иоанн, по краткости своей, и не говорит об этом прямо и подробно...

Голоса врагов Иисусовых, по самой многочисленности их, естественно, были громче и сильнее в синедрионе. Чтобы достигнуть своей цели – склонить собрание к мерам насильственным, старались как можно сильнее изобразить мнимую опасность положения, в котором будто бы



находилось отечество и синедрион ([Ин. 11, 48](#)). Для этого охотно признавались в том, что в другое время было бы нестерпимым унижением для гордости фарисейской, – то есть что большая часть народа явно или тайно благоприятствует новому Пророку и Чудотворцу Галилейскому и что меры, доселе против Него употребляемые, не принесли никакого успеха ([Ин. 11, 47–50](#)). Будущее изображали в чертах, еще ужаснейших. «Не явно ли, – рассуждали с видом беспристрастия, – что гроб Лазаря угрожает гибелью отечеству? – Столь необыкновенное чудо, совершенное в такой близости от Иерусалима перед самым праздником Пасхи, в присутствии многочисленных свидетелей, без сомнения, совершено не без цели; оно – и вот тайная цель его! – должно оказать чрезвычайное действие на весь народ; теперь и не слепой скажет: если бы Он не был от Бога, то не мог бы творить таких чудес ([Ин. 9, 33](#)); толпа за толпой, все перейдут на сторону Чудотворца; синедрион останется с пустыми знаками власти, которая будет находиться в руках Галилеянина, и главы народа Божьего должны будут ожидать милости и призрения от рыбарей генисаретских!.. Но собственное наше бедствие не ужасает нас: что будет с отечеством? Признанный за Мессию, Он, сообразуясь с желаниями народа, должен будет объявить войну римлянам; да хотя бы и не объявил, повелители света не унесут орлов своих, не растерзав их когтями всей Иудеи. Что же принесет война эта, которая будет стоять последних усилий для народа, и без того истощенного? Врагам нашим – новые победы; нам – новые поражения и оковы. Народ иудейский слишком слаб, слишком не подготовлен, чтобы спорить о победе с легионами кесаря; новый вождь слишком духовен и удален от земных дел, чтобы Его дух или мужество могли заменить недостаток действительной силы. Раздраженные победители света отнимут у нас и последние права, обратят в развалины все, что теперь есть лучшего, – храм и город; отягчат иго, которое и без того заставляет нас преклоняться до земли; и имя Иудеи может навсегда изгладиться из списка народов» ([Ин. 11, 46–53](#)). Слыша такие суждения, можно было подумать, что это – отцы отечества, которые, забыв собственные выгоды, пекутся единственно о благосостоянии народа. Всего менее! Рим и отечество были только на языке, а в сердце – личная ненависть к Иисусу за Его обличения ([Мф. 15, 14](#)), опасение потерять свои выгоды и права при новом порядке вещей ([Мф. 21, 38](#)), нежелание расстаться со своими нечистыми мечтами о Мессии, – которые, видимо, не подходили к Божественному лицу Иисуса, – привычка управлять обстоятельствами, а не подчиняться им. Кто знал истинное положение дел, тому патриотические суждения врагов Иисусовых, по необходимости, казались жалкими и неосновательными. Во-первых,

Иисус Христос никогда не обнаруживал намерения быть земным царем; Он постоянно избегал всех случаев, когда народ хотел воздать Ему царские почести ([Ин. 6, 15](#)). По отношению к римлянам Он всегда и словами, и примером располагал к безропотному повиновению существующим властям: дань кесарю, которой так тяготились мнимые патриоты иудейские, была, по Его учению, дань должная, вовсе не противозаконная ([Мф. 17, 24](#); Злат. бесед. на [Ин. 64](#)). Следовательно, опасение войны с римлянами из-за Иисуса Христа было совершенно напрасно. Между тем, что ложно приписывали Ему, в том именно были виновны враги Его сами: мысль свергнуть иго римлян, возвратить независимость народа, точнее, синедриона была любимой мыслью вельмож иудейских. Если бы новый Чудотворец был снисходителен к их порокам, сообразовался в учении Своем с предрассудками фарисеев, не уклонялся от дружелюбного общения с первосвященниками – дал явственно уразуметь, что Его будущее величие будет весьма полезно синедриону, то утвердительно можно сказать, что страх перед римлянами не удержал бы никого из тех, которые теперь всего боялись, что большая часть вельмож не замедлила бы объявить себя на стороне Иисуса как Мессии, что, вероятно, сам Анна с Каиафой с радостью воспользовались бы случаем – от имени человека, приобретшего любовь народную, прославившегося чудесами, – объявить войну против претории Пилатовой...

Признание, напротив, Иисуса Христа за Мессию – и только оно одно – могло избавить, как замечал Сам Богочеловек ([Лк. 19, 41–44](#)), народ иудейский от тех бедствий, которые угрожали ему со всех сторон. При этом надлежало бы только рассеяться мечтам о земном всемирном владычестве Мессии: но эти-то мечты, по свидетельству истории, и довели до гибели Иудею, побудив ее безрассудно восстать против римлян. Надлежало только потерять силу нелепым преданиям фарисеев, прекратиться пустым спорам книжников, окончиться бесполезным хитросплетениям совопросников. Но от этих-то зол и страдали вера, нравственность, гражданство, отсюда и брали начало все кровавые явления, которыми так богата история народа иудейского перед его падением. Надлежало наконец с признанием Иисуса за Мессию выйти из забвения древней чистоты и простоты нравов, прийти в силу истинной набожности, [религии](#) очиститься от суеверия, законам освободиться от пристрастных толков, умам получить лучшее направление, сердцам познать истинную любовь к Богу и ближним. Но в этой-то благотворной перемене и состояло бы духовно-нравственное возрождение народа иудейского, то изведение его из гроба, которое предвидел некогда пророк (Иезек. 37). К сожалению, все это сокрыто было от очей лжеучителей иерусалимских ([Лк. 19, 42](#)). Они опасались, по

замечанию [блаженного Августина](#), потерять временное, нимало не думая о вечном, и потому потеряли то и другое. Не будучи способны вникнуть в высокую цель действий Иисуса Христа, почувствовать и оценить превосходство Его характера и чистоту учения, понять простоту и вместе действенность средств, которыми Он хотел доставить, между прочим, земному отечеству Своему счастье и земное, ожидаемое от Мессии, – они судили о Нем и делах Его превратно, поверхностно, злонамеренно. Имея сами нечистые виды, никогда не действуя бескорыстно, для общего блага, думали, что и все действуют, подобно им, – ищут только своих выгод. При таком образе мыслей удаление и, в случае неуспеха в том, смерть Иисуса Христа представлялись вельможам иудейским необходимым средством избавить себя и отечество от мнимых опасностей. Всякая другая мера казалась слабой, неверной, а потому неблагоприятной ([Ин. 11, 53](#)) (Злат. Беседы на [Ин. 64](#)).

Благомыслящие члены синедриона, расположенные к Иисусу Христу, вероятно, должны были шадить покров лицемерия, принявшего теперь вид любви к отечеству; сорвать его явно значило бы вооружить против себя все полчище Каиафино. Оставалось, не касаясь источника мнений и опасений противников, предполагая их даже происходящими из любви к отечеству, – сражаться тем же самым оружием, показывая, что их основания не тверды, заключения не верны. Негодование первосвященника против разномыслящих, которое мы скоро увидим, не оставляет никакого сомнения в том, что в защиту Иисуса Христа сказано было немало ([Ин. 11, 49](#)). И чего нельзя было сказать в защиту Того, в Ком не было и тени греха? Между тем как злоешие книжники опасения свои, по необходимости, основывали на одних выдумках, друзья истины имели право ссылаться на дела и события неоспоримые. В опровержение нечистых намерений, приписываемых Иисусу Христу, могли указывать на божественную чистоту Его нравов, на Его высочайшую любовь к человечеству, на образ Его жизни, в котором невозможно было заметить ничего предосудительного. Именем человечества могли требовать, чтобы не осуждали Праведника, не рассмотрев беспристрастно, виновен ли Он в том, в чем Его подозревают ([Ин. 7, 51](#)); именем того же самого отечества могли умолять не спешить с осуждением Того, Кто имеет на Себе столько признаков Мессии, в Ком большая часть народа находит для себя величайшее утешение и назидание. Могли выставлять опасность заблуждения в том случае, если будет отвергнут истинный Мессия ([Деян. 5, 39](#)); могли даже напоминать о действии по совести, которая, без сомнения, каждому члену или говорила, или готова была сказать, что он действует неправильно, если действует против Иисуса.

Все таковые внушения проистекали сами собой из любви к справедливости, из уважения к законам Божеским и человеческим; а потому предлагавшим их не было нужды опасаться упрека, что их так заставляет говорить пристрастие к Иисусу, которое в настоящих обстоятельствах было бы врагами Его сочтено за измену отечеству. Но эта-то самая правота и бесстрастие одному из первосвященников, председательствовавших в собрании, показали недальновидностью, грубой простотой, приличной простолюдинам, а не членам синедриона. Дело Иисуса, по его мнению, было делом не совести и справедливости, а общественного порядка, при этом должно было смотреть не на что другое, а только на общественную пользу или вред. «Вы, – вскричал он как бы в некотором исступлении, – ничего не понимаете! К чему эти человеколюбивые умствования? Такая правдивость и чувствительность? Пусть Он будет совершенно невинен и праведен: но Его жизнь, как видите, несовместна с благоденствием общественным; и Он должен погибнуть!» Это жертва необходимости: ибо «**уне есть, да один человек умрет за люди, неже весь язык погибнет**» ([Ин. 11, 49–50](#)).

Евангелист, пересказывая последние слова Каиафы, замечает, что они изречены им не от себя, а по некоему вдохновению и что в них, без нарушения мысли первосвященника, можно видеть разительное предсказание о спасительной для всего рода человеческого цели смерти Христовой, ибо, продолжает евангелист, Иисусу действительно, по предопределению свыше, надлежало умереть не только за народ (иудейский), но и чтобы рассеянных чад Божьих (язычников, уже предназначенных к чадству Божьему) собрать воедино.

И такое прорицание вышло из уст первейшего врага Иисусова, Его убийцы!.. Вышло потому, как замечает святой Иоанн, что Каиафа был на то время первосвященником; а кому приличнее произнести суд о цене жертвы, как не первосвященнику? – «Каиафа, – по глубокому выражению одного пастыря Церкви, – прозвучал в этом случае, как колокол, в который на тот день надлежало благовестить». Луч как бы высшего озарения отразился на мгновение в мрачной душе саддукея, как луч солнца отражается в мутной и зловонной воде, не теряя своей чистоты и силы.

Изречением Каиафы окончились прения синедриона, и голос врагов Иисусовых взял решительный перевес. Лъстецы Каиафы, которыми был наполнен синедрион, даже не нарушая приличия, могли объявить мнение его как бы приговором самых небес, потому что между предметами тогдашней народной веры было и то, что [Бог](#) открывает иногда волю Свою через великого первосвященника. Искусный оборот, придуманный Каиафой, казалось, должен был без оскорбления

заставить молчать самых друзей Иисуса, если только они не хотели защищать Его явно, как друзья: с ними не спорили уже о Его невинности; требовали только пожертвование этим невинным человеком для блага общественного по той одной причине, что Он имел несчастье явиться на свет, так сказать, не вовремя и не у места ([Ин. 11, 53](#)). Определено немедленно объявить от лица синедриона, чтобы всякий житель Иерусалима, коль скоро узнает о пребывании где-либо Иисуса, немедленно объявлял о том своему ближайшему начальству ([Ин. 11, 57](#)), которое должно взять Его и представить синедриону.

Совещание синедриона с его кровавым определением не могло не сделаться вскоре известным Господу, хотя бы Он и не восхотел в этом случае пользоваться силой Своего Божественного всеведения, потому что между совещателями, как мы видели, находились давние, хотя тайные, ученики Его и последователи. Весть эта не содержала в себе ничего нового для Того, Кто видел все, и ничего печального и ужасного для Того, Кто с тем, как мы видели, и шел теперь в Иерусалим, чтобы принести Себя в жертву для спасения мира. Иисус Христос неоднократно свидетельствовал, что Он пламенно ожидает того великого часа, когда Ему, вознесенному на крест, можно будет сказать: «Совершишася!» Но благо учеников Его и последователей, благо веры, Им проповедуемой, благо всего рода человеческого требовало, чтобы Он уклонился теперь на время от преследований. Семя, долженствующее пасть на землю ([Ин. 12, 24](#)) (земная жизнь Богочеловека), было столь драгоценно и Божественно, что для падения его на землю надлежало избрать время самое приличное, место самое удобное, чего теперь, очевидно, недоставало. Ибо злоба врагов Его, вероятно, уготовляла Ему смерть тайную. И, может быть, предназначала Ему теперь пасть от руки какого-либо наемного зилота. Такая смерть вместо того, чтобы стать торжественным свидетельством истины, всемирной Жертвой, принесенной для спасения рода человеческого перед лицом неба и земли, потеряла бы свой величественный, всемирный, Божественный характер. И вот причины, – каждый чувствует их важность, – почему Иисус Христос, как замечает св. Иоанн, со времени воскрешения Лазаря «не хождаше к тому между иудеями яве» ([Ин. 11, 54](#); Злат. Бесед. на [Ин. 65](#)).

Чтобы быть до времени в большей безопасности, Иисус Христос удалился из самой Вифании, несмотря на приверженность к Нему ее жителей. Место это находилось слишком близко к Иерусалиму. Можно было ожидать, что с распространением слуха о воскрешении Лазаря любопытство привлечет сюда толпы народа, а вслед за ними подозрения и происки фарисеев. Между тем, Он не хотел Своим

пребыванием подвергать жителей Вифании неприятностям от синедриона.

Убежищем, на сей раз избранным, был городок Ефраим, лежавший в стороне между Вифанией и Иерихоном, возле дикой и страшной от разбоев пустыни Карантанской. В этой пустыне, как повествует предание, Господь приготовлялся сорокадневным постом к великому служению Своему. В тех же местах восхотел провести и последние дни, в приготовлении к Своей смерти. Здесь Он и ученики Его находились в совершенной безопасности, потому что местопребывание Его, вероятно, было известно только Его ученикам и небольшому числу друзей Вифанских.

Как отрадно еще раз, хоть на краткое время, видеть Божественного Учителя истины в таком месте, где Он, не стесняемый стечением народа, не возмущаясь кознями врагов, мог спокойно провести несколько дней в тишине и мире! Для Него всегда приятны были часы уединения и безмолвия (Лк. 4:42, 5:16), обыкновенно посвящаемые Им молитвенному собеседованию с Отцом или дружескому наставлению Своим ученикам. Теперь, с приближением страданий и смерти, такое уединение и безмолвие были еще нужнее и приятнее. Величественная суровость местоположения, вид безмолвной природы (Иисус Христос всегда любил обращать на нее внимание) совершенно согласовались с предметами, которыми занята была душа Иисусова. Если ученики Его предчувствовали важность наступающих событий, то и для них дни, проведенные в Ефраиме, были днями размышления, молитв и тайных великих ожиданий.

Евангелист не говорит о том, чтобы Иисус Христос поучал теперь чему-нибудь учеников Своих. Ефраимское уединение, кажется, было посвящено Им более Себе Самому, нежели ученикам. Впрочем, ближайшее общение с Учителем, воспоминание о всем прошедшем, особенно о последних событиях, были сами по себе уже весьма поучительны. Так бывало и прежде, что Иисус Христос прерывал на время Свои наставления. Вообще образование, данное будущим наставникам и просветителям рода человеческого, никак не состояло, как может подумать кто-либо, в систематическом поучении их высоким предметам веры. Нет! Оно походило более на обыкновенное, свободное общение отца с детьми, опытного наставника с юными друзьями. Господь нередко предоставлял учеников Своих самим себе, всегда позволял им действовать с полной свободой, как бы наедине, не входя прямо в их разговоры и прекословия: только постоянно наблюдал за ними, а по временам давал понять, что от Него не сокрыта ни одна их мысль, ни одно желание; что Его дух присутствует между ними и тогда, когда они считают себя наедине.

Между тем, в Иерусалим, по случаю приближения Пасхи, час от часу стекалось все более народа. Причиной преждевременного прибытия богомольцев были набожность и выгода; от желающих праздновать Пасху требовалось, на основании древнего обычая ([Исх. 19, 10](#)), особенное приготовление, которое в те времена состояло из различных очищений, поста и милостыни. Более набожные верили, что такого приготовления нигде нельзя совершить лучше, чем в Иерусалиме, перед домом Божиим, при помощи и наставлении фарисеев, потому и приходили для этого за неделю и более до праздника. Кроме того, иудеи, приходившие издалека, особенно египетские и вавилонские, привозили с собой различные изделия и произведения своих земель: продажа и мена их заставляла приходиться на праздник ранее и уходить позже обыкновенного. По этим и другим причинам святой град, в продолжение пасхального месяца, походил на сборное место всего тогда известного мира, особенно Востока.

Воскреситель Лазаря, естественно, был теперь предметом народной молвы и всеобщих разговоров. Все (исключая врагов Иисусовых) с нетерпением ожидали прихода Его во Иерусалим, хотя всякий видел, что исполнение его ожидания сопряжено с необыкновенной трудностью из-за грозного определения синедриона против Иисуса. Вообще в народе было тайное ожидание чего-то великого, необыкновенного, сильно пробужденное столь великим чудом, каким было воскрешение Лазаря, – с ним, казалось, воскресли все лучшие надежды Израиля. С другой стороны, видели, что верховный совет иудейский наполнен непримиримыми врагами Иисуса, готовыми употребить против Него и свои силы, и свое коварство. От этого невольно распространялось уныние и рождались печальные предчувствия тем более, что, по общему мнению, началу и открытию царства Мессии должны были предшествовать величайшие всеобщие скорби и злключения. Различные справедливые и несправедливые слухи и рассказы о Чудотворце, о чуде, Им произведенном, о предприятиях врагов Его и проч., – как это обыкновенно бывает в подобных случаях, – то усугубляли надежду на лучшие времена, то увеличивали опасения и недоумения. В решительные минуты, когда надлежало принять или отвергнуть своего Мессию, – народ иудейский более, чем когда-либо, уподоблялся овцам, не имеющим пастыря ([Мф. 9, 36](#)). Большая часть пастырей иудейских были не что иное как волки в одеждах овчих и почти все были против великого Пастыреначальника (Иоанна Предтечи, праведного Симеона и Анны, Вифлеемских пастырей, могущих свидетельствовать о истине и вразумить народ, теперь уже не было в живых). Одна только совесть в каждом, кто имел ее, говорила за Иисуса...

В таком волнении умов протекло несколько дней. Произвольное и неожиданное удаление Иисуса Христа от Иерусалима дало новое направление мнениям и сделалось новым предметом догадок. Многие из иноземных иудеев, слыжавших прежде беседы Иисуса Христа в Иерусалиме и имевших к Нему особенное уважение, не раз приходили в храм, думая обрести в Нем по-прежнему Божественного Учителя. Не находя Его, начали думать, что Он вовсе не придет на праздник ([Ин. 11, 56](#)). Такое мнение подтверждалось самой сокровенностью Его пребывания. Вообще, кто менее знал Иисуса, величие Его характера, неизменную преданность воле Отца Небесного, готовность принести Себя в жертву за спасение рода человеческого, тот самым положением вещей склонялся думать, что благоразумие заставит Его не являться в Иерусалим, по крайней мере, до того времени, как изменятся обстоятельства. С другой стороны, известно было, что Иисус Христос всегда приходил на праздники ([Ин. 20, 3, 8, 2:37](#)), особенно на Пасху, в Иерусалим; что Он для этого недавно пришел из Галилеи в Иудею. Самое чудо Вифанское казалось Его предтечей: произвести его близ Иерусалима и удалиться ни с чем казалось несообразным с порядком вещей и событий. Последняя мысль (хотя в другом смысле) заставляла, вероятно, и врагов Иисусовых полагать, что Он непременно придет на праздник. Для них трудно было представить, чтобы Вифанское явление не было началом других явлений и осталось без дальнейших последствий; чтобы Тот, Кто произвел его, отказался от плодов, которые воскрешение Лазаря должно было принести, доставив Ему всеобщее удивление и любовь народа, стекшегося на праздник. Поэтому фарисеи со дня на день становились деятельнее и внимательнее; многие – для того, чтобы прежде всех открыть приход Иисуса и донести о нем синедриону, показать себя патриотами и заслужить награду.

За шесть дней до Пасхи, как говорит св. Иоанн, Иисус действительно явился опять в Вифанию. Приход Его был празднеством для всего населения, особенно для Его почитателей и друзей. Один из них, именем Симон, прокаженный, которого Иисус Христос исцелил от проказы, – воспользовавшись покоем субботнего дня, учредил богатую вечерю для Его угощения. Гостеприимная Марфа уступила ему честь принять у себя Господа; но взяла на себя труд распорядиться угощением и служить при трапезе Иисусу. Уже то показывало величайшее уважение к Нему, что все это происходило близ Иерусалима, когда каждый израильтянин, под страхом проклятия и казни, должен был доносить верховному синедриону о местопребывании Иисуса. Общество состояло из учеников и друзей Его, которые были Им исцелены или получили от Него другое какое-



либо благодеяние. Воскрешенный мертвец также был в числе гостей, и на его лице, конечно, блистала радость, которой исполнены были все вечерявшие, но другая, свойственная тому, кто еще так недавно провел несколько дней за пределами этого мира. Все глубоко уважали и любили Иисуса, но для Лазаря Он был уже Господом жизни и смерти.

Никто не чувствовал живее радости тех минут, никто не признавал более обязанным себя этой радостью Иисусу, как Мария. С жизнью брата Господь как бы снова даровал ей самой жизнь. Чувствительное сердце ее горело желанием выразить свою признательность к Нему каким-либо особенным знаком. К удовольствию своему, она заметила, что дражайшему Гостю не оказана еще одна услуга: Он не помазан благовонными мастями, как то бывало иногда на богатых пиршествах. В доме ее оставался (вероятно, от погребения Лазаря), фунт народного чистого мира. Что может быть лучше, думала она, как употребить его в честь дражайшего Гостя? С этими мыслями она неприметно выходит из собрания и вскоре является с аливастровым сосудом, полным драгоценного благовония. Между тем как прочие вечеряли, она начала возливать миро на Господа. В таком случае обыкновенно помазывали только главу; но рукой Марии управляло не обыкновение, а глубокое благоговение и любовь; она возливала миро и на ноги Иисусовы и, не довольствуясь еще этим знаком величайшего усердия, отирала их вместо обыкновенного полотенца своими волосами ([Ин. 12,3](#)). Большой чести нельзя было оказать даже царю. Весь дом наполнился благовонием ([Ин. 12,3](#)).

Кто взирал на Господа такими же очами, какими взирала Мария, и умел отличать в действиях человеческих черты прекрасного и доброго, тому поступок ее был весьма приятен и полон особенной решимости, усердия, благоговения и трогательности.

Господь не говорил ничего Марии, но из самого молчания Его явствовало, что чистое намерение ее доставить Ему удовольствие достигнуто. Большой награды и не нужно было для сердца признательного. Все радовались, но эта общая веселость вдруг возмущена была неудовольствием, выраженным, сверх всякого чаяния, одним из учеников Иисусовых.

Прекрасный поступок Марии показался ему неуместной расточительностью, более приличной какому-либо пышному фарисейскому наставнику, любящему роскошь, а не его Учителю, Который любит простоту и не терпит излишества, далек от всякого вида роскоши и всегда восстает против жестокосердия богатых к бедным. Приличие требовало, по крайней мере, не обнаруживать подобных мыслей: Иуда, напротив (так назывался ученик), не замедлил высказать их тем из учеников, которые сидели подле него, а потом

простер дерзость свою до того, что начал вслух осуждать Марию. «К чему такая трата? – рассуждал он, – не лучше ли было продать это миро за триста (столько, по крайней мере, дали бы за него) динариев и деньги эти раздать нищим?» Такой благовидный предлог к упреку, по видимому, подействовал и на других учеников, и некоторые также возымели мысль, что если и дерзко замечание Иуды, то самое замечание сделано не без основания и в этом случае не противоречит собственным правилам Учителя и что вообще едва ли не было бы лучше, если бы с миром поступили так, как говорил Иуда ([Мф. 22, 8](#)).

Если ученики, осуждая сделанное Марией, нарушали некоторым образом долг уважения к ней, тем паче к своему Учителю, то это происходило в них не от злого намерения, тем более не от худого сердца, а от простоты, привычки изъяснять свободно перед Учителем все свои мысли, некоторой на этот раз неспособности оценить достоинство и, так сказать, сердечность поступка Марии, похвальной, но безвременной заботы о нищих, и следовательно, – увлечения примером Иуды, который по дерзости и наглости своего характера и не в этом одном случае мог увлекать своими мнениями прочих. Но в самом Иуде действовало теперь совсем другое; его мнимое сожаление о нищих происходило из самого нечистого источника... По поручению Учителя, а вместе с тем, по всей вероятности, вследствие собственного желания, он издавна был хранителем денег в малом обществе Иисусовом и носил для этого небольшой ящик, в который усердствующие клали, кто что мог ([Лк. 8, 3](#); [Мф. 22, 55](#)). Большая часть этих денег обыкновенно расходилась на нищих – через руки Иуды, который в этом деле не наблюдал никакой верности и многое брал себе. По свойству каждой страсти постепенно возрастать и усиливаться, когда ей дают пищу, корыстолюбие соделалось наконец неизлечимым недугом души Иудиной и владело теперь всеми его мыслями и желаниями. Оно-то и заставило его осуждать усердие Марии и говорить тем языком сострадания к нищим, который ему менее всего был сроден.

Триста динариев за миро были бы отданы Иуде, который поступил бы и с этими деньгами так же, как поступал с другими. Господь знал об этом несчастном состоянии души Своего ученика и употреблял, без сомнения, все средства к его исправлению: только не открывал прямо Своих мыслей о нем и не обличал его порока перед другими. При этой великодушной снисходительности бесстыдный ученик пользовался возможностью скрывать свое корыстолюбие и хищничество то под видом попечения о нищих, как теперь, то под другими, столь же благовидными предложениями. Без сомнения, и в настоящем случае низкий лицемер, изъясняясь столь дерзким образом, не думал через то сделать какую-либо неблагопристойность; надеялся, может быть, еще

заслужить одобрение за свою откровенность, мнимую прямоту характера и любовь к бедным, которая наблюдает их выгоды и тогда, когда другие почли бы за лучшее молчать.

«Чуткая» Мария тем больше должна была смутиться от нареkania Иуды, чем чище и возвышеннее было чувство, вызвавшее ее поступок. Ах, как холодно, беспощадно судили о том, что было плодом пламенной, чистейшей любви к Спасителю! Можно ли называть тратой почесть, оказанную Тому, Кто воскресил Лазаря? Все благоухания ливана ничтожны в сравнении с Его благодеянием. Но Мария могла только почувствовать свою правоту, а не защищать ее.

Господь благоволил сделаться защитником ее кротости. Обнаружение низкой страсти Иуды, его постыдного лицемерия, было бы самой действительной защитой и вместе справедливым наказанием для вероломного ученика, который омрачал присутствием своим святейшее общество будущих просветителей рода человеческого. И прочие ученики могли бы научиться из этого не полагаться без рассуждения на слова другого, сколько бы они ни были благовидны. Но Господь, по плану премудрости Своей, предоставив сыну погибельному идти своим путем до конца, пощадил и теперь гибельную тайну его сердца, сдалал вид, будто сожаление о мире проистекает у всех из одного источника – любви к нищим. «Что вы даете труд жене», – сказал Он (обратясь к ученикам, и особенно к Иуде). «Оставьте ю! Дело бо добро содела о Мне еже возможе, сотвори, предварив помазати тело Мое на погребение, нищия всегда имате с собою, и егда хотите, можете им добро творити, Мене же не всегда имате. Аминь глаголю вам, идеже аще проповестся Евангелие сие» (о Мне и смерти Моей) – «во всем мире, и еже сотвори сия, глаголано будет в память ея» ([Мк. 14, 3–9](#); [Мф. 26, 6–13](#)).

Такие слова не могли не произвести впечатления сильного, хотя оно и было различно. Кроткая радость блистала на лице скромной Марии: тот, кто хотел подвергнуть ее стыду и смущению, сам был пристыжен и смущен! Ее имя и деяние сделаются известными всему миру, соединятся навсегда с деяниями Иисуса! – «О, такую великую награду за столь малую услугу – за минутное смущение может даровать только Тот, Кто воскресил Лазаря, в деснице Кого – все!» Ученики, напротив, должны были крайне стыдиться, узнав, что они почитали напрасной тратой то, что служило приготовлением для их Учителя к смерти! Как неуместно представлялось после этого их сожаление о мире! Как неприятен был Иуда с его безвременной заботой о нищих!

Мысль о смерти Господа должна была дать беседе другое направление. Случайно, по-видимому, открыл Он судьбу, вскоре Его ожидающую, но это открытие тем было разительнее, резко контрастируя с общим

веселием. Взоры всех, и без того часто обращенные на Иисуса, теперь не отрывались от Его лица; каждый хотел прочесть на божественном лице Его, что это за погребение, о котором Он сейчас сказал? В самом ли деле Он так скоро должен умереть? Место веселости после этого необходимо заступали задумчивость и мрачность. Ученики снова слышали, что смерть их Учителя не воспрепятствует Ему, как думали, быть Мессией и Евангелию о Нем – сделаться известным и восторжествовать над всем миром. Как все это может совместиться? Это подавало новый повод к недоумениям и догадкам. Наступающая ночь проведена была в Вифании. На другой день Господь намеревался идти в Иерусалим.

#### **IV. Торжественный Вход Иисуса Христа в Иерусалим, его цель и значение**

*Отправление двух учеников в Вифанию за осятем. – Усердие и любовь народа. – Слезы Иисуса и Его пророчества об Иерусалиме. – Вход во храм. – Исцеление недужных. – Возвращение в Вифанию. – Намерение первосвященников умертвить Иисуса Христа и Лазаря. – Размышление о входе в Иерусалим.*

Весть о возвращении Иисуса Христа в Вифанию немедленно достигла Иерусалима и пробудила во многих решимость идти туда, чтобы скорее видеть Иисуса ([Ин. 12, 9](#)). Покой субботнего дня, простертый фарисеями до нелепых излишеств ([Лк. 13, 15, 14:5](#)), не позволял отправиться в путешествие сразу; только одни саддукеи, по традициям своей секты, могли нарушать его безнаказанно; но на другой день рано поутру Вифанию наполнили толпы людей, большая часть которых пришла изъявить свое уважение великому Чудотворцу, а некоторые – понаблюдать за Его поступками ([Лк. 19, 39](#)), чтобы донести о них синедриону. После Иисуса главным предметом любопытства был Лазарь ([Ин. 12, 9](#)) – и как непосредственный свидетель всемогущества Иисусова, и как пришелец из той страны, куда от начала мира все уходят, не возвращаясь. Чем только не интересовалась праздная любознательность фарисейских и саддукейских совопросников, которые в своих синагогах непрестанно судили и рядили о будущей жизни: как живут умершие, какие у них вечери, велико ли лоно Авраамово, остаются ли там в силе узы родства...

Иудеи, пришедшие в Вифанию, не верили, что Иисус Христос осмелится прийти в Иерусалим. Тем приятнее было им узнать, что Он намерен идти туда в этот же день. Такое намерение показывало, что Он не хочет более скрывать от последователей и врагов Своих цель Своего служения, решился торжественно перед всем Иерусалимом объявить

Себя Мессией и, следовательно, совершенно уверен, что настроенный против Него синедрион не в состоянии Ему противостоять ([Мк. 11, 10](#); [Лк. 19, 36–38](#)). Все это было очень приятно для народа, который давно с нетерпением ожидал, когда служащий предметом всеобщих ожиданий Пророк объявит Себя Мессией. Мысль сопровождать Иисуса Христа при Его входе в Иерусалим, быть свидетелем того, какое впечатление произведет Его появление на синедрион, разделять с Ним опасность и славу этих величественных минут – эта мысль заняла теперь воображение и сердце каждого – и Иисус с самого выхода из Вифании уже окружен был толпой усердного народа, готового оказать Ему все почести.

Дойдя до места ([Мк. 11, 1](#); [Лк. 19, 29](#); [Мф. 21, 1](#)), напротив которого находилась Виффагия, небольшое селение, видное и из Иерусалима, на северном склоне горы Елеонской, Господь остановился и позвал к Себе двух учеников (Петра и Иоанна). «Идита», – сказал им, – «в весь, яже прямо вама; и абие входяща в ню обряцета осля привязано и жребя с ним, на неже никтоже николиже от человек вседе: отрешивша приведита Ми, и аще кто вама речет: «Что творити сие? Почто отрешаета?» – сице рцете ему: «Господь требует е»; и абие послет е семо» ([Мф. 21, 2–5](#); [Мк. 11, 2–3](#); [Лк. 19, 29–31](#)). Такое поручение, несмотря на его незначительность, было не совсем обычно – Иисус Христос всегда ходил пешком, до Иерусалима было недалеко, а между тем, теперь нужно было идти за ослицей, как бы для какого-либо дальнего и утомительного пути! И как дивно было слышать из уст Иисуса: «Господь того требует!» Но ученики не в первый раз были изумлены поступками своего Божественного Учителя и привыкли понимать цель их уже из последствий; посланные тотчас пошли в Виффагию, нашли ослицу с осленком на том самом месте, о котором говорил Иисус; предстоящие действительно спросили их, зачем они берут ослон; и когда они отвечали, как им было велено, то беспрепятственно отпустили их. Такое точное соответствие события с предсказанием еще больше должно было удивить учеников, если бы они уже не привыкли к необычному. Сын Божий начинал являть Божественную славу Свою даже в маловажных, по-видимому, обстоятельствах, потому что скоро должно было последовать величайшее затмение Его Божества.

Иисус, между тем, оставался на том же месте, откуда отправил учеников. Число народа, Его окружающего, час от часу увеличивалось: жители Иерусалима и богомольцы, пришедшие на праздник, узнав, что Он идет в Иерусалим, шли Ему навстречу многочисленными группами ([Ин. 12, 12–13](#)).

Посланные вернулись. По усердию и чтобы удобнее было сесть на осленка, ученики покрыли его своими верхними одеждами. Когда Учитель воссел, прерванное шествие снова продолжалось с медлительностью, которая свойственна этому роду езды. Теперь великий Пророк не скрывался уже в народной толпе, был виден всем, и шествие, при всей простоте своей, являло собой нечто торжественное и священное еще и потому, что в древности животные, не носившие на себе ярма, выбирались для священных обрядов; в частности, осел издревле на Востоке служил символом мира, никогда не участвовал в войне и в сражениях. Поэтому один взгляд на Иисуса Христа вдруг напоминал теперь внимательному человеку слова пророка Захарии, который, описывая царство Мессии, говорит: «**Рцыте дочери Сионове: се царь твой грядет тебе кроток, сидя на жребяти осли**» ([Зах. 9, 9](#))<sup>42</sup>. Такое согласие Господа с желанием народа как можно скорее видеть Его царем, еще более воодушевило сопровождавших Его людей и придавало им смелость выразить перед Ним всю полноту своего усердия самым торжественным образом. В порыве восторга одни начинали срезать пальмовые ветви и, потрясая ими в воздухе, бросали их на дорогу перед Иисусом; другие снимали с себя платье и стелили его под копыта осленка. Один старался превзойти в усердии другого. Подобно этому был встречен в Иерусалиме грозный завоеватель света Александр Великий; почти так же приветствовали некогда царя Агриппу – так хотели почтить теперь и Того, Кто был воплощением всех надежд для бедствующего Израиля.

Пальмовые ветви привели на память праздник Кущей, а вместе с ним известный псалом Давидов, который пели в продолжение его. Как поразительно сбывалось содержание этого пророческого псалма в настоящем событии! – Иисус Христос, грядущий в Иерусалим, но отвергаемый синедрионом, видимо, прообразовал Собой тот «**камень, пренебреженный зиждущим**», который, по слову Давида, должен соделаться во главу угла и быть дивным в очах всего народа иудейского ([Пс. 117, 22–23](#)). Настоящий день, думали, покажет это. Подлинно, «Сам Господь сотворил его, чтобы нам радоваться и веселиться в онь» ([Пс. 117, 24](#)). Среди подобных мыслей любимый псалом, который все знали наизусть, не приметно переходил из уст в уста; особенно некоторые стихи его, так прямо выражавшие настоящее событие. Со всех сторон начали раздаваться слова псалма: «Осанна Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне! Осанна в вышних!»

Всеобщий восторг еще более усилился, когда подошли к последней возвышенности, с которой теперь нужно было спускаться вниз до самого Иерусалима ([Лк. 19, 37](#)). Это было одно из лучших мест в окрестности – Иерусалим был виден, как на картине: справа, над

ужасной бездной возвышался храм Иерусалимский и из-за многочисленных, сияющей белизны, мраморных столбов своих казался искусственной громадой льдов, с золотым куполом, от которого лучи полуденного солнца отражались, по замечанию Флавия, бесчисленными молниями. Наружное великолепие его живо напоминало счастливые времена Давида и Соломона, но он был уже окружен мерзостью запустения, которая вскоре должна была стать на месте святе. Украшенная орлами римскими крепость Антония, с ее огромной башней, господствуя над высотой храма, казалось, подчеркивала унижение, в котором находился народ Божий. Тут же являлась взору претория Пилатова; но дворцы первосвященников казались удаленными и были отделены от храма пропастями, как бы в знак внутреннего удаления их обитателей от Бога отцов своих. Останки дворцов Давида и Соломона уже едва были заметны во множестве новых зданий. На фоне этих картин, каждая из которых приводила на память и древнюю славу, и настоящий позор отечества, – взоры всех невольно обращались на Иисуса, Который, видимо, нес с Собой Иерусалиму его прежнее святое величие. Надежда на славное царство Мессии, казалось, готова была сбыться. «Так, – думали люди, – Он примирит нас с Богом, раздраженным нашими неправдами! (Лк. 19, 38.) Он восставит царство праотца нашего Давида! (Мк. 11, 10.) Под сенью Его мы снова насладимся миром, не будем рабами язычников!» И полнота патриотических чувств снова выражалась в восклицаниях; со всех сторон сыпались ветви, цветы и одежды; чаще и громче раздавалось «осанна».

Господь не препятствовал этому искреннему и радостному излиянию чувств, происходящих из пламенной, хотя несколько мечтательной любви к Нему и отечеству, и считал это следствием не просто обыкновенного стечения обстоятельств, а тайных, давно предсказанных пророками распоряжений самого Промысла, который так обращал внимание Иерусалима и всего народа на пришедшего Мессию. Думая таким образом, Он не мог не принять глубокого и сердечного участия в том, что происходило вокруг Него.

Но для фарисеев (некоторые из них тоже вышли навстречу Иисусу для обычных своих наблюдений) такое зрелище народной любви было нестерпимо. Чувство патриотизма, столь сильно выраженное в настоящем поступке народа, препятствовало осуждать Его явно. Может быть, даже фарисеям не хотелось обнаружить публично свою неприязнь к Иисусу, Который, судя по происходившему, как они думали, мог легко сделаться их повелителем. Поэтому лицемеры сделали вид, который не знающему их истинного отношения к Иисусу мог казаться беспристрастным, даже дружелюбным. «Учитель! –

заметили некоторые. – Может быть, стоило бы остановить и унять учеников», то есть хитрые лицемеры как бы хотели предупредить Иисуса, что подобные восклицания народа, называвшего Его Сыном Давидовым, могут быть опасны как для Него, так и для окружающих со стороны римского правительства ([Лк. 19, 39–40](#)).

Сердцеведец знал, из какого сердца исходит мнимое предостережение; но теперь не время было обличать лицемеров. Не так бы начали рассуждать они сами, если бы видели, подобно Ему, всю важность настоящих событий, их прямое соответствие предвечным судьбам Промысла. «**Аще сии умолчат**», – отвечал Он, – «**камение возопиет**»! То есть так суждено свыше.

Но эта великая и святая тайна Промысла, совершившаяся теперь над Иисусом Христом, была бесконечно выше ума слепых книжников иудейских; и фарисеи из ответа Иисусова скорее могли заключить, что Он как потомок Давида твердо решил требовать престола Давидова и потому открыто позволяет Себе и народу то, что в другое время было бы опасной неосторожностью.

Народ, при всеобщем пении и восклицаниях, вероятно, не слышал ответа, данного фарисеям. Если Господь не хотел прекратить восторга народного, то и не расположен был поощрять его. Несмотря на благосклонное отношение к знакам народной радости, Его настоящие чувства теперь очень отличались от радостных чувств, которыми воодушевлен был народ. Сын Человеческий ясно видел, что настоящее торжественное «осанна!» скоро будет заменено неистовым воплем «распи, распи Его!» Одного этого предведения достаточно было, чтобы изгнать из сердца всякую радость. Но не собственная участь занимала Его теперь: Он помышлял о несчастной судьбе Своего отечества. Как мрачна и ужасна она была в будущем! – иудейский народ отвергнет Его и вместе с ним лишится благоволения небесного; настоящий день, который должен был служить началом благоденствия для его соотечественников, станет началом ужасных бедствий для всего Израиля. Сколько причин для скорби Того, Кто пришел на землю собрать в одно благословенное стадо весь род человеческий, сознавая, что на Нем лежит вместе с тем и особенная обязанность – заботиться о благе погибающих овец дома Израилева! ([Мф. 15, 24.](#))

На последнем спуске с горы, где дорога идет мимо Гефсимании, Иисус остановился ([Лк. 19,41](#)). На Божественном лице Его, дотоле ясном, обнаружилась глубокая скорбь. (Окружающие могли заметить это и, в ожидании чего-либо с Его стороны, на время умолкли.) Господь в молчании глядел на Иерусалим, как бы ища в нем признак жизни духовной; показавшиеся слезы возвещали, что поиски были тщетны: «О, если бы, – воскликнул Он наконец от полноты чувств, – о, если бы



ты, хоть в этот день твой, уразумел, что служит к спасению твоему! Но это и ныне (как прежде) сокрыся от очию твоею (только твоею)! «Приидут дние на тя»(Я вижу их: они недалеко), «и обложат врази твои острог о тебе, и обыдут тя, и обымут тя отвсюду, и разбьют тя и чада твоя в тебе, и не оставят камень на камени в тебе, понеже не уразумел еси време посещения твоего».

Льющиеся слезы показывали, с каким глубоким чувством были произнесены эти слова. Ах, Кто говорил, Кто плакал таким образом об Иерусалиме, Тот не был, как клеветали фарисеи, обольстителем народа, не желал бедствий Своему отечеству!

Шествие продолжалось. При входе в город Иисус окружен был еще большим количеством народа, так что, когда Он вошел в Иерусалим, то, по выражению святого Матфея, «потрясся весь град» ([Мф. 21, 10](#)). Всякому хотелось знать, кто это идет с такой торжественностью. Тем более, что сопровождавший Господа народ с радостью кричал в ответ, что это Иисус, великий Пророк из Назарета!

Шествие направилось прямо к храму, который всегда служил единственным и естественным пристанищем Сына Божия. Так, впрочем, поступали и все путешественники, когда приходили на праздник, желая прежде всего явиться, так сказать, лицу Бога отцов своих. Войдя в храм, Господь осмотрел его ([Мк. 11, 11](#)). Можно было подумать, что Он, как Господь храма, вполне вступил в права Свои и намерен требовать отчета у тех, кому храм вверен был в Его отсутствие. И для обыкновенного ревнителя благочестия, тем более для Сына Божия были видны многочисленные нарушения уставной жизни храма Иерусалимского, которые требовали исправления; но оно отложено было до следующего дня, как бы для того, чтобы не нарушать торжественности дня настоящего. К новому посетителю и Владыке храма немедленно собрались, как меньшие братья Его, хромые, слепые и болящие, которые всегда находились при храме; всем им было преподано исцеление ([Мф. 21, 14](#)). Такое обилие чудес еще более должно было увеличить всеобщую радость: торжественное «осанна!» зазвучало в самом храме. Особенно трогательное зрелище представляли малыши, которые, подражая старшим, повторяли: «Осанна Сыну Давидову!» Псалом, из которого взяты эти слова, они знали наизусть, так как в праздник Кущей его пели целыми семействами. Среди общего восторга им казалось, что вместе с Пасхой наступил теперь и этот праздник, в обрядах которого было так много символического и занимательного, особенно для детей. Иисус Христос всегда благоволил к детям, в которых природа человеческая является в простоте и откровенности, дорогой для доброго сердца. Но первосвященникам и книжникам детские восклицания в честь Богочеловека казались жалким

триумфом, приличным только такому человеку, который, по собственным Его словам, не имел где подклонить главу. «Слышишь ли, – заметили с негодованием некоторые из них, – что они говорят? Какую честь Тебе оказывают?» – «А вы, – отвечал Господь, – разве никогда не читали в Писании: **«яко из уст младенец и ссуших совершил еси хвалу?»**» ([Мф. 21,16.](#))

Слова эти содержали в себе и лучший ответ, и открытый упрек книжникам, потому что за ними в псалме следует: **«враг твоих ради, еже разрушити врага и местника»** ([Пс. 8,3](#)). Ибо кто более враждовал против Иисуса, как не первосвященники и книжники?

Давид в этом псалме описывает величие Божие, настолько очевидное, что даже грудные младенцы чувствуют его и прославляют Бога. Иисус Христос, относя эти слова Давида к настоящему случаю, как бы говорил книжникам: вместо того чтобы недоумевать и издеваться над детьми, вам бы следовало устыдиться их безыскусственных восклицаний: эти малолетние, признавая Меня в младенческой простоте своей за Мессию, вразумляют своим примером вас – престарелых!

Враги и местники умолкли – и Господь беспрепятственно оставался в храме до окончания дня, вразумляя, вероятно, народ поучительными беседами. С наступлением вечера Он оставил не только храм, но и город и в сопровождении двенадцати учеников Своих удалился обратно в Вифанию. Там, среди друзей, Он мог отдохнуть после такого дня, который был и для Иерусалима, и для Него Самого единственным и чрезвычайным.

Для учеников Иисусовых день этот прошел, как приятный сон. Высокая цель знаменательных действий их Учителя, по признанию одного из них, не была ими понята ([Ин. 12,16](#)). Находя в событиях этого дня так много совпадений со своим мнением о скором воцарении Учителя над Израилем, они не могли не думать, что, объявив Себя Мессией, Он станет действовать решительнее и, таким образом, скоро совершится их пламенное желание, то есть Его видимое воцарение над Израилем!

Вечер в Вифании после такого дня не мог быть проведен в молчании. В кругу учеников и друзей Господь, без сомнения, пояснял знаменательные события прошедшего дня; по крайней мере, сколько нужно было, чтобы изгнать ложную мысль, что Его торжественный вход в Иерусалим имел какую-то мирскую цель.

Как отрадно, без сомнения, было бы для Богочеловека теперь, в конце великого поприща Своего, раскрыть пред учениками и все прочие Божественные виды Свои, ввести их, так сказать, в самую среду великих судеб Божиих, которые в Его лице вскоре должны были совершиться! – Возвышенные души всегда тягостятся и скорбят, если не могут передать

другим всего прекрасного и великого, зреющего в их глубине. Что же могло быть величественнее и святее решимости принести Себя в жертву за спасение мира, которая управляла теперь всеми действиями Богочеловека? И когда нужнее всего было дружеское участие, как не сейчас, когда, сообразно высокой цели искупления людей, из-за любви к истине и добродетели надлежало идти на крест? Но ученики и друзья Иисусовы еще не способны были вознестись на ту высоту, с которой Сын Человеческий взирал на Свое предназначение – быть Спасителем рода человеческого. Поэтому, при всем желании разделить с ними чувства Свои, Он должен был до самого креста скрывать в сердце Своем большую часть тех возвышенных истин, которые служили основанием Его великой деятельности. Только Отец Небесный зрел возлюбленного Сына во всей красоте Его нравственных совершенств; только сонмы премирных духов ([Ин. 1, 51](#)) могли созерцать великую цель, для которой подвизался Сын Человеческий, – высоту и чистоту средств, Им употребленных, и то послушание и самоотвержение, по которому Он, «будучи в образе Божиим», благоволил смирить Себя до «смерти крестной».

Среди ночной тишины, в молитве перед Отцом, без сомнения, еще больше было пролито слез о несчастной участи народа иудейского, чем видели их на лице Богочеловека при торжественном входе в Иерусалим.

Вход в Иерусалим еще больше, чем воскрешение Лазаря, привел в замешательство врагов Иисусовых. Тот, Кого верховный синедрион осудил на смерть, Чье местопребывание должен был объявить начальству каждый под страхом строгого наказания, – Тот Самый перед лицом синедриона торжественно вошел в Иерусалим, провел полдня в храме, был почитаем как Мессия и удалился как победитель! Случай показал, что значит и как много может нравственная доблесть против коварства и злобы. Сын Давидов не имел ни одного служителя, который бы вступился за Него ([Ин. 18, 36](#)); легионы ангелов, всегда готовых прийти на помощь Сыну Божию ([Мф. 26, 53](#)), оставались безмолвными зрителями Его шествия; за Него действовали истина и правда; а между тем целый синедрион оказался бессилен против Него – признал себя побежденным!

Злоба онемела, но не умерла. Успех Иисуса приписывали собственному бездействию. «Видите ли вы, – говорили фарисеи старейшинам, – что ничего не успеваете по своей нерешительности? За ним идет весь мир» ([Ин. 12, 19](#)). Поэтому решено было действовать безотлагательно, но по-прежнему тайно, так как всеобщее расположение к Иисусу Христу не позволяло открыто применить силу. Немалая часть ненависти пала и на Лазаря, воскрешение которого было главной причиной того, что

народ с таким ликованием встретил Иисуса; было решено снова отнять ту жизнь, которая была столь чудесно дарована ему вторично! ([Ин. 12, 10.](#))

Такие ужасные меры, на которые решились начальники синадрина, вызванные входом Иисуса Христа в Иерусалим, требуют дальнейшего рассмотрения этого события в его истинном значении.

Обозревая служение Иисуса Христа, вспоминая Его поступки до этого момента: как Он тщательно уклонялся от случаев, где усердие народа могло дойти до необдуманных действий в Его пользу; как часто самим последователям и ученикам Своим запрещал объявлять всенародно, что Он есть всеми ожидаемый Царь Израилев; как, наконец, постоянно отвергал всякие земные почести, не давал поводов думать, что Он претендует на престол Своих праотцов по плоти, – припоминая, говорю, все это и взирая на Иисуса Христа в продолжение настоящего дня, иной может решить, что Он вдруг совершенно изменил образ действия и намерен, сообразно всеобщим ожиданиям, действительно явить Себя видимым царем Израиля и восстановить престол Давида, хоть и не в таком плотском виде, как воображали многие из иудеев. Между тем, Божественный Учитель истины оставался неизменным, и торжественный вход Его в Иерусалим был совершен с полной уверенностью ([Мф. 20, 17–19](#); [Мк. 10, 32–34](#); [Лк. 18, 31–34](#); [Ин. 11, 7–16](#)), что через несколько дней в этом же Иерусалиме Его осудят на смерть, предадут язычникам и пригвоздят к кресту как величайшего преступника. Какую же цель после этого преследовал столь необыкновенный поступок? Для чего допущено Богочеловеком, чтобы перед самым страданием и [смертью](#) воздан был Ему некий вид царственной почести, от которой Он постоянно уклонялся во время Своего служения? Подобным снисхождением Его к патристическому восторгу народа, хотевшего видеть в Нем восстановителя престола Давидова, не могла ли поддерживаться в народе мечта о земном царстве Мессии, которую Он старался искоренять столь ревностно? Самим врагам Иисусовым не был ли дан через это благовидный предлог обвинить Его в каких-либо земных замыслах? – Вопросы эти, занимавшие еще св. Златоуста, обязательно должны остановить на себе наше внимание, потому что вход Иисуса Христа в Иерусалим не раз подвергался превратным толкованиям врагов христианства.

Евангелисты Матфей и Иоанн, повествуя о входе в Иерусалим, замечают ([Мф. 21, 4–5](#); [Ин. 12, 14–15](#)), что в этом событии исполнилось предсказание пророка. Поэтому на вышепредложенные вопросы можно было бы отвечать (как и отвечали некоторые), что Спаситель, – Который еще Своему Предтече благоволил сказать, что Ему надобно «**исполнить всякую правду**», а по Воскресении ученикам

Своим объявил ([Лк. 24, 25–27](#)), что на Нем надлежало исполниться всему, написанному о Нем Моисеем и пророками, – восхотел исполнить и пророчество о входе Своем в Иерусалим, и притом буквально, чтобы те из иудеев, которые знали и понимали это пророчество (а такие были), не имели права сказать, что оно не исполнилось. Но таким ответом дело было бы решено только наполовину, потому что выражения евангелистов: «**да сбудется реченное пророком, да исполнится Писание**» и проч. – означают не причину события, а указание на пророчество о событии; и вообще Мессия делал то или другое не потому, что пророки представляли Его поступающим таким или иным образом, а напротив, пророки предсказывали различные Его поступки, потому что Ему надлежало по определенным причинам совершить их. Поэтому полный ответ на вопрос о цели торжественного входа в Иерусалим нужно искать не в предсказании, которое само зависело от события, а в существе и обстоятельствах самого события.

И действительно, обращая внимание на служение Иисуса Христа и особенно на Его отношение к народу иудейскому, нетрудно заметить, что такое событие, как торжественный вход в Иерусалим, было нужно, и нужно именно перед Его страданием.

Иисус Христос пришел на землю как Спаситель всего рода человеческого, но пришел как Мессия, обещанный предварительно народу иудейскому и среди него явившийся миру. Как обетованный Израилю Мессия возвещен Он Пресвятой Деве Марии ([Лк. 1, 32–33](#)) при самом Его зачатии, а при рождении – пастухам вифлеемским ([Лк. 2, 10–12](#)), как обетованный Израилю Мессия указан Он Иоанну Крестителю ([Ин. 1, 33](#)), а Иоанном – народу ([Ин. 1, 36](#)); как обетованный Израилю Мессия Он учил, творил чудеса, обличал, пророчествовал. Кто из иудеев был внимателен к учению Иисуса Христа и Его деяниям и судил беспристрастно, тот давно мог признать Его в своем сердце Мессией, хотя бы и не слышал торжественного объявления о Его достоинстве. Но для большей части народа требовалось, чтобы Он Сам всенародно объявил Себя Мессией, предвозвещенным пророками: в народе господствовало даже мнение, что Мессия откроется хоть и внезапно ([Ин. 7, 27](#)), но так торжественно, что о Его приходе узнают все иудеи во всех концах света. В этом ожидании, конечно, было много мечтательности, но было и что-то справедливое, основанное на предсказаниях пророков и на самом существе дела; ибо явление такого великого и необыкновенного лица, как Мессия, по необходимости должно было стать общеизвестным.

Но это-то до сих пор и не произошло. Иисус Христос не только не именовал Себя прямо Мессией, но часто даже ученикам Своим запрещал называть Себя так перед народом ([Мф. 12, 16, 16:20](#); [Мк. 1:34, 44–](#)

[45, 3:12, 5:43, 7:24; Лк. 4, 41](#), 5и пр.), поступая в этом случае по плану Своей Божественной премудрости. Поэтому некоторые с истинным или притворным усердием говорили Ему громко: «Доколе души наши вземлещи? (Долго ли Тебе держать нас в недоумении?) **Аще Ты еси Христос, рцы нам не обинуяся**» (скажи нам прямо – [Ин. 10, 24](#)). Чтобы снять все недоумения, Сыну Человеческому надлежало явиться дочери Сионовой в полном виде Царя кроткого, чтобы она, отвергнув в Нем Жениха своего, не могла сказать, что отвергла Его по неведению. Вот в этом-то и состояла главная цель настоящего торжественного входа Иисусова в Иерусалим. Иисус Христос есть их истинный Мессия. Неоспоримым доказательством этого служат собственные слова Его, произнесенные Им перед воротами Иерусалима: «О, если бы ты хоть в сей день твой уразумел, что служит к спасению твоему!» Выражение «**день сей твой**» показывает чрезвычайную важность настоящего события для народа иудейского, важность, которую мы сейчас осмыслили. Действительно, этот день – с отвержением Мессии – навсегда решил судьбу народа Израильского. В таком случае, подлинно, если бы ученики умолкли, то заговорили бы сами камни. Так время было важно и невосполнимо!

Нетрудно понять, почему такое всенародное объявление – что Иисус Христос есть Мессия – должно быть сделано не раньше, чем перед окончанием Его служения. Прямым следствием этого был бы отказ синедриона принять Иисуса Христа за Мессию, решительное преследование и Его смерть; но эта смерть была бы безвременной, потому что еще не было положено прочное основание Царству Божию на земле, для учреждения которого и явился Сын Божий. С другой стороны, если бы Иисус Христос, объявив Себя Мессией и, следовательно, по понятию народа, царем Израиля, оставался на земле дольше, то народ иудейский, вероятно, не удержался бы от беспокойных движений и поднял бы во имя пришедшего Мессии восстание против римлян. В данном случае краткость времени, прошедшего до страданий Иисуса Христа, не позволила мечтательности народной дойти до подобной крайности, а крест Его решительно полагал конец в последователях Его подобным замыслам.

Независимо от этого нельзя не отметить, что для входа в Иерусалим избран был, и, конечно, не без особенного намерения, тот самый день (десятое марта), в который в каждом семействе избирали агнца, служившего «пасхой». Кто видел в агнце пасхальном не только памятный знак бывшего благодеяния Божия, оказанного праотцам иудеев в Египте, но и символ грехов всего мира (а такие люди были [Ин. 1:3, 6](#)), – для того такое совпадение времени должно было быть весьма поучительно. В самом деле, после Своего входа в Иерусалим все

остальные дни до Своей смерти Иисус Христос оставался среди народа уже не иначе как жертва, видимо обреченная на заклание: дни эти проведены были и Им Самим, и врагами Его именно в приговлении к Его смерти.

Что касается самого образа вошествия в Иерусалим и его подробностей, то в этом отношении все явно соответствовало древнему пророчеству, причем с величайшей мудростью ([Зах. 9,9](#)). Несмотря на неизбежную торжественность, все было устроено так, чтобы исполнение пророчества не послужило пищей для народной мечтательности о земном царстве Мессии. Между почитателями Иисуса Христа было немало людей важных и богатых, которые по одному слову Его могли бы доставить Ему все нужное для того, чтобы явиться дочери Сионовой в величии Царя Израилева. Но Он не делает этого: является всему Иерусалиму с обычной для Него простотой, смирением, даже убожеством, Его именуют царем Израилевым, Ему поют «осанна», перед Ним сыплют ветви, постилают одежды – почести, выражающие величайшую любовь, искренность и силу усердия... Но где торжественная колесница? Где вооруженные слуги? Где царские украшения? – Все это заменено двенадцатью учениками, столь же убогими, как и Учитель, ослицей и осленком, взятыми на время у других!.. Самый последний из владельцев никогда не являлся в такой простоте и убожестве, как теперь – Иисус! Все, чем был украшен вход Его, состояло в непритворной радости и усердии народа и учеников Его, так что внимательный человек мог уже теперь видеть ту святую истину, изреченную впоследствии перед Пилатом, что царство Иисуса Христа не от мира сего.

Поэтому, вслед за отцами Церкви, можно сказать об этом торжественном входе, что целью Его было еще и намерение, одушевлявшее все поступки Иисуса, – уничтожить в уме Своих соотечественников мечту о земном царстве Мессии. В действительности, эта мечта была основана преимущественно на пророчествах, где Мессия описывается как царь. Иисус Христос всенародно показал теперь, как можно быть Царем-Мессией, описанным пророками, и в то же время быть совершенно чуждым земного владычества. После этого нет места такой ложной мысли, которая впоследствии распространилась среди иудеев, что пророчества о Мессии, по их резкой противоположности, можно согласовать, лишь допустив существование двух Мессий: одного – сильного, царя, Сына Давидова; другого – бесславного, страждущего и умирающего, от колена Ефремова. Иисус Христос, со Своим нравственно-духовным величием, со Своим страданием и [смертью](#), совместил в Себе в данном случае то, что в предсказаниях пророков о Мессии казалось земным,

частным и местным, – чувственное явление всему народу израильскому в виде царя, едущего на малом осле, – и принятие от Иерусалима всенародных почестей в качестве Сына Давидова.

Если бы, отметим еще, в торжественном входе Иисуса Христа в Иерусалим заключалось что-либо противное существовавшему тогда гражданскому порядку, что-либо неблагоприятное для правительства, то возможно ли, чтобы римская стража, всегда строгая, а особенно усугублявшая свою бдительность во время праздников, не обратила никакого внимания на этот вход? Но внимание не было обращено. – Возможно ли, чтобы это событие осталось совершенно неизвестным для игемона иудейского, человека подозрительного и весьма строгого, который для укрепления римской власти, не задумываясь, пускал в ход огонь и железо при малейшем подозрении? Но Пилат, как из всего видно, ничего не знал или не придавал значения этому событию. Не очевидно ли после этого, что, по мнению самой римской стражи и начальства, – свидетельство, сильнее которого нельзя и желать, – вход Иисуса Христа в Иерусалим не только не заключал в себе ничего противного римской власти и выгодам кесаря, но и не нарушал обыкновенного порядка вещей.

Обратимся наконец к самим врагам Иисусовым: кто сильнее их мог клеветать на Него? И кто был более готов любыми средствами погубить Его? Однако же, при всей злобе своей, они не осмелились поставить Ему в вину вход Его в Иерусалим ни в синедрионе, ни перед Пилатом: так что дело это было чисто, невинно, свято.

#### **V. Проклятие смоковницы и изгнание из храма торжников**

*Возвращение в Иерусалим поутру из Вифании. – Глад. – Проклятие смоковницы. – Его значение. – Изгнание из храма торжников. – Приличие и необходимость этого поступка. – Наставление ученикам по случаю иссохшей смоковницы» .*

Во избежание тайных козней от врагов и волнений народных, Господь все последние ночи перед страданием и смертью Своей проводил вне Иерусалима, в кругу усердных почитателей и друзей: но поприщем последних действий Его должен был быть Иерусалим как вместилище всего священного и средоточие всенародной деятельности. Поэтому, едва только наступило утро, Господь вместе с учениками отправился во святой град тем же, что и вчера, путем, но уже без всякой торжественности, которая и вчера была более естественным следствием необыкновенного стечения обстоятельств, нежели действием особенных планов и предварительных соображений. Свежесть весеннего утра, чистота горного воздуха, разнообразие видов,



открывающихся с Елеона, делали это путешествие весьма приятным и легким. Господь почувствовал голод и желал его утолить теперь же, вероятно, не предполагая быть в Иерусалиме где-либо, кроме храма. Как бы именно для этого недалеко от дороги росло смоковничное дерево. Пора смокв еще не наступила, но поскольку дерево покрыто было листьями (на смоковнице листья выходят после плодов), то можно было предположить, что это одна из поздних смоковниц, на которых плоды держатся иногда всю зиму и созревают весной среди новых листьев. И Господь пошел прямо к смоковнице, чтобы утолить плодами ее Свой голод. Но на дереве не нашлось ни одного плода зимовалого; не было признака и новых летних плодов – смоковница была совершенно бесплодна! Это огорчило всех, Сам Господь, против обыкновения Своего, казался недовольным. «**Да николиже от Тебе плода будет во веки**», – сказал Он, возвращаясь от бесплодного дерева. Слова эти произнесены были, по-видимому, в тоне обыкновенного негодования; смоковница однако же тотчас начала засыхать, и впоследствии стало ясно, что в них заключалось проклятие ([Мф. 21, 18–22](#); [Мк. 11, 12–14](#)).

Если бы кто из нынешних любомудров находился тогда в числе учеников Иисусовых, то, вероятно, изумился бы при том случае. «Как? Проклинать невинное дерево за то, что оно не утолило голода! Так не поступают и обыкновенные мудрецы!» Но апостолы вовсе не знали подобного любомудрия, не почли даже нужным спросить своего Учителя, за что Он так строго поступил со смоковницей, изменил, по-видимому, прежним Своим правилам – терпения и кротости. «Если Он проклял смоковницу (думали, конечно, ученики), то имел на то причины, и, без сомнения, самые достаточные и справедливые: в Его поступках скрывается какой-либо урок для нас. В самом деле, смоковница не исполняет своего предназначения – не приносит плодов; между тем, величается листьями, обманывает всякого своим видом, как бы она была действительно тем, чем ей быть надобно. Подобное видим и в некоторых людях: ни смоквы, а все в листьях! И с ними будет то же, и на них не может почивать Божье благословение. О, смоковница проклята не напрасно!»

Мысли такие тем удобнее могли представляться соображению учеников, что неплодная смоковница уже служила (и, может быть, не раз) в беседах Господа символом человека-грешника. Евангелист Лука сохранил целую притчу, взятую от смоковницы ([Лк. 13, 6–9](#)). В притче она представлена пощаженной в надежде будущего плодоношения; ее велено окопать и осыпать пометом (чувственное выражение Божьего долготерпения к грешникам). Теперь смоковница проклята за неплодие: знамение правосудия, которое рано или поздно следует за

долготерпением и казнит нераскаянных. Таким образом, прежняя притча служила для учеников изъяснением настоящего поступка их Учителя, а этот поступок дополнял урок, заключающийся в притче, показывая, что время долготерпения Божьего к грешникам имеет свой срок и конец и что нераскаянность, особенно лицемерие, скорее всего низводят на главу нераскаянного грешника мщение небесное.

Сын Божий, рассуждает в этом случае св. Златоуст (Бесед. 67 на Мф.), сообразно Своему предназначению – взыскать и спасти погибшее, непрестанно миловал, исцелял, воскрешал: между тем, Он должен был хоть единожды явить, что, будучи Спасителем мира, Он есть вместе и будущий Судья человеков; и что благость Божья и при Его всемогущем ходатайстве никогда не может обратиться в потворство неправде и лукавству. И вот для этого святого опыта, суда и отмщения избирается не человек какой-либо, даже не существо одушевленное, а бездушная смоковница – дерево, которое в Палестине по многочисленности его не имело никакой цены, стоя при пути, не составляло ничьей собственности и, судя по его неплодности, само по себе уже было близко к тому, чтобы засохнуть; так что проклятие его состояло, можно сказать, более в чудесном обнаружении повреждения, в нем уже скрывавшегося, нежели собственно в лишении его плодотворности.

В мыслях Богочеловека поступок Его со смоковницей мог образоваться, так сказать, сам собой. Теперь, при возвращении в Иерусалим бесплодный, как и вчера, при входе в него, господствующим помыслом в душе Иисуса Христа явно была мысль о нравственном бесплодии и душевном ожесточении Своих соотечественников – о том, как мало разумеют они время посещения Божественного, как худо соответствуют любви Божьей, явившейся им в лице Единородного Сына Своего! Те самые, от кого надлежало бы ожидать беспристрастия, готовности ко всему полезному, любви к истине и религии, – первосвященники и книжники – оказались низкими человекоугодниками, бесчестными самолюбцами. Нигде нет плодов истинной веры и любви, а между тем все покрыто листьями: везде видна внешняя набожность, все рассуждают о законе, вопиют против порока. В таких печальных мыслях представляется дерево, по виду обещающее весьма много плодов. «Ужели и ты, подобно синагоге, носишь одну личину, обманываешь других?» Приходят к дереву и находят его совершенно бесплодным. «По крайней мере, ты послужишь уроком для других; Я покажу на тебе, как худо лицемерие (против лицемеров Господь всегда восставал с особенной силой): отседе да не будет от тебя плода во век!»

Вступив в город, Господь пошел прямо во храм. Еще чувство святого негодования, возбужденное мыслью о лицемерах, изображаемых

смоковницей, не совершенно успокоилось, как представился новый предмет, способный возбудить праведный гнев во всяком, кто хоть немного ревновал по славе Бога Израилева. Внешние притворы, ведущие в храм, вместо молящихся наполнены были торжниками, из которых одни продавали вещи, относящиеся к Богослужению, другие занимались обменом иностранной монеты на еврейскую. Великое число продающих, еще большее – продаваемых вещей, столы с деньгами, лавки для продавцов, всякого рода жертвенные животные, торги, споры, обман, раздоры – производили то, что во всем Иерусалиме не было места настолько беспорядочного и шумного, как притвор Соломонов. И этот-то самый притвор был издавна предназначен для входа и МОЛИТВЫязычников, которым не позволялось проникать далее!.. Следствием вышеозначенного беспорядка было то, что рассудительный грек или римлянин, пришедший по влечению сердца в Иерусалим и в храм Соломонов, должен был, вместо назидания, терпеть здесь шум и все неудобства, каким подвергаются на торжищах! Удивительно ли, если у него в таком случае, вместо благоговения к Богу Израилеву, невольно возникали худые мысли о Его служении и служителях? Таким-то образом пресвятое имя Божье хулимо было ради самого Израиля во языцех!

Не недостаток места был причиной того, что часть храма превратили в торжище. Внизу, у подножия горы, на которой стоял храм, и за его оградой довольно оставалось пустого пространства, где можно было расположиться торжникам. Но там было менее выгодно, ибо не так высока была плата за право торговли старейшинам храма; а в этом последнем и состояло все дело. Корысть была душой беспорядка, который, находясь под покровительством самих начальников, усилился до высочайшей степени, хотя все лучшие люди давно им были недовольны.

Иисус Христос, в самом начале служения Своего, в первую Пасху, уже выступал против торга в храме и изгнал из него торжников (Ин. 2, 14–16). Теперь это было еще необходимее. Позволив именовать Себя всенародно Сыном Давидовым, то есть Мессией, Он тем самым как бы взял на Себя обязанность перед народом выступить против беспорядков, вкравшихся в Богослужение, потому что все верили и ожидали, что одним из главнейших действий будущего Мессии должно быть исправление Богослужения и восстановление древнего благочестия и благочиния. При том беспорядок был так велик и по следствиям своим так важен, что вопиял сам против себя.

Святая ревность объяла сердце Иисусово! С видом Посланника Божьего и тем гласом, перед которым всегда трепетали грешники и лицемеры, Он требует, чтобы притвор был немедленно очищен.

Ученики, зрители, жители Иерусалима, иностранцы – одобряют требование; самые торжники невольно чувствуют, что зашли не в свое место, – и безмолвно повинуются. Некоторые медлят, хотят упорствовать, но этим только раздражают народ, который повеление Сына Давидова принимает за веление Самого Бога. В несколько минут животные выгнаны, столы и седалища опрокинуты, мешки с деньгами выброшены; все приняло другой вид, и вместо прежнего мятежа наступили тишина и порядок. Благодичине простерлось до того, что никому не позволялось теперь пронести через притвор какую-либо постороннюю вещь ([Мк. 11,16](#)). К этому действию – для вразумления непонимающих его – присоединено и поучение. «**Несть ли писано**», – говорил Господь, – «**храм Мой храм [молитвы](#) наречется всем языком: вы же**» (со своим корыстолюбием) «**сотвористе его вертеп разбойником!**»

Кто имел уши слышать, на того эти слова пророка ([Ис. 56, 7](#); [Иер. 7, 11](#)), приведенные Спасителем, должны были действовать весьма сильно. В них открывалась истинная точка зрения, с которой надлежало смотреть и на беспорядок, допущенный первосвященниками, и на ревность против него Сына Давидова. Быть домом [молитвы](#) для всех народов – это составляло самое возвышенное предназначение храма иерусалимского, которое имел в виду еще основатель его, Соломон. Храм этот должен был быть, так сказать, всемирным, где могли бы находить пристанище все возвышенные и добрые души древнего мира, ищущие, по выражению Платона, единого Отца природы и человеков. После плена Вавилонского предназначение это было тем нужнее и тем удобнее и полнее могло быть достигнуто, что с развитием в роде человеческом сил умственных многобожие начало исчезать само собой и во всех народах, особенно греках и римлянах, все более являлось людей, требующих поклонения «**Единому**». Многие из язычников поэтому приходили в Иерусалим, желая быть свидетелями Богослужения иудейского; а многие даже обращались в иудейство. При таком положении вещей как много значило благодичие в храме иудейском! И как важен был притвор Соломонов, предназначенный для язычников! Если царица Савская почувствовала большое уважение к Соломону, став свидетельницей благодичия и порядка, господствовавшего при его дворе, то какое благотворное действие на сердце язычника могли бы произвести обряды Богослужения еврейского, если бы в храме все совершалось по учреждению и в духе Моисея, Соломона и Ездры! Но все эти величественные обряды были выпущены из внимания: невежество и своекорыстие первосвященников все извратило, унизило, и дом всемирной молитвы походил на вертеп разбойников!..

Из слушателей Господа, вероятно, немногие вполне могли постигать Его высокие мысли о предназначении храма: впрочем, все слушали Его с особенным вниманием ([Лк. 19,48](#)) и испытывали к Нему все большее усердие, как бы предчувствуя, что Божественному Святильнику недолго остается гореть на свещнике. Тем продолжительнее, конечно, были беседы Господа, Который всегда пользовался расположением Своих слушателей, чтобы действовать на их ум и сердце. Прежде Ему нельзя было говорить о многом – по крайней мере, всего; теперь, так сказать, у подножия креста Своего, Он мог беспрепятственно сказать народу все, о чем ему было нужно и полезно знать.

При наступлении вечера Господь опять удалился в Вифанию.

На другой день, когда Иисус Христос с учениками Своими возвращался в Иерусалим, проклятая смоковница уже совершенно засохла. Явление это сильно поразило учеников, особенно Петра, который слова Учителя, обращенные к смоковнице, принимал, по-видимому, не за решительное проклятие, а за выражение неудовольствия. «Равви, – воскликнул он, – посмотри! Смоковница, которую Ты проклял, уже засохла!» Учитель не подал никакого вида, что замечание Петра Ему приятно; напротив, тотчас дал уразуметь, что для людей, предназначенных действовать от лица Самого Бога для блага всего человечества (каковы были апостолы), подобные явления, так сильно поражающие воображение людей чувственных, не должны заключать в себе особенной важности, а должны быть как бы естественны и обыкновенны. «**Имейте**», – рек Господь, – веру Божью (совершенную и всецелую)! «**Аминь бо глаголю вам: аще имате веру и не усумнитесь, не токмо смоковничное**» (что сделано со смоковницей) «**сотворите; но аще речете и горе сей**» (перед глазами учеников был Елеон): «**двигнися и верзися в море, будет. И вся, елика аще молящися просите, веруйте, яко приемлете, и будет вам**» ([Мф. 21, 21–22](#); [Мк. 11, 23–25](#)). (Не для того ли, между прочим, и проклята смоковница, чтобы показана была на опыте ученикам сила веры? Богочеловек, совершенно зная Своих учеников, не мог не предвидеть, что исполнение проклятия над смоковницей приведет их в изумление и даст Ему повод преподать им незабвенное из-за этого случая для них наставление в вере.) Но вы должны твердо знать, присовокупил Господь, что, приступая в такой молитве, вам надобно прощать все, что вы имеете на кого-либо; иначе и Отец Небесный не простит вам согрешений ваших; а без этого прощения ваши не могут иметь никакой силы ([Мк. 11,25.26](#)).

Последнее наставление, по-видимому, совсем неожиданное, было весьма благовременно для учеников, которые имели в нем большую нужду, и именно теперь. Ибо, при всей доброте их сердца, в них еще не

было того бескорыстия и самоотверженности, которые так необходимы людям, предназначенным быть непосредственными провозвестниками воли и путей Промысла и, вследствие этого предназначения, обладающим властью повелевать силами природы. Для них, например, казалось еще похвальным делом низвести с неба огонь для истребления целых селений за то единственно, что жители их не оказали Учителю и им должного уважения ([Лк. 9, 54](#)). При таком расположении духа учеников вчерашний поступок их Учителя со смоковницей, будучи превратно понят, мог усилить в них ту неправильную и недостойную мысль, что Посланник Божий имеет право употреблять дар чудес по личным Своим побуждениям и даже для отомщения врагам Своим. Тем нужнее было напомнить, что вера без любви ничего не значит как во всяком человеке, так особенно в Посланнике Божьем. Ученики, без сомнения, поняли, к чему клонилось наставление о прощении обид. Между тем, наставление это весьма полезно теперь и для нас тем, что решительно показывает, в каком расположении духа проклята смоковница. Если бы это был поступок по личному неудовольствию, то поступивший таким образом не стал бы рассуждать по этому случаю о великодушии и любви к врагам.

Ученики молчали, несмотря на то, что обещание, данное Учителем, было еще чудеснее поступка Его со смоковницей; молчали потому, что Господь говорил с особенной уверенностью и что чудесное в деяниях Его давно расположило их верить беспрекословно всему чудесному в словах. Подлинно чудесному! Обещать человеку, что он будет одним словом переставлять горы!.. Такое обещание надлежало бы почтить каким-либо иносказанием, даже мечтательностью, если бы оно дано было не Тем, Которого слова суть: «**ей и аминь**» ([2Кор. 1, 20](#)). Между тем, столь удивительное обещание дано не одним апостолам, а всем – именно всем верующим! Мы увидим, как при другом случае, решительно будет сказано, что всякий истинный последователь Иисусов не только сделает то, что Он сделал (такие же чудеса), но еще более ([Ин. 14, 12](#)). Решительность – истинно Божественная! Не так поступают лжеучители: лжепророк арабийский всеми способами отклонял от себя обязанность сотворить какое-либо чудо; Божественный Основатель христианства не только Сам непрестанно творил чудеса, но и обещал дар чудотворения всем Своим последователям! Обещал и исполняет на самом деле. История святых мужей, просиявших благочестием, есть вместе история чудотворений: некоторые из них совершили действительно чудеса, многочисленнее евангельских.

## VI. Всенародное посольство к Иисусу Христу от синедриона

*Повод к посольству. – Вопрос, им предложенный. – Ответ. – Притчи – для вопрошавших, для народа.*

В то самое время, как Иисус Христос беседовал таким образом с учениками о силе веры и поучал их любви к врагам, изуверство собственных врагов Его изобретало новые способы к Его погублению. Первосвященники, сильно встревоженные входом Его в Иерусалим, еще с большим негодованием слышали о Его поступке с торжниками. И в первый раз, когда Он изгнал их из храма ([Ин. 2, 14–21](#)), фарисеи почли за нужное спросить, на чем основывает Он право поступать таким образом; но не делали особенных судебных притязаний, удовлетворились, по-видимому, таинственным ответом Его, что Он, в доказательство Своего Божественного посольства, может восстановить в три дня храм из развалин ([Ин. 2, 19](#)). Тогда Богочеловек еще не был признан народом за Мессию (кроме малого числа людей, удостоившихся особенных откровений Божьих о Нем, каковы, напр., Иоанн Креститель, праведный Симеон и проч.), и вообще на Него смотрели только, как на необыкновенного Учителя, Который в пылу благочестивой ревности позволяет Себе чрезвычайности. Но теперь о ревности Его судили совсем иначе: в поступке Его с торжниками видели действие, совершенное в качестве Мессии, явное вторжение в права иудейской иерархии, распорядившейся храмом, новое движение к началу того общественного и религиозного переворота, которого все ожидали с появлением великого потомка Давидова.

В жару раздраженного самолюбия снова предложено несколько средств погубить Иисуса ([Лк. 19, 47–48](#); [Мк. 11, 18](#)), но приверженность народа, Его окружавшего, делала исполнение их совершенно невозможным. Поэтому, в ожидании благоприятного случая употребить силу, решились испытать еще одно средство – отправить к дивному Чудотворцу посольство от лица синедриона для произведения в присутствии всего народа формального допроса касательно Его поступков и намерений. Средство это имело всю возможную благовидность. По общему мнению, синедриону принадлежало полное право – испытывать пророков и судить об их достоинстве ([Втор. 17, 18, 19:17](#); Иезек. 64, 15–24); тем более он не должен был оставаться праздным зрителем действий человека, выдающего себя за Мессию. Самый народ давно ожидал законного исследования в отношении Иисуса Христа. Мера эта притом казалась самой кроткой и беспристрастной: определение о взятии Иисуса под стражу предполагалось уничтоженным, и Ему представлялась полная свобода доказывать Божественность Своего звания. Между тем, враги Его смело

могли надеяться, что затеваемое исследование если не погубит Иисуса, то сильно повредит Его намерениям. Ожидали, без сомнения, что в оправдание Своих поступков Он укажет на права Мессии; а объявление Мессией могло служить достаточным предлогом для обвинения Его перед римским правительством в уголовном преступлении ([Мф. 27, 63; 27, 11](#)). Чтобы придать посольству больше важности и показать народу, что синедрион сам весьма неравнодушен к появлению Мессии, посланные были избраны из всех сословий, входивших в состав синедриона, то есть отряжено по несколько из почетнейших священников, старейшин народа и книжников ([Мк. 11, 27; Лк. 20, 1](#)).

Едва только Господь вошел в храм и начал учить народ, посланные от синедриона подошли к Нему с допросом. Необыкновенная цель, с которой явились они теперь, делала их, без сомнения, предметом всеобщего величайшего внимания. В лице их как бы предстал перед своим Мессией не только синедрион, а и весь народ иудейский. Для самих учеников Иисусовых посольство это должно было иметь особенную важность. Как граждане иудейские они обязаны были соблюдать верность и повиновение верховному правительству народному. Последовав за Иисусом, они пренебрегли властью синедриона в той уверенности, что более должно слушать Мессию, нежели синедрион, – Бога, нежели человеков. Но народ еще не решил вопроса о достоинстве Иисуса, который они почитали для себя совершенно решенным; поэтому они могли казаться многим как бы неверными сынами отечества, поспешившими поставить свое мнение выше его приговора. Теперь это отечество, казалось, само хочет раз и навсегда произнести свое суждение о Иисусе. И кто же более должен был дорожить этим суждением, как не те, которые позволили себе предварительно произнести его и таким образом взяли на себя ответственность перед общественным мнением? Что ученики Иисусовы были неравнодушны к мнению своего отечества, это видно из примера апостола Павла, который самым ужасным наказанием для себя почитал явиться перед своими соотечественниками лжецом в отношении свидетельства Мессии ([1Кор. 15, 15](#)).

«Синедрион, – так начал старейший из посланных, – желает по долгу своему знать: какой властью (Божеской или человеческой) Ты это делаешь; принимаешь от народа именование Сыном Давидовым,ходишь с торжеством в Иерусалим, изгоняешь из храма торжников и проч.? И кто Тебе дал власть эту? (от Бога ли Ты получил ее прямо, или уполномочен кем-либо, имеющим непосредственное общение с Богом?)»

Такая точность и детальность вопроса показывали, что предлагавшие его были из числа книжников.



Господь выслушал предложение, но, по Своему обыкновению ([Лк. 7, 41–43, 10:29–37](#)), не отвечал на него прямо. «**Вопрошу вы**», – отвечал Он, – «**и Аз слово едино, еже аще речете Мне, и Аз вам реку, коею властью сия творю**» ([Мф. 21, 24](#)).

Книжники молчали, выражая согласие, потому что отвечать на вопрос вопросом, как поступил теперь Господь, не только было делом, весьма обыкновенным у тогдашних книжников иудейских, но еще служило к чести того, кто отвечал таким образом.

«**Что вам мнится**, – продолжал Господь, – **крещение Иоанново** (равно как и служение его) **откуда бе: с небеси (от Бога) или от человек**» (человеческое изобретение)?

Нельзя было найти вопроса, более близкого к делу и в то же время более способного посрамить лукавство синедриона. Народу давно известно было, что служение Иисусово находится в тесной и неразрывной связи со служением Иоанновым, что последний постоянно, до самой смерти своей, свидетельствовал о великом предназначении Первого, называя Его Мессией, а себя Его Предтечей. Поэтому, если Иоанн был пророк, как то признавал почти весь народ, то Иисус должен быть лицо еще высшее: ибо только в отношении к Мессии Иоанн мог называть себя другом жениховым, земным, говорящим от земли, кому надобно умяляться, недостойным того, чтобы – подобно рабу – понести за Ним сапоги ([Ин. 1, 27, 3:28–31](#)). А потому в вопросе Господа о достоинстве крещения Иоаннова неприметно, но всецело, заключался ответ о достоинстве Его собственного лица и служения; и Он, предлагая им вопрос этот на решение, тем самым отдавал Свое дело, так сказать, на их суд: беспристрастие и решимость, каких только можно было требовать в подобных случаях!

Книжники видели, как важен вопрос, чувствовали, что справедливость требует отвечать на него, но не могли сказать ни слова; ловушка, в которую они хотели завлечь Иисуса, была всецело обращена теперь на них самих. Не трудность вопроса связывала язык, привыкший действовать по произволу страстей; если бы они были наедине с Иисусом, то немедленно отвечали бы, что служение Иоанново не заключает в себе ничего Божественного, что он имел какие-либо нечистые, по крайней мере, бесплодные виды: таково было мнение большей части фарисеев о Иоанне и его крещении, почему они и отвергали его ([Лк. 7, 30](#)). Но в присутствии народа, который весьма уважал Иоанна при жизни, а еще более после его мученической кончины, произнести свое (невыгодное) мнение о его крещении значило подвергнуть себя очевидной опасности. «Если мы, – рассуждали сами с собой книжники, – решимся, вопреки своему

мнению, объявить, что Иоанн был пророк, то Иисус скажет нам, почему вы не приняли его крещения, зачем не поверили его свидетельству обо Мне. Если же откровенно сказать, что в Иоанне, по нашему мнению, не было ничего необыкновенного, а в его крещении божественного, то народ в гневе может побить нас камнями в отмщение за святого мужа, каковым признавал Иоанна (Лк. 20, 6).

Сообразив это, книжники, вопреки своей привычке представляться народу всеведущими, почли за лучшее промолчать. «Не знаем, – отвечали они, – откуда Иоанново крещение (поелику-де синедрион еще не решил сего вопроса)».

Иисус Христос сказал им: «**Ни Аз вам глаголю, коею властью сие творю**».

В самом деле, указанием на служение Иоанново все было сказано, что нужно для синедриона, который искал не истину, а только средство погубить Иисуса. С другой стороны, книжники уклонением от суда об Иоанне сами засвидетельствовали перед всем народом, что они неспособны быть судьями пророков, а тем менее судить о достоинстве Мессии; поэтому и не стоят прямого ответа. Народ, без сомнения, тотчас понял, что синедрион хочет поступить так же с Иисусом, как поступил прежде с Иоанном, то есть неискренно, злонамеренно и бессовестно, иначе посланные от него не сказали бы: не знаем, откуда крещение Иоанново, – давно решив между собой, что в нем ничего нет божественного.

Чтобы сорвать с лицемеров саму личину, которой они прикрывались, и показать, что не страх или что-либо подобное заставляет Его не отвечать на вопрос синедриона, а единственно уверенность в бесполезности ответа, Господь обратился к посланным с новым вопросом, на который им нельзя уже было не отвечать, хотя ответ клонился к совершенному их посрамлению, и по обыкновению Своему, заключил Свой вопрос в притчу.

«Может быть, – сказал Он, возрев на книжников, – вам легче будет высказать мнение вот об этом деле. У одного человека было два сына. Однажды он подошел к первому и сказал: сын, пойдй работай сегодня в винограднике моем. Но сын был столь груб, что решительно отвечал: не хочу! Но после одумался и пошел. Отец обратился к другому сыну и сказал ему то же, что первому. Этот со всем уважением отвечал, что он немедленно пойдет в виноградник; однако же не пошел. Который из двух, – присовокупил Господь, посмотрев на книжников, – исполнил волю отца?»

«Разумеется, первый», – гордо отвечали книжники, не видя еще, куда клонится притча, и решительным ответом желая показать, что они ни в каком случае не относят ее к себе.

«Не то же ли самое, – возразил Господь, – происходит с вами? Иоанн пришел к вам путем правды, жил и учил, как пророк; но вы не поверили ему, не принесли покаяния, им проповедуемого, вы, кто, подобно тому второму сыну, непрестанно твердите, что согласны исполнять волю отца. Напротив, люди, вами презираемые, мытари и грешники, оказывавшие дотоле непокорность воле Божьей, поверили Иоанну, покаяться и принесли плоды, достойные покаяния. По крайней мере, этот пример должен был тронуть вас и пробудить. Но вы остаетесь упорными и нераскаянными. Ей, глаголю вам, – присовокупил Господь, возвысив голос, – мытари и грешники войдут, и скоро, в Царствие Небесное; а вы, которые думаете иметь полное право на него, будете изгнаны из него!»

Произнести такие слова к первосвященникам в присутствии целого народа значило поразить их, как громом. Все, чего они надеялись достигнуть своим торжественным явлением к Иисусу, было потеряно, самое достоинство их служило им теперь в тягость. С радостью они вступили бы в спор с Иисусом, но сомнение в своих силах связывало язык; еще охотнее употребили бы силу, но народ был на стороне Иисуса. Не зная, на что решиться, они невольно оставались перед Ним, как осужденные для выслушивания последнего приговора.

Каких выгод нельзя было бы извлечь из такого жалкого положения, если бы Иисус Христос, как ложно думали члены синедриона, действительно желал восхитить у них власть над народом! Перевес общественного мнения всецело был на Его стороне. Народ давно желал, чтобы царство Его началось как можно скорее; многие, вероятно, хотели бы видеть его начало именно теперь, в присутствии посольства от синедриона. Стоило сказать многочисленному народу снова, прямо, что Он есть Мессия, что слепые вожди не стоят более доверия – и те же первосвященники с покорностью принуждены были бы передать Ему всю власть или сделались бы жертвой народного возмущения.

Сын Человеческий удовольствовался тем, что заставил их выслушать еще одну притчу, в которой под покровом иносказания раскрыт был нечистый образ мыслей иудейских первосвященников, указана вся, так сказать, превратная и жалкая система их действий в отношении к Мессии.

«Один богатый человек, – сказал Господь, – насадил у себя виноград и прилагал о нем особенное попечение: оградил его оградой, ископал в нем точило и поставил башню для стражи. Так как дела требовали присутствия его в другом месте, то он, отправляясь туда, отдал виноградник виноградарям с условием, чтобы они каждый год доставляли ему известное количество вина и плодов. Когда наступило

время собирать плоды, он послал своих слуг к виноградарям за условной частью. Но виноградари приняли их враждебно: иных прибили ([3Цар. 22, 24](#); [Иер. 20, 2](#)), другим камнями проломили голову ([Мк. 12, 3](#)); иных убили до смерти (напр., Исаию, Иезекииля, Амоса). Хозяин виноградника, несмотря на такую несправедливость и злобу, послал к виноградарям других слуг; но они с ними поступили не лучше прежнего: иных убили, других отогнали с бесчестием... Наконец, долготерпеливый хозяин послал в третий раз слуг ([Мк. 12, 5](#)), но опять без успеха.

«Казалось, время было уже суда и мести; но домовладыка был чрезвычайно добр. Что мне делать? ([Лк. 20, 13](#)) размышлял он. Пошлю к ним еще сына моего возлюбленного ([Мк. 12, 6](#)); не может быть, чтобы злоба их простерлась до того, чтобы презреть моего собственного сына. Сын пошел; но виноградари, едва только завидели его, решились единодушно погубить. – Это единственный наследник, – говорили между собой изверги, – если мы убьем его, то виноградник будет наш, – и схватив юношу, убили и выбросили вон из виноградника».

(При этих словах слушатели вознегодовали.)

«Но хозяин виноградника, – продолжал Иисус, – не всегда будет оставаться на дальней стороне, он возвратится и как, думаете вы, поступит он с виноградарями?»

«Таких нетерпимых злодеев, – отвечали книжники ([Мф. 21, 38–41](#)), – он предаст тяжкой казни, а виноград отдаст другим делателям, которые будут доставлять ему плоды со всей исправностью и в назначенное время».

Отвечать таким образом, произнося на самих себя суд, можно было, или совершенно не поняв притчи, или приняв личину явного бесстыдства. Не понять было нельзя, покров иносказания слишком был прозрачен, и каждый видел, что под господином виноградника разумеется [Бог](#), под виноградником – народ иудейский, под слугами – пророки, под единокровным сыном – Мессия Иисус; следовательно, под негодными виноградарями – настоящие правители и вожди народа иудейского. Пример пророка Исаии, употребившего подобную притчу с полным изъяснением, устранял и последнее недоразумение ([Ис. 5, 1–7](#)). Значит, языком книжников говорило бесстыдство, хотевшее показать, будто не узнает себя в собственном изображении.

«Так, – подтвердил Господь, – хозяин виноградника предаст казни негодных виноградарей, и виноградник будет отдан другим, лучшим» ([Мк. 12, 9](#); [Лк. 20, 16](#)).

Тон голоса и взор показывали, что грозные слова сии относятся прямо к членам синедриона.

«Избави Бог!», – воскликнул один из них, как бы пораженный угрозой. «Вы почитаете это невозможным, – продолжал Господь, – но разве вы никогда не читали, что тот самый камень, который отвергнут строителями здания, будет положен во главу угла и что Сам Бог сделает сие на удивление всем? Не напрасно написано: кто упадет на камень сей, разбьется, а на кого он упадет, того раздавит. Знайте, – присовокупил Господь, как бы в заключение угроз, – что царствие Божье, которого вы, по-видимому, так пламенно ожидаете, отнимется от вас и дастся народу, творящему плоды его!»

После этих слов посланникам невозможно было притворяться не понимающими: личина лицемерия спала сама собой! В замешательстве стыда и досады они хотели употребить силу и захватить Обличителя в свои руки ([Мк. 12,12](#)); но движение народа, почитавшего Иисуса, остановило безрассудных: они удалились с таким видом, какой только можно было принять на себя людям, всенародно посрамившимся и однако же менее всего желающим быть предметом общественного презрения.

Синедрион безуспешность своего посольства, без сомнения, приписал Самому Иисусу Христу, и какой-либо фарисейский оратор, подобный Тертилу ([Деян. 24,1–3](#)), мог представлять Его виновным в неповиновении властям, в уклонении от исследования Его дела. Но по самой сути образа действия Господа в настоящем случае был следствием глубокой премудрости и даже любви ко врагам Своим. Что бы последовало, если бы Он теперь решительно и прямо объявил Себя Мессией, как того желали книжники? Справедливо, что они получили бы низкий предлог к обвинению Его перед римским правительством: далее не простиралась цель их настоящего посольства, но какой опасности подвергался бы Иерусалим и они сами? Народ, приняв из уст Самого Иисуса решительное объявление о Его достоинстве, немедленно разделится бы на две стороны, из которых самая большая была бы против синедриона и легко дошла бы до возмущения, которое могло стоить жизни самим первосвященникам. Господь предвидел все опасные следствия прямого объявления о Своем достоинстве и, желая избежать всякого повода к общественным беспорядкам, откладывал его, как увидим, до самых последних минут Своей жизни. Синедрион услышит от Него решительные слова: «Я – Сын Божий» ([Мф. 26, 64](#)), но услышит в ту пору, когда они не будут иметь никаких последствий, вредных для народа, когда объявление Себя Мессией, не встревожив никого, приблизит только Его собственный крест.

С другой стороны, синедрион через посольство свое узнал все, что для него полезно было знать. Из притчей Иисусовых само собой следовало, что Он есть Мессия, следовало еще более, что Ему известны все мотивы,

по которым действуют враги Его, и все тайные причины, побуждающие их отвергать Сына Давидова; что Он совершенно знает об участи, для Него уготовляемой, и решился подвергнуться всему по воле Своего Отца и из любви к роду человеческому. Сравнение Себя с сыном-наследником, употребленное Господом, особенно было многозначительно и разительно: из него открывалось, что нежелание расстаться с выгодами верховной власти над народом, чтобы передать ее Сыну Давидову, было главной причиной, по какой первосвященники отвергли Иисуса, такой причиной, действий которой на себе не примечали вполне, может быть, они сами. После столь ясных, хоть не прямых вразумлений членам синедриона надлежало бы обратиться к своей совести и спросить, за кого она почитает Иисуса? Без сомнения, всякому, имеющему уши слышать, она сказала бы, что человек, который так учит, живет и действует, есть истинный Христос, Сын Бога живого...

По удалении книжников Господь продолжал Свои беседы с народом. Неудачное посольство синедриона подавало к тому дополнительный повод и некоторым образом налагало на Него обязанность преподавать народу совет, как должно поступать в настоящих, для каждого израильтянина чрезвычайно важных, обстоятельствах.

В самом деле, какой народ мог находиться когда-либо в таком положении, в каком были теперь иудеи? Каждый из них видел своими очами Мессию – предмет тысячелетних пламенных ожиданий, и каждый чувствовал, что подвергается очевидной опасности не узнать Его. С одной стороны, все влекло к Иисусу – и Его чудеса, и учение, и жизнь; с другой, многое и удаляло от Него – и власть синедриона, и пример фарисеев, славившихся святостью, и Его собственная нищета: куда обратиться? что делать? В таких обстоятельствах доброе сердце хотело бы, презрев все, предаться Иисусу; обыкновенный житейский рассудок говорил, что надо ожидать мнения начальства, которому от Самого

Бога дано управлять народом. Еще сильнее действовал предрассудок, что народ иудейский весь предназначен к блаженству в царствии Мессии. Тем менее, думали, могут быть исключены из этого числа начальники; и следовательно, казалось, лучше прийти за ними, хоть и позже, на вечерю (блаженство времен Мессии иудеи чаще всего представляли под видом вечери), нежели, опередив других, особенно начальников, подвергнуться опасности быть увлечену каким-либо Мессией неистинным.

«С Царствием Божьим, – так начал вещать Господь народу, – происходит подобное тому, что случилось с пиршеством, которое один царь устроил по случаю объявления своего сына наследником. Когда

все было готово, он послал сказать гостям, чтобы они шли на пиршество. Но гости отказались, не желая, чтобы его сын был их царем. Царь в другой раз отправил слуг – сказать званым, что все готово, недостает только их. Но последние дошли до такой дерзости, что, схватив слуг, ругались над ними и некоторых убили. Тут царь вышел из терпения, и немедленно послал войско, которое не только предало жестокой смерти презрителей царской милости, но и самый город их разорило до основания.

Между тем время пира наступило. Царь, не желая, чтобы радость его осталась неразделенной с подданными, сказал слугам своим: вот, пир готов, и званые сделались недостойными, но я найду себе гостей! Ступайте на распутья и зовите всех, кто встретится». Повеление исполнено, и дом царский наполнился людьми всякого звания, добрыми и злыми, без разбора.

В продолжение пира царь вошел к гостям посмотреть собрание и обрадовать его своим присутствием. Один из возлежащих тотчас обратил на себя его внимание тем, что был в простой одежде, а не в праздничной, как следовало. «Друг мой, – спросил царь с кротостью, приличной общему веселью, – как ты осмелился войти сюда не в должном виде?» Виновный молчал, не зная что отвечать. «Возьмите его, – сказал разгневанный царь слугам, – свяжите ему руки и ноги и бросьте в самую глубокую и мрачную темницу, где он будет плакать и скрежетать зубами. Званых, – прибавил царь в наставление собранию, – много, а избранных мало!..»

Господь уж употребил эту притчу прежде, но для другой цели и в другом виде. В первый раз, описанный св. Лукой ([Лк. 14, 16–24](#)), она употреблена для показания того, что из иудеев не все и не многие войдут в царство Мессии; потому что не многие согласятся исполнить условия входа: тогда ни слова не было сказано о том, чтобы места званых были заняты другими, приглашенными с распутий. Теперь к высказанной мысли об отвержении иудеев присоединена другая – о призвании на их место язычников и о том, что эти вновь призванные, подобно иудеям, не все оправдают своей жизнью милость, им оказанную. Пример этот показывает, как мудро составлены были притчи Богочеловека, как точно приспособлены к слушателям и видоизменялись смотря по обстоятельствам.

Для народа в этой притче содержалось теперь разрешение всех его недоумений касательно настоящих обстоятельств и вместе преподавалось правило поведения, самое верное и надежное. «Значит, нет причины удивляться, что первосвященники не верят Иисусу, отвергают царство, Им проповедуемое. Званых много, а избранных мало! Нет причины спрашивать, кто же наследует царство, если иудеи

не войдут в него; царь найдет себе гостей!.. Следовательно, должно, оставив всякое слепое подражание кому бы то ни было, слушать свою совесть, идти на вечерю, но идти в брачной одежде. В этом – приличном одеянии, в благочестивой жизни – главное дело. У Бога нет лицеприятия. Если соблюду веру и буду добр, то непременно буду с Мессией в царствии Его – получу спасение». Для христиан притча о вечери содержит грозный урок – совершать свое спасение со страхом. «Я, – говорит один учитель Церкви, – всегда содрогаюсь, когда вспоминаю слова: **«дуже, како вшел еси, не имый одеяния брачна?»**»

## **VII. Посрамление сект иудейских и обличение их пороков перед народом**

*Искушения со стороны фарисеев, саддукеев, законника – с ответами на них Иисуса Христа. – Вопрос о достоинстве Мессии. – Последнее обличение законоучителей иудейских.*

Синедрион, при всей злобе на Иисуса Христа за посрамление членов его перед народом, почел за лучшее молчать до времени и не предпринимать против Него явного насилия. Мнимое великодушие это было вызвано страхом перед народом, любившим Иисуса. Между тем, оскорбленная гордость книжников не могла и на малое время оставаться в совершенном бездействии; в несколько минут составлен против Богочеловека новый план, изобретателями и исполнителями которого были, как легко предугадать, фарисеи ([Мф. 22, 15](#)). Узнав, что Он продолжает беседовать в храме с народом, лицемеры согласились подослать к Нему несколько человек из своих единомышленников, чтобы уловить Его в каком-либо слове. Всем известная свобода слова и откровенность, с которой Иисус Христос всегда высказывал Свои мысли, были порукой их успеха. Требовалось только выдумать вопрос, столь же благовидный, как и опасный, и предложить его так, чтобы не обнаружить цель, с которой его предлагают. Подобный вопрос напрашивался сам собой – это был вопрос о податях, которые в продолжение двадцати лет (со времени превращения Иудеи в римскую провинцию) выплачивались кесарю и волновали ум и совесть иудеев, а для некоторых неблагоприятных патриотов (напр., Иуды Галилеянина с его сообщниками) были поводом к кровавому восстанию против римлян. Несмотря на провал и тяжелые последствия этого восстания, большая часть народа, руководимая внушениями фарисеев и собственным самолюбием, до сих пор считала, что подати, выплачиваемые римлянам, – результат незаконного притеснения и противны духу Моисеевой религии. Для израильтянина, думали, обязанного признавать царем своим одного Иегову, должна



существовать и одна законная подать, собираемая для храма Иеговы ([Ис. 30,12–16](#)). Инако мыслившие (иродиане и часть саддукеев) не имели поддержки в народе и причитались к отступникам, увлеченным на сторону язычников выгодами или страхом. Об этом-то предмете и было решено спросить Иисуса. Кто действовал, как Мессия, Тот, казалось, должен был решить всеми предлагаемый и никем не решенный в полной мере вопрос о подати; тем более, что с пришествием Мессии все ожидали перемены своих отношений с римлянами.

Фарисеи, конечно, надеялись услышать от Иисуса Христа ответ, враждебный римлянам, ибо думали, что Он, в качестве Мессии, ищет земного царства и для этого будет содействовать освобождению народа, не желавшего платить римлянам подати. Но в таком случае ответ Иисуса Христа был бы самым сильным предлогом для фарисеев, чтобы обвинить Его перед римским прокуратором. Запрещать или называть несправедливыми подати, выплачиваемые римлянам, значило в глазах последних быть возмутителем общественного покоя. За это преступление римские прокураторы тем строже и охотнее наказывали, чем труднее было приучить иудеев, подобно прочим народам, к платежу податей. Впрочем, фарисеи ничего бы не потеряли и в том случае, если бы Иисус Христос, паче чаяния их, ответил на вопрос о податях в пользу римлян: через это Он Сам отвратил бы от Себя народ, который никак не мог представить, чтобы Мессия повелел ему когда-нибудь платить подать язычникам. Третьего варианта ответа на вопрос о податях фарисеи, вероятно, не нашли; и действительно, его нелегко было представить.

Для большего успеха в своей хитрости фарисеи пригласили с собой иродиан. Секта это, отличавшаяся склонностью к языческому образованию и нравам, во многом была не согласна с фарисеями, излишне приверженными ко всему отечественному: в отношении к податям именно иродиане утверждали противное всеобщему мнению, почитая их законными. Но из-за своей оппозиции они и были теперь полезны для фарисеев – в том случае, если бы Иисус Христос, как надеялись, не одобрил податей. Самим фарисеям обвинять Его перед римским начальством в этом патриотическом поступке значило бы навлечь на себя ненависть народа, любовью которого фарисеи весьма дорожили; иродиане же могли это сделать без всяких неприятных для себя последствий. Притом обвинение со стороны иродиан, как царедворцев, преданных Иродовой фамилии, а следовательно, и кесарю, оказало бы гораздо больше действия на римского прокуратора, имевшего много причин не доверять фарисеям в их усердии к римлянам.

Искусителями были выбраны ученики фарисейские ([Мф. 22,16](#)), чтобы не вызвать подозрений. Им было велено вмешаться в толпу народа, окружавшего Иисуса Христа, и притвориться благочестивыми и внимательными к Его учению. Поступив таким образом, молодые лицемеры после нескольких неважных вопросов повернули беседу с Христом в нужную сторону. «Учитель, – так начал один из лицемеров, – нам хотелось бы особенно узнать Твое мнение об одном предмете. Почти никто не говорит о нем откровенно; но мы знаем, что для Тебя правда выше всего; Ты никогда не смотрел на лица и не страшился опасностей, учил истине, как должно Учителю Израилеву».

(Такая лесть уже сильно выдавала себя перед Господом, Который не любил похвал.)

«Скажи нам, как Тебе кажутся подати, собираемые для кесаря? Давая их, не делаемся ли мы из народа Божьего рабами язычников – не оскорбляем ли своей совести? Давать ли нам их (прибавил он, понизив голос), или не давать?..»

Простодушному народу вопрос этот должен был чрезвычайно понравиться, потому что предмет, о котором спрашивали, занимал всех – от первосвященника до последнего раба. Самая похвала Иисусу также была приятна народу, который думал о Нем на самом деле так, как лицемерно говорил книжник.

Но Сердцеведец немедленно понял цель искусителей. «Долго ли вам, – сказал Он с негодованием, – искушать Меня, лицемеры?!. Покажите монету, которой платят подать».

Фарисеи подали Ему динарий – римскую монету с изображением кесаря.

Господь взял монету, посмотрел на изображение и надпись и, отдавая назад, спросил: «Чье это изображение и какая надпись?» «Кесаревы», – отвечал фарисей, не зная, что выйдет из его ответа.

**"Так что же, – отвечал Господь, – воздадите кесарева кесарева, а Божья Богами».** (Первое, то есть, не противоречит последнему: ибо кесарь требует своего и не запрещает Божьего).

Ответ этот удивил всех, потому что сотворен был, так сказать, из ничего. Сами книжники должны были признаться, что это сказано весьма обдуманно и благоразумно. Господь не обратил, по-видимому, никакого внимания на основание вопроса – на права кесаря в отношении иудеев и, вопреки желанию фарисеев, не сказал об этих правах ни слова; но они – явно – и не спрашивали о том. То, напротив, о чем спрашивалось, то есть должно ли давать подати кесарю, не противоречат ли они совести и религии, разрешено так ясно и удовлетворительно, так сходно с нравами народа (житель Востока любит краткие положительные ответы и не терпит отвлеченных

рассуждений), даже с правилами тогдашней учености иудейской (у раввинских правоведов издревле принято было за непреложную истину: чья монета, того и царство), что фарисеям ничего не оставалось более делать, как только замолчать и удалиться.

Слух о посрамлении фарисеев немедленно распространился между книжниками, которых всегда было много в храме. Для саддукеев показалось обстоятельство это благоприятным случаем испытать и свои силы, чтобы победой над Иисусом Христом унижить вместе и гордость фарисеев, своих постоянных соперников и врагов. Может быть, они хотели даже изведать, не одобрит ли Иисус Христос, так злобно оскорбленный фарисеями, учения их секты, не проявит ли склонность к саддукейству; в таком случае, им надлежало бы уже сменить свою ненависть к Нему на симпатию, по крайней мере, приостановить дальнейшее преследование. Такая надежда могла быть основана на том, что Иисус Христос, постоянно обличая фарисеев, реже и менее говорил против саддукеев. Какую бы, впрочем, цель ни имели саддукеи, искушение их уже не заключало в себе личной опасности для Иисуса Христа: хотели сразиться одной ученостью. Предмет для состязания взят был тот самый, который непрестанно возникал в спорах между фарисеями и саддукеями – воскресение мертвых. Иисус Христос постоянно и всенародно учил, что души человеческие бессмертны и что все умершие должны некогда воскреснуть. Для опровержения этой истины саддукеи выбрали самое сильное из своих возражений, которое, вероятно, почиталось неотразимым в их спорах с фарисеями. Потом, как люди, не имеющие никаких тайных и опасных для Иисуса Христа мыслей, приступили к делу прямо.

«Учитель! Моисей сказал ([Втор. 25, 5–10](#); [Быт. 38, 8](#)): ежели кто умрет, не имея детей, то брат его должен взять за себя жену его и восставить племя брата своего. Вследствие этого закона случилось вот что: было семь братьев, первый, женись, умерли и, не имея детей, оставил жену брату своему; другой, взявши ее, также умер бездетным; подобным образом умер третий и четвертый – даже до седьмого. Наконец, после всех, умерла и жена. Спрашивается (продолжал саддукей): которого из семи мужей будет она женой в то время, когда все воскреснут? Все семеро (прибавил он) имели ее» ([Мф. 22, 23–33](#); [Мк. 12, 18–27](#); [Лк. 20, 27–39](#)).

К чему идет дело и для чего предложен странный случай с женой – нужно было догадаться. Так обыкновенно поступали раввины в своих состязаниях, указывая на какой-либо пример, делая одни намеки и не приводя отдельных умозаключений и выводов, к которым житель Востока не может привыкнуть. По нашему образу высказывания мыслей, сила возражения саддукейского состояла в следующем: «в книгах Моисеевых не только нет никакого доказательства бессмертия

душ; но еще есть нечто такое, что совершенно противоречит учению о воскресении мертвых; именно – закон ужичества. Ежели мертвые воскреснут (как учат фарисеи и Ты), то жена, приведенная в пример, должна по закону ужичества принадлежать или всем семи мужьям, или никому, что равно нелепо; но такого нелепого закона (каким оказывается закон ужичества в отношении к бессмертию) Моисей, мудрейший, Богодухновенный законодатель, дать не мог; следовательно, по учению Моисея, нет воскресения мертвых, и мы, не принимая учения о бессмертии, совершенно правы». Умствование, по-видимому, не без силы: только им предполагалась недоказанная и ложная мысль, что чувственный союз супружества остается в силе и по воскресении мертвых, в будущей жизни, между теми лицами, которые были супругами в настоящей жизни. И фарисеи не все допускали последнее мнение; а Иисус Христос не одобрял ни того, ни другого. Тем удобнее было отвечать на софизм.

«Не оттого ли именно, – сказал Господь саддукеям, – и происходит ваше заблуждение, что вы не знаете истинного смысла писаний и не имеете правильного понятия о всемогуществе Божьем? Самый образ мыслей ваших о состоянии будущей жизни нелеп и ложен. Жениться, выходить замуж есть принадлежность только настоящей жизни, в которой господствует чувственность. Но там нет ничего чувственного, а потому нет и брака. Сыны воскресения будут сынами не плотскими, а Божьими; их состояние подобно состоянию ангелов».

Замечания этого уже было достаточно для посрамления саддукеев, потому что им совершенно опровергалось возражение саддукейское и с его основанием. Но Господь, вероятно, видел возможность вывести некоторых саддукеев из их заблуждения, поэтому не удовольствовался одним опровержением возражения, а присовокупил со Своей стороны весьма убедительное доказательство бессмертия.

«Столь же несправедливо, – продолжал Он, – думаете вы, что в законе Моисеевом нет ничего о воскресении мертвых и будущей жизни. Разве вы никогда не читали тех мест, где описывается явление Бога Моисею? Как там называет Себя **Бог**? – "Аз есмь, – говорит Он, – **Бог Авраамов, Бог Исааков, Бог Иаковлев**". Но Бог не есть Бог мертвых, а живых; посему у Него все живы» ([Ис. 3, 6](#); [Лк. 20, 37](#)).

Саддукеи молчали. Доказательство, приведенное Иисусом Христом, кроме неожиданности (у саддукеев почиталось за несомненное, что в книгах Моисея нет подобных указаний на бессмертие), отличалось глубиной и духовностью смысла, невиданной в умствованиях раввинов, большей частью мелочных и слабых. Каждый невольно чувствовал, что Бог действительно не назвал бы Себя Богом Авраама, Исаака и Иакова, если бы эти святые мужи вовсе перестали существовать. Некоторые из

саддукеев громко выразили свое одобрение при народе ([Лк. 20, 39](#)), который тем более радовался, что торжество Иисуса над саддукеями казалось ему собственным торжеством.

Неудачное выступление саддукеев снова ободрило фарисейских книжников и пробудило охоту вступить в спор с Иисусом. Сговорившись между собой ([Мф. 22, 34](#)), они выбрали одного ([Мф. 22, 35](#)), самого искусного и надежного законника, который, впрочем, как показал опыт, имел не только ум для суждения о важных предметах, но и сердце для принятия истины. Уже прежний ответ Иисусов саддукеям, по замечанию св. Марка, ему весьма понравился, и он взял на себя поручение – искусить Иисуса, вероятно, с лучшим намерением, нежели предполагалось его сообщниками.

Вопрос, предложенный законником, касался любимого предмета – спора о заповедях. Фарисеи постоянно разделяли заповеди на большие и малые; равным образом, все они были согласны в том, что под заповедями большими надо разуметь все обрядовые законы, а под меньшими – правила нравственности. Но какая самая большая заповедь – в этом никак не могли согласиться: одни почитали такой закон о субботе, другие – закон обрезания и так далее. Источником этих исследований и споров была не одна склонность к утончениям и софистике, присущая фарисеям, а частью и нужда: от мнения, какая самая большая заповедь, зависело, какую заповедь можно оставлять в случае так называемого несогласия, или противоречия, обязанностей.

«Первая из всех заповедей, – отвечал Господь, – есть сия: слыши, Израиль! Господь Бог наш есть Господь один, посему возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всей душой твоей и всем разумением твоим и всей крепостью твоей ([Втор. 6, 5](#))! Сия заповедь более всех.

Вторая, подобная ей, заповедь сия: возлюби ближнего твоего, как самого себя ([Лев. 19, 18](#))!

Иной заповеди больше этих нет. В этих двух заповедях состоит весь закон и все Пророки». (Это сущность всего закона!)

Ответ этот был самый лучший, хотя и не заключал в себе численного деления заповедей, к которому привыкли законники. Фарисеи оттого именно и не могли согласиться, какая большая заповедь, что считали и измеряли заповеди, вместо того, чтобы проникаться духом их и исполнять их на самом деле.

Не без особенного намерения, произнося заповедь о любви к Богу, Иисус Христос упомянул о единстве Божьем. Это для того, чтобы иудеи, когда Он называл Себя Сыном Божьим, не толковали слов Его так, словно Он проповедовал двоебожие. В опровержение этой клеветы теперь ясно и с силой сказано, что единство Божье есть первая мысль, которую надо иметь при исполнении своих обязанностей.

Ответ Иисусов совершенно удовлетворил желанию книжника, предложившего вопрос. «Так, Учитель. Ты сказал совершенную истину: кроме Бога, нами исповедуемого, нет другого; и любить Его всем сердцем, всем умом, всей душой и всей крепостью, и любить ближнего, как самого себя, – это больше всех жертв и всесождений!»

Из уст книжника-фарисея слышать такое здоровое суждение, произнесенное от сердца и с силой, – был случай редкий. Господь за все время служения Своего немного слышал таких здоровых суждений. «Ты не далек от Царствия Божьего!» – сказал Он книжнику ([Мк. 12, 34](#)); светлый, исполненный милосердия взгляд подтвердил этот отзыв. Тем огорчительнее было для прочих фарисеев слышать от своего собрата слова, которые отзывались явной изменой их секте, постоянно утверждавшей, что предания выше писания, обряды важнее заповедей. Для многих, вероятно, желательно было бы знать о дальнейшей судьбе этого книжника. Предание не говорит о нем ничего. Можно думать, что он рано или поздно ощутил близость Царствия Божьего и, сделавшись последователем Иисуса Христа, собственной жизнью оправдал, что любовь к Богу и ближнему есть большая из всех заповедей.

После этих опытов Божественной премудрости Иисусовой уже никто не смел задавать Ему вопросы. Но когда все умолкли, Господь Сам заговорил с фарисеями.

«Как вы думаете, – спросил Он, – о Мессии: чей Он должен быть Сын?»

«Давидов», – отвечал один фарисей без долгого размышления, потому что истина эта известна была каждому отроку.

«Но если Мессия, – возразил Иисус, есть только потомок Давидов, то каким образом Давид (писавший по вдохновению) мог назвать Его своим Господом? Как он мог написать о Мессии: рече Господь Господеви моему (Мессии): седи одесную Мене, Дóндеже положу враги Твоя в подножие ног Твоих? Если Мессия, по сему изречению есть Господь Давида: то как же Он сын его?» ([Мф. 22, 42–46](#)).

Не сумев найти решительного ответа, фарисеи могли бы однако же прибегнуть к некоторым рассуждениям, и ответить, напр., что потомок часто бывает гораздо выше своих предков, что Мессия будет такой могущественный царь, которого сам Давид мог и должен был назвать своим господином. Но им, как можно догадываться из обстоятельств, не хотелось рассуждать всенародно о предмете, который приводил к их бесчестию. Уже совершенно известно было, что народ почитает Иисуса Христа за Мессию, Он Сам, хоть и в притчах, дал однако же книжникам ясно понять, Кто Он и какая участь ожидает тех, кто не признает Его за Мессию. Полагая, что и настоящий вопрос поведет к тому же, фарисеи почли за лучшее промолчать.

Вопрос остался без ответа. Господь и Сам не благоволил решить его, потому что ближайшая цель – привести к молчанию совопросников и обнаружить перед народом их невежество – была уже достигнута; а дальнейшая – подать повод к размышлению о Божественном достоинстве Мессии – должна была быть достигнута не теперь и не вдруг. Если настоящие слушатели Иисусовы не были еще, как вероятно, способны принять от Него высокое учение о Божественности Его лица, то впоследствии апостолы Петр ([Деян. 2, 34](#)) и Павел ([1Кор. 15,25](#); [Евр. 1, 13](#)) слова Давида, сказанные здесь Иисусом Христом, постоянно приводили в доказательство Его Божественности и раскрыли всю силу их.

Так кончились состязания с книжниками. Главные секты иудейские явились теперь перед лицом Иисуса Христа со своими искушениями и вопросами, как бы нарочно для того, чтобы показать, как ничтожна была вся их жалкая ученость перед Божественной мудростью мнимого Тектона Назаретского. Вопросы, ими предложенные, ныне могут показаться не столь важными и трудными, но тогда они были таковы, что самые ученые раввины не знали, что отвечать на них. Св. Марк добавляет, что с посрамлением книжников увеличилось уважение и приверженность народа к Иисусу Христу ([Мк. 12, 37](#)). Действительно, нельзя было без удовольствия и удивления видеть, как один человек заставил молчать, обнаружил невежество всех, кто только почитался в Иерусалиме самым ученым и многознающим.

Довольно спокойный тон, в котором книжники, несмотря на посрамление свое, продолжали и возобновляли несколько раз беседу, служил, по-видимому, доказательством, что ненависть их к Иисусу Христу еще не достигла высшей степени. Между тем, она совершенно созрела, и только привычка лицемерить делала ее не такой заметной. Господь совершенно видел сердце врагов Своих, как оно грубо и неисправимо, поэтому, приближаясь к концу служения Своего, почел за нужное без всякой пощады обнаружить перед народом низость их характера и поступков, чтобы предостеречь от подражания им простые души.

Обратившись к народу, Он произнес ту обличительную речь, от которой всегда будут трепетать лицемеры.

«На Моисеевом седалище, – так начал Он, – воссели книжники и фарисеи. Все, что они велят вам наблюдать, наблюдайте, только по делам их не поступайте; потому что они сами говорят и не делают, связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и кладут на плечи людям, а сами и пальцем не хотят двинуть их. Все же дела свои делают с тем, чтобы быть видимыми от людей; для того именно расширяют свои хранилища и увеличивают воскрылия одежд своих. Также любят

первые места на пиршествах и в синагогах и чтобы им кланялись в народных собраниях, и чтобы звали их: «учитель! учитель!» Вы, – продолжал Господь, обратившись к ученикам, – не следуйте сему примеру: не называйтесь учителями: ибо у вас один Учитель – Христос, а вы все братья; и отцом себе не называйте никого на земле (как то делают фарисеи): ибо у вас один Отец, Иже на небесех. Не позволяйте также, подобно им, величать себя начальниками, потому, что у вас один Начальник – Христос. Большой из вас да будет всем слуга. Ибо возвышающий себя унижится, а унижающий возвысится.

Горе вам (воскликнул Господь, обратя речь к фарисеям), книжники и фарисеи – лицемеры, что затворяете Царствие Небесное человекам и не только сами не входите в него, но и желающих войти не допускаете. Горе вам, книжники, фарисеи – лицемеры, кои поедаете дома вдовиц, и самую молитву обращаете в предмет лицемерия, продолжая оную из тщеславия: тем тягчайшее ожидает вас осуждение! Горе вам книжники и фарисеи – лицемеры, кои обходите сушу и море, чтоб обратить хотя одного в иудейство, а обратив, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас самих! Горе вам, вожди слепые, кои учите, что если кто поклянется храмом, то ничего; а если кто поклянется золотом храма, то непременно должен исполнить клятву! Слепые и несмысленные! что больше: золото или храм, освящающий золото? Также учите вы, что если кто поклянется жертвенником, то ничего; а если кто поклянется даром, что на жертвеннике, тот должен исполнить клятву. Глупые и слепые! Что больше – дар, или жертвенник, освящающий дар? Ужели вы не разумеете, что клянувшийся жертвенником, клянется им и всем, что на нем? И кто клянется храмом, клянется им и живущим в нем? И кто клянется небом, клянется престолом Божиим и Сидящим на нем? Горе вам, книжники и фарисеи – лицемеры, дающие десятину со всех малых растений – с мяты, аниса и тмина; между тем оставляющие существенное, в чем состоит закон: правосудие, милость и верность: сие-то надлежало прежде исполнять, а потом уже (если угодно) думать о том. Вожди слепые, отцеживающие комара, а поглощающие верблюда! Горе вам, книжники и фарисеи – лицемеры, кои с такой заботливостью очищаете внешность чаш и блюд, между тем как внутренность ваша исполнена хищения и неправд! Фарисей-слепец, очисти прежде то, что в чаше; тогда и внешность ее будет чиста. Чему уподобить вас – лицемеров? Разве гробам окрашенным, кои снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты. Так и вы снаружи кажетесь праведными, а внутри полны лицемерия и беззакония! Несчастные! вы строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: «если бы мы жили во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови



пророческой». Говоря таким образом, вы сами свидетельствуете, что вы сыны людей, кои избии пророков. Дополняйте же меру преступлений отцов ваших!.. Змии, порождения ехиднины! Как убежите вы от осуждения в геенну? Слышите, что Премудрость Божья вещает вам через Меня: «Се Я еще пошлю к ним пророков и мудрых книжников: но из них одни будут убиты... иные распяты... прочие преследуемы и биты в синагогах». Так вы сделаете все это, дабы пришла на вас кровь пророков и посланников Божьих, убитых вашими предками, от Авеля праведного до Захарии, сына Варахиина, который (так чтите вы храм!) умерщвлен между храмом и жертвенником. Аминь, аминь глаголю вам, яко все это приидет на род сей, отяготеет над настоящим поколением, над вами и чадами вашими!.. Иерусалим, Иерусалим! – избивающий пророков и камением побивающий посланных к тебе! Колико крат хотел Я собрать чад твоих, как птица собирает птенцов своих под крыле своя: но вы не восхотели! (не восхотели!). Да будет же то, чему быть должно! Се оставляется дом ваш пуст... Истинно говорю вам, вы не увидите Меня отныне ([Мф. 23, 39](#)), доколе не Изыдите во сретение с восклицанием: **Благословен грядый во имя Господне!**».

С этими словами Господь вышел из внутренних притворов храма во внешние, как бы желая показать, что исполнение последней угрозы началось теперь же.

После того Он уже не был в храме.

Беседы, подобные этой, не остаются без действия и произносятся только теми, которые на то пришли в мир, чтобы свидетельствовать истину и умереть за нее ([Ин. 18, 37](#)). Так никто еще и никогда не говорил в храме иерусалимском в присутствии народа. Обличения самого Исаии ([Ис. 1, 1–20](#)) и Иеремии ([Иер. 7, 1–15](#)) представляются не столь сильными в сравнении с настоящим. Все, в чем Господь при разных случаях упрекал книжников, совокуплено теперь в одно. После этого гордые лицемеры не могли простить своему Обличителю: смерть, смерть жестокая будет с их стороны ответом!..

Для народа обличение книжников было очень нужно. Он должен был наконец увидеть истинную причину своих бедствий – узнать, кто его ведет и в какую бездну. Время пощады кончилось. Не желая преждевременно колебать существующего порядка вещей, при всех его несовершенствах, Господь доселе не раскрывал всей низости характера народных учителей; иногда поддерживал даже важность их сана ([Лк. 17, 14](#)), и теперь велел слушать, чему они учат. Но показав мудрое снисхождение, надлежало обнаружить и неумытную строгость; и она обнаружена! Ни одна страсть не оставлена без обличения, ни одно заблуждение – без упрека. Предпочтение преданий человеческих заповедям Божьим, обременение совести напрасными требованиями,

извращение истинного смысла заповедей – все выставлено в таком свете, что нельзя было не видеть истины. Особенно же – низкий характер книжников, их лицемерие и невежество изображены так живо и сильно, как только может изображать язык человеческий. И все это тем было разительнее для слушателей, что Иисус Христос говорил, уже не как обыкновенный или необыкновенный учитель, а как Мессия, Который, будучи отвергнут синагогой, упрекает ее за неверие и убийство пророков и предсказывает бедствия, за этим неминуемо следующие. Слова «приидет кровь всех праведников на род сей» потрясли сердца самые бесстрашные. Справедливость обличения, святость Обличителя ручались перед всеми и за неотвратимость страшных угроз, которыми окончена беседа.

Такое обличение фарисейства не лишне было и для учеников Иисусовых, тем более для будущих последователей Его. Господь ясно видел, что благодатной Церкви, Им основанной, угрожают те же пороки и страсти, от которых страдала и пала [Церковь](#) иудейская; что и между последователями Его не преминут явиться новые фарисеи и книжники, любящие связывать бремена неудобноносимые и возлагать на совести других, не касаясь и перстом своим этой тяжести, умеющие украшать внешность свою, тогда как внутренность полна костей и смрада, – видел, – и, в лице фарисеев иудейских, изрек «горе» всем лицемерам христианским.

Достоин замечания, что Господь, говоря о убиении пророков, не упоминает о Своей крови, которая должна была вскоре пролиться; обещается, несмотря на Свою смерть, виновниками которой будут иудеи, снова послать апостолов и пророков для их вразумления. Так свободен Он был при этом обличении от всякого личного чувства гнева или ненависти! Так неизменно помнил, что Сын Человеческий пришел не судить мир, а спасти его!

### **VIII. Заключение общественного служения Иисусова в качестве Мессии**

*Замечание о двух лептах вдовицы. – Желание еллинов видеть Иисуса. – Его душевное смущение. – Глас к Нему с неба. – Его вразумление народу по этому случаю. – Важность настоящих минут и их всемирное значение.*

Выйдя из внутренних притворов храма, Иисус Христос остановился у дверей внешнего притвора женщин и сел отдохнуть против ящика, в который богомольцы клали деньги, глядя на проходящий народ. Клали многие весьма много, иные из усердия, а иные (фарисеи) и по тщеславию. Господь безмолвствовал. Между тем подошла к ящику одна бедная вдова и положила две лепты (полушки). По всему видно было,

что она отдавала последнее. Для людей с фарисейским чувством такой дар показался бы нестоящим внимания. Но Господь взирал не на деньги, а на сердце дающих: поступок вдовы был для Него многоценен. Подозвав к Себе учеников, как бы желая разделить с ними дорогую находку, – «смотрите, – сказал Он им, – эта бедная вдова более всех положила в сокровищницу!» Ученики дивились, не понимая сказанного. «Прочие, – продолжал Господь, – клали от избытка, а она от скудости; те жертвовали храму тем, без чего могут обойтись а она пожертвовала все, что имела, – может быть, последний кусок хлеба» ([Лк. 21,1–4](#)).

Замечание, сделанное о поступке вдовицы, открывает характер не только ее, но и в некотором отношении Самого Иисуса. Поучительно видеть, как сам отдых Его служил к пользе и как Он не оставлял без внимания самых обыкновенных случаев, коль скоро в них выражалось что-либо поучительное. Не таковы были фарисейские учителя! Они постоянно занимались маловажными вещами, но, не умея извлекать из них ничего важного, сами сделались странными и жалкими.

Когда Сын Человеческий с невозмутимым спокойствием духа в самые решительные минуты служения Своего обращал внимание на столь незначительные, по-видимому, вещи, как лепта вдовицы, невдалеке среди многочисленного, наполнявшего все храмовые притворы народа само собой произошло событие, которое стало самым достойным завершением Его земного служения на поприще Мессии. В числе пришедших со всех стран света на праздник богомольцев было немало и еллинов, которые, поняв тщету идолослужения языческого и приняв иудейское верование во единого Творца природы и Правителя мира, хотя не принимали на себя еще всего ига обрядового закона иудейского, но почитали своим долгом являться по временам в Иерусалим для принесения жертвы Иегове. Иудеи, особенно ревнители буквы закона, смотрели на своих прозелитов не совсем благосклонными очами, так как они большей частью не имели и не хотели иметь самого первого знака потомков Авраамовых – обрезания, и потому не допускали их до ближайшего участия в своих религиозных священнодействиях, ограничив самое вхождение их в храм внешними притворами. Но что между этими новыми получадами Израиля были люди с добрым сердцем, со светлыми мыслями, с настроением духа возвышенным и открытым для всего истинно-полезного и душеспасительного, за это ручается уже неудовлетворенность языческим богослужением и склонность к вере в Бога Авраамова: ибо народ иудейский, рассеянный по всему тогда известному свету, по своим нравственным качествам, не мог свидетельствовать в пользу своей религии.



несколькими минутами раньше Он сказал, что виноград, который столь худо соблюдали вожди народа иудейского, предан будет другим делателям, что Царство Небесное отнимется у недостойных потомков Авраама и дастся языку, творящему плоды его ([Мф. 21, 43](#)); и вот еллины, как первенцы собираемой от язык Церкви, являются теперь как бы для того, чтобы в сей же час из собственных уст Его принять завет новый и предназначить вступление в наследие завещанного царства. Итак, пришел час, великий, страшный, но неотвратимый час – положить конец делу, продолжавшемуся уж более трех лет! Надо, оставив бесплодные усилия над обращением дщери Сионовой, обратиться к язычникам, жаждущим вступить в права чад Божьих, так долго им неведомые. Время, оставив путь [проповеди](#), вступить на путь креста, вознестись от земли, чтобы привлечь всех способных подняться горе и открыть для всех последователей Своих путь новый и живой ([Евр. 10, 19](#)), путь смирения, самоотвержения и вольного распятия духа и плоти.

В этих мыслях (если только наши слабые мысли, извлекаемые из Писания и св. отцов, могут сколько-нибудь, хоть издали, приближаться к чистоте и высоте помыслов, наполнявших в те священные минуты душу Богочеловека) Он подымлет очи к небу и, не обращая внимания на еллинов (которые, вероятно, приблизились в это время по знаку, данному Филиппом и Андреем), как бы на весь мир восклицает: «**Прииде час, да прославится Сын Человеческий! Аминь, аминь глаголю вам, аще зерно пшенично, пад на землю, не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит. Любая душа свою, – продолжал Господь, – погубит ю; а ненавидяй душу свою в мире сем, в животе вечном сохранит ю. Ащекто Мне служит, Мне да последует: и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет; и аще кто Мне служит, почитит его Отец Мой**».

Все это, как показывает самое свойство мыслей и слов, было произнесено с выражением величия, подобающего Сыну Божьему. Но вдруг светлый взор Его покрылся как бы неким сумраком печали. По Божественному лицу Его видно было, что в душе Его одно чувство быстро сменяется другим, и происходит как бы некое сильное внутреннее движение и борьба (см. Злат. Бесед, на Ин).

"**Ныне, – продолжал Он после некоторого молчания, – ныне душа Моя возмутися... и что реку? Отче, спаси Мя от часа сего! Но сего ради приидох на час сей!**»

Можно представить, как неожиданно и поразительно было не только для народа и еллинов, но и для самых учеников Иисусовых подобное необыкновенное состояние души их Учителя. Но священная величественность тех минут запечатала все уста молчанием. Между тем взор Господа снова заблестал небесным светом.

"Отче, – воскликнул Он как бы одержав внутреннюю победу, – прослави имя Твое!"

«Прославих и паки прославлю», – загремело в ответ с неба. Стоявшие в отдалении подумали, что это внезапный гром (так глас был силен и не похож ни на что земное), а стоявшие вблизи, слыша членораздельный голос, почли это за вещание ангела. В недоумении и страхе все взирали на Иисуса, ожидая, что будет (не последует ли, напр., какое-либо явление, или по крайней мере продолжение столь необыкновенной беседы с небом).

«Не Мене ради глас сей бысть, – вещал Господь ученикам, – но народа ради: ныне суд есть миру сему, – продолжал Он, как бы в изъяснение чуда, – ныне князь мира сего изгнан будет вон... И **аще** Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к Себе...»

Последние слова изрек Господь, по замечанию евангелиста, назнаменуя, коей смертью хотяше умерети ([Ин. 12, 33](#)). В таком точно смысле и принял их народ, хотя мысль о смерти Мессии, какой бы то ни было, тем паче крестной, была совершенно противна народному верованию, представлявшему себе Мессию бессмертным. В другое время такое явное и резкое противоречие народному предрассудку заставило бы народ тотчас возмутиться и, может быть, взять в руки камни, как это бывало в подобных случаях ([Ин. 10, 31](#)); теперь, после гласа с неба, удовольствовались скромным выражением своего недоумения, прикрыв его еще личиной закона. «Как же мы слышали, – сказали некоторые, – из закона, что Мессии надобно пребывать во веки, а Ты говоришь, что должно быть вознесену Сыну Человеческому? Кто этот Сын Человеческий? (то есть не другой ли кто, отличный от Тебя, Который являешься Мессией, или Ты Сам не Мессия, а только предтеча его?)»

Подобные вопросы могли служить поводом для пространного собеседования и обширных объяснений. Но теперь не время уже было вступать в такие объяснения. Господь почел достаточным, не касаясь догматической стороны предмета, преподать народу одно нравственное наставление.

«Еще мало», – сказал Он, – «**свет в вас есть: ходите, Дóндеже свет имате, да тьма вас не имет: ходяй во тьме, не весть, камо идет. Дóндеже свет имате, веруйте во свет, да сынове света будете!**»

(То есть спешите пользоваться в простоте сердца тем, что вы видите и слышите от Меня и через Меня, не увлекаясь сомнениями, не предаваясь вопросам, не тратя времени, которого остается так мало.)

Как бы в доказательство того, что сказал Господь, то есть что это последнее Его наставление, Он, сказав, тотчас отошел от народа и сокрылся ([Ин. 12, 36](#)).

Так заключилось более нежели трехлетнее поприще всенародного служения Иисусова в качестве обещанного народу иудейскому Мессии и Учителя истины. Какое величественное соответствие между началом и концом служебного поприща Иисусова! Там глас с неба на Иордане, и здесь глас с неба при храме; там и здесь и для торжественности и «**народа ради**», – чтобы среди настоящих и еще более наступающих, крайне трудных и смутных обстоятельств, дать ему твердую опору для веры и поведения, чтобы он сей глас с неба мог противопоставить гласу от земли – своего недостойного синедриона. С этой точки зрения настоящие минуты были минутами самыми величественными, минутами решения участи всех и каждого из иудеев. В гласе с неба изрекался суд и осуждение главам народа иудейского, не хотевшим расстаться со своими выгодами, – книжникам и мудрецам иудейским, упорствовавшим в своих предрассудках: фарисеям с их лицемерием: саддукеям с их чувственностью: ессеям с их ложной противообщественной набожностью – всем и каждому, кто, видя перед собой в таком избытке свет небесный, смежал очи, чтобы не видеть. Мессия должен был сделать, со Своей стороны, все, чтобы быть признанным от народа иудейского, Его ожидавшего, – и сделал! Не говоря о трехлетнем служении, о непрестанной [проповеди](#), о многочисленных всякого рода чудесах, довольно было последних событий, чтобы узнать в Нем всем и каждому обетованного Избавителя мира: для того именно воскрешением Лазаря возбуждено было всеобщее внимание как нельзя более; торжественным входом в Иерусалим и принятием от детей «**осанна Сыну Давидову**» – сделано было всенародное объявление о Своем великом достоинстве как нельзя яснее; наконец настоящим гласом с неба (таким знамением особенно дорожили иудеи) ([Мф. 16:1, 12:39](#)), положена на все служение Иисусово такая Божественная печать, вернее которой нельзя и вообразить; после этого для неприемлющих Его не было никакого извинения, оставалось одно осуждение, по мере виновности каждого. Но это осуждение не останавливалось на осужденном мире (человеческом), который при всей виновности своей все еще имел время к покаянию, а следовательно помилованию ([Ин. 16,8–11](#)): нет, оно простиралось далее и сокрушительной силой своей всецело падало на гордую главу князя мира, того человекоубийцы искони ([Ин. 8,44](#)), который, не сохранив собственного достоинства в высших областях мироздания, но оставив самовольно свое жилище ([Иуд. 6](#)), ниспал в бездну унижения и бедствия и потом, не желая через покаяние возвратиться к своему природному месту и первому достоинству, замыслил злобно свергнуть с престола новосотворенного владыку земли, прародителя человеков, и, достигнув этого посредством обольщения, занял незаконно его место – владыки

над миром. Провидя в Иисусе Христе будущего разрушителя своего темного царства, он в самом начале служения Его не преминул явиться перед Ним с искушением в пустыне ([Мф. 4,1–11](#)), во время Его пощения; не успев в своем кове, ставил потом, где мог, преграды Его проповеди; возмущал мирные сердца Его учеников ([Мф. 16, 23](#)), овладел одним из них до того, что обратил его из апостола в сосуд погибели, и воздвиг теперь синедрион на преследование Его именем Самого Бога Израилева. Во всех этих случаях премудростью Божьей предоставлена была этому врагу Бога и людей, по-видимому, свобода действовать так, как он хотел и мог: Сын Человеческий также не противопоставлял ему видимо со Своей стороны неприступной славы Своего Божества, сражался с ним одним смирением и преданностью воле Отца Своего. Несмотря на это, царство света своей внутренней силой явно брало везде верх над царством тьмы; малое стадо, которому завещано царство ([Лк. 22, 29](#)), росло, привлекая к себе отовсюду членов; Сын Человеческий совершил все, что было нужно для основания Церкви Своей так, чтобы и врата адовы не одолели ее; оставалось только вознестись на крест, принести Самого Себя в жертву за род человеческий, чтобы потом принять, и по человечеству Своему, власть над небом и землей, сделаться посредником Бога и человеков, Богопоставленной главой всего мира. После того и вместе с тем князь мира, этот древний самозванец, сам собой лишился незаконного владычества над миром и изгонялся вон, в свое место – во тьму кромешную.

Имея в виду такое всемирное значение настоящего события, Господь, кажется, не вступал в непосредственную беседу с еллинами. Впрочем, для них довольно было и того, что они видели и слышали. Глас с неба должен был прекратить всякое колебание их мыслей касательно лица Иисусова и возбудить веру в Него яко Сына Божьего. Предостережением, что светильнику недолго остается гореть на свещнике, давалось знать и еллинам так же, как и иудеям, чтобы не медлили делом своего спасения, а многозначительными словами «**любяй душу свою, погубит ю**», указывался главный путь к этой цели – самоотвержение христианское. Напоминание об участи, ожидающей князя мира, кажется, и сделано преимущественно для еллинов; ибо его владычество нигде так не свирепствовало, как между язычниками, где он под видом истуканов принимал поклонение и жертвы и давал свои откровения. Все это теперь должно было прекратиться: проповедники Иисуса Распятого обойдут весь мир с крестом, разрушат им всех идолов и распространят поклонение Богу истинному. Мысль отрадная для тех из еллинов, которые давно жаждали этого благодеяния!



Обращая, наконец, внимание на душевное состояние при этом случае Иисуса, тотчас видишь, что оно было самым необыкновенным. И можно ли было без особенно глубокого и сильного чувства окончить такое поприще служения, каково было поприще Сына Человеческого?.. Но это чувство могло быть различно, в зависимости от результата. Как бы оно было радостно, если бы дочь Сионя, наставляемая столько времени и с таким усердием, уразумела наконец день посещения своего ([Лк. 19,42](#))! Но она не уразумела его! Не уразумела до того, что в ослеплении готовится вознести на крест возлюбленного Жениха своего! Ужасная участь, которая постигнет ее за это преступление, вызвала уже, как мы видели, слезы на очах Господа во время входа Его во Иерусалим. Столь же естественно представление этой участи теперь приводит душу Его в горестное смущение. Рассматриваемый с этой стороны крест, Его ожидающий, сам по себе тяжелый, представляется Ему еще тяжелее и ужаснее: ибо вместо того, чтобы на нем пригвоздить одно раздранное и изглаженное рукописание общих грехов всего мира ([Колос. 2, 14](#)), теперь на нем же надо будет пригвоздить и новое рукописание тяжкого греха и осуждения возлюбленной дочери Сионой. Можно ли было не пожелать противного, не сказать от полноты чувства: «**Отче, спаси Мя от часа сего!**» Впрочем, мы бы уклонились от всех правил исторического толкования слов Спасителя, если бы отважились утверждать, что это горестное восклицание, как бы невольно вырвавшееся из стесненного чувствами сердца, нисколько не было в Богочеловеке следствием самой природы человеческой, естественно и необходимо отвращающейся страданий и смерти. Напротив, борьба со страхом смерти была не чужда Ему, даже как Искупителю рода человеческого, как Вождю всех искушаемых и спасающихся: итак, если бы кто почему-либо выпустил бы из вида эту черту, то тем самым, дерзнем сказать, не украсил бы, а исказил черты Искупителя в Его Божественном лице. Ибо этот самый страх, по глубокому замечанию апостола ([Евр. 5,7](#)), служил к последнему величайшему искушению для второго Адама, победив которое, Он явил в Себе всю полноту совершенства, в которой ничего не оставалось желать более ([Евр. 2,10](#)). В самом деле, как бы Божественный Начало вождь спасения нашего мог всем искушаемым помогать, даже знать их состояние, если бы Сам, говоря словами апостола, не был «**искушен по всячески**» ([Евр. 4, 15](#)), не испытал на Себе всего, кроме греха? И как бы можно было сказать, что Он испытал все, если бы Он не испытал страха мучений и смерти, этого последнего и величайшего искушения для слабого естества нашего? К счастью нашему, Он испытал его, испытал теперь; еще более испытает после, в саду Гефсиманском, где искушение это достигнет самой высшей степени и потребует для побеждения

тремя молитвами и – ангела укрепляющего! Там и мы доскажем об этой, самой возвышенной, поучительной и таинственной стороне в жизни и страданиях Богочеловека то, что, по указанию апостолов Христовых и святых отцов, может быть сказано об этом общепонятно. А здесь и теперь заметим только, для руководства при рассмотрении наступающих действий и состояния Богочеловека, что как доселе, в качестве Мессии и предопределенного Царя Израилева, Ему прилично было действовать и учить со властью (Мк. 1, 22. Мф. 7, 28), являть даже видимо Свое величие: так теперь, со вступлением в новый круг действий, в качестве Агнца Божьего, вземлющего грехи всего мира, – Ему надлежало принять на Себя во всей полноте характер жертвы, ведомой на заклание, каким действительно мы и увидим Его в остальных днях Его жизни.

### **IX. Беседа с учениками о судьбе Иерусалима и последних днях мира**

*Замечание учеников о величии и красоте храма, с ответами на них Учителя. – Беседа с ними на Елеоне о судьбе Иерусалима, о последних днях мира и будущем пришествии Мессии. – Определеннейшее предсказание Его о Своей смерти.*

Уклонившись от народа, Богочеловек не остался и в храме, а пошел вон из города, обыкновенным Своим путем, юго-восточными воротами, ведущими на дорогу в Вифанию. Ученики следовали за Ним, исполненные различных, большей частью, печальных мыслей, главным предметом которых, по обыкновению, были они сами и их будущая судьба в царстве Мессии – их Учителя. Сообразно всеобщему народному верованию, им не могло не представляться, что апостолов Мессии ожидают в будущем венцы, слава и богатство; что если в этом звании и неизбежны какие-либо лишения, трудности, жертвы, то все это большей частью уже сделано ими и перенесено: и вот, внезапно слышат они, что из этих апостолов одни будут распяты, другие убиты, все подвергнутся лютому гонению и мукам, и что ряд этих ужасов и бедствий еще не начинался!.. Пусть бы, по крайней мере, в награду за это, ускорено было открытие славного царства Мессии! И эта надежда, казалось, уничтожалась чрезвычайно трудным условием, до исполнения которого Учитель решил не являться в храм. После всего случившегося, думали, возможно ли, чтобы первосвященники и книжники, сами и добровольно, вышли когда-либо навстречу Ему с восклицаниями: «Благословен грядый во имя Господне!» По крайней мере, явно было, что такому условию не исполниться долго, очень долго. Страшная угроза, изреченная Иисусом Христом против храма,

также не могла радовать душу израильтянина и отзывалась чем-то ужасным для учеников. Несмотря на распространившееся ожидание великих бедствий перед пришествием Мессии, к числу которых некоторыми из книжников присовокуплено было даже разрушение храма, иудей никак не мог привыкнуть к этому ожиданию; всякий старался давать ему смысл как можно легче и благоприятнее: особенно в отношении к храму, понятие которого в уме иудея неразрывно соединялось с понятием всего святого и неприкосновенного, с благоденствием народа иудейского, с целостью веры, со славой Самого Иеговы. И этому-то самому храму предсказано теперь запустение, предсказано Самим Мессией, Который притом оставил его навсегда!..

Великолепное и прекрасное здание теперь казалось ученикам Его еще лучше и огромнее. Каждая примечательная вещь, мимо которой они проходили, останавливала на себе их взоры. Один из учеников (Петр) ([Мк. 13, 1](#)) не мог удержаться, чтобы не выразить даже вслух своего удивления величиной камней и прочностью всего здания. Другие ([Лк. 21, 5](#); [Мф. 24, 1](#)) начали указывать Учителю на дорогие украшения, богатые вклады и дары, которыми украшены были столбы и стены многочисленных притворов храма. Некоторые из даров, кроме их ценности, были примечательны тем, что присланы были из отдаленных стран царями и вельможами. Ученики не говорили прямо, почему они теперь именно так озабочены этими вещами и для чего хотят обратить на них внимание Учителя; но слова и самый вид их показывал, что это происходит от тайного сожаления о храме, осужденном за несколько минут на запустение, от некоторого недоверия если не к предсказаниям Учителя, то к правильности собственного разумения слов Его, наконец, от искреннего и прямого, хотя и детского желания, чтоб Учитель вместо ужасных предсказаний и гнева на храм обратил поболее внимания на его богатство и великолепие, спас его, если можно, от разорения и, как Мессия, принял потом в Свою собственность. Господь остановился, посмотрел на предметы, которым особенно удивлялись ученики; казалось, Сам разделяя их мнение о чрезвычайной прочности, богатстве и величии храма ([Мк. 13, 2](#)); но в ту же минуту, вопреки их ожиданию, еще сильнее и яснее подтвердил прежнюю угрозу: **«аминь, аминь глаголю вам, не имать остатися здесь камень на камени, иже не разорится!»..**

Решительность и сила, с какими произнесены были эти слова, отзывались непреложным приговором вечных судеб. Ученики не смели более нарушать безмолвия Учителя, Который Своими беседами и действиями заставил размышлять целый Иерусалим и Сам не менее других погружен был в размышление. Молча прошли водяные ворота,

молча перешли поток Кедрский, молча взойшли на одну из вершин Елеона, которая была прямо против храма ([Мк. 13, 3](#)).

Тем сильнее работало воображение учеников! Самая страшная сторона в ожидании народном, которой доселе они или не верили, или верили, но по-своему, с ограничениями, слабо, – представлялась теперь во всей своей ужасной действительности! «Если храм подвергнется такому разрушению, то что останется целым? Значит, все должно испытать величайшую перемену, быть разрушено до основания». Мрачность подобных мыслей озарялась одной надеждой, – что во времена Мессии все потери будут вознаграждены стократ, явится Иерусалим новый, храм великолепнейший, Богослужение чище и святее. При такой надежде даже можно было желать, чтобы неизбежное зло совершилось как можно скорее, чтобы скорее явилось и ожидаемое добро. «Пока не будет разрушен этот злополучный храм, Учителю нельзя взойти на престол Израильский. Когда же это будет?» Таким вопросом, естественно, оканчивались все предположения и догадки. Любопытство, тем живейшее, чем казалось оно законнее, овладело особенно Петром, Иаковом, Андреем и Иоанном, которые, привыкнув издавна быть свидетелями самых сокровенных деяний Учителя, более других переживали, если не понимали в Его беседе что-нибудь.

Когда Учитель, взойдя на гору, сел отдохнуть на любимом месте Своем, эти четыре ученика, пользуясь отдалением прочих, отдохавших по разным пригоркам, завели с Ним разговор о беседе Его и тотчас перевели речь на храм, который был прямо напротив них и представлялся отсюда во всем величии и красоте. «Скажи нам, когда последует разрушение храма, Тобой предсказанное? Какое знамение Твоего пришествия и кончины века?» События эти, по мнению учеников, согласно народным верованиям, должны были последовать одновременно или весьма скоро одно за другим.

Несмотря на то, что желание знать будущее было в учениках следствием более любопытства, нежели действительной нужды, Учитель нашел полезным преподать им некоторое наставление. Уже наступало время разлуки, после которой апостолам надлежало сделаться вождями многочисленного общества верующих, которое во всех поступках своих, особенно в перенесении страданий, одушевлялось, как известно из истории первобытной Церкви, ожиданием скорого пришествия Иисуса. Не зная ничего определенного о времени этого события, а потому не имея верных правил для своего поведения, первые христиане непрестанно находились бы в опасности быть увлеченными в обман каким-либо лжехристом, в каких не было тогда недостатка. Одно ошибочное мнение, что второе пришествие Мессии последует тотчас после разрушения Иерусалима, не будучи

обличено и опровергнуто, послужило бы источником многих бедствий для христианской Церкви и, может быть, повергло бы ее в сильное смятение. Потом несбывшееся ожидание могло бы охладить веру, погасить надежду, поколебать самое основание христианства. По всем этим причинам нельзя было оставить без ответа недоумения касательно последних дней мира, хотя ответ в настоящих обстоятельствах был крайне затруднителен: ученики многого еще не могли понести.

Следующая беседа Иисуса покажет, однако же, что трудность эта не существовала для Того, Кто ведал все будущее, как настоящее. Мы найдем в ней полный ответ на все три части великого вопроса, предложенного учениками; на первую часть – касательно разрушения храма, ответ весьма определенный, даже в хронологико-топографическом отношении, хотя без численных указаний; на две последние части – касательно кончины мира и всемирного суда, ответ не полный, но совершенно достаточный. Чтоб лучше понять смысл и дух этих ответов, нужно постоянно иметь в виду цель, с которой открывается теперь ученикам будущее. Она состояла не в удовлетворении праздного любопытства, не в хронологическом определении будущих событий, а в том, чтобы истребить ложную и опасную мысль, будто второе пришествие Мессии последует тотчас после разрушения Иерусалима, предостеречь их во время смутной и грозной эпохи от оболщений, укрепить надежду и терпение тех, которым нескорое пришествие Спасителя могло казаться замедлением, а вместе с тем повернуть всех будущих последователей Своих от духа пытливости – касательно кончины мира – к бдению, молитве, делам любви и преданности в волю Отца Небесного.

Кроме того, при чтении следующей беседы Иисусовой нужно вспомнить свойства языка пророческого, на котором отдаленнейшие, по времени, события кажутся нередко современными, и все, как в перспективе, представляется на одной поверхности, пока не будет найдена истинная точка зрения. По местам, где нужно, мы будем указывать эту точку, не препятствуя впрочем, собственному мнению каждого и не выдавая видимого нами в предмете за самый предмет.

– Вы не напрасно заботитесь о будущем, – как бы так начал Господь Свою беседу с учениками, – по разлучении со Мной вас, действительно, ожидают многие искушения и соблазны. Берегитесь особенно, чтобы кто-либо не оболстил вас словами о пришествии Мессии. Ложь и обман усилятся до того, что многие придут под Моим именем и будут говорить «я – Христос! настали времена Мессии!» Найдется немало таких, которые поверят им и прельстятся: но вы не ходите в след их, берегитесь! Услышите также о различных войнах и междоусобиях: как

бы ни были страшны эти слухи, не ужасайтесь! Всему этому должно быть; и однако же еще не вдруг за этим конец (храму и городу). Придут бедствия еще большие: народ станет восставать на народ, царство на царство; за всеобщим междоусобием явятся по различным местам голод, язва и землетрясения. Самое небо даст знамения в страшных и необыкновенных явлениях. Но и эти ужасы (которые многими почитаемы будут за решительный признак пришествия Мессии) – только начало болезней рождения.

Вместо напрасных ожиданий кончины века ваше внимание всецело должно быть обращено на вас самих и ваше дело. Ибо вам особенно угрожает опасность ([Лк. 21, 12](#)): еще до начала всеобщих бедствий вы успеете испытать на себе все роды злочлукений. При всей вашей невинности на вас обратится ненависть всех народов, злоба иудеев и язычников. Вас будут преследовать, заключать в темницы, подвергать бесчестию, мучениям и смерти. В слепом исступлении от предрассудков самые близкие сродники, родители, братья, друзья сделаются вашими гонителями, предателями и убийцами. Многие из вас положат за Меня душу свою. Но не унывайте! Среди всех бедствий над вами будет промысл и любовь Отца Небесного; без Его всемогущей воли не упадет с вашей главы ни одного волоса. В то время не раз доведется вам давать ответ и в отечественных синагогах, и в чужеземных судилищах, свидетельствовать о имени Моем перед царями и правителями. На все подобные случаи положите себе за правило – не заботиться наперед о том, что и как вам говорить, ибо будете говорить не вы, а Дух Святой, Кого вы Приимите. Я дам вам тогда такие уста и такую премудрость, против которых не устоит ни один из ваших противников.

Чувствительнее и опаснее всех гонений будет то, что (по причине испорченности нравов), ослабнут узы любви даже между своими; откроются разделения и вражды, явятся изменники и предатели даже между присными по вере; восстанут лжепророки и лжеучители из среды вашего общества. Взаимное доверие умалится, дружество и любовь охладят, самая вера подвергнется затмению. Будут времена тяжкие: но вы, кто на те времена избран Мной, должны искуплять души терпением. Кто претерпит до конца, тот спасен будет ([Лк. 21, 19](#); [Мф 24, 13](#)). Сколько бы и кто бы ни преследовал вас, дело Божье не может быть остановлено или замедлено. Гонимое Евангелие царствия успеет быть проповедано всем народам, прежде нежели решится судьба Иерусалима и народа иудейского.

Наконец, когда увидите Иерусалим, окруженный войсками, то знайте, что приблизилось время его разрушения. Особенно же когда мерзость запустения, предреченная Даниилом пророком, станет на месте святом, тогда каждый должен оставить надежду на спасение отечества и думать

только о своей собственной безопасности. Находящимся в Иудее всего лучше бежать тогда на горы; ибо на ровных местах не будет убежища. Даже если бы кого застигло это ужасное время на кровле, то пусть бежит прямо и не сходит вниз, что-либо взять из дома. И кто будет на поле, пусть не возвращается в город, даже за самой нужной вещью, а бежит прямо. Для всех будет одно спасение – бегство скорейшее. Это дни исполнения угроз пророческих, ужасные дни суда и воздаяния небесного. Горе тогда будет беременным и недавно родившим: молитесь и просите Бога, чтоб несчастье это не случилось, по крайней мере, зимой или в субботу... Я говорю вам, что тогда будет скорбь, какой не было от начала мира и донныне и не будет. Многие должны пасть от меча, еще более отведется в плен во все народы. Иерусалим будет лишен покрова небесного и отдан в попрание язычникам, имеющее продолжаться дотолле, пока не исполнятся времена языков ([Лк. 21, 24](#))... Если бы не сократились эти злосчастные дни, то не спаслась бы никакая плоть, но ради избранных сократятся те дни...

Между тем как Богочеловек беседовал таким образом, прочие ученики ([Мк. 13, 37](#)) – один за другим – подходили к Нему и начинали слушать Его беседу, которая для всех была равно поучительна.

– Тем осторожнее в то время, – продолжал Иисус, – должно быть вам; ибо тяжесть бедствия усилит ожидание обетованного Избавителя до того, что расположит верить всякому известию о Нем, а это даст случай сынам погибли злоупотреблять именем Мессии. Смотрите, не верьте никому, кто будет говорить: «вот здесь Христос, или вон там!» Не обольщайтесь самыми чудесами лжепророков. Некоторые из них совершат такие странные и необыкновенные дела, что, если б возможно, ими обольстились бы самые избранные. Потому-то Я и сказываю вам наперед все это, чтобы вы тверже стояли против обмана ([Мк. 13, 23](#)). Еще повторю, смотрите, если кто скажет вам: «вот Он (Мессия) в пустыне!» – не выходите; или: «вот Он сокрывается во внутренних комнатах!» – не верьте! Не таким образом придет Мессия, когда Ему придти должно. Он не будет иметь нужды в указателях. Как молния исходит от востока и вдруг блистает до запада, так будет (в свое время) и пришествие Сына Человеческого (неожиданно, мгновенно). А где будет труп (Мессия), там (сами собой, ведомые неведомой силой) соберутся и орлы (истинные последователи Мессии.)

Богочеловек умолк ([Лк. 21, 10](#)). Ученики ожидали продолжения речи, потому что еще не было сказано о второй – столь же важной части их вопроса – о кончине мира и времени пришествия Мессии.

– После скорби дней оных (когда, впрочем, окончатся уже времена язычников) ([Лк. 21, 24](#)), последуют ужасные явления на земле и на небе. Солнце померкнет, луна не даст света; звезды спадут с неба, и силы

небесные подвигнутся: везде нарушится чин и порядок. На земле будет, как перед бурей: везде уныние, недоумение, боязнь и трепет. Море восшумит и возмутится. Ожидание бедствий делается ужаснее самих бедствий. Вся природа будет в болезнях рождения. Тогда явится знамение Сына Человеческого. Увидя его, восплачутся все племена земные о своих грехах и нечестии. Но для истинных последователей Моих время это должно быть временем надежд и утешения. Они спокойно могут воскликнуть тогда и поднять главу. Наконец (после всех этих событий), явится Сам (столь многими и так долго неузнаваемый) Сын Человеческий, явится перед лицом всех людей на облаках небесных, со всем величием и славой, окруженный воинством небесным. По мановению Его сонмы ангелов полетят от одного конца вселенной до другого с трубным гласом и соберут избранных его от всех четырех ветров. И тогда наступит кончина мира и начало славного Царствия Божьего на земле.

При таком величественном и утешительном изображении второго пришествия Мессии, и ныне способном произвести самое сильное и отрадное впечатление на всякое доброе и благочестивое сердце, – любопытство учеников Иисусовых касательно времени этого события, естественно, должно было усиливаться до высочайшей степени. «Когда же, когда будет все это?» – сказано, вероятно, тогда было не одним Петом. Так, по крайней мере, заставляет предполагать ход беседы.

– Важнейшие события, – отвечал Богочеловек, – в Царстве Божьем, подобно как в царстве природы, сами себя предсказывают: только надо быть внимательными. Посмотрите на смоковницу и на все прочие деревья ([Лк. 21, 29](#)) и возьмите с них пример для себя. Когда ветви их становятся мягки и начинают пускать листья, то, видя это, вы сами ([Лк. 21, 30](#)) (без всякого пророчества) говорите, что скоро будет лето. Так, когда увидите все это (что Я прежде сказал) сбывающимся (над народом иудейским), то знайте, что наказание близко ([Мф. 24, 33](#); [Мк. 13, 29](#)), суд при дверях. Да, оно близко, – прибавил Учитель, возвысив голос, – истинно говорю вам, не прейдет еще настоящее поколение людей, как в Иерусалиме не останется камня на камне. Небо и земля прейдут, а слова Мои не прейдут!..

Неизъяснимое Божественное величие отражалось в этих словах Иисуса. Каждый из слушавших чувствовал, что слышит не простую угрозу, что в самом деле небо и земля готовы выйти из своего чина только бы дать место их исполнению.

– Что же касается, – продолжал Богочеловек, – последнего дня и часа всего мира ([Мф. 24, 36](#)), то его никто не знает – ни ангелы небесные, ни Сам Сын ([Мк. 13, 32](#)), а Отец один. (В наставление ваше можно сказать только, что) в пришествие Сына Человеческого будет, как во дни



Ноевы: как перед потопом ели, пили, женились – до самого того дня, когда Ной вошел в ковчег, никто не думал о будущем, не предвидел никакой опасности, пока не пришел потоп и не истребил всех; так будет и в пришествие Сына Человеческого (та же беспечность, роскошь, безверие и разврат). По чрезвычайной внезапности дня того, – продолжал Господь, – может случиться, что два человека будут на поле: один будет взят, а другой оставлен; две женщины, мелющие в жерновах: одну возьмут, а другая останется. При такой неизвестности всякий должен смотреть за собой, чтобы ни у кого сердце не отягощалось объядением или пьянством, чтобы не было слишком предано заботам житейским. Ибо день тот застигнет внезапно – как сеть, захватит всех живущих на земле ([Лк. 21, 35](#)). Всем надо поступать тогда, как поступил бы хозяин дома, если бы видел, что к нему в неизвестное время придет тать. Он вовсе не спал бы, чтобы не дать подкопать дома своего. Тем более тогда не должно спать; ибо в который день не думают, Сын Человеческий придет.

Ожидание пришествия Его можно сравнить еще с ожиданием слуг их домовладыки. Представьте, что кто-либо, отправляясь в путь, оставил дом свой в управление слугам своим, назначив каждому свое дело. Как хорошо тому рабу, которого господин, вернувшись, найдет поступающим как приказано! Ей, он над всем имением своим поставит его! Напротив, тот негодный раб, который, по злобе своей, начал бы рассуждать сам с собой: «Мой господин придет не скоро, может быть, никогда», – и стал бы злоупотреблять властью, ему данной, бить и мучить товарищей своих, расточать имущество господина, есть и пить с пьяницами. Что, наконец, будет с этим рабом, когда в день, в который он не ждал, придет господин его? Он подвергнет его великим мукам, предаст на заключение в одно место со злодеями, где будет плач и скрежет зубов. Бдите убо и молитесь на всякое время; потому что не знаете, когда придет хозяин дома, вечером или в полночь, в пение петухов или поутру, чтобы, придя внезапно, не застал вас спящими. А что вам говорю, то говорю всем последователям Моим, бдите! Немного помолчав, Богочеловек опять начал речь, чтобы как можно тверже напечатлеть в сердце учеников те истины, о которых беседовал.

– В то решительное время произойдет то же, что произошло с десятью девами, которые в день брака, по обыкновению, должны были выйти со светильниками навстречу жениху. Пять из них были мудры, и пять юродивы. И последние запаслись светильниками, но были так глупы, что не взяли с собой масла. Мудрые, напротив, приготовили то и другое. Поскольку жених несколько задержался, то все не приметно задремали и уснули. И вот в полночь вдруг раздался вопль: «Жених грядет! Выходите навстречу!» Все встали и начали зажигать светильники.

Глупые девы увидели теперь, что у них нет масла. «Дайте нам масла, – говорили они мудрым, – светильники наши угасают». «Но, – отвечали мудрые, – таким образом может не доставать масла у вас и у нас, идите лучше к продавцам и купите себе». Глупые пошли. Между тем, в то самое время пришел жених. Мудрые девы встретили его с горящими светильниками, проводили его и вошли с ним на брачный пир, после чего двери были тотчас затворены. После пришли и глупые девы и начали просить жениха, чтобы отворил им. Но жених, видя их глупость, отвечал, что он вовсе не знает их. Видите, – сказал Господь ученикам, – как нужна бдительность и благоразумие: будьте всегда готовы; ибо не знаете ни дня, ни часа, в который Сын Человеческий придет!

Кроме главного совета о бдительности, ученики должны были уразуметь из предложенной притчи еще две новые важные истины: а) что пришествие Мессии будет весьма не скоро, так что самые мудрые, как бы утомившись от долгого ожидания, могут предаться сну, то есть не ожидать во всякое время жениха; б) что добродетель христианина должна быть совместна с благоразумием и духовным просвещением, равно как глупость может вести к пороку и развращению, и что, следовательно, христианин обязан пецись о просвещении своего ума и избегать невежества, в каком бы виде оно ни представлялось.

– Хотите ли, – продолжал Учитель, – знать, как поступит Сын Человеческий по Своем пришествии и как должно поступать вам, ожидающим Его прихода? Он поступит подобно человеку, который, отправляясь в дальний путь, препоручил имение рабам своим. Зная хорошо их свойства и способности, он дал каждому из них, сколько нужно: одному – ревностнейшему – пять талантов, другому – два, третьему – один – и отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел на них еще пять талантов. Так же точно поступил и получивший два таланта: он приобрел другие два. Получивший же один талант пошел и закопал его в землю, скрыв без всякого употребления серебро господина своего.

Господин долго был в отсутствии, наконец, возвратился и потребовал рабов своих к отчету. Получивший пять талантов явился первый, он принес, кроме них, еще пять талантов и сказал: «Господин, ты дал мне пять талантов, вот я приобрел на них другие пять талантов, возьми!» – «Хорошо, добрый и верный раб, – отвечал господин, – поскольку ты был верен в малом, то я поставлю тебя над многим; войди в радость господина твоего!» Явился также и получивший два таланта и сказал: «Господин, ты дал мне только два таланта, но я приобрел на них другие два – возьми!» – «Хорошо, добрый и верный раб, – отвечал господин ему, – ты был верен в малом, получишь больше: раздели и ты радость господина своего!» Явился наконец и тот, кому дан один талант.

«Господин, – сказал он грубо, – я хорошо знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не расточал. После этого что мне оставалось делать с моим одним талантом? Я пошел и скрыл его в землю; вот тебе твое, ни более ни менее, как сколько дано мне!» – «Раб лукавый и ленивый, – отвечал господин, – когда ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не расточал, то тем более надлежало тебе отдать серебро торжникам, чтобы я, возвратившись, мог получить его с прибылью. Возьмите у него, – сказал господин прочим слугам, – талант и отдайте имеющему десять талантов; ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего возьмется и то, что имеет. А неупотребного раба бросьте в самую глубокую и мрачную темницу, где плач и скрежет зубов».

– Когда, – продолжал Богочеловек, – Сын Человеческий придет во славе Своей, в сопровождении св. ангелов, тогда Он сядет на престоле славы Своей, и соберутся перед Ним все народы, и Он весь род человеческий разделит на две части, как пастырь отделяет овец от козлищ. Первые (добрые, кроткие, смиренные сердцем) будут поставлены на правой, а последние (злые и развращенные) на левой стороне. Стоящим по правую руку скажет Он: «Приидите, вы, благословенные Отцом Моим, наследуйте Царство, уготованное вам от сотворения мира! Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником и вы приняли Меня в дом; был наг, и вы одели Меня; болен был, и вы посетили Меня, в темнице, – и вы пришли ко Мне». Праведные удивятся этому и скажут: «Господи, когда было все это? Когда мы видели Тебя алчущим и напитали? или жаждущим и напоили? Когда также мы видели Тебя странником и приняли? или нагим и одели? Никто из нас не помнит этого. Когда также видели мы Тебя больным или в темнице и посещали Тебя?» – «Истинно говорю вам, – скажет Царь, – все это вы сделали Мне, потому что все доброе, что вы делали для кого-либо из братьев Моих меньших, Мне Самому сделали».

После того Царь обратится и к тем, которые будут стоять на левой стороне: «Подите, – скажет Он им, – от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его! Потому что вы не дали Мне есть, когда алкал Я; вы не напоили Меня, когда жаждал Я; не приняли в дом, когда был странником; видели Меня нагого и не одели; слышали, что Я болен и в темнице, и не посетили Меня». И грешники также, подобно праведным, удивятся и спросят Господа, когда они видели Его алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице и не послужили Ему? Но Господь скажет им: «Вы, действительно, не сделали этого: потому что если вы не сделали

ничего подобного братьям Моим меньшим, то это все равно, что вы не сделали Мне Самому».

– И пойдут, – заключил Господь, – праведные в жизнь вечную, а грешные в вечное мучение».

Окончив беседу, Богочеловек вдруг обратил речь к предмету, вовсе неожиданному для учеников. «Вы знаете, – сказал Он, что через два дня Пасха, ведайте же и то, что Сын Человеческий в это время предан будет на распятие». Такое решительное и определенное указание на род и день смерти Своей заключало в себе нечто крайне печальное, ужасное, чего не было во всех прежних предсказаниях Господа о Своей смерти. Но воображение учеников, наполненное множеством разных предметов, ими виденных и слышанных в продолжение целого дня, ослабло до того, что они не в состоянии уже были слишком трогаться самыми важными вещами: страшное предсказание Учителя о Своей смерти не произвело на них, сколько можно судить по обстоятельствам, особенного впечатления и не возбудило никаких вопросов, затерявшись, так сказать, в общем неопределенном ожидании печальных происшествий, которыми умы их давно были преисполнены. Лучи заходящего солнца, догорая на золотой вершине храма, напоминали о покое ночном. Все склоняло к отдохновению. Учитель и ученики еще раз взглянули на храм и город и пошли далее – в Вифанию.

#### **Х. Взгляд на (образ) исполнения пророчеств о судьбе Иерусалима, с примечаниями касательно (образа) изъяснения пророчеств о последних днях мира**

*Остановимся мыслью на том месте, где Богочеловек беседовал с учениками о будущем; вообразим, что перед нами проходят над Иерусалимом столетия и века, и посмотрим, как исполняются пророчества.*

Боже мой, какое страшное и поучительное зрелище! Какое чрезвычайное согласие событий с предсказаниями! Какая непредвидимая случайность и вместе точность в исполнении! Страшные землетрясения, разрушившие целые города в Вифании и Кампании; ужасный голод в Риме (в 43 и 54 гг.), Греции (в 50 г.) и Палестине; свирепая язва в Вавилонии (в 40 г.) и Италии; кровопролитные междоусобия в Иудее и сопредельных с ней областях, потом в целой империи после смерти Нерона; словом, все те бедствия, о каких говорил Иисус Христос, кажется, предвозвещают<sup>1</sup> всему миру нечто необыкновенное, заставляют ожидать исполнения одного из великих судов Божьих. Но вот тучи бедствий, носившиеся дотолле по разным местам, вдруг устремляются в Палестину, сосредоточиваются

над Иерусалимом – по-видимому, за возмущение против кесарей, а на самом деле, за противление иудеев Богу отцов своих, за отвержение Мессии. Напрасно небо дает знамение для вразумления легкомысленных<sup>2</sup>; напрасно происходят чудеса во храме<sup>3</sup>; напрасно предостерегают пророки<sup>4</sup>, советуют цари<sup>5</sup> и мудрецы, умоляют первосвященники; народ иудейский ослепил очи свои, чтоб не видеть, окаменил сердце, чтоб не разуметь откровений небесных, возвещающих о наступлении страшного суда Божьего. Начинается скорбь, которой, по точным словам очевидца Флавия, не было подобной и не будет. Десятки тысяч иудеев, подобно бессловесным, закаляются еще прежде войны; города иудейские, один за другим, падают в развалинах; земля, кипевшая некогда медом и млеком, становится пустыней. Один Иерусалим еще стоит. Но, Боже мой, какой Иерусалим! Извне окруженный легионами римлян, развевающиеся знамена которых с идолопоклонническим изображением полубогов римских, кажется, приветствуют его погибель; внутри наполненный разбойническими толпами зилотов, идумеев, сикариев, которые, величая себя защитниками святилища, оскверняют его преступлениями, неслыханными в домах разврата, безжалостно предают смерти лучших граждан, режут друг друга, издеваются над пророками Мессии, над Самим Иеговой!.. Виденная Даниилом мерзость запустения могла ли быть больше этой мерзости?.. Тысячи непогребенных мертвецов покрывают торжище, улицы, самый храм... Употребляются в пищу, продаются на вес золота вещи, которые благопристойность именовать запрещает... Мать закалывает собственного младенца для снеди!.. Сам римский полководец приходит в ужас от бедствий, постигших осажденных, и клянется богами, что он невиновен в них, предлагав столько раз мир. Наконец, Иерусалим падает; один из воинов римских, вопреки строгому повелению военачальника, движимый, по выражению историка иудейского, некоей невидимой силой, зажигает храм... Тщетно победитель прилагает все, чтоб спасти это украшение Востока, предназначенное в его уме быть памятником его победы: огонь, возжженный небом, не угасает!.. На месте беспримерного по величине, богатству и крепости здания остаются груды камней и кучи пепла. От всего Иерусалима остаются только три башни, в память прежнего величия. Сто тысяч иудеев, переживших отечество, ведутся в плен и продаются, как презренные рабы, на торжищах Азии, Европы и Африки. Удивленный гибельными следствиями победы, победитель-язычник, воздев к небу руки, смиренно признает себя орудием гнева небесного и отказывается от титула: «иудейский».

Так пришла кровь праведников на род богоотступный! Пришла в то время, когда многие из иудеев, современных Иисусу Христу, еще не успели приложиться к отцам своим; пришла так, что не только иудеи, самые язычники увидели и исповедали карающий перст Божий!

Кто мог естественным образом предвидеть и предсказать все это так, как предвидено и предсказано Иисусом Христом? Никакая прозорливость, никакая мудрость человеческая не могла решительно сказать, что иудеи меньше, чем за полвека, дойдут до такого незнания своей народной слабости, что восстанут открытой войной против римлян, владевших целым светом, одно имя которых покоряло и держало в повиновении народы, гораздо более сильные, чем иудейский! Стоит только прочитать речи первосвященника Анны и царя Агриппы к иудеям, чтобы видеть, каким безумием представлялось восстание иудеев против римлян для всякого, кто только имел разум и правильное представление об обстоятельствах времени. Кто же, повторяю, мог решительно предсказать, что целый народ отважится на это совершенно безумное, безнадежное и гибельное предприятие? Справедливо, что в Иудее издавна находилось много умов, распаленных мечтами о народной независимости и страстью к междоусобиям: таковы были последователи Иуды Галилеянина, зилоты, сикарии и другие; но никто не мог вообразить, чтобы эти малочисленные, беспорядочные толпы взяли верх над умеренной и спокойной частью иудеев, захватили в свои руки верховную власть, сделались распорядителями войны и мира, жизни и имущества сограждан. Для того, чтобы началась война с римлянами, надлежало в Риме царствовать Клавдию и Нерону, способным посылать таких прокураторов, как Куман, Фест, Альбин и Флор; надлежало, чтоб эти изверги, и особенно Флор, своим неправосудием, грабительством, жестокостью, безрассудством совершенно вывели из терпения иудеев, заставили самых умеренных и благоразумных отважиться на все, только бы не страдать бесконечно. Не будь одного Флора, может быть, и не было бы войны – так думал сам Флавий. Сколько и других причин могли остановить эту войну в самом начале, прервать в продолжении, не допустить до тех ужасных последствий, которыми она закончилась! Касаясь этих причин, иудейский историк не раз изумляется их недействительности и объясняет ее предопределением небес. Кто же мог знать это предопределение более чем за полвека и изречь его вслух так решительно и подробно, как это сделал Иисус Христос? Обозначены не только время события, образ бедствий, предшествующие и последующие обстоятельства, но даже частные черты, например, что Иерусалим будет окружен со всех сторон окопом, что весьма редко бывает во время осад больших городов. Нет, что бы ни

говорили противники священного писания о неясности некоторых пророчеств, здесь должны положить перст на уста. Флавий, свидетель и участник событий, записывая историю войны иудейской, не имел, конечно, намерения исказить истину в пользу христианской религии; и однако же многие страницы его истории, кажется, написаны именно для того, чтобы свидетельствовать перед потомством, как верно исполнилось в народе иудейском предсказание Иисуса Христа.

Посмотрим в другую сторону, взглянем на апостолов и их учеников: что с ними? Опять то самое, что предсказано их Учителем. В продолжение времени, протекшего до разрушения Иерусалима, они успели уже видеть над собой, с одной стороны, всевозможные гонения, с другой – все виды помощи свыше, им обещанной. Несмотря на их невиновность, благотворность учения и действий, их везде преследуют, мучают, как злодеев. Один Павел проходит множество судилищ, дает ответ перед синедрионом, ареопагом, кесарем, пролагает собственной кровью след от Аравии до Иллирика, от Антиохии до столпов Геркулесовых. Большая часть учеников Иисуса Христа положили уже душу свою за Возлюбленного. Тысячи последователей их готовятся вступить на ужасное поприще гонений, которое втайне готовится во всех частях Римской империи. Имя христианина сделалось преступлением едва ли не у всех народов. Испытаны измены и от своих: явились многие, нечисто проповедующие имя Христово, ищущие своих выгод, а не того, чего требует Христос ([Фил. 2,21](#)); открылись лжебратия, развращавшие неопытных в вере, мыслящие единственно о земном, враги креста Христова, кому бог – чрево, чья слава – в стыде ([Фил. 3, 19](#)); вкрались уже такие нечестивцы, которые самую благодать Божью и милосердие к грешникам обращали в случаи и повод к нечистой жизни, пренебрегали при том всяким начальством, отвергали Самого Иисуса Христа; за беззаконие иссякла уже любовь многих, многих (Посл. Иуды)!

Но в то же самое время исполнялась над учениками Иисуса другая, радостная сторона Его пророчеств. Малое стадо, оставленное в пустыне, среди волков, но соблюдаемое Промыслом, растет и своими совершенствами доказывает язычникам и иудеям, что ему завещано духовное царство в целом мире. Христианские общества образуются с невероятной скоростью в самых непросвещенных и диких народах, проповедь апостолов видимо обходит все концы вселенной; победа Евангелия простерта уже до дома кесарева ([Фил. 4, 22](#)). Никто не может противиться премудрости, которая является всякий раз в устах проповедников Евангелия, когда они свидетельствуют перед судьями за имя Иисусово. Выслушав Павла, римский прокуратор едва не делается христианином; самые фарисеи, увлеченные словами Его,

превращаются из обвинителей в защитников; целый синедрион не знает, что отвечать на слова рыбарей, которые упрекают его в убийстве Мессии! Склоняющееся к закату иудейство способствует успехам христианства своим падением. Верные предостережению своего Учителя, христиане сохраняют себя непричастными гражданским смутам и браням, заблаговременно оставляют землю, оставленную Богом; прочие спасаются бегством в горы Пеллы.

Так верно и с этой стороны исполнялось предсказание Богочеловека! Кто за сорок лет мог поручиться за это исполнение? Кто мог ожидать, что в продолжение такого краткого времени несколько самых бедных, незнатных и непросвещенных земной мудростью евреев произведут такой переворот во всем мире: распространят новую веру, совершенно противную предрассудкам и страстям, заставят премудрого еллина и римлянина воздавать божеское поклонение Распятому, ниспровергнут идолов и на место их водрузят крест? Одна мысль о подобном событии в будущем была бы во время Иисуса Христа что-то крайне странным и несбыточным... И однако же это несбыточное предсказано и исполнилось на самом деле со всей точностью... Но устремим взор наш далее и посмотрим, что происходит над развалинами храма Иерусалимского, которые с этих пор становятся вечным памятником гнева небесного.

Не вразумленные разрушением Иерусалима и всемирным рассеянием своим, иудеи продолжают мечтать о восстановлении стен града отечественного. На всеобщее ожидание являются один за другим, по предсказанию Иисуса Христа, лжехристы и лжепророки, дают знамения, обещают чудеса; обманутый народ снова восстает против римлян, напрягает последние силы; вновь проливаются реки крови иудейской, еще сотни тысяч повергаются в рабство, но Иерусалим не восстает из развалин; вместо освобождения теряет самое имя. Потомок Авраама, купив у язычников позволение пролить слезы на могиле своих праотцов, приходит к святому граду и с ужасом видит на его месте Елию Капитолийскую, на вратах которой изображено ненавистное для иудеев животное... Но вот истина самого пророчества Иисусова как бы подвергается испытанию. На престоле кесарей римских является Иулиан, враг христианства, друг иудеев, поклявшийся для посрамления христиан и веры их восстановить, вопреки пророчеству Иисуса Христа, храм Иерусалимский. По гласу деспота тысячи иудеев со всех сторон света стекаются в Палестину; начинают разрывать основание храма, богатейшие жены своими руками копают землю священную, усердие доходит до энтузиазма: все напрасно! Из земли внезапно вырывается множество огненных шаров, которые прогоняют работающих. То же явление, грозное, нестерпимое, повторяется всякий



раз, когда начинается прерванная работа, и строители храма, подобно строителям столпа Вавилонского, рассеиваются, свидетельствуя собственным опытом, что развалины храма Иерусалимского находятся в распоряжении не кесарей земных, а Царя Небесного, предназначившего их свидетельствовать о славе Сына Своего...

По крайней мере, времена языков, по-видимому, оканчиваются... Иерусалим становится собственностью императоров христианских. Теперь их стремление – обновить, украсить места, освященные земной жизнью Богочеловека. Так, они обновлены, украшены: но надолго ли? На Голгофе неприлично расти цветам; село крови не должно быть жилищем веселия и тишины: и вот, движимые неведомой силой, Хозрой и Омары идут подновить развалины Иерусалима и рассыпать камни, успевшие собраться воедино! На месте Святого святых является новая мерзость запустения – мечеть Магомета!

Еще ряд удивительных явлений! Не постигая путей Промысла, целый христианский Запад восстает на Восток мусульманский, под крестом сражается за освобождение гроба Христова, хочет превратить в столицу нового царства город, предназначенный быть местом всемирного плача. Побежденная луна уклоняется, исчезает; но проходит не более полувека, и она снова во всей полноте является на месте храма Соломонова; цари и вожди, принявшие на себя стражу гроба Христова, убегают безвозвратно; Иерусалим остается освобожденным в одном песнопении Тасса!..

Новые явления судеб Промысла в истории Иерусалима! Чего прежде нельзя было достигнуть общим чрезвычайным усилием держав христианских, то самое для некоторых, по-видимому, сделалось возможным и удобным даже порознь. Что же? Ни одна держава не мыслит уже об освобождении святого града! Большая часть удивилась бы, если бы кто им приписал подобную мысль! До того христиане, по-видимому, забыли колыбель своей [религии](#) в то время, как начали замечать и уважать места рождения философов, поэтов, лицедеев... Одно слово в каком-либо победоносном трактате, и христианский путешественник, преплыв моря, победив тысячи трудностей, вступая в Иерусалим, не был бы принужден выдерживать новую борьбу с алчностью турецкого начальства, не выкупал бы у Магомета права поклониться гробу Иисуса: и никто не мыслит, можно бы сказать, не осмеливается произнести сего слова... Почему? Потому что Провидению неуютно, чтобы страна неверия, обогрелая кровью Сына Божьего, наслаждалась миром веры в Него; и вот, крест Иисусов, везде блистающий славой, на Голгофе доселе безмолвен; его сияние было бы несовместно с печалью и запустением, которым там царствовать должно.

Пройдут еще века и, может быть, тысячелетия над Иерусалимом, но не мимо идут слова Иисуса, обрекшего храм Иерусалимский на запустение. Дщерь Сиона дотоле не воспримет прежней лепоты своей, доколе не изыдет во сретение Мессии, ею отверженному, и не скажет: «**Благословен грядый во имя Господне!**»

Ужас объемлет, когда вообразишь, сколько требовалось условий, чтобы пророчество Иисуса Христа исполнилось над иудейским народом так, как оно исполнялось в продолжение 19 веков!..

После этого можно ли сомневаться в исполнении и другой части пророчества Иисусова касательно скончания видимого мира, Его славного пришествия и суда над родом человеческим? Прошлое ручается за будущее. Обращать благотворную неизвестность будущего в мертвые выкладки, подчинять числительной точности времена и лета, которые Отец Небесный – и весьма премудро – положил в Своей власти ([Деян. 1,7](#)), значило бы идти вопреки тайнам Провидения, перед которыми благоговеют ангелы. Вместо бесполезного и опасного исследования о времени будущего второго пришествия Иисусова лучше предложим некоторые замечания, могущие служить к устранению погрешностей в уразумении слов Иисуса Христа.

Находя, что пророчество Господа о Своем будущем пришествии не отделено в точности от пророчества о разрушении Иерусалима и даже как бы заключено в нем, находя притом, что выражения, употребленные для означения будущей кончины мира (как-то: помрачение солнца и луны, падение звезд и проч.) у древних пророков имеют иногда смысл метафорический (означая падение царств, разрушение городов), некоторые приходили к мысли, не относится ли все настоящее пророчество Христово к одному и тому же предмету: разрушению Иерусалима, и то, что думают обыкновенно о втором пришествии Иисуса Христа, не должно ли почитать пророчески-идеальным изображением событий, сопровождавших это разрушение, то есть величайших бедствий осажденных, уничтожение и рассеяние народа иудейского, торжество христианства и проч.? Для устранения этой благовидной, но на самом деле ложной мысли должно вспомнить: а) что иное – язык древнего пророческого вдохновения, иное – настоящая беседа Иисуса Христа. Двусмысленный, аллегорический образ выражения всего менее приличествовал Ему теперь, когда надлежало предостеречь учеников от погрешностей и недоразумений касательно будущих событий. Притом, когда читаешь вышеозначенные выражения у древнего пророка, вместе с этим сам видишь, что он говорит иносказательно; слушая слова Иисуса Христа, чувствуешь совершенно противное; б) во всех прочих случаях, где Иисус Христос упоминает о Своем пришествии, под этим пришествием

разумеется действительное событие; странно было бы только в настоящем случае, где более всего видна историческая действительность Его выражений, обращать ее в метафору. Тогда надлежит уже и всем следующим притчам навязывать смысл самый неестественный; особенно же никак не подходит под аллегория разрушения Иерусалима – изображение суда всемирного, которым Иисус закончил Свою беседу. Не должно наконец забывать и того, что в посланиях апостолов неоспоримо, буквально изображается будущая кончина мира и славное пришествие Господа ([1Петр. 4, 5](#); [2Петр. 3, 10](#); [1Сол. 4, 15–17](#)); для чего же уходить, так сказать, без причины от этого пророчества в Евангелии, когда непременно придется встретиться с ним у апостолов?

Вторая опасность! Читая у св. Матфея, что кончина мира и пришествие Господа должны последовать вдруг после скорбей дней тех, то есть (как явствует из предыдущего) после бедствий, сопровождавших падение Иерусалима, опять казалось некоторым, что Богочеловек обещает здесь пришествие Свое как бы скорее, нежели как ему быть надлежало, и что поэтому в предсказании Его была некоторая неточность и неясность.

Но эта искусительная мысль невозвратно падает от силы нескольких слов, находящихся у св. Луки. У него между разрушением Иерусалима и пришествием Господа стоят целые «**времена языков**» ([Лк. 21:24](#)), в продолжение которых Иерусалим должен оставаться в попрании у необрезанных, а иудеи – находиться в рабстве у всех народов. Что времена язычников не кратковременны, явствует из самого выражения – «**времена**» и из событий, которым в продолжение их должно совершиться. Еще ощутительнее продолжительность этих времен видна у апостола Павла, который в послании к римлянам рассуждает о том же самом предмете. Слепление Израиля и, следовательно, его рассеяние должно, по учению апостола, продолжаться до тех пор, пока не войдет полное число язычников ([Рим. 11, 25](#)). А такое условие, очевидно, может придти не иначе, как по прошествии многих веков. Значит, Иисус Христос ни Сам не представлял, ни ученикам не давал повода представлять исполнения будущих событий скорее надлежащего.

«Что же должно думать о выражении «вдруг», находящемся в Евангелии св. Матфея?» Это пророческое «**абие**», под которым часто сокрываются целые века. Впрочем, можно догадываться, что мы, как показывает взаимное сравнение евангелистов, имеем беседу Иисуса Христа не в той полноте до слова, в какой она произнесена. Быть не может, чтобы столь продолжительное собеседование не было прерываемо, по обыкновению, вопросами, мнениями, движениями учеников. В самой беседе есть следы, что ход речи направлялся по нити

вопросов. Тогда было все понятно, определено и точно для слышавших. Теперь, когда эта нить выпущена, когда разговор обращен в речь, многие промежутки по необходимости исчезли, предметы разнородные сблизилась, будущее представилось, как на картине, в современном виде. Несмотря на это, и теперь, кто умеет найти истинную точку зрения, для того картина обращается в перспективу и показывает предметы отдельно и ясно.

Третья опасность, угрожающая при разумении слов Спасителя праздной пытливости, есть недоумение: «Как Он, будучи Сын Божий, мог не знать что-либо? Как Судья мира мог не ведать времени Своего будущего пришествия?» ([Мк. 13, 32](#)). Об этот камень соблазна претыкались ариане, о него сокрушались агносты. Но для веры он не существует!.. Тому, Кто унижил Себя до восприятия рабского образа, до претерпения казни самой поносной, трудно ли было унижиться до незнания по человечеству самой высокой тайны Промысла, неведомой для ангелов? Знание этой тайны, по самому существу ее, принадлежало не к состоянию унижения Иисусова, а к состоянию славы. И вот, после Воскресения, когда ученики спрашивают Его о времени пришествия, Он не говорит: «Я Сам не знаю его» (ибо преломил уже семь печатей, запечатлевавших книгу судеб ([Апок. 5, 5](#)), приял от Отца откровение всех будущих событий) ([Апок. 1, 1](#)), а отвечает только: «**Несть ваше разумети времена и лета**».

Напротив, слыша из уст Иисуса Христа о неведении тайны Промысла вдруг после величественных слов «**небо и земля прейдут, а слова Мои не прейдут**», – невольно изумляешься святым изумлением перед чистотой и святостью души Иисусовой, которая постоянно являет себя тем, что она есть; открывает великое, божественное, не скрывает и малое, человеческое; говорит истину, нисколько не заботясь о том, не произведут ли слова ее какого-либо неблагоприятного для нее впечатления. Сказать: «Я этого не знаю», – вдруг после того, как сказано: «Я все могу», – для этого требуется величие духа не человеческое.

Впрочем, трудно усмотреть, чего не достает здесь и для удовлетворения людей, любящих видеть в лице Иисуса величие более внешнее и, так сказать, чувственно, нежели нравственно-духовное. Царь неба и земли, повелевающий всей природой, Судья живых и мертвых, грядущий на облаках в сопровождении всех ангелов, Чьи слова неизменны, Коего награды вечны, наказания нескончаемы: может ли быть изображение величественнее? Слава – выше? Могущество – больше и разительней?

И так изображал Себя Тот, Который совершенно знал, что через два дня Ему должно будет умереть на кресте!..

Почти в то самое время, как Господь беседовал на Елеоне с учениками Своими о кончине мира, в Иерусалиме, во дворе Каиафы происходило чрезвычайное, тайное собрание синедриона для рассуждения о последних днях Его собственной жизни ([Мф. 26,3](#)). Со времени воскрешения Лазаря дело дошло до того, что вождям народа иудейского оставалось избрать одно из двух: признать с благоговением Пророка Галилейского за Мессию, к чему уже была расположена большая часть народа и даже некоторые из членов синедриона, или, став против Него и Его служения, принять решительные меры к прекращению дальнейших успехов Его проповеди и чудес. Решиться на первое Каиафа с клеветами своими теперь еще менее был способен, нежели при первом совещании, по случаю воскресения Лазаря. После событий предшествующих дней – торжественного входа в Иерусалим, посрамления всех сект иудейских и самих членов, посланных от синедриона, особенно после грозной последней, обличительной проповеди в храме, которая всей тяжестью своей падала на главы народа, – Пророк из Галилеи казался первосвященникам самым опасным, личным противником, против Которого позволительно употребить все: закон и гражданские меры, хитрость и насилие. Именно в таком духе происходило тайное совещание лукавого сонмища. Самое место его показывало, что все, в нем происходящее, состоит в тайном распоряжении Каиафы. Впрочем, если бы кто из учеников Иисуса услышал, чем кончились теперь совещания вождей народа иудейского, то мог бы подумать, что они, узнав каким-либо образом о тайной беседе Елеонской Иисуса Христа с учениками, нами сейчас слышанной, решились воспрепятствовать исполнению Его пророчества о времени Своей смерти. Твердо положено лишить Его жизни и для этого захватить в свои руки, но спустя не два дня, как Он говорил ученикам, а по прошествии всего восьмидневного праздника ([Мф. 26,5](#)). Отважиться на это в самое время Пасхи казалось делом крайне опасным и потому безрассудным. Очевидным казалось, что многочисленный народ, стекшийся со всего света на праздник, не будет безмолвным зрителем насилия над Воскресителем Лазаря и не выдаст Его спокойно той малочисленной страже, которой мог располагать синедрион. А подать в такое опасное время, как Пасха, повод к возмущению народному, всегда сопряженному с великой опасностью для существующих властей, за которое притом впоследствии надлежало бы еще подлежать строгому взысканию римского правительства, – это составляло такую крайность, на которую Каиафа не мог решиться – из самой ненависти к Иисусу... Боязливость в расчетах фарисейских простерлась в этом случае до того, что сочтено за лучшее даже и после праздника не употреблять против Него силы

открытой (в самом Иерусалиме всегда могло найтись довольно большое число людей, готовых отразить силой покушение на столь великого Пророка), а захватить Его в свои руки хитростью, в каком-либо тайном месте, без народа, ночью, впрочем, с тем, чтобы судить Его и осудить на смерть по закону – отечественному или римскому, но по закону.

## **XI. Предание Иисуса Христа Иудой**

*Перемена мыслей в синадрине насчет времени умерщвления Иисуса Христа. – Предательство Иуды и его причины. – Замечание о местопребывании и деяниях Иисуса Христа в продолжение того дня.*

Мы видели, что на земле, в совете человеческом положено не лишать Пророка Галилейского жизни до окончания праздника Пасхи; иначе положено было на небе, в совете Всевышнего! Агнцу Божьему, вземлющему грехи мира, надлежало быть принесенным в жертву в одно время с агнцем пасхальным, который столько веков служил Его прообразом ([1Кор. 5, 7](#)), и никакое могущество земное, никакая злоба и хитрость не могли замедлить этого жертвоприношения, разлучить прообразуемое с прообразующим. Промысл Божий расположил, напротив, течение обстоятельств так, что те же люди, которые, сами не зная, пошли было вопреки вечных судеб Его, сами же не зная, обратились внезапно к исполнению их, решившись действовать немедленно, захватить и умертвить Иисуса Христа при первом удобном случае. Причиной такой неожиданной перемены был один человек, который, явившись к первосвященникам, объявил, что он, издавна принадлежа к числу учеников и постоянных спутников Иисуса и зная поэтому все тайные места пребывания Его, легко может содействовать давнему желанию их – захватить Его в свои руки тайно от народа ([Лк. 22, 6](#)) и готов употребить для того все свои средства и силы, если только верховное правительство заблагорассудит обратить благосклонное внимание на столь важную услугу, на которую немногие способны, хотя всякий был обязан, вследствие недавно изданного синадрином повеления ([Ин. 11, 57](#)). Жалкий человек этот действительно принадлежал к ближайшему окружению Иисусову и был тот самый ученик, который на вечери в Вифании притворно сожалел о мире и о нищих и от сребролюбия которого давно предостерегал нас дальновидный Иоанн ([Ин. 12, 6](#)); это был Иуда Искариотский. После увидим, что побудило его к ужасной измене своему Учителю и Господу; здесь заметим только, что, по должности хранителя денег в малом обществе Иисусовом, Искариот мог благовидно оставлять это общество и отлучаться за покупками в город; и потому имел возможность вести

постыдные переговоры с врагами своего Учителя и торговаться за Его жизнь, не будучи никем подозреваем в измене.

Появление человека с таким предложением, по замечанию евангелистов ([Лк. 22,5](#)), было крайне приятно для Каиафы. Хитрый саддукей мгновенно рассчитал в уме своем, что при помощи такого человека, каким представлялся предатель, можно будет захватить Иисуса Христа без всякого шума, даже без присутствия народного. Немедленным же осуждением Его на смерть и преданием в руки римского правительства предполагалось оградить себя и от последней опасности. Народ, думали, не осмелится предпринять что-либо против римлян, которые на время Пасхи особенно усиливали военные посты свои в Иерусалиме; а если бы и покусился на что-либо, то синедрион не будет за то в ответе. То, что Иисус Христос будет предан Своим учеником, имело особенную цену в глазах личных врагов Его: потому что перед народом, не знающим истинных причин предания, обстоятельство это могло быть обращено в большой минус Иисусу, так мало, по-видимому, ценимому собственными учениками. В жару и ослеплении фанатизма предатель для некоторых **«из слепо почивающих на законе»** мог казаться человеком, праведным по закону. Что он сдержит свое слово и не обманет синедрион, как обманывал Учителя, за это, кроме других обстоятельств (Иуда, без сомнения, позаботился о снискании себе доверия), ручалась уже чрезвычайная алчность его к деньгам, обличавшая в нем низость и черноту души, готовой на все из-за прибытка.

Немедленно назначается цена предательства – та самая, которую Моисей велел взыскивать за раба, когда он будет убит кем-либо ненамеренно ([Исх. 21, 32](#)), то есть тридцать сребреников, или сиклей, на наши деньги это около 60 рублей. Остроумие какого-либо книжника, вероятно, хотело отличить себя, оценив жизнь Иисуса Христа ценой раба, которая, без сомнения, невысока была и во время Моисея, а теперь, спустя 2000 лет, еще ниже. Тем удивительнее алчность предателя, которая могла удовлетвориться такой малостью при таком случае, когда враги Иисуса Христа, по всей вероятности, не поскупились бы никакими сребрениками. Но едва ли, в случае успешного совершения дела, не обещана была большая сумма, как позволяют предполагать выражения евангелистов – Марка и Луки. С другой стороны, предателю стыдно было с упорством настаивать на большей плате, если он хотел (как и должно предполагать) придать измене своей в глазах первосвященников вид законного патриотического поступка и не показаться явно презренным предателем, торгующимся за свою совесть. Впрочем, действовать безрассудно, нередко вопреки своих выгод, есть удел одержимых

страстью сребролюбия: малое кажется им иногда великим, великое малым, и они, имея во всем и всегда в виду одни деньги, несмотря на это, сами не зная того, являют в своих поступках иногда вид бескорыстия. Времени и образа предания не могли определить с точностью ни предатель, ни первосвященники, хотя, без сомнения, это было бы приятно для тех и для другого и об этом, кажется, думали немало ([Мк. 14, 11](#)). Предатель взялся только воспользоваться первым удобным случаем, то есть когда можно будет сделать это тайно от народа ([Лк. 22, 6](#)); а первосвященники обещали по первому требованию Иуды прислать ему для совершения своего дела достаточное число слуг и стражи церковной. Пасхальная ночь, как время самое глухое и потому удобное, без сомнения, приходила на мысль тому и другим; и если теперь не была она избрана решительно для исполнения замысла, то, должно быть, потому, что Иуда не знал еще, где будет проведена Учителем эта ночь, а может быть, не ведал еще наверно и того, станет ли Он теперь праздновать Пасху в одно время с другими, то есть по причине великой, со всех сторон окружавшей Его опасности не отложит ли это празднование (как то позволялось самим законом) до следующего месяца.

Воображая, как несчастный ученик тайными путями возвращается из дворца Каиафы в святое общество Иисусово, чтобы до времени играть в нем роль апостола, и представляя, с другой стороны, как трудно было, находясь так долго в непосредственной близости к Сыну Божьему, не сделаться добрым, не занять от Него Духа Божьего, – невольно приходишь в изумление и вопрошаешь с [Церковью](#): «**Кий ты образ, Иудо, предателя Спасу содела ? Еда от лика ты апостольска разлучи ? Еда дарования исцелений лиши? Еда со онема вечеряв тебе от трапезы отрину? о, коликих благ не памятлив был еси!**»

Евангелисты единогласно изъясняют предательство Иуды внушением сатаны ([Лк. 22, 3](#)). В самом деле, только сатана мог сделать из апостола предателя и сына погибели. Но что за польза была ему, подумает кто-либо, научать Иуду к преданию Учителя, когда смертью Господа, затем последовавшей, до конца разрушены дела диавола вместе с его царством? Не значит ли это ковать на самого себя оружие, искать собственной погибели?.. Так! Но должно помнить, что тайна искупления рода человеческого смертью Сына Божьего была неведома духу тьмы. Под кровом этой тайны Премудрость Божья, посмевающаяся козням врага исконного, соделала то, что он в этом случае сам устроил свою погибель. Ему хотелось только положить конец нестерпимому для него действию проповеди и чудес Иисуса Христа, подобно тому как он доводил до мученической кончины пророков и недавно еще руками нечестивого Ирода запечатлел уста



Иоанну Крестителю; но в этом случае вышло совершенно противное: смертью Сына Божьего, которая стоила стольких усилий врагу рода человеческого, нанесено ему решительное поражение, раз и навсегда ниспровергнута его держава греха и смерти.

Впрочем евангелисты, указывая на сатану как на первого виновника предательства Иудина, не забывают и так называемых вторых причин, или естественных. Именно, св. Иоанн указывает, так сказать, на то отверстие ([Ин. 12.6](#)), сквозь которое этой древний змий вполз в душу несчастного апостола и неприметно опутал собой его ум и сердце. Это – страсть к сребреникам, которая, издавна зародившись в душе, тлела все время пребывания его с Иисусом, питаясь татьбой денег общественных, а теперь разгорелась в пламень совершенно адский, где, как в своем чертоге, сидел и царствовал сатана. Наконец, свв. Матфей и Марк ([Мф. 26.1–16](#); [Мк. 14.3–11](#)), с намерением сблизив между собой два разновременные обстоятельства: вифанскую вечерю, на которой Иуда жалел о мире, и предательство последнего – дают пронизательному читателю видеть, как диавол наложил последнюю петлю на душу сребролюбца, чтобы увлечь его за собой во ад. Сильно тронутый потерей прибывка, который можно было – татьбой – получить из денег за продажу мира и, может быть, огорченный упреком, который сделан по тому случаю Иисусом, сребролюбец в припадке страсти решился вознаградить мнимую потерю свою продажей Самого Учителя, Который бескорыстием и нищетой Своей становился ему со дня на день все в большую тягость. «Лют», – восклицает при этом случае св. Златоуст, – «лют зверь есть сребролюбие; отсюда гробокопатели, отсюда мужеубийцы, отсюда рати и брани, и еже ащеречеши всяко зло, отсюда есть».

Более евангелисты ничего не говорят в объяснение поступка Иудина, хотя некоторые стороны его остаются неясными; и мы не должны удивляться такому молчанию, вспомнив, как вообще евангелисты кратки в описаниях самых мрачных предметов и как тяжело им было говорить о таком тяжком и невозвратном падении своего собрата. Удивительнее, по замечанию Златоуста, самоотвержение их, что они «ничтоже сокрывают от мнящихся быти поносных. Мощно бы им рещи просто, яко предатель от учеников Его бе некто; ныне же прилагают, яко от дванадесяти бе, якобы глаголали, – первого лика, от изрядно избранных, с Петром и Иоанном бывших. Виждь, яко о едином им было тщание, о единой истине, да не сокрюют бываемых» (Бесед. 80 на Мф.).

Стороны же предательства Иудина, не совсем ясные, суть следующие: как, во-первых, Иуда, говоря словами Златоуста же, «чаяше удержати Иисуса, многажды видевый Его сквозе прошедша и не удержана бывша, и Божества Его и силы многа подавшаго указания?» Во-вторых,

предавая Учителя, почитал ли Иуда Его за Мессию, по крайней мере, за великого пророка и праведника, или не почитал? Если почитал, то как предал? Если не почитал, то откуда в нем такое великое раскаяние после? Поскольку осуждение на смерть Иисуса так сильно поразило Иуду, то явно, что он не ожидал этого осуждения. Чего же ожидал? Добровольного признания Его синедрионом за Мессию? Но этого предполагать было невозможно. Чудесной победы Иисуса над первосвященниками? Но в таком случае, с каким лицом явился бы предатель к Преданному?

Подобные соображения еще в древности привели некоторых учителей Церкви к мнению, что Иуда не желал и не ожидал смерти своего Учителя, предполагая, что Он найдет средство, естественное или сверхъестественное, избавиться от рук врагов Своих невредимо. В новейшие времена мнение это дополнено, развито и приложено ко всем подробностям события следующим образом.

Все ученики Иисуса Христа ожидали увидеть в Нем Царя над Израилем и быть первыми слугами в этом царстве; но Иуда, говорят, по своему своекорыстному нраву, более всех заботился об успехе дела своего Учителя и для того постоянно, со всем вниманием наблюдал за обстоятельствами, мнениями о Нем народа, поступками и замыслами Его врагов и проч. Теперь он ясно видел, что спор Учителя с синедрионом дошел до решительного перелома, и полагал, что перелом этот должен окончиться непременно в пользу его Учителя, если только последует во время праздника, при стечении многочисленного народа, так сильно расположенного к Иисусу Христу. С другой стороны, несчастный с горечью видел, что Учитель совершенно не собирается воспользоваться настоящим, крайне благоприятным стечением обстоятельств. К большому огорчению, узнает он потом, что первосвященники единодушно составили хитрый план, чтобы окончательно погубить Иисуса после праздника. «Что делать? – думал хитрый корыстолюбец, – если оставить идти дела так, как они идут, то нам всем не избежать гибели: последний благоприятный случай для нас будет упущен; и Искароту, как последнему преступнику, достанется, может быть, висеть на каком-либо кресте». – «Нет, – шептал диавол, – этому не бывать: доколе в обществе этих людей есть Иуда, первосвященникам не взять над нами верха. Они отложили гибель нашу до праздника; надо сделать именно противное тому: синедрион издал повеление, чтобы всякий, кто узнает, где Иисус, давал ему знать о том ([Ин. 11, 57](#)). На что благовиднее предлога? Явлюсь к Каиафе с вызовом предать Иисуса при первом удобном случае: таким образом, слепая злоба их еще заплатит мне за собственную свою гибель. Точно гибель: я продам им –

собственную Их смерть! В какое волнение придет народ, узнав, что Мессия в узах! Чего не сделает он для ниспровержения нелюбимого синедриона и ненавистной претории! Учитель, волей-неволей, сделается царем Израиля, а Искарриоту будет принадлежать честь быть первым виновником такого счастливого переворота. Итак – сотворим злая, да приидут благая ([Рим. 3,8](#)). Примем на себя на время мрачно лицо предателя, чтоб после быть в царстве Мессии первым из апостолов. Подобного плана не выдумать ни Петру, ни Иоанну. Учитель, умеющий так хорошо ценить поступки, не замедлит отдать справедливость соображению столь глубокому и столь благоуспешному».

Так, говорят, следует думать о предательстве Иуды: потому что при этом только предположении становится понятным, как предатель мог удовольствоваться такой малой наградой; сребреники не были главной целью предательства; он бы согласился и на меньшее. При этом понимаем, говорят, и то, как Иуда вызвался сам предводительствовать стражей для взятия Иисуса, приветствовать Его дружеским приветствием и даже облобызать Его: поступок, который в противном случае мог быть только следствием самой отвратительной какой-либо личной злобы против Учителя, следов чего однако же в Иуде не видно. Понятно наконец, говорят, почему на Искарриота так сильно и в такую сторону подействовала весть об осуждении Учителя на смерть: он должен был скорбеть в этом случае сугубо – и за Учителя, и за себя самого, обманувшись так ужасно в своих расчетах. Люди с сильным характером в таких обстоятельствах, обыкновенно, обращаются к одному отчаянному средству: *patet exitus* (исход найден). При исполнении злостного и несчастного плана своего, прибавляют, предатель мог для успокоения себя опираться даже на великодушное снисхождение своего Учителя, по которому последний не обнаруживал его перед прочими учениками и не изгонял из Своего общества. Наконец слова: «**еже творити, твори скоро**» ([Ин. 13,27](#)), говорят, могли быть приняты Иудой за решительное одобрение его плана Учителем.

Что должна сказать о таких предположениях беспристрастная история? То, что это догадки, идущие, как мы заметили, еще из древности, приближающиеся некоторыми сторонами своими к правдоподобию, но не имеющие прочного исторического основания и в то же время сами собой сильно сокрушающиеся о некоторые прямые указания истории на противоположное тому, что предполагается. В самом деле, кого ни слушать в этом деле, все слышишь противное. Принять ли собственное признание предателя? Он говорит, что предал кровь неповинную ([Мф. 27,4](#)); но ни слова о том, что к преданию побудила его не алчность к деньгам, а желание скорее воцарить Учителя. Напротив, выражения: «**согреших, предав кровь**», явно

показывают, что в предании была прямая продажа этой бесценной крови. Будем ли слушать, как и должно, евангелистов? Они тоже ни слова об этом – тогда как указание на подобные причины и цель предательства, облегчая вину предателя, облегчили бы и их горе, когда всему миру стало известно о столь низком поступке прежнего собрата их. Обратимся ли с благоговением к свидетельству Самого преданного Богочеловека: что слышим? «Горе человеку тому, имже Сын Человеческий предается; добро бы было ему, аще бы не родился человек той» ([Мф. 26. 24](#)). За что такое страшное осуждение, если предательство имело такую незлобивую цель, как предполагается? В таком случае оно очень походило бы на так называемые набожные обманы веков средних и не заслуживало бы столь ужасного приговора. Размышляющий без труда может найти и другие причины оставаться при простом сказании евангелистов, которое, оставляя в тени подробности событий, проливает однако же довольно света на их сущность. Что касается вышеозначенных недоумений, то они, как увидим (когда будем говорить о плачевном конце предателя), решаются довольно удовлетворительно и без подобных предположений.

## ХII. Омовение ног и Тайная Вечера

*Праздник Пасхи. – Его отношение к великому предназначению Сына Человеческого. – Опасность, с которой сопряжено было настоящее совершение Пасхи для Иисуса. – Двое из учеников посылаются в Иерусалим для ее приготовления. – Как совершалась она во время Иисуса Христа? – Особенное состояние Его духа на пасхальной вечери. – Спор учеников между собой о первенстве. – Омовение ног. – Пасхальная вечеря. – Многократное указание предателя. – Его удаление. – Учреждение Тайной Вечери.*

Наступил 14-й день нисана (марта) – день, вечером которого каждый израильтянин обязан был совершать Пасху, под страхом в противном случае изгнания из среды народа Божьего. Пасхой назывался агнец, которого, после законом предписанного приуготовления, вкушали с различными обрядами, – в память благодеяния Божьего, оказанного народу еврейскому освобождением его из египетского рабства, особенно же в воспоминание чудесного избавления с помощью знамения крови агнчей первенцев еврейских от ангела, погубившего первенцев египетских ([Исх. 12,17–27](#)). На другой день, в память того же события, начинался семидневный праздник опресноков, в продолжение которого, равно как и самой Пасхи и навечерия ее, израильтянин, под страхом смерти, должен был хранить себя от всего квасного ([Исх. 12, 15](#)). Знаменованье Пасхи было так важно, законы

касательно совершения ее так строги, самый обряд так знаменателен и поучителен; притом с ней соединено было столько утешительных воспоминаний в прошлом и радостных надежд в будущем, – что празднование Пасхи издревле сделалось главой всех празднеств иудейских, душой обрядового закона, народным отличием еврея, квинтэссенцией его веры и символом упования. Уже одного этого достаточно было для Иисуса Христа, чтобы совершать Пасху (как действительно Он всегда и совершал ее) в определенное законом время, с соблюдением всех обрядов, освященных веками и примером праотцов и пророков: ибо одно из главных правил великой деятельности Сына Человеческого во время служения Его состояло в том, чтобы поддерживать всякое истинно полезное учреждение, ни в каком случае без явной нужды и важных причин не оставлять без исполнения ни одного из законов Моисеевых, усиливать и распространять все, что могло служить пищей для веры и добрых нравов, вести к исправлению сердца и жизни ([Мф. 3, 15](#)).

Но кроме того, была еще одна причина, по которой Пасха Моисеева была для Иисуса Христа, можно сказать, вожделеннее и священнее, нежели для всех прочих Его соплеменников по плоти: агнец пасхальный, служа символом прошедшего благодеяния, в то же время, по намерению Промысла, еще более служил прообразом Его собственного лица и предназначения ([Ин. 19, 36](#)). Заклание агнца и примирительная кровь его, отвратившая некогда ангела-губителя от первенцев еврейских, предызображала собой будущую крестную смерть истинного Агнца Божьего, вземлющего грехи всего мира; радостный исход израильтян из Египта после совершения Пасхи предвещал благодатное освобождение рода человеческого от ужасного рабства греху, смерти и [дьяволу](#), следующее за совершением великой крестной жертвы на Голгофе. При таком взгляде на Пасху как все в ней для Богочеловека должно было быть священо и важно! Празднуя сей праздник, Он всякий раз, можно сказать, предпраздновал будущую смерть Свою. Теперь, когда пришел час заменить прообразование самым делом – кровь агнца пасхального кровью собственной, наступающий праздник Пасхи был тем ближе сердцу Иисуса: и Он, несмотря на великие препятствия со стороны врагов, восхотел совершить его особенным образом, в Своем, Божественном духе ([Лк. 22, 15](#)), так, чтобы последняя вечеря пасхальная послужила решительным окончанием Завета Ветхого, началом и полным выражением Нового, памятником Его преданности воле Отца Небесного и безмерной любви к человечеству, символом внешнего и средоточием внутреннего единства всех Его последователей с Ним и между собой ([Ин. 13, 1–4](#), [D 17:26](#)).

Главным препятствием к совершению Пасхи был Иуда. Узнав предварительно о месте, избранном для совершения ее, вероломный ученик не посовестился бы дать знать о том первосвященникам ([Мф. 26, 16](#)), а они могли окружить дом стражей и схватить празднующих. Таким образом, была бы нарушена тишина самых священных минут; Учитель не имел бы времени проститься со Своими возлюбленными учениками достойным для Него, незабываемым для них образом; не успел бы укрепить их против наступающих искушений, передать им Свои последние чувства и Свой дух – напитать их в живот вечный негибнущим брашном Тела и Крови Своей. Изгнать же для избежания опасности предателя из Своего сообщества – все еще тяжело было для сердца Иисусова. Человеколюбец хотел до последнего момента остаться тем же самым для Иуды, чем был для прочих учеников – другом, наставником и отцом. Последняя вечеря, так обильная чувствами необыкновенной любви и благодати, действиями чрезвычайной кротости и смирения, должна была стать для погибающего апостола последним призывом к покаянию или – последним доказательством его нераскаянности и ожесточения. И мудрая любовь Иисусова нашла другое, столь же верное средство устранить опасность для совершения пасхальной вечери, не изгоняя ученика-предателя: оно (как увидим сейчас) связало злобу его неизвестностью, сокрыв от него место празднования.

Ученики с самого утра все заняты были мыслью о Пасхе. Не видя для празднования ее никаких распоряжений со стороны Учителя, некоторые из них почли за нужное напомнить Ему о том ([Мф. 26,17](#)). Хотя в Иерусалиме, как уверяет древнее иудейское предание, каждый житель был обязан давать, если может, даже без платы иногородним иудеям комнату для совершения Пасхи, все же для избежания всякого замешательства необходимо было предварительное соглашение, особенно для святого общества Иисусова, которое имело обыкновение останавливаться в Иерусалиме только у некоторых людей, Ему известных и того достойных, и всего менее могло забыть об этой предосторожности теперь, когда опасность угрожала со всех сторон.

На вопрос учеников, где Он повелит приготовить Пасху, Учитель обратился к Иоанну и Петру и велел им идти в город. «При самом входе, – сказал Он, – вы встретите человека, несущего в кувшине воду; следуйте за ним, войдите в тот дом, куда он войдет, и скажите хозяину дома: «Учитель велел сказать тебе: время Мое близко, у тебя совершу Пасху с учениками Моими. Итак, где горница, в которой бы можно было Мне вкушать Пасху?» После того он покажет вам горницу большую, готовую и убранную. Там приготовьте нам Пасху» ([Мф. 26, 18](#); [Лк. 22, 8–13](#)).

Из такого приказания открывалось, что Учитель уже думал о месте совершения Пасхи и избрал его в Своем уме, хотя до сих пор и не сказал ученикам; и теперь по какой-то особенной причине не хочет открыть имени человека, у которого будет совершена Пасха. По какой? Без сомнения, думали, по причине опасности от врагов, которые наблюдают за каждым нашим шагом и готовы в любой момент схватить нас. Но зачем таить это и от нас? Ужели между нами самими кто-либо неверен и ненадежен? Последнее могло привести более дальновидных к мысли о предателе из собственного круга; но только привести, а не утвердить в этой мысли, которая, как увидим, чрезвычайно чужда была для чистых и простых сердцем учеников Иисусовых.

Истинную причину сокровенности всего скорее мог угадать Иуда, являвшийся единственной ее причиной. Одно удаление его – хранителя и распорядителя денег общественных – от участия в приготовлении Пасхи, сопряженном с известными издержками, было уже ясным намеком, что Учитель знает о постыдных сребрениках, ему обещанных.

Придя в город, Петр и Иоанн нашли все так, как сказал Учитель: у Водяных ворот (которыми входили в город идущие с Елеона) встретился с ними человек, несущий в глиняном кувшине воду; следуя за ним, они прошли в дом, в котором он жил, пересказали хозяину дома слова своего Учителя; после чего он тотчас указал им готовую просторную комнату, и они занялись приготовлением Пасхи ([Лк. 22, 13](#)). Они купили в ограде храма пасхального агнца, дали священнику заклать или сами, по его благословию, заклали его в известном месте – при храме; возвратясь домой, испекли его на огне **«законным»** образом, т.е. целого, не раздробляя на части, не сокрушая ни одной кости ([Исх. 12, 9–10](#)), с соблюдением прочих обычаев, приготовили также опресноки, горькие зелья и другие вещи, нужные для праздника.

К концу дня пришел Сам Иисус с прочими учениками, пришел, как заставляют думать обстоятельства, так, что приход Его не был замечен народом, тем более личными Его врагами. Тут, без сомнения, ученики узнали, кто таков таинственный хозяин дома, в котором они находились; легко также было осведомиться и о том, знал он предварительно о намерении Иисуса Христа у него совершить Пасху или не знал; и следовательно, должно или не должно принимать за прямое пророчество вышеприведенные слова их Учителя. Но евангелисты не сочли нужным передать нам сведения об этом предмете, оставив его в той же неопределенности и таинственности, в какой он представлялся сначала самим ученикам Иисусовым; и сделали это, может быть, частью потому, чтобы тем полнее передать

первоначальное впечатление, произведенное на них загадочными словами Учителя, а частью потому, что, когда они писали Евангелие, открытие имени хозяина дома, удостоившегося чести оказать в такое время гостеприимство Иисусу Христу, могло иметь для него опасные последствия.

С достоверностью можно сказать одно: хозяин дома, в котором совершена Пасха, принадлежал к числу почитателей Иисусовых. К такой мысли ведет уже выражение: **«Учитель говорит»**. Притом дом для вечера должен быть избран самый безопасный, у человека верного и надежного: другой счел бы своим долгом сообщить синедриону о том, Кто в его доме совершает теперь Пасху.

С наступлением законом и обычаем определенного времени (не ранее сумерек и не позже 10 часов – [Втор. 16, 6](#)) Иисус возлег с дванадцатью учениками Своими на вечера. Более никого не было не только за вечерей, но и в горнице. Кроме того, что все заняты были в это время празднованием Пасхи, последняя вечеря в любом отношении должна была быть вечерей тайной.

Порядок совершения Пасхи в то время, сколько можно судить, основываясь на прилежном сличении древнейших свидетельств иудейских, был таков: Пасхальная вечеря открывалась чашей вина, перед которой отец семейства или заступавший его Место возглашал благодарение Богу, говоря: **«Благословен Господь Бог наш, Царь мира, сотворивый плод лозы виноградной!»** Сказав так, отпивал из чаши, что делали потом и все прочие, омывая затем каждый руки. Потом вкушали горькие зелья, над которыми начальствующий также приносил благодарение Богу. Тут кто-либо из младших спрашивал: что значит все это? И отец семейства или старший из возлежащих объяснял обряды Пасхи историей исшествия израильтян из Египта, причем читались или пелись два псалма ([Пс. 113–114](#)), в которых воспето это событие. За этим обходила по рукам вторая пасхальная чаша. Опять умывали руки. Начальствующий брал со стола из двух пресных хлебов один, разламывал его на две половины и, положив на другой хлеб, произносил: **«Благословен Господь наш, Царь мира, производший от земли хлеб!»** Потом этот хлеб разделялся между возлежащими. Далее сдается была уже сама «пасха», или агнец, после совершения над ним благодарения Богу. За «пасхой» подавались разные другие кушанья, составлявшие пасхальную вечерю, среди которой являлась третья общая чаша, называвшаяся преимущественно чашей благословения; вслед за ней пелись четыре псалма ([Пс. 114–117](#)), в которых изображается радость о Боге Спасителе. В заключение испивали четвертую чашу. Во всех чашах вино растворено было водой, потому что из них обязаны были пить понемногу все, не исключая жен и детей.



Впрочем, мы не решимся утверждать, что [Пасха](#) ветхозаветная, и особенно настоящая, последняя, совершена была Иисусом Христом во всей точности так, как сказано в вышеприведенном описании. Ибо, по указанию самого установителя Пасхи – Моисея, она должна была совершаться проще, с меньшими подробностями ([Исх. 12](#)). С другой стороны, если когда Сыну Человеческому прилично было показать, что Он есть «[Господь и субботе и Пасхе](#)» ([Мф. 12, 8](#)), то теперь, при упразднении Ветхого и утверждении Нового Завета. Настоящая Пасха, предназначенная служить этим упразднением и быть переходом (пасхой) от Ветхого Завета к Новому, по тому самому должна была не походить на прочие пасхи, могла иметь немалые особенности. Впрочем, из некоторых указаний и выражений евангельских видно, что почтенные сами по себе обряды праздника отечественного не были совершенно оставлены Господом и при совершении настоящей Пасхи ([Лк. 22, 17–18](#); [Ин. 13, 26](#)). Евангелисты не обратили на это прямого внимания, ибо это и так всем было известно; но взамен описали со всей подробностью для нас то, что на этой вечери было особенным, новозаветным: омовение ног, установление Евхаристии и проч. Кроме того, св. Иоанн, как любвеобильнейший наблюдатель последних действий своего Божественного Учителя и Друга, предваряет повествование свое о прощальной вечери особенным, глубоким указанием на необыкновенное в продолжение ее состояние духа Иисусова, заставляя смотреть на Него как на Единородного от Отца, исполненного благодати и истины, Который совершенно знает, «[откуда пришел и куда грядет](#)», вполне уверен, что «[Отец вся предаде в руки Его](#)», и потому в самые мрачные и опасные минуты (как сейчас) действует со всем спокойствием и величием Сына Божьего и по беспредельной любви Своей к оставляемым ученикам («[возлюбль Своя сущия в мире, до конца возлюби их](#)») не стыдится, для вразумления их, омыть им ноги, яко слуга, и потом все делает, чтобы ободрить, утешить и оградить их от искушений, кратких, но ужасных, во время предстоящей разлуки; хотя, судя по человечеству, Он Сам должен был иметь нужду в утешении ([Ин. 13, 1–4](#)). Действительно, мы не видим, чтобы в продолжение всего трехлетнего служения Иисуса Христа обнаружено было Им так ясно для учеников чувство Своего великого предназначения, Своего Божественного достоинства, Своего единства со Отцом, как на последней тайной вечери и в последних беседах с учениками. Несмотря на глубочайшее смирение Его, по которому Он омоет ноги ученикам, на кроткий, исполненный любви язык друга, разлучающегося со своими возлюбленными, Он является здесь преисполнен светом Божества Своего, блистающим в каждом Его действии и слове, окруженным каким-то неизъяснимо-трогательным

величием, в котором срастворено Божественное с человеческим, соединен Фавор с Голгофой. Из среды этого срастворения будет веять на учеников «**дух хлада тонка**» (в каком только Божество может открываться смертным) и по временам возгревать и в их сердце пламень чистой любви и веры. Но только «**по временам**». Не очистившись еще от некоторых слабостей, они «**не могли носить**» и вместить «**многого**» ([Ин. 16, 12](#)). А непостижение тайны креста, которая откроется им после, делало их вообще не способными разделять вполне чувства своего Учителя и Господа. Если бы им известно было будущее так, как его знал их Учитель! Не такими, без сомнения, они показали бы себя на вечери! Не спор о первенстве занял бы их душу! Не сон овладел бы ими в саду Гефсиманском! Но Учитель с намерением не открывал им во всей подробности будущего, а когда открывал что-либо из него, если они не понимали откровения во всей его ужасной действительности, – не настаивал с силой на полноте понятия. Таким образом, не об одном омовении, почти о всех действиях и словах Господа можно было сказать теперь каждому из учеников: «**Не веси ныне, уразумевши же по сих**». Одному из среды учеников принадлежало плачевное преимущество знать нечто более, нежели знали все прочие, – предателю. Потому он, с этой точки зрения, на плане Божественной картины представляет ужасно значительное, особенное лицо, противоположное лицу Сына Божьего. Это был в образе человеческом представитель области тьмы, которая обладает немалыми тайнами знания, но не имеет ни одной искры и луча святой любви. При всех озарениях от Божественного лица Иисусова душа Иуды останется хладна и мрачна, как уголь. Понадеясь, вероятно, на успех над несчастным предателем, дух тьмы простер теперь нелепые надежды свои до того, что, по свидетельству Самого Богочеловека, дерзнул у Верховного Правителя судеб человеческих просить позволения «**сеять**» и прочих учеников Христовых «**яко пшеницу**» ([Лк. 22, 31](#)), то есть иметь к ним доступ со всеми возможными для него искушениями. Другое выражение, употребленное Спасителем при указании на это адское прошение, показывает, что духу тьмы, в настоящем случае, действительно попущено было Премудростью Божьей сделать в отношении к апостолам нечто подобное тому, что дано было ему сделать над Иовом, то есть поставить их в особенно затруднительные и особенно опасные для веры и добродетели обстоятельства. Ибо Спаситель говорит, что Он молился, чтобы при этом адском веянии не оскудела вера Петрова и чтобы он, восстав от падения сам, утвердил колеблющуюся братию; но нисколько не показывает, чтобы плодом и даже предметом молитвы Его было удаление самого веяния, устранение самых искушений и соблазнов.

Не погрешим, если к этому тайному искушению учеников отнесем открывшийся теперь между ними и такой неуместный и безвременный спор о первенстве.

После длительного путешествия из загородного поместья за такую вечерю, как пасхальная, надлежало сесть, по восточному обычаю, с ногами омовенными. Все нужное для омовения было приготовлено заранее в горнице: не было только прислужника, который бы омыл всем ноги. Для взаимной любви это был прекрасный случай оказать взаимную услугу. Но ученики, сверх всякого чаяния и, вероятно, не без искушения от адского вейтеля, отнеслись к этому случаю совершенно иначе: вместо духа смирения и братского единодушия открылся дух превозношения; слышались даже вопросы, кто больше и лучше и кто меньше и хуже. Ни один не хотел быть ниже другого, тем более – всех; и ноги у всех оставались неомовенными.

Нестерпимым хладом веяло от такого спора на любвеобильное сердце Иисусово. Он безмолствовал, ожидая, что взаимная любовь учеников (не ослабевшая от подобных прекословий) сама возьмет верх над детским любочестием. Но когда увидел, что ученики уже готовы, не кончив спора, садиться за стол, тотчас встал Сам с вечера, снял с Себя верхние одежды и, опоясавшись лентием (спор, без сомнения, тотчас умолк в ожидании, что будет), взял один из сосудов, стоявших для омовений, налил воды в умывальницу и (к изумлению всех) начал омывать ноги ученикам и отирать лентием. Первый (Иуда?), в смущении, невольно повинует; прочие безмолвно следуют его примеру; никто не смеет остановить Учителя, хотя все чувствуют, что были причиной такого чрезвычайного поступка, скорбят душой, что подали к нему повод неуместным превозношением.

Наконец дошла чреда до Симона Ионина. Пламенная душа его не могла вынести мысли, что Христос, Сын Бога живого, будет служить ему вместо раба. **«Господи, Ты ли мои умыеши нозе?»..»**

» **«Еже Аз творю»**, – отвечал Господь, – **«ты не веши ныне, уразумевши же по сих»**.

Тихая и таинственная важность этих слов требовала немедленного и безусловного повиновения. Но Петр привык в действиях своих следовать более чувству, нежели рассудку. **«Что тут разуметь, – мыслил он, – где идет дело о таком унижении Учителя и Господа?»**

**«Не умыеши ногу моею во веки»**. Все движения говорящего показывали, что он сдержит свое слово.

В другое время такое смирение могло бы заслужить похвалу от Того, Кто Сам был кроток и смирен сердцем. Но теперь было не до нового спора о том, кто смиреннее – Учитель или ученик. Надлежало приподнять завесу.

«Аще не умыю тебе», – отвечал Господь уже возвышеннейшим голосом, – «не имаши части со Мною».

При этих таинственных словах уже нельзя было не понять, что дело идет более, нежели о чувственном омовении. Петр тотчас пробудился от самомнения, и весь пламень обратился к противную сторону...

«Господи, не нозе мои токмо, но и руце и главу». – Твори со мной все, что Тебе угодно; только не лишай части с Тобой.

«Измовенный» (в душе и совести, – посредством Моего учения и духа и крови, которая прольется на кресте, каков ты), – отвечал Богочеловек, омывая ноги Петру, – «не требует» (более как) «токмо нозе умыти» (новым наитием Св. Духа, Которого настоящее омовение служит предварением и символом, для полного очищения от предрассудков и слабостей, какие в Петре были: излишнее надеяние на свое мужество и на свою любовь к Учителю)».

«И вы чисти есте», – присовокупил Господь, обратившись к прочим ученикам, – «но не вси.».."

«Знал Он, – замечает св. Иоанн, – что между ними есть один – предатель, посему и сказал: «не вси чисты» ([Ин. 13, 11](#)).

Несмотря на важность такого обличения нечистоты и на его неопределенность, по которой оно могло падать на каждого, никто из учеников не смел спросить Учителя о том, что это за нечистота и кто нечист? Сам многоречивый Петр безмолствовал. Всеумиряющим действием смирения Иисусова сердца возвращены были к их естественной простоте и утишены до того, что не могли взволноваться даже от любопытства. Оставалось только в глубине чувство сожаления о том, что своим неуместным спором о первенстве принудили Учителя и Господа к такому униженному служению, а в Симоне еще и о том, что он, хоть на минуту, дерзнул выдавать себя за человека, не нуждающегося в омовении от Того, Кто один только может очищать нечистоту всех и каждого.

Омыв таким образом ноги всем ученикам, Иисус возложил на Себя одежду Свою и вновь возлег на вечери.

«Весте ли», – сказал Он им, – «что сотворих вам? Вы называете Меня Учителем и Господом; и добре глаголете: есмь бо» (Я точно то). «Аще убо Аз умых ваши нозе, Господь и Учитель, и вы должны есте друг другу умывати нозе. Образ бо дах вам, да, якоже Аз сотворих вам, и вы творите. Аминь, аминь глаголю вам: несть раб болий Господа своего, ни посланник болий пославшаго его» ([Ин. 13, 12–16](#)). «Царие язык господствуют над народом и обладаючи ими благодетелями нарицаются. Вы же не тако; но болий в вас да будет яко мний, и старей яко служай! Кто бо болий, возлежай ли или служай? не возлежай ли? Аз же посреде вас есмь яко служай» ([Лк. 22, 25–27](#)). «Аще сия

весте» (некоторые из учеников могли чем-либо показать при этом, что они никак не равняют себя с Учителем), «блажени есте, аще творите я» ([Ин. 13, 17](#)).

«Вы, – продолжал Господь, – пребыли со Мной во всех напастях Моих (оставались постоянно верными, несмотря на клеветы и гонения врагов Моих), «и Аз» (в награду) «завещаваю вам» (всем равно), «якоже завеща Мне Отец Мой, царство» (все получите более, чем желаете), «да ясте и пиете на трапезе Моей во царствии Моем, и сядете на престолах, судяще обеманадесяте коленама Израилевома» ([Лк. 22, 28–30](#)), – добавил Господь, желая как можно очевиднее представить ученикам награду, их ожидающую.

При столь великом обещании взор Богочеловека упал на Иуду. Щедродаровитые уста невольно сомкнулись.

«Не о всех вас глаголю», – произнес Он с сожалением (хотя бы и хотел о всех говорить таким образом), – «Аз бо вем, ихже избрах» (знаю твердо, кто из вас истинно Мой и кто предатель; а посему и мог бы воспротивиться его замыслам, изгнать его из Моего общества, но терпел и буду терпеть его посреди вас до конца), да сбудется писание: «ядый со Мною хлеб, воздвиже на Мя пяту свою.

Ныне убо глаголю вам» (об этом), «прежде даже не будет, да, егда будет» (когда Я буду предан и распят), «веру имете, яко Аз есмь» (тот же, что и прежде, Сын Бога живого).

«Аминь, аминь глаголю вам», – заключил Господь с особенным чувством, – «приемляй, аще кого пошлю, Мене приемлет; а приемляй Мене, приемлет пославшаго Мя» ([Ин. 13, 18–21](#)). (Честь быть Моим апостолом, хоть один из вас променял ее на тридцать сребреников, всегда будет превыше всех почестей мира. В вашем лице, как и в Моем, будет принят или отвергнут Сам Бог.)

В безмолвии внимали ученики словам Господа и Учителя, которые, сильные сами по себе, были еще действеннее после Его беспримерного смирения.

Что было при этом на душе сына погибельного, но еще не погибшего?.. И ему омыты ноги, и ему преподан урок смирения; а жалобы на нечистоту к нему одному главным образом и относились!.. Быть не может, чтобы из семян слова жизни, падавших в таком изобилии из рук небесного Сеятеля, ни одно не упало и на его сердце: Спаситель не без особенного намерения указал с такой полнотой на великие награды, ожидающие верных учеников Его. Сама страсть предателя – все оценивать – могла быть тронута мыслью о потере бесценного. Но сердце несчастного ученика уже ожесточилось для благих впечатлений, все было покрыто тернием забот «и печалей века сего» ([Мф. 13, 21](#)). И [дьявол](#), так давно уготовлявший душу несчастного в орудие и

жилище себе, без сомнения, теперь особенно стерег все входы и исходы ее и тотчас похищал из нее всякое семя благое ([Мф. 13. 19](#)) при самом его, так сказать, сеянии.

Прерванная в самом начале вечера продолжалась. Обряд следовал за обрядом. При общем печальном настроении все это делалось теперь, может быть, скорее обыкновенного. Сам агнец пасхальный, видимо, терял важность в присутствии истинного Агнца Божьего, Который уже готов был подъять грехи всего мира. Несмотря на священный обычай, обратившийся почти в неизменный закон, – всем вкушать от священных чаш, которые, по преданию, подавались на вечери, Учитель не вкушал ни от единой, даже когда явилась и так называемая чаша благословения (самая священная). Он только благословил ее, по обычаю, и, не вкушая от нее Сам, подал ученикам, сказав: **«Возьмите ее и разделите между собой; ибо Я не буду пить от плода лозаго, Дóндеже Царствие Божие приидет»**([Лк. 22, 17–18](#)).

Ничьи взоры не светились радостью; но на лице Богочеловека видно было даже некое смущение, тем более заметное, чем реже святейшая душа Его выходила из обыкновенного своего премирного состояния даже в самых необыкновенных случаях. Теперь она тяжело страдала от присутствия предателя. Вид холодной измены и лицемерной дружбы был тем несноснее, что препятствовал сердцу вполне раскрыться перед Своими возлюбленными учениками, изречь им последнюю заповедь любви и последнее слово надежды.

**«Иисус возмутися духом»** ([Ин. 13, 21](#))! Ученики, заметив это, естественно, ожидали чего-либо особенного. **«Аминь, аминь глаголю вам»**, – сказал Господь, как бы в объяснение Своего душевного состояния, – **«яко един от вас предаст Мя!..»** При этих столько же ясных, сколь разительных словах глубокая печаль овладела всеми (вечера, если еще не кончилась совершенно, должна была прерваться на время). Каждый смотрел на другого, невольно воображая, что такой предатель не может не обнаружить в своем лице мрачной души своей ([Ин. 13, 22](#)). Но предатель смотрел на каждого дерзновеннее всех и сам искал взорами предателя. Кто же бы это был такой, который сделает это? – спрашивали друг друга, и взоры всех сами собой обращались к Учителю, Который один мог сказать, кто этот ужасный человек. Некоторые все еще хотели думать, что он не может быть в их малом дружеском обществе, а разве из числа прочих (70) учеников. **«Един от обоюнадесяте, омочивши со Мною в солило руку»** (из четырех, следовательно, или шести близ сидевших), **«той Мя предаст»**([Мф. 26, 23](#)), – отвечал Господь. **«Обаче Сын Человеческий идет, якоже есть писано о Нем: горе же человеку тому, им же Сын человеческий предается! Уне было бы, аще не бы родился человек той!»..»** ([Мф. 26, 24.](#)) Такие слова не

могли успокоить учеников. При мысли, что предатель так близко и что его ожидает такая страшная участь, каждый начал не доверять сам себе. «Не я ли, Равви? не я ли?» – слышалось от всех и каждого. Господь безмолствовал: детская простота и искренность всех восполняли для Его сердца ожесточение одного. Чтобы не остаться среди всех спрашивавших одному в молчании и не обнаружить себя, и этот несчастный осмелился раскрыть уста и не устыдился спросить, подобно прочим: «Равви, не я ли?..» – «Ты рекл еси» ([Мф. 26, 25](#)), – отвечал Иисус, глубоко оскорбленный таким бесстыдным лицемерием предателя. Впрочем, ответ этот произнесен был так тихо и кротко, что его, по-видимому, никто не слышал, по крайней мере, не понял, кроме Иуды, как то видно из последующего. Предатель в молчании снес упрек, избегая большего стыда – быть обнаруженным перед всеми. И прочие ученики не продолжали расспросы, видя нежелание Учителя указать предателя прямо.

Один Петр не мог успокоиться. Мысль, что предатель, о котором говорит Учитель, может быть, сидит возле него, еще более темная мысль: не его ли самого имеет в виду Учитель, не может ли он сам подвергнуться впоследствии какому-либо ужасному искушению (ах! он имел уже несчастье заслужить некогда название сатаны – [Мф. 16, 23](#)), не давала ему покоя. Чтобы открыть тайну, он обратился в этом случае к особенному средству – тому самому, которое перед сильными земли так действительно бывает для получения у них милостей более или менее заслуженных, а в святом обществе Иисусовом могло служить разве только для такой невинной цели, как у Петра, – открыть предателя. Богочеловек особенно любил и отличал одного ученика, который возлежал теперь у самых персей Его. К нему-то обратился Симон и сделал знак, чтобы он спросил (тайно) Иисуса, кто это такой, о ком говорил Он? Ученик (так сам он описывает этот случай), припав к персям Иисусовым, немедленно спросил Его: кто предатель? Вопросы никто не слышал и не заметил, кроме Петра и, вероятно, самого Иуды, который, как виновный, всех подозревал и был настороже. «Тот, – отвечал Иисус (тихо), – кому, обмакнув кусок, подам»; и обмакнув в блюдо кусок, подал Иуде Симонову Искаротскому. В действии этом не заключалось ничего оскорбительного для Иуды: в конце вечера было обыкновение брать и съесть по куску из остатков пасхи, и получить такой кусок из рук начальника вечера значило быть отличенным от других. Поэтому дружелюбное предложение пищи было для погибающего апостола последним зовом к покаянию.

Но в душе Искарота произошло совершенно обратное. Он взял кусок и заставил себя его съесть. Вслед за хлебом, по замечанию Иоанна, наблюдавшего в это время за Иудой, тотчас вошел «в него сатана».

Личина кротости и дружества совершенно растаяла от огня обличения, вспыхнувшего в сердце: вид предателя сделался мрачен и ужасен. Святое общество Иисусово было уже нестерпимо для человека с **ДЬЯВОЛОМ** в сердце: тайная сила влекла его вон...

Сердцеведец видел все, что происходило в душе сына погибельного, – как иссякала последняя капля добра, как **ДЬЯВОЛ** овладел самым основанием жизни духовной: и Иисус не захотел более принуждать Себя к бесплодному перенесению присутствия предателя. **«Еже творити, твори скоро»**, – сказал Он ему, готовому уже и без того идти вон. Этим давался ему благовидный предлог оставить вечерю (впрочем, уже оконченную) одному, не вызывая подозрения учеников. Но в то же время в этих таинственных словах, кажется, заключалось большее: ими прерывались окончательно невидимые узы благодати, которые все еще держали погибавшего апостола в святом круге общества Иисусова и не давали сатане увлечь его в ад. Между тем, кроткий полуупрек для оставленного благодатью, вероятно, показался сильной укоризной. **«Я не замедлю в своем деле»**, – думал он и – вышел вон.

**«Бе же ночь»**, – замечает св. Иоанн, – **«егда изыде»**, то есть, по времени палестинскому, не ранее 9 часов вечера, и следовательно, по окончании вечера пасхальной.

Поскольку предатель видел, что Учитель знает о его предательстве, мог предполагать, что и ученики узнают об этом и примут все меры для спасения Учителя и себя, – то сам собой рождается вопрос: как он надеялся теперь на успех в своем предательстве? Мог ли, например, предполагать, что Иисус будет спокойно ожидать его в саду Гефсиманском и не укроется немедленно в каком-либо более сокровенном месте? Почему, во избежание этого неудобства, не поспешили окружить стражей дом, где совершалась вечеря и где Иисус еще долгое время беседовал с учениками? Для разрешения этих недоумений нужно вспомнить, что первосвященникам хотелось взять Иисуса совершенно без народа; поэтому им нужна была **«година и область темная»** и глухая; а теперь еще никто не спал, и на малейший шум могли сбежаться сотни тысяч людей. С другой стороны, несмотря на все намеки Учителя на предательство, Иуда мог думать, что его умысел известен Ему только вообще, без подробностей, особенно без того обстоятельства, что это предательство задумано именно в ночь пасхальную; и поэтому мог быть уверен, что избранное для ночлега место (Гефсимания) не будет переменено на другое. К тому же, чтобы лучше скрыть час предательства, может быть, хитрый сребролюбец заранее придумал какое-нибудь дело, для которого он с ведома Учителя должен был выйти тотчас по окончании пасхи, не дожидаясь заключительного пения псалмов. Этим и объясняются слова



Господа: «**еже творити**» (что тебе нужно делать), «**твори скоро**»: – слова, которые без этого предположения, если можно так выразиться, имеют только одну половину мысли – нравственную, а не имеют другой – исторической, которой они бы связывались с предшествующими событиями.

Ученики не могли не заметить преждевременности ухода Иуды, но после слов Учителя к нему никто (не исключая, может быть, и самого Иоанна) не думал истолковать этого ухода в дурную сторону. Одни думали, что Иуда послан купить что-нибудь на наступающий (восьмидневный) праздник, другие – что ему приказано раздать ради праздника милостыню нищим ([Ин. 13, 23–26](#)). То и другое предположение было не вполне естественно. Делать в продолжение пасхального вечера и так поздно покупки было трудно. Да и нищих нелегко было найти в такое священное для всех время. Но ученики готовы были скорее поверить всякой догадке, нежели остановиться на ужасной мысли, что Иуда Искаротский – из-за пасхальной вечера, после омовения ног Учителем – пошел прямо к Каиафе за сребрениками и спирой!..

Иначе взирал на удаление предателя Учитель. С уходом его извергнута была вон вся область тьмы, которая на столь долгое время вторглась в самый чистый богосветлый круг учеников Иисусовых. Теперь вокруг прощающегося Учителя и Друга оставались лишь те, кого без опасения можно было назвать «**чадцами**»; ибо они, родившись от Него по духу, были соединены с Ним еще теснее, чем младенец со своей матерью. Стесненное дотоле присутствием предателя сердце Иисуса распространилось: взор просветлел. В свободной мысли представилось вдруг и все прошедшее и все будущее, и окончание Ветхого Завета с окончанием собственного земного поприща, и начало новой благодатной Церкви с новым образом собственного бытия, по человечеству превознесенного через крест над всем и всеми. С этой стороны, самый крест, как главное орудие к ниспровержению царства тьмы, как основание Церкви и Завета Нового, вечного, как средоточие всех прошедших и будущих распоряжений Промысла, как противоядие и врачевств-во против плодов ужасного древа познания добра и зла, – представлялся блистающим славой Божественной и все священнодействие Голгофское, которое некоторым образом предназначалось с исходом предателя, теряло мрачность и принимало вид всемирного торжества для Того, Кто должен стать его Первосвященником.

«**Ныне прославися Сын Человеческий**», – вдруг возгласил Он, как бы среди некоего видения, – «**и Бог прославися о Нем. Аще Бог прославися о Нем, и Бог прославит Его в Себе, и абие прославит Его!**»

Ученики в безмолвии внимали словам Божественного восторга, ожидая, вероятно, после них какой-либо поучительной беседы. Но это был шаг к другому, высшему. Настало время беседовать уже не словами, а делами; последний час Ветхого Завета пробил, надлежало предначать Новый не агнцем от стада, а телом и кровью Своей. Между тем, лицо Богочеловека светилось пренебесным светом. Он берет лежавший перед Ним хлеб, благословляет его, преломляет на части, по числу учеников, и раздает его им.

Уже из этого благословения видно было, что это делается не по обычаю вечери пасхальной (так называемый хлеб благословенный уже был потреблен), а по другой причине и для другой цели.

**«Примите», – сказал Господь, объясняя дело, – «примите, ядите: сие есть Тело Мое,.. за вы ломимое» (1Кор.11:24) «во оставление грехов»(Мф.26:28).**

Ученики в безмолвии вкусили преподанного под видом хлеба Тела Учителя и Господа, веруя от всей души, что если оно будет ломимо, то не за что другое, как за грехи человеческие, и не для чего другого, как в оставление их. Вопрос капернаумских совопросников: **«како может Сей нам дати плоть Свою ясти?» (Ин. 6, 52)** – был далек теперь от них: ибо они тогда же слышали от Учителя, что плоть Сына Человеческого есть **«истинное брашно»**, и что однако же тогдашние глаголы Его об этом, тем более настоящее действие – **«дух и живот суть»**; поэтому и должны быть приняты не в грубом капернаумском смысле, а в высшем, чистейшем.

Еще ученики продолжали погружаться во глубину новой тайны любви, питавшей их Телом Своим, как последовало новое чудо этой же любви. Господь взял чашу с вином, благословил ее так же, как и прежде хлеб, особенным новым благословением (чем показывалось ее особенное, совершенно отличное от пасхальных чаш предназначение) и, подав ученикам, сказал: **«Пийте от нея вси! Сия есть кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многия изливаемая, во оставление грехов».**

Ученики, приняв чашу, с прежним безмолвием причастились Крови Учителя и Господа своего; ибо из давнишних бесед Его уже знали, что **«Кровь Сына Человеческого есть истинное питие» (Ин. 6, 55)**, едино могущее утолить вечную жажду души человеческой. Каким образом можно вкушать Тело и пить Кровь Господа, когда оно находится перед ними еще в прежнем своем виде? – этот вопрос, сейчас так затрудняющий многих, им, по всей вероятности, не приходил и в голову; ибо они из бесчисленных опытов ведали и знали, что Тело их Учителя и Господа, хотя во всем подобное человеческому, обладает однако же многими качествами сверхъестественными и потому,

например, одним прикосновением могло исцелять болезни самые неисцелимые.

«Сие творите», – сказал Господь в заключение священнодействия, – «сие творите в Мое воспоминание».

Завещание это, из-за особенной важности и трогательности завещанного, так внедрилось в памяти учеников и через них так скоро распространилось во всей первоначальной Церкви христианской, что, как видим из книги Деяний апостольских, совершение Евхаристии в память возлюбленного Спасителя было первым и главным делом каждого собрания христианского. И апостол Павел, несмотря на то, что не был от 12-ти и не присутствовал на тайной вечери, в одном из посланий своих, без сомнения, по внушению свыше, преподает уже подробное учение о таинственном Теле и Крови Господней и с твердостью и ясностью предполагает существование этого таинства до дня будущего пришествия Господня.

### XIII. Прощальная беседа Иисуса Христа с учениками

Объявление о Своем удалении из этого мира. – Самонадеянный вызов Петра следовать всюду за Учителем. – Предсказание о его троекратном отречении в эту же наступающую ночь. – Ободрение учеников. – Их разные недоумения и вопросы с ответами на них. – Призыв к сохранению взаимной любви и заповедей. – Обещание Своего видимого возврата и невидимого постоянного общения. – Обетование пришествия Духа Утешителя. – Восстание от вечери с изречением мира вечерявшим. – Отшествие с пением из горницы Сионской в Гефсиманию. – Продолжение прежней беседы на пути. – Различные утешения ученикам. – Новое обетование Духа Утешителя. – **Молитва** к Отцу об учениках и всех верующих.

Ветхий завет теперь уже кончился вечерей пасхальной; новый начался вместе с таинством Евхаристии; потому все, что можно было сделать, сделано в горнице Сионской; но ученики продолжали возлежать за трапезой, которая теперь в самом высшем смысле была для них трапезой Господней. Важность виденного и слышанного удерживала их на своем месте каждого. Не вставал и Учитель из-за трапезы. От полноты сердца Его уста хотели вещать, а их ухо – слушать.

«Чадца», – возгласил наконец Господь, как бы желая между прочим показать, что это новоучрежденное Им сейчас таинство взаимной любви и воспоминания о Нем, необходимо теперь и по причине наступающей разлуки, – «чадца, еще мало время с вами есмь; взыщете Мене и не обрящете, и якоже рех иудеом, аможе Аз иду, вы не можете приити: тако ныне и вам глаголю».

Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; якоже возлюбих вы, да и вы любите (таким же образом) друг друга.

О сем разумеют все, яко Мои ученицы есте, **аще любовь имате между собой»..»**

При напоминании о взаимной любви и верности, уста пламенного Петра невольно отозвались вопросом: **«Господи, камо идеши?»** – сказал он, провидя, что Учителю предстоит опасность, и желая разделить ее с Ним.

**«Аможе Аз иду»,** – отвечал Господь, – **«не можеш ныне по Мне ити: последи же по Мне идеши».**

Если бы Петр прозирал хоть сколько-нибудь в тайну этого великого, неразделимого теперь ни с кем пути, то, без сомнения, удовольствовался бы обещанием великой чести вступить на него некогда вслед за Учителем. Но эта тайна, как и тайна омовения ног, была еще превыше его: оттого – подобное прежнему явление неискнутой самоуверенности.

Глагола Петр: **«Господи, почто ныне не могу по Тебе ити? – Ныне душу мою за Тя положу!»..»**

**«Душу ли твою за Мя положиши?»** – отвечал Господь, как бы со скорбным чувством. – **«Аминь, аминь глаголю тебе: не возгласит алектор»**(еще до рассвета), **«и ты отвержешися от Мене трикраты!»**

Как ни настроено было беспримерным смирением Учителя чувство учеников к смиренномудрию, но такая мрачная измена Учителю для любви Петровой (всегда пламенной, только не всегда мужественной на деле) показалась сущей невозможностью. Чтобы сильнее отвратить от себя подобное нареkanie, детская самонадеянность не усомнилась употребить даже не безобидное для других сравнение.

**«Аще и все соблазнятся о Тебе»,** – дерзнул сказать ему смущенный Симон, – **«аз не соблазнюся!.. С Тобой готов есмь и в темницу и на смерть!»..»**

Таковыми самонадеянными словами легко было снова сделаться в огражденном святой любовью обществе Иисусовом отверстием для духа тьмы, который, надменный успехом над Иудой, продолжал ходить, как лев, вокруг малого стада в надежде новой добычи. У Небесного Пастыря, полагающего душу за овцы, давно была предусмотрена и отвращена эта опасность – молитвой ([Лк. 22, 32](#)). Но для предостережения от самонадеянности надлежало теперь приподнять завесу и показать на минуту страшного врага и ученикам.

**«Симон! Симон!** – сказал Господь с чувством глубокого умиления, – **если бы ты ведал, с какими врагами должно вам иметь дело! се сатана просит, дабы сеять вас, как пшеницу (иметь право поступать с вами, подобно тому, как он поступил некогда с Иовом).**

Но Я молился о тебе, да не оскудеет (по крайней мере) вера твоя, – если не может защитить тебя от падения. Потому когда восстанешь от

падения сам, то утверди (в заглаживание твоего поступка) и братию твою ([Лк. 22, 31–32](#))».

Такое решительное предсказание такого великого падения самому Петру, по необходимости, заставляло предполагать о предстоящей великой опасности. Таинственное указание на сатану, с его ужасным прощением и страшным веялом, располагало учеников, и без того печальных, еще к большему смущению. Оставить их в последние минуты Свои такими немирными, без твердого якоря надежды перед восстающей бурей сомнений, соблазнов и страха – было бы тяжело для сердца и не Иисусова. Надлежало открыть все сокровища любви и утешений – и они открылись!..

**«Да не смущается сердце ваше»,** – так начал Господь тайноводствовать учеников, – **«веруйте в Бога и в Мя веруйте. В дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, рекл бых вам: иду уготовати место вам. И ащеуготовлю место вам, паки прииду и поиму вы к Себе, да идеже есмь Аз и вы будете.**

И аможе Аз иду», – присовокупил Господь, как бы желая обнаружить, куда простирается знание и незнание учеников, – **«весте и путь»** (коим иду и коим вам некогда надобно будет идти) **«весте»**.

И действительно, после всего, что в разные времена и особенно теперь сказано было об отшествии к Отцу, после сообщения Тела и Крови, преподанных в снедь и оставленных на память о Себе трудно было не иметь вовсе понятия об этом пути. Но предрассудок иудейский о земном царстве и бессмертии Мессии стоял стеной перед очами учеников и заграждал от них самые близкие и величественные виды благодатного Царствия Божьего, утверждаемого крестной смертью его Основателя. Думали, конечно, что Учитель должен куда-то от них отойти: сделает это – принужденный к тому врагами, среди величайших опасностей; может быть, даже будет восхищен на какое-то время туда, откуда пришел, – к Отцу; но нисколько не думали о смерти и кресте в том виде, как они на другой день последовали.

В этих мыслях Фома, отличавшийся откровенностью характера ([Ин. 11, 16](#)) и вместе с тем некоторой взыскательностью рассудка, прямо сказал: **«Господи, не вемы, камо идиши: и како можем путь ведети?»**

Слышать от одного из ближайших учеников такое признание в неведении, даже в невозможности ведать то, что особенно было нужно теперь знать, составляло нечто не совсем ожидаемое и потому неприятное для Учителя. Такое неведение требовало сильного наставления.

**«Аз есмь путь и истина и живот»,** – отвечал Господь, дав беседе высший, поучительный тон, – **«никтоже придет ко Отцу, токмо**

Мною. **Аще Мя бысте знали»** (как должно), **«и Отца Моего знали бысте убо.**

И отселе», – присовокупил Господь, не желая обличением недостатка в знании усиливать в учениках печаль, – **«и отселе познасте Его, и видесте Его».**

В самом деле, уже весьма недалеко было время, когда каждый из учеников в состоянии будет, вместе с Иоанном говорить: **«еже слышахом, еже видехом очима нашими, еже узрехом и руки наша осязаша, о словеси животнем: и живот явися, и видехом и свидетельствуем»** ([1Ин. 1, 1](#)); но теперь напоминание о ведении Отца подало одному из учеников повод обнаружить свое неведение еще новым вопросом. Филиппу (так назывался ученик), по его наклонности к видимому и внешнему ([Ин. 66](#) 7), особенно нравились чувственные Богоявления, которыми так обилует Завет Ветхий. Времена Мессии, по общему мнению иудеев, должны были быть временами еще больших Богоявлений; а между тем, самые ученики Иисуса – Мессии доселе не видели Бога, как видели Его некогда Авраам, Моисей и проч. Это казалось Филиппу странным: потому, когда Господь сказал **«видесте Его»** (Отца), он тотчас воспользовался этим случаем к изъявлению давнего и, может быть, общего желания.

«Глагола Филипп: Господи (когда уже Ты Сам говоришь: видесте), покажи нам Отца и довлеет нам!» (мы ничего больше не будем ни просить, ни желать). Несмотря на детское свойство этого вопроса, от него подвиглась, если можно так сказать, вся глубина души Иисусовой: ибо, несмотря на детское свойство его, это был такой вопрос, который мог быть предложен Сыну Человеческому целым родом человеческим.

**«Толико время с вами есмь»,** – отвечал Господь столь же кротко, сколь величественно, – **«и не познал еси Мене, Филиппе?.. Видевый Мене, виде Отца: и како ты глаголеши: покажи нам Отца? Не веруеши ли, яко Аз во Отце и Отец во Мне есть ?**

Глаголы, яже Аз глаголю вам», – продолжал Господь, обратясь ко всем ученикам, в которых также легко могло возникнуть желание, подобное Филиппову, – **«о Себе не глаголю: Отец же, во Мне пребываяй, Той творит дела. Веруйте Мне, яко Аз во Отце и Отец во Мне. Аще ли же ни»** (если для этого не довольно Моего уверения) – **«за та (самые) дела веру имите Ми.**

Аминь, аминь глаголю вам: веруяй в Мя дела, яже Аз творю и той сотворит и больша сих сотворит: яко Аз ко Отцу Моему гряду.

Что касается до вас, все, еже аще что просите от Отца во имя Мое, то сотворю; да прославится Отец в Сыне.

И **аще чесо просите во имя Мое (прямо от Меня), Аз сотворю».**

На такой язык любви нельзя было ученикам не отозваться каким-либо знаком любви и уважения.

«Аще любите Мя», – отвечал Господь, – «заповеди Моя соблюдайте; и Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам, да будет с вами в век, Дух истины, Которого мир не может прияти, яко не видит Его, ниже знает Его; вы же знаете Его» (если еще не по ясному сознанию, то по чувству сердца), «яко в вас пребывает» (хотя еще и тайно) «и в вас будет.

Не оставлю вас сирых», – продолжал Господь, заметив, вероятно, что обещание иного Утешителя не сильно заменит в уме учеников лишения наставника и учителя в Нем Самом, – «прииду к вам. Еще мало, и мир кому не увидит Мене, вы же увидите Мя: яко Аз живу и вы живи будете. В той день уразумеете вы, яко Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас.

Имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их (от этого все зависит), той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам».

Обещание явиться только ученикам Своим, и тем одним, которые любят Его, не могло не показаться странным при ожидании чувственного воцарения Учителя над всем миром.

Мысль эта с особенной силой подействовала на Иуду не-Искаротского: «Господи, – спросил он, – «и что бысть, яко нам хочещи явитися, а не мирови?»»

«Аще кто любит Мя», – отвечал Господь, – «слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим. Но, не любяй Мя, словес Моих не соблюдает: и слово, еже слышасте, несть Мое, но пославшего Мя Отца. Сия» (не многая) «глаголах вам», – заключил Господь (находясь еще между вами). – «Утешитель же, Дух Святый, егожепослет Отец во имя Мое, Той вы научит всему, и воспомянет вам вся, яже рех вам».

При вставании из-за пасхальной вечери старший обыкновенно произносил: мир вам! Это было заключением Пасхи. И Господь изрек слово мира, но другим, высшим образом: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не якоже мир дает (на одних словах), Аз даю вам!» – вещал Господь.

«Да не смущается сердце ваше», – продолжал Он, – «и да не устрашает»(вас). «Слышасте, яко Аз рех вам: иду и прииду к вам. Аще бысте любили Мя» (как должно Меня любить, хотя в любви у вас нет недостатка), «возрадовалися бысте убо, яко рех: иду ко Отцу; яко Отец Мой болий Мене есть.

Ныне рех вам» (о том, что Мне надобно отойти) «прежде, даже не будет: да егда будет, веру имете.

Ктому не много имам глаголати с вами: грядет бо сего мира князь» (дьявол, действовавший против Иисуса Христа через Иуду и первосвященников), «**хотя во Мне не имать ничесоже**» (ему принадлежащего).

(В это самое время, вероятно, первосвященники начали снаряжать стражу свою в вооруженный поход против безоружного общества Иисусова.)

**«Но да разумеет мир, яко люблю Отца, и якоже заповеда Мне Отец, тако творю: восстаните, идем отсюда»** (навстречу князю тьмы с его воинством, туда, где предатель намерен предать Меня, хотя мы, зная об этом, могли бы уклониться в другое место и избежать предания).

При восстании от вечери надлежало, по обычаю, пропеть несколько псалмов. Святой обычай этот выполнен был теперь тем с большим чувством, что псалмы пасхальные как бы нарочно избраны были для выражения того, что теперь совершалось над Сыном Человеческим. Можно ли было без глубокого умиления петь: «камень, **егоже** небрегоша зиждуции, сей бысть во главу угла: от Господа бысть сие, и есть дивно во очию нашу?» ([Пс. 117, 22–23](#)). «Не умру, но жив буду, и повем дела Господня! Честна пред Господем смерть преподобных Его!» ([Пс. 115, 6](#)). Окончив пение, Господь с учениками пошел вон из города, в любимое место пребывания Своего, то есть на гору Елеонскую, в Гефсиманию. Не краткий путь был сокращен продолжением трогательных бесед с учениками, которые тем глубже запечатлевались в их душе, чем более они потрясены и умилены были чрезвычайными событиями на пасхальной вечери. Как прежде Господь любил от видимых предметов восходить к невидимым, так поступил и теперь. Проходя мимо виноградников, которыми усеяны были все ребра склоны Елеонской и которые теперь покрыты были цветом и разливали благоухание, Он начал беседовать о Себе, как о виноградной лозе.

**«Аз есмь лоза»** (виноградная) **«истинная, и Отец Мой делатель есть. Всякую розгу, о Мне не творящую плода, измет ю, и всяку творящую плод, отребит ю, да множайший плод принесет. Уже вы чисти»** (отреблены) **«есте за»** (через) **«слово, еже глаголах вам: (но) будьте во Мне и Аз в вас. Якоже розга не может плода сотворити о себе, **аще** не будет на лозе: тако и вы, **аще** во Мне не пребудете. Аз есмь лоза, вы же гроздие. И иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ни-чесоже. **Аще** кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю, и во огонь влагают, и сгарает. **Аще** пребудете во Мне, и глаголы Мои в вас пребудут, **егоже** **аще** хотите, просите и будет вам. О сем прославися Отец Мой, да плод мног сотворите: и будете Мои ученицы.**



Якоже возлюбил Мя Отец, и Аз возлюбил вас: будьте в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей: якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох, и пребываю в Его любви. Сия глаголах вам, да радость Моя в вас будет, и радость ваша исполнится. Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, якоже возлюбил вы. Больши сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя. Вы друзи Мои есте, аще творите, елика Аз заповедаю вам. Не ктому вас глаголю рабы, яко раб не вест, что творит господь его: вас же рекох други, яко вся, яже слышах от Отца Моего, сказах вам. Не вы Мене избрасте, но Аз избрах вас, и положих вас, да вы идете, и плод принесете, и плод ваш пребудет: да, егоже аще просите от Отца во имя Мое, даст вам.

Сия заповедаю вам, да любите друг друга. Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы: якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Поминайте слово, еже Аз рех вам: несть раб болий господа своего. Аще Мене изгнаша, и вас изженут: аще слово Мое соблюдоша, и ваше соблюдут. Но сия вся творят вам за имя Мое, яко не ведят Пославшаго Мя. Аще не бых пришел и глаголах им, греха не быша имели: ныне же вины» (извинения) «не имут о гресе своем. Ненавидяй Мене, и Отца Моего ненавидит. Аще дел не бых сотворил в них, их же ин никтоже сотвори, греха не быша имели: ныне же и видеша, и возненавидеша Мене и Отца Моего. Но да сбудется слово, писанное в законе их, яко возненавидеша Мя туне. Егда же придет Утешитель, егоже Аз пошлю вам от Отца, Дух истины, Иже от Отца исходит, Той свидетельствует о Мне. И вы же свидетельствуете, яко искони со Мною есте.

Сия глаголах вам, да не соблазнитесь. От сонмищ ижденут вы: даже приидет час, да всяк, иже убьет вы, возмнится службу приносити Богу. И сия сотворят, яко не познаша Отца, ни Мене. Но сия глаголах вам, да егда приидет» (оный) «час, вспомняете сия, яко Аз рех вам: сих же вам исперва не рех, яко с вами бех. Ныне же иду к Пославшему Мя» (Ин. 15, 16, 1–5).

Учитель умолк (ожидая услышать что-либо от учеников). После стольких слов можно было предполагать, что они поняли наконец путь, Ему предлежащий, и любопытствуют узнать более о благотворных следствиях Его отшествия к Отцу и своих обязанностях во время Его отсутствия. Но вместо любопытства и вопросов на лице их было одно смущение, а на устах безмолвие. Сердечная тоска, видимо, связывала мысли и уста каждого (Ин. 16, 5). «И (после всего этого) никто от вас не спросит Меня: «**камо идешь?**» – с удивлением сказал Учитель, прервав опять общее молчание. – Вижу, что сердце ваше слишком наполнилось

от того, что вы слышали от Меня. Но Я истину говорю, что гораздо лучше вам, «да Аз иду: **еще бо не иду Аз, Утешитель не придет к вам; еще ли же иду, пошлю Его к вам. И придет Он обличит мир о гресе, о правде же и о суде. О гресе убо яко не веруют в Мя; о правде же»** (Моего лица и служения), «**яко ко Отцу Моему иду, и ктому не видите Мене»** (в нынешнем состоянии уничижения). «**О суде же, яко князь мира сего»**(коим наущенные враги Мои осудят Меня) «**осужден бысть»** (Моим учением, Моей жизнью и смертью).

«**Еще много имам глаголати вам»**, – продолжал Господь, – «но не можете носить» (вместить) «**ныне. Егдаже придет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину; не от Себе бо глаголати имать, но елика **еще** услышит, глаголати имать, и грядущая возвестит вам. Он Мя прославит, яко от Моего примет и возвестит вам.**

Вся, елика имать Отец, Моя суть: сего ради рех, яко от Моего примет и возвестит вам. Вмале, и ктому не видите Мене; и паки вмале и узрите Мя: яко Аз иду ко Отцу».

Ученики, следуя за Учителем на некотором расстоянии, пользуясь безмолвием Его и помня вызов: «**ничесоже вопрошаете»**, – начали вполголоса рассуждать между собой: что бы это значило, что Учитель говорит: «**Вскоре не увидите Меня, и опять вскоре, увидите Меня; и: Я иду ко Отцу?»**– что это говорит Он, «**вскоре»**?– Несмотря на общее усилие разрешить загадку, она оставалась неразрешенной (по причине всеобщего предрассудка о том, что Мессии, яко Царю, хоть земному, но вечному, нельзя умереть); всякий за себя и за других признавался: «**не вемы, еже глаголет!**»

Уразумев, что ученики хотят спросить Его о смысле употребленных Им выражений, Господь остановился и сказал: «**О сем ли стязаете между собою, яко рех: вмале и не видите Мене: и паки вмале, и узрите Мя?»** (Если бы открылось перед вами будущее, не такие вопросы (о словах) заняли бы вас.)

«**Аминь, аминь глаголю вам, яко восплачетесь и возрыдаете вы, а мир возрадуется: вы же печальни будете, несмотря на сие будьте мужественны; ибо печаль ваша в радость будет. Жена егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея: егда же родит Отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко родися человек в мир. И вы печаль имате убо ныне: паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возмет от вас. И в той день Мене не вопросите ничесоже.**

Аминь, аминь глаголю вам, яко елика **еще** чесо просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просисте ничесоже во имя Мое. Просите и примете, да радость ваша исполнена будет. Сия в притчах **глаголах** вам: но придет час, егда ктому в притчах не глаголю вам, но яве о Отце возведу вам. В той день во имя Мое воспросите: и не

глаголю вам, яко Аз умолю Отца о вас: Сам бо Отец любит вы, яко вы Мене возлюбисте и веровасте, яко Аз от Бога изыдох. – Изыдох от Отца и приидох в мир. И паки оставляю мир, и иду ко Отцу».

При этом напомним о Божественном достоинстве Учителя в учениках тотчас пробудилось чувство живой веры в Него." /Глаголаша Ему ученицы Его: се ныне не обинуяся» (прямо) «глаголеши, а притчи» (неясного чего-либо) «никоеяже не глаголеши. Ныне вемы, яко веси вся, и не требуеши, да кто Тя вопрошает: о сем веруем, яко от Бога изшел еси».

Несмотря на искренность этих слов, ясно было, что они происходят более от сердца, преданного Учителю, нежели от ума, совершенно убежденного. Тем более с будущим поведением учеников среди наступающих искушений, сказанное теперь ими было в разительной противоположности. «Ныне ли веруете», – сказал Господь, имея в виду эту противоположность. – «Се грядет час и уже прииде, да разыдется кийждо (из вас) во своя, и Мене единого оставите... и несмь един, яко Отец со Мною есть...

Сия глаголах вам, – заключил Господь, – да во Мне» (а не в другом ком-либо) «мир имате. В мире скорбни будете: но – дерзайте, яко Аз победих мир.»..» (Ин. 16, 6–33.)

После этих слов, как повествует св. Иоанн, Иисус остановился, может быть, на одном из холмов Елеона, возвел очи Свои к небу и начал молитвенную беседу с Отцом.

«Отче, прииде час; прослави Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тя: якоже дал еси Ему власть всякия плоти, да всяко еже дал еси Ему, даст им живот вечный. Се же есть живот вечный: да знают Тебе, единого истинного Бога, и егоже послал еси, Иисус Христа! Аз прославих Тя на земли, дело соверших, еже дал еси Мне, да сотворю. И ныне прослави Мя Ты, Отче, у Тебе Самого славою, юже имех у Тебе прежде мир не бысть!

Явих имя Твое человеком, ихже дал еси Мне от мира» (11 учеников): «Твои беша, и Мне их дал еси: и слово Твое сохраниша. Ныне разумеша, яко вся, елика дал еси Мне, от Тебе суть. Яко глаголы, ихже дал еси Мне дах им: и тии прияша и разумеша воистину, яко от Тебе изыдох, и вероваша, яко Ты Мя послал еси. Аз о сих» (наипаче) «молю, не о всем мире молю, но о тех, ихже дал еси Мне, яко Твои суть. И Моя вся Твоя суть и Твоя Моя: и прославихся в них. И ктому несмь в мире, и сии в мире суть, и Аз к Тебе гряду. Отче Святой, соблюди их во имя Твое, ихже дал еси Мне, да будут едино, якоже и Мы. Егда бех с ними в мире, Аз соблюдах их во имя Твое: ихже дал еси Мне, сохраних, и никтоже от них погибе, токмо сын погибельный, да сбудется писание. Ныне же к Тебе гряду, и сия глаголю в мире, да имут

радость Мою исполнену в себе. Аз дах им слово Твое, и мир возненавиде их, яко не суть от мира, якоже и Аз от мира несмь. Не молю, да возмещи их от мира, но да соблюдеши их от неприязни. От мира не суть, якоже и Аз от мира несмь. Святи их во истину Твою: слово Твое истина есть.

Якоже Мене послал еси в мир, и Аз послах их в мир: и за них Аз свящу Себе, да и тии будут священы воистину. Не о сих же молю токмо, но и о» (всех) «верующих словесе их ради в Мя. Да вси едино будут: якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут. Да и мир веру имет яко Ты Мя послал еси. И Аз славу, юже дал еси Мне, дах им, да будут едино, якоже Мы едино есмы. Аз в них, и Ты во Мне: да будут совершени воедино, и да разумеет мир, яко Ты Мя послал еси, и возлюбил еси их, якоже Мене возлюбил еси. Отче, ихже дал еси Мне, хочу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною, да видят славу Мою, юже дал еси Мне, яко возлюбил Мя еси прежде сложения мира. Отче праведный, и мир Тебе не позна, Аз же Тя познах, и сии познаша, яко Ты Мя послал еси. И сказах им имя Твое, и скажу: да любы, еюже Мя еси возлюбил, в них будет, и Аз в них!»

Перед входом в Гефсиманию Господь почел за нужное еще раз предупредить учеников о предстоящих искушениях ([Мф. 26, 31](#)). «Когда Я посылал вас» (на проповедь) «без влагалища, без меха и без сапог», – спросил Он, – «еда в чесом лишены бысте?» – «Ни в чем», – отвечали ученики.

«Но теперь», – продолжал Господь, употребляя, чтобы не слишком устрашить их, приточный язык, – «теперь, иже имет влагалище, да возмет, такожде и мех; а иже не имать, да продаст ризу свою и купит нож» (меч).

Ибо сказываю вам, что теперь должно исполниться на Мне и сему слову Писания: «и со беззаконными» (злодеями) «вменися!» При всей прозрачности притча Учителя, дававшего знать, что теперь ученики, на время, будут предоставлены самим себе и потому должны сами заботиться как о пропитании, так и безопасности своей, – оказалась для некоторых не совсем понятной. Подумали, что Учитель советует действительно вооружиться мечами на случай опасности. В таких мыслях один из учеников сказал, что у них есть два меча.

Ответ был не по мысли Учителя; ибо Он разумел другое: но и действительные два меча были теперь не лишни для учеников, которым среди наступающей ночи надлежало рассеяться по диким окрестностям Иерусалима. Потому Господь, как бы в знак одобрения, сказал: «довольно» ([Лк. 22, 35–38](#)).

«Все вы, – присовокупил Он, вместо пояснения и приточного сравнения, – все вы соблазнитесь о Мне в ночь сию; ибо писано есть:

поражу пастыря, и разыдутся овцы стада. По Воскресении же Моем Я встречу вас в Галилеи».

«Если и все соблазнятся о Тебе, я, – отвечал Петр, забыв прежний урок Учителя от великой любви своей к Нему, – я никак не соблазнюсь!..»

**«Аминь, аминь глаголю тебе»,** – отвечал Иисус, – **«яко в сию ночь»** (как уже сказал тебе) **«прежде, даже алектор не возгласит, отвержешься Мене трикраты».**

«Хотя бы мне и умереть с Тобой, не отрекусь от Тебя», – продолжал Петр, которому предсказываемое падение казалось совершенной невозможностью.

То же, по замечанию Матфея, повторили и все прочие ученики ([Мф. 26, 31–35](#)).

Среди этих уверений в верности до смерти, которые все сбылись на самом деле, только впоследствии, на конце земного поприща каждого из учеников, пришли в Гефсиманию. Тут был сад, принадлежавший одному из последователей Иисусовых. Господь и прежде часто ходил в него с учениками Своими и теперь избрал его местом Своего последнего приготовления на подвиг крестный; чтобы, как замечает один учитель Церкви, там же (в саду) одержана была первая победа, где было нанесено (всему человечеству) первое поражение.

Прежде чем осмелимся войти в вертоград Гефсиманский и возвратимся мыслью к слышанному, сделаем несколько замечаний о последней беседе Иисуса Христа к ученикам, которые смогут облегчить понимание некоторых мест ее и особенно ее духа.

Беседа эта, сохраненная для нас преимущественно св. Иоанном, составляет драгоценнейшую часть сказаний Евангельских, обнаруживая перед нами душу и сердце Господа Иисуса в такие решительные минуты, с таких важных сторон, в таком преизбытке Божественного света. Здесь из собственных уст Его мы слышим тайну Его лица и служения, сущность Его учения и обетований, великое начало величайшей Его деятельности; видим, откуда Он и для чего пришел, куда и для чего отошел, что намерен сделать из людей, каким образом соединить небо с землей, восставить все падшее, облаженствовать всех злополучных сынов Адамовых. Раньше же и больше всего видим здесь, слышим, осязаем духом **«превосходящую разум»** любовь Христову, которая распространяется до того, что видимо объемлет небо и землю, время и вечность.

Какое неподражаемое величие в минуты самые горестные! Когда самый добродетельный мудрец сказал бы с горестью: «Я предан теперь; мне должно умереть!» – Иисус восклицает: **«Ныне прославился Сын Человеческий!»** Слушая Его утешения ученикам, можно подумать, что

завтра ожидает Его не крест, а престол, что на другой день предстоят мучения не Ему, а Его безутешным ученикам...

Откуда такое святое мужество? Оттого, что князь мира не имеет в Нем ничего, ему принадлежащего ([Ин. 14, 30](#)), и что мир Им совершенно побежден ([Ин. 16, 33](#)); оттого, что Он всегда угодное перед Отцом творил и потому не один, а Отец всегда с Ним ([Ин. 16, 32](#)); оттого, что Он «**область**» имеет душу Свою «**положить и паки приять**», и если полагает ее теперь, то о Себе, по Своей воле ([Ин. 10, 18](#)); оттого, наконец, что говорящий таким образом есть Тот, «**Кто имел славу у Отца, прежде мир не бысть**» ([Ин. 17, 5](#)), есть «**Слово**», бывшее «**искони у Бога**», Коим все сотворено и «**без Негоже ничтоже бысть, еже бысть**» ([Ин. 1, 1–4](#)).

И у другого сына человеческого обрелось бы столько чистой любви к ближним, чтобы для спасения их претерпеть смерть. Моисей подал уже пример такого самопожертвования ([Исх. 32, 32](#)), а Павел готовился повторить его ([Рим. 9, 3](#)), но только Сын Божий, «**Господь с небесе**» ([1Кор. 15, 47](#)) мог в навечерие Своей смерти сказать: «**Веруйте в Бога и в Мя веруйте**» ([Ин. 14, 1](#)); «**дерзайте, яко Аз победих мир**» ([Ин. 16, 33](#)); «**еже аще что спросите во имя Мое, Аз сотворю**» ([Ин. 14, 13](#)); «**без Мене не можете творити ничесоже**» ([Ин. 15, 5](#)); «**веруяй в Мя, дела, яже сотворих, и той сотворит, и больша сих сотворит**» ([Ин. 14, 12](#)).

Недоумения учеников и ответы на них прерывают некоторым образом ход беседы Божественного Учителя и замедляют ее действие на ум; но истины, которые из-за этих недоумений исходят из уст Иисуса, так важны и драгоценны, стороны, с каких Он благоволил обнаруживать Себя, так возвышенны и утешительны, что нельзя не благодарить от души: Фому – за любопытство о пути ([Ин. 14, 5–7](#)), Филиппа – за желание видеть Отца ([Ин. 14, 9–12](#)), Иуду не-Искаротского – за вопрос: почему Учитель не хочет явиться всему миру ([Ин. 14, 22–24](#))!

Цель всех утешений Иисусовых явно направлена преимущественно на то, чтобы предохранить учеников от соблазна и отпадения во время Его крестной разлуки с ними. Время непродолжительное по течению часов, но чрезвычайно опасное по стечению обстоятельств. Сколько предстояло им соблазнов и страхов! Сколько поводов к нарушению верности! Князь мира, побежденный крестом, без сомнения, не оставит ни одного средства для уловления овец, рассеянных смертью Пастыря. И между тем, в этом-то малом рассеянном стаде было основание «**для собрания всех чад Божьих воедино**» ([Ин. 11, 52](#)), потеря и одного из «**чадцев**» любви Иисусовой ([Ин. 13, 33](#)) была бы весьма чувствительна для блага целого мира, для его будущего обращения от тьмы к свету их проповедью.

Несмотря однако же на великую нужду в утешении, надлежало преподать его, не открывая во всей (страшной) очевидности событий, которые последовали наутрие. Святейшая тайна всемирного искупления должна была быть, некоторым образом, запечатанной до самого исполнения своего. Само усердие к Учителю, не свободное от предрассудков, имело нужду быть связанным некоторой неизвестностью. Поэтому завеса будущего приподнимается ровно настолько, насколько нужно было для того, чтобы предостеречь от падения, и не более. Ученики чувствуют, что предстоит какое-то великое искушение, какая-то печальная разлука с Учителем; видят себя в будущем сирыми, ненавидимыми, рассеянными, в печалях и болезнях жены рождающей, но видят Учителя, вскоре возвращающегося к ним, приносящего радость и мир; видят другого Утешителя, приходящего пребывать с ними вовек, научить их всему, обличить во всем мир, их ненавидящий; видят опять Самого Учителя, приходящего со Отцом – сотворить у каждого из любящих Его Себе обитель: все это видят, говорю, ученики, как в перспективе, исполненной такого света, среди которого самые печальные предметы получают трогательный вид, умиляющий сердце. Каким именно образом все это произойдет, ученики еще не понимали. Одно твердо узнали они – что Учитель их от Бога изшел, что было весьма важно для будущего. Притом у них теперь в руках план событий. Когда придет время, они вспомнят, что им было сказано. Предсказание отнимет силу соблазна у предсказанного.

Кроме того, последняя беседа Богочеловека была для учеников Его полезна еще **«особенным образом»**. И среди человеческих собеседований слова могут производить действие великое, не будучи понимаемы слышащими в подробности. Можно трогаться, умиляться, изменяться сердцем от одних чувств в словах, не понимая их совершенно. Это замечание – в превосходнейшей степени – можно отнести к последней беседе Иисуса. Ею, так сказать, навеян был на учеников дух мира, терпения и упования; таинственным образом умягчено сердце для удобнейшего перенесения самых жестоких ударов: они не понимали всех мыслей, но поняли чувство, исполнились духом Иисусовым, **«осязали о словеси животнем»** ([1Ин. 1, 1](#)).

О последней молитве Иисусовой ([Ин. 17](#)) дерзновенно и говорить языком человеческим: так она всеобъемлюща, величественна, Божественна! После нее, вероятно, и Филипп не сказал бы: **«Господи, покажи нам Отца!»** Ибо в ней для верующего виден Отец более, нежели в целом мире. Здесь-то надлежало Петру сказать: **«Господи, глаголы живота вечного имаши»** ([Ин. 6, 68](#))! Это [молитва](#) Великого Первосвященника по чину Мельхиседекову перед входом Его во Святая

Святых. Кто прочитал ее со вниманием хотя бы один раз, у того она останется в сердце на всю жизнь; а кто одушевился духом ее, тот не может не принадлежать навсегда Иисусу.

#### XIV. Гефсиманский подвиг Иисуса Христа

*Важность сего подвига и его значение в деле служения Иисусова. – В чем состояло внутреннее искушение?–Как оно возникло?–И почему допущено? – Троекратная молитва о чаше. – Решительная победа над собственным желанием. – Сон учеников. – Кровавый пот и ангел укрепляющий.*

Все до сих пор виденное и слышанное нами было только приготовлением к великому крестному подвигу Сына Человеческого. Теперь откроется перед нами само поприще Его страданий, единственное, беспримерное, Божественное, откроется самым необыкновенным образом – не постыдным преданием Учителя в руки врагов вероломным учеником Его, а возвышенным самопреданием Сына Божьего в руки правосудия небесного, карающего в лице Его все неправды земные. После столь мирного и благодушного состояния, в котором находился Богочеловек, беседуя с учениками, после торжественных слов: **«Ныне прославился Сын Человеческий! да будут все едино, якоже Мы!»** – можно было ожидать, что это самопредание, при всей важности его, совершится без усилий и потрясений, тем более без воплей и пота кровавого. Но мы увидим другое, противоположное: узрим Сына Человеческого как бы наконец преклоняющимся под бременем собственного величия, со смирением отрекающимся от всех сил, которыми Он может действовать, от самого, по-видимому, поприща действия; узрим Иисуса, троекратно повергающегося на землю с молитвой о том, чтобы, если возможно, прошла мимо Него та самая чаша, которую Он, **«прежде сложения мира»**([1Петр. 1, 20](#)), решился испить без остатка для спасения погибающего рода человеческого!.. Зрелище изумительное, находящееся в разительной противоположности с прочими деяниями Сына Человеческого и потому совершенно непонятное для тех, которые захотели бы остановиться на букве события, видимо убивающей ([Гал. 10, 5](#)), и разуместь его в отрывистом виде, без отношения ко всей тайне искупления, к целому плану спасения человеческого, но чрезвычайно трогательное, поучительное, величественное для того, кто умеет поставить себя в надлежащее положение благоговейного зрителя и будет взирать на молящегося Искупителя человеков не очами соглядатая иудейского, так сказать, из-за дерева вертограда Гефсиманского, как это, к сожалению, было не раз, а с богосветлых



высот Фавора и Елеона, очами евангелистов и апостолов Христовых, то есть очами веры и истины.

С истинной точки зрения рассматриваемый подвиг гефсиманский не только не включает в себе никакого противоречия Божественному характеру Спасителя рода человеческого и Его служения, но принадлежит ему, как необходимая часть, и притом важнейшая, – к целому. Для убеждения в этом не нужно обращаться ни к каким произвольным догматическим предположениям; надо только войти в самый характер лица и служения Богочеловека как Главы и Спасителя рода человеческого, как Искупителя и Примирителя всего мира, как Началовождя и Образца всех искушаемых и спасаемых. В этом отношении, по глубокому замечанию св. Павла ([Евр. 11, 10](#)), Искупителю человеков надлежало претерпеть все и **«быть искушену по всяческим»**. Но искушения, которым подлежит род человеческий, естественно, все сводятся к двум видам: искушению удовольствием и искушению страданиями. Первое искушение во всех трех главных его видах Сын Человеческий прошел при самом начале Своего служения, когда в пустыне после сорокадневного поста был искушаем от дьявола. Второе, тягчайшее, искушение страданиями, предстояло теперь. Чтобы истощить всю силу и ярость его над всемирной Жертвой, оно правосудием Божественным было разделено, так сказать, на два приема: гефсиманское и голгофское. На Голгофе встретил Сына Человеческого крест более внешний, ужасный сам по себе и окруженный всеми внешними ужасами, но открытый для взора всех, самих врагов Иисуса, потому и переносимый с видимым величием, подобающим Агнцу Божьему на самом жертвеннике, не открывавший тех сторон искушения и страданий, перенесение которых, сопряженное с выражением немощи человеческой, не могло быть показано нечистому взору всех и каждого. И вот этот-то внутренний крест, или точнее, эта-то сокровеннейшая и, может быть, мучительнейшая половина креста встречает Божественного Крестоносца в уединении вертограда Гефсиманского и обрушивается на Него всей тяжестью своей до того, что заставляет преклониться к земле и вопиять: «Если возможно, да мимо идет чаша!» На Голгофе страждущее тело приведет в страдание дух; здесь страждущий дух заставит истекать кровавым потом пречистое тело. Недоступный нечистым взорам человеческим, Сын Человеческий как бы разоблачится здесь совершенно от всех сверхъестественных сил, останется с одной волей человеческой и, вооруженный одной молитвой и преданностью в волю Отца, изыдет, как второй Адам, на борьбу с тягчайшим искушением.

Как образовалось это искушение? Евангелисты, следуя своему образу простого повествования, не поднимают завесу, закрывавшую Святое

Святых души Иисусовой в эти решительные минуты, довольствуясь передаваемыми тех кратких слов, которые были слышны от Него и которые мы услышим при повествовании о самом подвиге. Из этих слов однако же видно, что предмет искушения и борьбы внутренней состоял в представлении крайней трудности испытать чашу наступающих скорбей и болезней, в уверенности, что в безднах премудрости и всемогущества Божьего есть средство пронести, если не навсегда, то на этот раз чашу мимо, то есть или отсрочить ужасный час страданий, или умалить лютость их, и наконец, в происходящем отсюда сильном естественном желании, чтобы все это было сделано.

Что же было в этой ужасной чаше и делало ее настолько нестерпимой и гнетущей в настоящие минуты для Самого Подвигоположника спасения? Обыкновенный, естественный страх мучений и смерти? Так думали и думают многие, но без твердого основания. Справедливо, что мучения составляют великое искушение для всякой плоти человеческой; неоспоримо и то, что мучения должны были быть несказанно более тяжки для пречистой плоти Искупителя человеков, которая, как непричастная греху и расстройством, от него происходящим, как соединенная притом естеством с самым Словом Предвечным и отсюда черпавшая всю полноту совершенств телесного бытия, естественно, особенно отвращалась от всякого насилия и терзания и была стократ чувствительнее к мучениям. Но, с другой стороны, разве не шли многие из последователей Христовых на самые жестокие мучения с радостью и не переносили их благодушно? Ужели же не хватило бы мужества для перенесения телесных страданий в Том, от Кого все прочие страдальцы почерпали свое мужество? А что всего важнее в настоящем случае, кто сказал, что Богочеловек скорбит смертельно в саду Гефсиманском именно от страха одних мучений и одной смерти, а «не другого чего-либо большего»? Сам страждущий не говорит этого: Он молится только: «да мимо идет чаша» ([Мф. 26, 39](#)) «и час» ([Мк. 14, 35](#)); – выражения, которые означают вообще все мучительное и ужасное. В чем же именно состояло теперь это мучительное и это ужасное? Если нельзя исключить из него обыкновенного страха мучений и смерти, то нельзя и ограничивать его этим страхом уже потому, что крест Иисуса был не крест только Учителя истины, умирающего за верность Своего учения; не крест только гонимого Праведника, умирающего в сладком сознании Своей невинности, а крест Того, Кто не на словах только, а на самом деле принял на Себя все грехи рода человеческого, Кто не именем, а делом соделался за нас предметом гнева небесного, самой клятвы законной ([Гал. 3, 13](#)). В этом смысле, за верность которого ручаются и дух, и буква всего писания, страдания и смерть Сына Божьего были страдания и

смерть, ни с чем не сравнимые по их важности и тяжести, потому мучительнейшие, труднейшие для Него Самого. Это, говоря без всякого преувеличения, было совмещение всех страданий и всех смертей всех людей. Одни страдания совести, большей частью вовсе забываемые при размышлении о страданиях Сына Божьего, должны иметь лютость мучений адских. Ибо если самый грубый человек изнемогает нередко от терзаний пробудившейся совести, мучимый представлением одной его греховной жизни, то какое мучение должно было быть для пречистой души Богочеловека, когда она в сознании своем представила себя покрытой грехами всего мира и в таком виде, со всей тяжестью их, должна была идти для искупления их своей кровью на крест?.. Это-то самое, то есть что чаша предстоявшего страдания и смерти была растворена, преисполнена грехами человеческими, проклятием закона и гневом небесным, делало ее такой ужасной и мучительной. В таком только виде (а он не изобретен нами, а взят из Ветхого и Нового Заветов – [Ис. 53, 5–6](#); [1Петр. 2, 24](#); [Гал. 3, 13](#)) чаша эта, дерзаем сказать, стоила того, чтоб, явившись взору Богочеловека, заставить Его Самого обратиться от правосудия к милосердию Божественному.

Но здесь может встретить кого-либо новое недоумение. «Как бы ни была велика, горька и мучительна чаша страданий, но когда Сын Человеческий на то родился и на то пришел, чтобы испытать ее, то каким образом Он будет молиться теперь о Своем избавлении от нее? Не знак ли это несовместной с таким предназначением слабости? Не лучше ли было бы, если бы Он принял эту чашу с мужеством, подобным тому, с которым потом предаст Себя в руки врагов?» – Нет, не лучше, несколько не лучше... Тому, Кто должен был претерпеть все до последней крайности, или, говоря словами апостола, **«БЫТЬ ИСКУШЕННЫМ ПО ВСЯЧЕСКИМ»**, по тому самому надлежало пройти искушение страданиями в самом крайнем его виде, приблизиться к последним пределам немощи человеческой и испытать ее. Но можно ли сказать, что это последний предел искушения, если бы Сын Человеческий вдруг принял ужасную чашу страданий внешних и внутренних? Тогда, напротив, всего скорее можно бы подумать противное, что она не была страшна для Него и что принятие ее не стоило больших усилий.

Основательнее можно спросить, каким образом на этот час мужество оставило душу Иисусову? Как Он мог умалиться в меру последнего страдальца? Для некоторого понимания этой священной тайны, кроме ужасного свойства самой чаши страданий, теперь Ему представившейся, нужно предположить особенное распоряжение премудрости и правосудия Божественного, приведших Сына Человеческого в такое состояние, что в Нем обнаружилась немощь

естества человеческого настолько, насколько могла обнаружиться без потери нравственной чистоты и достоинства.

В чем состояло это таинственное распоряжение? Во-первых, без сомнения, и более всего в сокрытии Божества от человечества, в предоставлении последнему действовать одними своими силами. Мы услышим, как на кресте Божественный Страдалец будет молитвенно вопиять: **«Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил!»** Что подобное оставление было и теперь, об этом свидетельствуют слова: **«не Моя, а Твоя воля да будет! Сын, сый в лоне Отчи»**, не сказал бы так Отцу; ибо Они **«едино суть»**; так мог говорить только Сын Человеческий. Свидетельствует и ангел укрепляющий: не явился бы ангел, если бы не оставил Отец. Но поскольку человеческая природа в Сыне Человеческом сама по себе была так чиста, свята и потому так сильна на все благое, так мужественна против всего злого, что в **«естественном своем состоянии»** могла сама по себе легко одержать победу над настоящим искушением без долгой и трудной борьбы, то продолжительность и лютость этой борьбы заставляет предполагать, что и по человеческому естеству великий Подвигположник в продолжение настоящего подвига тайным предраспоряжением Правосудия небесного выведен был из Своего естественного возвышенного состояния, низведен в состояние низшее, приведен в равенство с положением самого последнего из людей искушаемых. Каким образом? Это – тайна Провидения!.. Мы не выйдем однако же из круга евангельских указаний, если скажем, что в отягчение сего внутреннего креста, в усиление этого внутреннего огня искушений, по всей вероятности, дано было действовать, как слуге (хотя он воображал себя господином), и князю мира, подобно как он действовал некогда на испытании добродетели Иова ([Иов. 2, 6](#)). Ибо не мы ли слышали, как в конце вечери Божественный Страдалец сказал: **«Грядет мира сего князь»**, – и после этого, можно сказать, прямо пошел навстречу ему? Где было место этой таинственной встрече, как не здесь, в Гефсимании, и чем она могла выразиться славнее, как не таким подвигом?

Искупитель человеков, как мы уже заметили, дошел, вернее, был доведен в этом подвиге до последней степени истощения не телесного только, но и душевного; в Нем попущено обнаружиться всей немощи естества человеческого; как однако же чисто, свято это обнаружилось! Как удалено от Него все, способное унизить характер Спасителя человеков! Мы не видим пламенного энтузиазма, ни холодного, сурового мужества в принятии и усвоении чаши страданий, но нисколько не видим и малодушного отречения, тем более ропота на Свой жребий. Слабость плоти вопиет: **«Аще возможно, да мимо идет чаша!»** – но преданность духа в волю Божью постоянно

повторяет: «**Обаче не Моя, но Твоя воля да будет!**» Можно ли теснее и святее сочетать немощь плоти с силой духа? – Не это ли верх совершенства человеческого в состоянии крайнего искушения? «Нигде, – признается [блаженный Августин](#), – не поражают меня столько величие и святость Иисуса, как здесь, где многие ужасаются и недоумевают. Я не знал бы всей великости Его благодеяний, если бы Он не обнаружил передо мной, чего они стоят Ему. Он испытал мою скорбь, дабы даровать мне Свою радость. Смело говорю: **»скорбь«**; ибо проповедую **»крест«**. Надлежало претерпеть борьбу и болезнь: иначе не было бы и победы. Бесчувствие всегда ниже самоотвержения; Иисус хотел научить нас, как побеждать страх смерти. В самом деле, если бы мы не зрели нашего Спасителя в саду Гефсиманском, то могли бы подумать, что страдания для Него не стоили ничего или весьма мало; что Божество, с Ним соединенное, делало Его бесстрастным. Тогда все советы к подражанию Ему, по необходимости, лишились бы той силы, какую они имеют ныне: пример **»бесстрастного«** был бы превыше нас – страстных. Но теперь мы видим капли кровавого пота, слышим вопли: «да мимо идет чаша»; знаем, как она горька – и благоговеем к Тому, Кто испил ее за нас. Пусть и с нами случится искушение: мы не будем стогать **»внутри«** и казаться **»снаружи«** хладными; не будем благословлять свою судьбу языком, тогда как сердце проклинает день своего рождения; нет, мы предоставим это мнимое бесчувствие, это противоестественное двоедушие последователям какого-либо Зенона; станем перед изображением молящегося Иисуса, посмотрим на чашу, сходящую свыше, повергнемся в прах перед Отцом Небесным и словами Единородного скажем: «да мимо идет и от нас чаша сия; однако же не как мы хотим, но как Ты: да будет воля Твоя!» Отец узнает язык Сына, если сердце наше не изменит этому языку, услышит молитву нашу, как слышал моление Единородного; и спокойствие совести, тишина сердца будет для нас вместо ангела укрепляющего.

Таковыми очами учил взирать на страдание Иисуса в саду Гефсиманском и св. Павел, когда в утешение бедствующих христиан писал, что мы имеем не такого Архиерея, который не может страдать с нами в немощах наших, но Который, подобно нам, испытал все, кроме греха ([Евр. 4, 15](#)). Богопросвещенный учитель истины не усомнился даже назвать гефсиманское страдание Иисуса Христа **»совершением«** всех предшествующих и последующих Его страданий, таким подвигом, в котором решительно обнаружилось, что Сын Марии достоин быть вождем спасения для сынов Адама, таким **»опытом«**, после которого уже не осталось ничего прибавить к совершенству нашего Подвигоположника. Оставалось только Ему Самому, яко

Первосвященнику по чину Мелхиседекову, войти во Святая Святых и начать Свое вечное приношение за грехи рода человеческого.

Огражденные этими мыслями, дерзнем вступить теперь вслед за святым обществом Иисусовым в вертоград Гефсиманский, чтобы быть зрителями величайшего подвига Сына Человеческого, Его Божественного, можно сказать, самораспятия.

После трудов целого дня, после продолжительной беседы с учениками и не краткого путешествия из пасхальной горницы в Гефсиманию, перед наступлением ужасных страданий некоторый отдых был совершенно необходим для Иисуса. Вертоград Гефсиманский был вполне удобен и для того, по-видимому, избран. Но не успокоение, а страдание ожидало здесь Сына Человеческого. Еще не преданный врагам среди учеников и друзей Своих, Он должен был претерпеть то, чему летописи страданий человеческих не представляют примера...

Внутренний сладчайший мир, из ощущения которого сама собой излилась сладкая беседа Иисуса с учениками, внезапно исчез; светлые и утешительные виды Царства Божьего, какими постоянно исполнена была святейшая душа Его, затмились; воображение устремилось в область мрачного и ужасного; Иисус начал скорбеть и тосковать!.. Может быть, и внешние причины (истощение телесных сил, ночное путешествие через долину потока Кедрского и проч.) в какой-то мере вызвали это уныние духа; но главный источник его скрывался в самом духе Иисуса – в тех мыслях и ощущениях, которые мы под руководством евангелистов и отцов Церкви, старались раскрыть, по возможности, в предшествующем размышлении. Этим мыслям и чувствам по тайному распоряжению Провидения дано было возмутить теперь ум и сердце Божественного Страдальца до того, что Он, по крайнему смирению Своему, как будто не находил в этот раз столько сил, чтобы изыти на высокое крестное поприще с величием и мужеством, необходимыми для **«Посредника Бога и человеков»**. Состояние самое скорбное для Того, Кто пришел на землю, чтобы всегда творить волю Отца, несомненно знал, что по этой воле Ему должно пролить кровь Свою на Голгофе за грехи людей, и был уверен, что теперь именно наступило предопределенное время принести эту жертву!..

Не находя для успокоения Своего духа сил в Самом Себе, Иисус обратился с молитвой к Отцу. Когда-то во время нее просветлело лицо Его на Фаворе ([Лк. 9,29](#)); от нее должен был просветлеть теперь и смущенный страхом креста дух Его.

Сказав ученикам (не более, чем было нужно им знать), чтобы они остались на известном месте ([Мф. 26, 36](#)) и подождали Его, пока Он помолится, Иисус пошел далее в глубину вертограда, пригласив

следовать за Собой Петра, Иакова и Иоанна. Видев славу Его на Фаворе, ученики эти были способнее других видеть и уничижение Его в Гефсимании. Между тем, близость трех чистых душ могла служить отрадой для Того, Кто из любви к человечеству шел на крест. Еще отраднее была бы их молитва, если бы они могли молиться подобно своему Учителю.

Господь раскрыл перед учениками все сердце Свое. «Душа Моя, – так говорил Он, – прискорбна до смерти! Побудьте здесь, бдите со Мной и молитесь!..» Такой язык был совершенно нов и неожидан для учеников, которые привыкли видеть Учителя своего всегда мирным и благодушным. Не охватывая однако же мыслью всей важности настоящих минут, они не могли чувствовать и всей нужды в молитве: принялись за это святое дело, но так, что Богочеловек вскоре ощутил, что и это малое общество не соответствует состоянию Его духа, и, оставив учеников, углубился в чащу деревьев, на расстояние брошенного камня (не так далеко, чтобы ученики при сиянии луны не могли Его видеть). В этом-то уединении должна была окончательно решиться судьба человечества, как ему быть спасену от греха и смерти: настоящим ли образом, то есть крестной смертью Богочеловека, или другими неведомыми путями, сокрытыми в бездне Премудрости Божьей, и в то ли самое время, когда совершилась тайна нашего искупления, или в другое, после.

Несмотря на молитвенное расположение духа Иисусова, скорбь и смущение становились сильнее и сильнее. Ко множеству мучительных чувств и мыслей, возникших в душе при появлении перед умственным взором ужасной чаши гнева Божьего, грехов человеческих, проклятия и мучения, за ними следующих, к довершению искушения, присоединилась живая, неотразимая мысль, что в безднах Премудрости Божьей есть средства спасти людей, не вознося на крест Сына; тем более есть средства отнять у этого креста хоть немного его нестерпимой лютости (или отложить казнь на другое время)... Источник этой мысли был там же, откуда брали свое начало все прочие святые мысли и чувства Богочеловека – в Его беспредельном ведении всемогущества и премудрости Отца Небесного, в Его твердой уверенности, что Он всегда поступает со Своими чадами по закону свободной любви, исключаящей всякую невольную необходимость. Глубочайшее смирение Богочеловека, не увлекаемого славой, готовой последовать за Его страданиями, еще более усиливало мысль, что Отец может совершить Свое предопределение, так сказать, без Его человеческого содействия... Что оставалось делать сердцу среди этой борьбы мыслей и чувств, из которых каждое было так же сильно, как само по себе благовидно, законно и свято?

Мудрецы мира, философы с нравственностью стоиков, вы, может быть, сокрыли бы в себе подобные чувства; то есть остались бы во внутреннем аду, в то время как один молитвенный взор на небо мог бы извлечь из него. Но великий Страдалец гефсиманский был превыше надменного и неестественного великодушия. Смущенный, покрытый потом, Иисус падает на колени, повергается на землю и вопиет: «**Отче Мой, аще возможно**» (Тебе вся возможна суть), «**да мимо идет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты; да будет воля Твоя!**».

Ответа не было!.. Отец как бы не внимал Сыну! И душевное томление не прекращалось. Напротив, с пречистой душой начала страдать и чистейшая плоть. Великий Потомок Давида вошел в то состояние, когда Его праотец вопиял: «**Болезни адовы обыдоша мя**».

В душевной скорби, не получая ответа от Отца, Иисус прекращает молитву и идет к ученикам, чтобы утешиться вместе с ними общей молитвой. Но они спят. Усталось взяла свое, так как апостолы, несмотря на все предсказания Учителя, еще не вполне представляли что их ожидает, и потому не страшились будущего. Если бы они провидели крест Иисусов со всеми его ужасами, то, конечно, не заснули бы в такой момент; а мы часто предаемся сну, гораздо худшему, несмотря на то, что хорошо знаем, чего стоили наши грехи Сыну Божию.

Странно, однако же, было видеть, как сам Петр, за час перед тем обещавший положить душу за Учителя, не устоял против обыкновенной слабости. «Симон, и ты спишь, – сказал Господь, – так ли вы не могли пободрствовать со Мной и одного часа? Бдите, – продолжал Господь, взглянув на двух прочих учеников, разбуженных Его приходом, – бдите и молитесь, да не внидете в напасть. Дух бодр, но плоть немощна». Эти слова звучали так, что было видно: они изливаются из растерзанного печалью сердца.

Просьба к ученикам о молитве и бдении была вызвана кратковременным покоем, осенившим дух Христа. Но мелькнула новая мрачная мысль, нарушив душевный покой и заслонив в воображении Богочеловека предвечную волю Отца сильным порывом смущения и скорби. Отойдя от учеников, Он опять стал на колени и погрузился в молитву. Он молился о том же, что и раньше, но уже с другим чувством. «**Отче**», – молился Иисус, – «**аще не может чаша сия мимо ити от Мене, аще не пию ея: буди воля Твоя!**» ([Мф. 26, 42.](#)) – Последовала перемена: вместо прямой молитвы об удалении чаши страданий звучит убеждение в святой необходимости креста в настоящем виде и в настоящее время; забыта мысль «вся возможна Тебе», которая была главным источником искушения; преданность в волю Божию



выражается живее и полнее, а собственное желание заметно слабеет переходя в полную покорность небесным определениям.

Но и эта [МОЛИТВА](#) осталась без ответа, потому что он был не нужен Единородному Сыну Божию. Он должен был Сам изречь Себе ответ, вознесшись – через самоотвержение – до той высоты духа, того единения с Отцом, при котором исчезает всякое сомнение и даже прошение, остается единая святая воля Божия.

Изнемогая под бременем внутреннего креста, Иисус опять идет к ученикам, все еще надеясь, по чрезвычайному смирению Своему, найти поддержку и утешение в их молитве; и опять находит их спящими!.. Борьба нового Израиля с Богом должна была произойти без свидетелей, в ней не было места помощникам. **«Един истоптал точило гнева Божия, от язык не бе мужа со Мною»!** – так воспевал еще Исаия, провидя страдания Мессии.

Ученики пробудились, но одного взгляда на них достаточно было, чтобы понять что они неспособны к молитве. Евангелист Лука ([Лк.22,45](#)) замечает, что они спали от печали; а святой Марк ([Мк.14,40](#)) добавляет, что глаза у них отяжелели, и они не знали, что отвечать. Состояние сонного расслабления, которое весьма трудно бывает преодолеть, известно всякому по опыту.

Оставив учеников, Иисус в третий раз обратился от земли к небу и, будучи в борении, по замечанию евангелиста Луки, молился еще прилежнее ([Лк.22,24](#)). Слова произнесены были те же, что и раньше, но чувства окончательно изменились. Дух человеческий не может долго колебаться между противоположностями, он обязательно склонится на какую-нибудь сторону. Тем более невозможно это в такой молитве, как молитва Иисуса. **«Буди воля Твоя»**, – произнесенное в третий раз, уже было выражением решительной победы.

Чем более укреплялся дух, тем слабее становилась плоть. Телесные силы Богочеловека пришли в такое изнеможение, что Его томление равнялось предсмертным мукам, а выступивший пот, по словам евангелиста Луки, был подобен каплям крови, падающей на землю, – выражение очень емкое даже в переносном смысле, а тем более в буквальном: в летописях встречаются изредка примеры страданий до кровавого пота.

Такое усилие могло стоить жизни Сыну Человеческому или лишить Его сил перенести наступающие страдания с подобающим Ему величием. Теперь на Единородном Сыне должно было исполниться, обещанное прочим чадам, чтобы показать, что любовь Отца Небесного не попускает никому искушаться сверх сил. И вот, вместо ответа на молитву, предстал ангел для укрепления Иисуса, – предстал так, что и

находившиеся вблизи ученики могли заметить, что кто-то тайно беседует с Учителем.

Ангел, конечно, прежде всего старался укрепить дух Иисуса. Человеческая природа такова, что одна мысль, мелькнувшая в памяти, может прогнать смущение и вернуть покой. Впрочем, поскольку томление духа так ужасно отразилось и в теле, которое изнемогает вместе с духом, но не так скоро восстанавливается, как оно, то ангельское утешение, без сомнения, касалось и телесных сил Богочеловека.

Иисус укрепляется ангелом! Вы, чувствующие всю силу слов: **«Сын Божий, Ходатай Бога и человеков, Начальник и Совершитель спасения Человеческого»**, – вам понятно, какая бездна таин заключается в этих немногих словах! Провидению неугодно было открыть нам, кто из небожителей удостоился совершить это единственное Божественное служение. Но кто бы ни был этот блаженный дух, мы обязаны ему вечной благодарностью: укрепив Начальника нашего спасения в такие решительные минуты, он тем самым укрепил каждого из нас... Искушение кончилось совершенной уверенностью в благотворной необходимости креста, со всеми его ужасами, и притом именно сейчас. После этого Богочеловек снова обрел ту твердость духа, которая отличала Его всю жизнь, среди всевозможных опасностей и лишений и останется с Ним во время страданий. Так обыкновенно бывает с искушаемыми: чем сильнее борьба, тем более укрепляется его дух.

### XV. Предание

*Предатель со спирой. – Аз есмь! – Великодушное самопредание. – Необдуманная ревность Петра. – Исцеление урезанного уха. – Рассеяние учеников. – Стража ведет Иисуса Христа, связанного, в Иерусалим. – Приключение с одним юношей. – Иоанн и Петр следуют издали за Учителем.*

С возвышенности, на которой лежал вертоград Гефсиманский, можно было уже заметить приближающуюся толпу, которая, при всей осторожности, выдавала себя несколькими светильниками. В ней были разные люди – большей частью стражи храма и слуги первосвященнические, воинственный вид которым придавало различное оружие, которое они несли в руках и которое применялось для насилия и грабежа. Можно было подумать, что эта толпа идет на какой-либо бесчестный промысел или же ей пришлось неожиданно вооружиться против возмутителя ночного спокойствия, если бы несколько человек из римских воинов и начальников храма, даже синедриона ([Лк. 22, 52](#)), не показывали своим присутствием, что все это делается по распоряжению высшего начальства. Посылать такие

жалкие отряды – было последним остатком власти иудейского синедриона, перед вождями которого трепетали некогда полководцы и государи Востока; и синедрион едва ли не в последний раз воспользовался этим правом – против своего Мессии! Мрачная картина освещенной факелами толпы довершалась видом одного человека, который дрожащими стопами шел впереди и вел всех, хотя был без оружия, и движениями своими невольно показывал, что он недавно совершил злое дело и теперь спешит на новое, еще большее. То был несчастный Иуда...

Страже и слугам (кажется) не было известно, против кого они отправлены. Первосвященники имели достаточную причину не объявлять им этого, из опыта зная, что для некоторых слуг слова Иисуса важнее приказаний их начальников ([Ин. 7, 46](#)). Тем нужнее был какой-либо определенный знак, указывающий на виновного. Предатель избрал для этого лобзание. «Кого я облобызаю, тот и есть, возьмите Его». Знак этот избран Иудой не по злобе, как можно предположить с первого взгляда, а более, кажется, для прикрытия злобы. Из обстоятельств предательства видно, что предателю хотелось, отделившись от толпы, одному подойти к Учителю, как бы возвращаясь из города, и, по обыкновению, поцеловав Его, замешаться в толпу учеников, предоставив страже через какое-то время самой напасть на Учителя. То есть несчастный все еще хотел придать своему злодеянию вид неумышленного поступка. Но избрать, даже без злобы сердечной, знаком измены то самое действие, которое служило выражением дружбы в малом обществе Иисусовом и так разительно отличало его от обществ раввинских (где ученики получали лобзание от раввинов, но не смели сами давать его), – это составляло верх если не злобы, то бессмыслицы, которая, по-видимому, привела в удивление Самого Сердцеведца.

Иисус, **«ведая»** все, что **«с Ним будет»**, с приближением предателя идет к ученикам и возбуждает от сна не только трех, но и всех прочих, которые еще менее способны были преодолеть тяжесть телесной усталости. «Вы все еще спите и поживаете, – сказал Он, – но дело уже кончено: час пришел! **«восстаните, идем! Се приближися предай Мя»**; и Сын Человеческий предается в руки грешников» ([Мф. 26, 45–46](#)).

Вместе с этими словами, чтобы дать ученикам время совершенно пробудиться от сна и приготовиться к опасности, Иисус пошел один вон из вертограда навстречу толпе. Такое великодушие для предателя облегчало способ указать Учителя страже, но в то же время уничтожило его надежду – прикрыть свою измену видом случайного возвращения из города. В смятении чувств, не зная, как поступить, он однако же ускорил свои шаги ([Мк. 14, 45](#)), чтобы дать страже обещанный знак, по

крайней мере, до прибытия учеников. Но Учитель предупредил измену, и все еще желая образумить изменника, спросил кротко: «Друг мой, зачем ты здесь?» ([Мф. 26,50.](#)) – «Равви, – отвечал Иуда, и слово замерло на устах его... – Равви, – повторил он с принуждением ([Мк. 14,45](#)), – здравствуй!» И тотчас облобызал Его. При этом знаке искреннего братства, отметившем теперь самую низкую измену, сердце Иисуса невольно возмутилось негодованием. «**Иудо, лобзанием ли предавши Сына Человеческого?»**([Лк. 22,48.](#)) Увидим, как сильно отзовутся слова эти в душе несчастного...

Уже преданный нечестивым лобзанием, Богочеловек восхотел показать врагам Своим, что Он предает им Сам Себя и что без Его собственной воли ни предатель, ни они не могли бы ничего сделать. Обратившись к толпе (которая успела приблизиться в то время, как предатель совершал свое предательство), Иисус спросил громко: «Кого ищете?»

«Иисуса Назарянина», – отвечали старейшины отряда, или не узнавая в темноте, Кто говорит с ними, или желая испытать, что Он, uznанный, будет делать..."/Аз есмь», – отвечал Иисус. Услышав слова эти, стража, словно от необыкновенного удара громового, вся пришла в величайшее смущение; большая часть невольно отступила назад, многие от страха припали к земле ([Ин. 18,6](#)). В кратком слове, вышедшем из уст Иисуса, казалось, заключалась некая тайная сила, непреодолимая, всемогущая. Откуда она? Хотя с именем Иисуса в уме стражей соединялось все поразительное, чудесное, так что мысль – быть отправленным для взятия Чудотворца, может быть, даже Мессии, – сама собой смущала ум, связывала руки, отнимала дух и лишала сил (ибо всякому было известно, что древние пророки иногда в подобных случаях призывали в защиту огонь небесный или другие сверхъестественные средства – [4Цар. 1, 19](#)); но все это, кажется, не могло бы заставить стражу отступить, тем более упасть на землю без особенной таинственной силы слов, сказанных Иисусом, ведь все делалось по приказу синедриона, а римские воины не разделяли образа мыслей евреев о Мессии и даже не были знакомы с Ним. С другой стороны, поскольку Богочеловек, вступая на крестное поприще, отрекся от всех – и естественных и сверхъестественных – средств защиты, то поражение стражи ужасом и повержение ее на землю не могло быть преднамеренным действием силы чудотворения, а произошло вследствие необыкновенной силы духа, с которой была выражена святая решимость идти на крест, неким непосредственным, так сказать, отблеском Божества, обитающего в Иисусе Христе «**телесне**».

В каком смятении чувств должен был находиться при этом Иуда! Теперь, может быть, он сам согласился бы отдать все, только бы уничтожить свою измену, но мрачное деяние уже отлетело в ад.

Господь оставался на том же месте, ожидая, когда стража сможет взять Его. Между тем, ученики один за другим, выходя из вертограда, присоединялись к Нему. Когда слуги, ободряемые примером фарисеев, а более кротостью Иисуса, оправились от первого страха, Иисус подошел к ним и снова спросил: «Кого ищите?»

Невежественная толпа отвечала уже смелее, что она ищет Иисуса. Некоторые из слуг (более дерзких) начали принимать меры даже к тому, чтобы захватить и всех учеников.

«Не сказал ли Я вам, – отвечал Господь, – что это Я? Итак, если Меня ищите, то оставьте их: пусть идут». Стража невольно повиновалась этому все еще страшному для нее гласу и тотчас оставила учеников, в отношении которых ей, кажется, не было дано никакого определенного приказания. По всей вероятности, и сам Иуда обещался предать только одного Учителя. Между тем, в этом случае, как заметил св. Иоанн, надлежало исполниться и пророческим словам Иисуса: **«ихже дал еси Мне, не погубил от них никогоже»**. В самом деле, ученики, как покажет пример Петра, еще так мало способны были разделять с Учителем чашу искушений и страданий, что взятие кого-либо из них под стражу и предание мукам могло навсегда отделить его от Иисуса и подвергнуть совершенному падению. **«Немощи убо ради их»**, – замечает св. Златоуст, – **«творит я кроме искусов»**.

В эти решительные минуты такая особенная заботливость об учениках тронула сердце некоторых из них до того, что пробудила мысль о защищении Учителя, а робость стражи и необыкновенное присутствие духа в Нем показали некоторым поводом употребить силу. «Не ударить ли нам мечом», – спросили они. Но пока другие спрашивали, Петр уже действовал. Извлечь нож и ударить одного из служителей (первого, который осмелился поднять руку на Иисуса?) в правое ухо – было для него делом одного мгновения. Удар был не опасен: но и малейший вид противления власти был совершенно чужд святому обществу Иисуса. «Остановитесь, – сказал Он ученикам, готовым поддержать Петра. – Вложи меч твой в ножны, – продолжал Господь, обратясь к Петру, – все, поднявшие меч (против законной власти, какова бы она ни была), мечом погибнут. **«Или мнится ти, яко не могу ныне умолити Отца Моего, и представит Ми вящше, нежели дванадесяте легиона ангел? Но»** (в таком случае) **«како сбудутся писания, яко тако подобает быти?»** ([Мф. 26, 53.](#)) **«Чашу, юже даде Мне Отец, не имам ли пити?»** ([Ин. 18, 11.](#))

Обличая таким образом безвременное усердие учеников, Иисус в то же время изгладил следы его. Прежде чем слуги связали Ему руки, Он прикоснулся к уху Малха (так назывался слуга, раненный Петром) и исцелил его. Такое соединение величия и кротости, силы и незащитности еще на несколько мгновений остановило буйную толпу. Между тем, ученики, пользуясь ее смятением и нерешительностью, один за другим начали удаляться с такой поспешностью и таким невниманием к положению своего Учителя, что один из них, впоследствии описывая это обстоятельство, почел за долг сказать: «тогда вси оставльше Его бежаша» (Мф. 26, 56). Ибо после того, как увидели, что Богочеловек не хочет защитить Себя ни сверхъестественными, ни естественными средствами, страх тотчас подавил все прочие чувства и заставил их думать только о своем спасении, которое было возможно лишь путем немедленного бегства. Последние слова, которые слышали ученики из уст своего Учителя, были сказаны в упрек начальникам стражи и фарисеям. «Как будто на разбойника пришли вы с мечами и дреколием, чтобы взять Меня, – говорил им Господь с прежней, Ему свойственной властью. – Не всякий ли день бывал Я с вами в храме, сидел там и учил, и вы не брали Меня? Но се есть ваша година и область темная!.. Да сбудется писание» (Мк. 14, 49)... Упрек этот был не только совершенно справедлив, но и весьма нужен. Начальники стражи, а особенно члены синедриона (Лк. 22, 52) должны были понять из этих слов, что они сами стали причиной неприятного поступка одного из учеников Иисусовых, дозволив себе обращаться с незащитным и всеми уважаемым человеком, как с грабителями и злодеями.

Не без намерения сделано новое указание на ту великую истину, что все, теперь происходящее, случилось сообразно с пророчествами: светильник пророчеств особенно был нужен теперь, при наступлении области тьмы.

Когда Иисус остался один, стражи связали Его и повели в Иерусалим тем же путем, которым Он недавно шел с учениками.

За Божественным Узником, по сказанию св. Марка (Мк. 14, 51–53), следовал один юноша, одежда которого (полотно, обернутое по нагому телу) показывало, что он вышел на шум народный внезапно, без сомнения, из того дома, которому принадлежал вертоград. Такое усердие показалось подозрительным страже, которая, избавившись от несвойственного ей страха, сделалась, по обыкновению своему, наглой и жестокой; и бедный юноша мог спасти свою свободу, только оставив в руках слуг первосвященнических последнюю плащаницу.

Поскольку св. Марк не называет этого юношу по имени и однако же, несмотря на обыкновенную свою краткость, один рассказывает этот

случай, и довольно обстоятельно, то еще в древности составилось мнение, что означенный юноша был сам Марк. В таком случае ему трудно было не упомянуть об этом событии, которое, касаясь так близко его самого, имеет в то же время цену для всякого, потому что показывает опасность, которой подверглись бы ученики Иисуса, если бы захотели следовать за Ним.

Предположением, что юноша был сам св. Марк, проясняется еще одно обстоятельство, которое взаимно служит ему подтверждением. В книге деяний апостольских читаем, что фамилии некоего Марка принадлежал и в Иерусалиме дом ([Деян. 12, 12](#)), который после Вознесения Господа, во время гонения на христиан служил местом их тайных собраний. С этой фамилией св. Петр был в отношениях самых дружеских и в посланиях называл Марка своим сыном ([1Петр. 5, 13](#)).

Таким образом, вертоград Гефсиманский и дом, в котором совершена Пасха, вероятно принадлежали одной и той же фамилии, которая была благорасположена к Иисусу и к апостолам и из которой происходил св. Марк, сопутствовавший апостолу Петру и написавший впоследствии одно из четырех Евангелий.

В некотором отдалении за толпой, ведущей Иисуса, незаметно следовали еще два человека, которые равно любили Его, но были в неравном положении: ибо один был знаком великому первосвященнику и поэтому не имел особенной причины страшиться преследования слуг его, другой не знал никого, кроме рыбаков, из круга которых был избран Иисусом, и потому трепетал при одном имени синедриона. Последний был – Петр, а первый, названный у св. Иоанна общим именем ученика, знакомого первосвященнику, – как все полагают, – сам Иоанн.

Почему же он скрыл свое имя? «Смирения ради», – отвечает св. Златоуст. – «Понеже подвиг исповедати хочет, яко инем отбегшим, той последова, того ради крыет себе и первее Петра поминает. А еже поминает себе, сего ради поминает, да увемы, яко известнее тех исповесть, яже в дворе бывшая и яже внутри. Виждь же, како и еще отсекает свою похвалу? Да не услышав, яко убо вниде со Иисусом Иоанн, велико что о нем помыслиши, глаголет, яко знаем бе архиерею, а не яко дерзновеннее иных бе. Петра же поведает яко последовавши любви ради».

Неизвестно, каким образом возлюбленный ученик Иисусов оказался знаком с главой синедриона и как мог совмещать доброе отношение Каиафы с дружеством к Учителю, если этому не содействовало предварительное знакомство Иоанна с другими членами синедриона, Иосифом и Никодимом, о тайных беседах которых с Иисусом он один упоминает в своем Евангелии. Как бы то ни было, Иоанн, полагаясь на

знакомство с главным начальником, надеялся, что ему без большой опасности можно будет войти в дом первосвященника и разведать о дальнейшей судьбе своего Учителя. Эта-то надежда влекла его и Петра теперь в Иерусалим.

## **XVI. Иисус Христос на суде первосвященников и синедриона**

*Стража приводит Христа во дворец первосвященника Анны. – Частный допрос. – Ответ Иисуса. – Первое заушение от раба. – Первое отречение Петра. – Божественный Узник отсылается к Каиафе. – Полночное собрание и суд синедриона. – Лжесвидетели и их недостаточность. – Молчание Господа. – Клятвенный вопрос первосвященника. – Величественный ответ Иисуса. – Первый смертный приговор. – Поношение от слуг и стражей. – Второе и третье отречение Петра. – Алектор и слезы покаяния.*

Судя по тому, что враги Иисуса Христа крайне спешили с судом и осуждением Его, следовало ожидать, что и спира поспешит представить Его прямо в дом Каиафы, где обыкновенно собирался для совещаний верховный совет иудейский. Между тем, Божественный Узник, по свидетельству св. Иоанна ([Ин. 18,13](#)), приведен был сперва не к Каиафе, а к другому (отставному) первосвященнику Анне, или, как постоянно называется он у Флавия, Анану: потому что он был, – добавляет евангелист в пояснение этого обстоятельства, – тесть Каиафе, давшему совет иудеям, **«яко уне есть единому человеку умерети за люди»**. То есть Анна, по тесной связи своей с Каиафой, вероятно, особенным образом участвовал в настоящем предприятии синедриона против Иисуса; с другой стороны, древнее, доселе сохранившееся в Иерусалиме предание, говорит, что дом Анны лежал на пути к Каиафе, так что страже, ведшей Иисуса, ничего не стоило доставить ему удовольствие первому увидеть связанного Того, Кто недавно еще казался всему синедриону неприступным. В дополнение к сведениям об этом первом суде Богочеловека стоит заметить, что Анна был сам некогда одиннадцать лет первосвященником и потом, несмотря на вмешательство римлян, не терпевших, чтобы первое в глазах народа достоинство долго оставалось при одном человеке, – сумел продлить его в своей фамилии, между сыновьями и зятьями своими и теперь, пользуясь прошлым влиянием и настоящими связями, был, без сомнения, лучшей и главной опорой падающего со дня на день синедриона.

При всей личной важности своей, Анна, как частный член синедриона, не имел однако же права сам по себе проводить судебный допрос в таком важном деле, как исследование о лице Мессии. Поэтому на общение его с Иисусом Христом должно смотреть как на поступок



частного человека, который, впрочем, почитает себя таким важным, что, по его мнению, допрашиваемый им лично должен почитать за милость, что его спрашивают таким образом – о чем бы ни спрашивали. В настоящем случае от Пророка Галилейского Анне вдруг захотелось узнать и об учении Его и об учениках: то есть чему и для чего учит? Кто Его последователи, где и сколько? Какая вообще цель их действий? Хотя в предложении подобных вопросов, без сомнения, участвовало и любопытство престарелого саддукея, но ими, намеренно или ненамеренно, в самом начале задавался очень опасный тон делу. Предполагалось, что у Иисуса Христа есть многочисленное общество явных и тайных последователей, враждебное существующему порядку вещей, что в этом обществе есть свое, отличное от всеми принятого – Моисеева – учение, своя тайная цель и проч. И легкого признания в подобных вещах достаточно было для врагов Иисусовых, чтобы обвинить Его в преступлении против веры и отечества.

«Аз», – отвечивал Господь, – «не обинуюся глаголах миру; Аз всегда учух на сонмищах и в церкви» (куда все иудеи сходятся), «и тайно не глаголах ничесоже. Что Мя вопрошаеши: вопросы слышавших, что глаголах им: се сии ведут, яже Аз рех».

Нельзя было отвечать с большим достоинством, мудростью и истиной. В ответе ничего не упоминается об учениках: ибо в том смысле, какой придавал этому слову Анна, то есть в смысле противообщественных последователей, у Иисуса Христа не было учеников, равно как не было никакого мирского общества. Господь не разъясняет нисколько и Своего учения перед Анной: ибо явно было, что первосвященники заплатили сребреники не за то, чтобы слышать учение Иисуса, а чтобы умертвить Его. И сколько времени потребовалось бы для изъяснения тайн Царствия Божьего перед таким ослепленным эгоизмом и злобой слушателем, каков был Анна и его слуги? Сущность дела, по которому синедрион отправил против Иисуса Христа вооруженную стражу, состояла в обвинении Его в том, что Он учит и действует против веры и законов; а истина такого обвинения зависела всецело от свидетелей. Поэтому обращение Господа, во свидетельство Своей невинности, ко всем бывшим когда-либо в числе Его слушателей служит сильнейшим доказательством совершенной чистоты Его учения и действий. Он действительно никогда и ничего не говорил тайно: если беседовал иногда с апостолами пространнее, чем с народом, – открывая им «тайны Царствия Божьего», – то чтобы, по Его собственному выражению, сказанное им «во ухо», проповедано было потом ими «на кровех» (Мф. 10, 27). Никодимы и Иосифы слышали от Сына Человеческого то же, что и народ: проповедь о возрождении духовном, а не о делах гражданских (Ин. 3, 1–18). Из присутствовавших теперь

иудеев, вероятно, были такие, которые слышали учение Иисусово и теперь же могли дать свидетельство о Нем перед Анной. Сама стража первосвященническая не забыла еще, может быть, совершенно того необыкновенного впечатления, которое перед этим произвели на нее слова Иисуса, когда она, несмотря на повеление начальников своих, не посмела возложить на Него рук, потому что «**николиже тако есть глаголач человек, яко Сей Человек**» (Ин. 7, 46). Если ответ Иисуса Христа и вопрос, заданный Анне, отзывался тоном как бы упрека первосвященнику, то надлежит помнить, что настоящий узник был Мессия, почитался за такового большей частью народа и что с Ним, при взятии Его, поступили, даже в судебном отношении, самым недостойным образом.

По всем этим причинам первосвященник иудейский, несмотря на сильное личное предубеждение против Иисуса Христа, сам, по-видимому, ничего не нашел в ответе Его такого, что бы можно было поставить Ему в вину: хотя внутренне и не мог быть доволен таким искусным, по его мнению, уклонением от дела. Иначе смотрел на все это один из близ стоявших служителей Анны. Святая свобода Узника в ответе первосвященнику, перед которым он привык испытывать и видеть одно раболепство, показалась ему дерзостью, требующей немедленного возмездия. «Так-то Ты отвечаешь первосвященнику», – вскричал он, желая показать усердие к чести своего владыки, и ударил Господа в ланиту.

Кто будет молиться на кресте за самых распинателей Своих, Тот мог перенести теперь равнодушно безумную дерзость раба Анны... Но молчание в настоящем случае могло показаться признанием в том, что действительно нарушено уважение к сану первосвященника. Сам безрассудный раб остался бы в уверенности, что поступил справедливо. «**Аще зле глаголах**», – отвечал Иисус ударившему Его, – «**свидетельствуй о зле; аще ли добре, что Мя биеш?**».."

Анна видел и слышал все это, но не собирался обуздывать безрассудную дерзость своих слуг; его дело было судить и преследовать невинных...

Более вопросов не было. Ответ Господа и святая неустрашимость Его духа дали уразуметь хитрому саддукею, что надежда его привести Узника в замешательство судебными вопросами напрасна, что он видит перед собой того же самого человека, который еще недавно привел в молчание самых искусных книжников и совопросников иерусалимских.

После этого Иисус отослан был Анной к Каиафе в том же самом виде, в каком приведен к нему, то есть связанный (Ин. 18, 24). Едва ли не в том

же виде стоял Он и перед лицом Анны, для которого узы Пророка Галилейского были приятным зрелищем...

Не одно только заушение от руки раба должен был претерпеть Господь во дворе Анны: здесь же, несмотря на непродолжительность времени, начались и отречения первого из Его апостолов.

Евангелисты все упоминают об этом событии и столь верны в этом случае вышеприведенному, замеченному св. Златоустом правилу не скрывать ничего **«от мнящихся быти поносных»**, что, основываясь на полноте рассказа их, вместо трех предсказанных самим Господом отречений Петровых насчитывали некоторые четыре и даже восемь. Мы изложим приключение это, держась более, как должно делать и во многих других случаях, общего согласия евангельских повествований и хода событий, нежели разноречия буквальных указаний.

Пользуясь своим знакомством с домом первосвященника, Иоанн немедленно вслед за стражей, ведущей Иисуса, вошел во двор Анны. Петр, как незнакомый, должен был оставаться за воротами, ожидая от ходатайства Иоаннова милости быть впущенным во двор. Милость эта, столь драгоценная для него, была немаловажна и для тех, которые смотрели за входящими. Ибо во избежание опасности от стечения народа, вероятно, дан был Анной приказ не пускать чужих людей во двор. Но Иоанн сказал слово придвернице (на Востоке тогда эту обязанность обычно выполняли женщины – [Деян. 12, 13](#); [2Цар. 9, 6](#)), и она ввела Петра, задав ему короткий вопрос, не из учеников ли он (их не велено пускать) Иисусовых? На этот случай могло быть довольно одного какого-либо легкого отрицательного знака: совсем другое было впереди. Дрожа от холода, Петр приблизился к огню, который из-за непогоды служители развели посреди двора ([Ин. 18, 18](#)). Но положение его было так ново для него и опасно, что он не мог долго сохранять спокойное и твердое выражение лица. Между тем, когда во дворе стало слышно, что первосвященник спрашивает Иисуса о учениках и учении Его, то и стража, наполнявшая двор, также начала толковать об учениках Иисусовых. Как не ко времени было теперь присутствие Петра! У придверницы, впустившей Петра, первой ([Ин. 18, 17](#)) возникло подозрение. «И ты, мной впущенный, не из учеников ли Этого Человека?» – повторила она, подойдя к Петру, впрочем, не столько из злого намерения, сколько из простой предосторожности: но робкому Симону самая дружеская шутка в этом роде показалось бы теперь невыносимой – в такое время и в таком месте: он решительно сказал, что **«не знает и не понимает, что она говорит»** ([Мк. 14, 68](#)).

Когда Петр вслед за стражей, которая повела Иисуса к Каиафе, выходил со двора Анны, слышался в первый раз голос алектора ([Мк. 14, 68](#)); но Петр или не слышал его, или не обратил внимания. Первое

описанное нами отречение его перед рабыней имело еще вид случайной неосторожности в словах и могло казаться таким поступком, который, конечно, нельзя одобрить, но и нельзя еще представлять прямой изменой Учителю.

Пока Иисус Христос находился в доме Анны, к первосвященнику Каиафе, несмотря на глубокую полночь, собралась большая часть членов синедриона. Верховное судилище это представляло теперь самым живым образом «[церковь лукавнующих](#)» ([Пс. 25, 5](#)). Две главные секты, фарисейская и саддукейская, пылали давней ненавистью к Иисусу Христу. Каиафа, в руках которого находилась верховная власть, давно уже изрек свое мнение: «**яко уне есть, да един умрет за люди**». Для беспристрастного наблюдателя достаточно было одного взгляда на лица и движения будущих судей Иисуса, чтобы со всей уверенностью заключить, каков будет суд и чего должно ожидать подсудимому.

Несмотря однако же на твердое, давно положенное намерение лишить Его жизни, синедрион хотел придать всему делу вид справедливый и любыми средствами приписать Иисусу вину, достойную смерти. Этого требовала, может быть, и совесть некоторых судей, испорченная, но не совсем заглушённая страстями, и приличие, которым, особенно в общественных собраниях и делах, не пренебрегают люди самые злонамеренные. Но главной причиной поисков мнимой справедливости было опасение прослыть в народе, приверженном к Иисусу Христу, явными гонителями невинности, если бы осудили Его без всякого суда, из одной личной ненависти.

Чтобы обвинить Господа, решили прибегнуть к тому же средству, на которое Он перед Анной ссылался в Свое оправдание, – к свидетелям. Закон требовал в этом случае только трех или даже двух ([Чис. 35, 30](#); [Втор. 17, 6](#); [1Тим. 5, 19](#)): первосвященникам, в ослеплении страсти, казалось возможным представить их тысячи. В другое время действительно нашлось бы достаточное число бессовестных людей, способных клеветать на самую невинность, потому что Иерусалим был наполнен приверженцами фарисеев, и следовательно, врагами Иисуса. Но теперь, в глубокую полночь, когда весь город спал, свидетелей было трудно найти. Начиная от первосвященника и до последнего члена все занялись поисками: каждый вспоминал и говорил о человеке, способном лжесвидетельствовать на Иисуса и по своему образу мыслей, и потому, что слышал Его беседы. Такая заботливость судей в поисках причин для обвинения подсудимого, поспешность и замешательство, с которыми делались предложения, придавали собранию синедриона вид самый странный, и сквозь личину мнимой справедливости явно проглядывала злоба и личная ненависть.

Но для чего, можно спросить при этом, первосвященники не решились воспользоваться услугами Иуды, который, зная учение и все деяния Господа, из угождения врагам Его, ради новой платы и даже в оправдание своей измены Учителю мог быть самым жестоким обвинителем? Предатель, как мы видели, исполнив преступное обещание – указать местопребывание своего Учителя, тотчас удалился; а потому его сразу не смогли отыскать. Притом свидетельство Иуды, после того как узнали о предательстве (а скрыть это было нельзя), не имело бы цены в глазах людей беспристрастных. Можно даже сказать, что едва ли бы сам Иуда имел столько дерзости, чтобы клеветать на своего Учителя в Его присутствии. Мы увидим, что в мрачной душе его и после предательства невольно сохранилось еще сильное чувство уважения к Его невиновности.

Всеми разыскиваемые лжесвидетели начали наконец появляться с разных сторон. Что они ставили Господу в вину, не известно: только свидетельства их были не согласованы между собой и не указывали на факт уголовного преступления. Вероятно, говорили о каком-либо нарушении покоя субботнего, о несоблюдении преданий фарисейских и проч. – такие преступления много значили в устах книжников, когда они обольщали народ легковёрный, но не содержали в себе законной причины для осуждения обвиняемого на смерть; между тем, судьям хотелось найти преступление именно последнего рода.

Наконец явились еще два свидетеля, которые, имея в виду слова Спасителя, произнесенные два года назад к народу ([Ин. 2, 19](#)) в храме Иерусалимском, хотели обратить их в уголовное обвинение; но оба, злонамеренно или по забывчивости от давности времени, извращали слова Иисуса Христа. Один ([Мф. 26, 61](#)) лжесвидетель утверждал, будто Он сказал однажды: «Я могу разрушить храм Божий и в три дня воздвигнуть его». В таком ложном виде слова, приписываемые Иисусу Христу, могли перед судьями звучать как дерзость и самохвальство, соединенное с неуважением к самым священным вещам, к храму. Другой ([Мк. 14, 57–58](#)) лжесвидетель объявлял, будто он слышал, как Господь говорил: «Я разрушу храм сей рукотворенный и в три дня воздвигну другой, Нерукотворенный». В таком превратном виде слова эти содержали что-то мятежное, богопротивное, как будто Иисус Христос не только имеет самое низкое понятие о храме Иерусалимском (слово «рукотворенный» употребляется в св. книгах для обозначения идола ([Пс. 21, 19](#)) и храма идольского ([Пс. 16, 12](#))), но и намерен разрушить его, дабы создать другой, неизвестно какой храм, всего вероятнее – не создать никакого. Это представлялось явной хулой на храм, равной хуле на Бога и Моисея, которая, по закону, вела за собой смерть хулившему ([Лев. 24, 13](#)). Вероятно, несогласие лжесвидетелей состояло не

в одних выражениях, но в чем именно, при молчании евангелистов определить невозможно.

Ничего не было легче, как отвечать на обвинения лжесвидетелей, если бы они стоили ответа. Во-первых, Господь никогда не говорил: «**Я разрушу**», или «**могу разрушить храм**», а говорил только условно иудеям, требовавшим чуда: «**разрушьте**». Во-вторых, когда Он говорил это, то под церковью разумел не храм Иерусалимский, а собственное тело, так что слова Его имели такой смысл: вы требуете чуда и будете иметь его в Моем воскресении; ибо когда вы разрушите церковь тела Моего – умертвите Меня, – то Я через три дня воздвигну ее – воскресну из мертвых (Ин. 2, 19–22).

Между тем, Господь не отвечал на эти лжесвидетельства, так же как и на первое (Мф. 26, 63). То, что Он мог сказать в объяснение смысла слов Своих, не послужило бы к Его оправданию: смерть Его уже была решена в сердце первосвященников. С другой стороны, поскольку слова Господа заключали в себе символическое предсказание о Его смерти и воскресении, то пояснение их смысла было бы странно и бесполезно в настоящих обстоятельствах и привело бы только к недоумениям и насмешкам. Молчание, наконец, было самым лучшим ответом уже потому, что свидетели не были согласны между собой, а такое разногласие делало их показания совершенно недействительными перед законом.

Судьи, при всей личной ненависти к Подсудимому, сами чувствовали слабость лжесвидетельств; но величественное молчание Его для мелкого самолюбия казалось непростительным невниманием или презрением. Если бы Господь защищал Себя, то могли надеяться, что в собственных Его словах найдется что-либо противное закону; ибо первосвященники и книжники не раз испытали на себе строгость Его обличений, воспринятую ими как дерзость и богохульство. И вот Каиафа, который доселе сидел на своем месте и сохранял, хотя не без принуждения, важность председателя нечестивого совета, первый потерял терпение, встал со своего места и, выступив на середину (Мк. 14, 60), где находился Господь, сказал с гневом: «Как Ты не отвечаешь ничего? Разве не слышишь, что они против Тебя свидетельствуют?»

Но Господь не отвечал ни слова... Раздраженный этим молчанием, первосвященник всего скорее согласился бы счесть его за признание в преступлении, но некоторый остаток приличия еще обуздывал личную ненависть. Между тем, вступив в разговор с Узником, он не мог уже без стыда окончить его ничем. Хитрость саддукея нашла средство, не прибегая к явно несправедливым мерам, не только заставить подсудимого говорить, но и сказать нечто такое, чем весь допрос в

немногих словах мог быть совершенно окончен. Как первый служитель Бога Израилева, первосвященник, при всем недостоинстве своем, имел право спрашивать о чем-либо обвиняемого под клятвой: способ допроса, при котором нельзя было не отвечать, не преступив должного уважения к клятве, к сану первосвященника и самому закону. К этому-то средству прибег Каиафа.

«Заклинаю Тебя, – сказал он с притворным уважением к произносимым словам, – заклинаю Тебя Богом живым: скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?» (то есть Ты ли Мессия) ([Мф. 26, 63.](#))

«Я», – отвечал Господь, – «даже реку вам более, отселе узрите Сына Человеческого» (Меня) «**седаща одесную** силы Божьей и **грядуща на облацах небесных**».

То есть: вскоре сами дела покажут вам, что Я тот славный Царь, Который, по описанию пророка Даниила, сидит на облаках одесную Ветхого днями ([Дан. 7,14](#)).

Именно такого признания и желал Каиафа, потому что оно совершенно отвечало его цели. Но положение дела требовало скрыть при этом свое удовольствие; и оно сокрыто... Как бы услышав ужасное, нестерпимое богохульство, лицемер тотчас разыграл крайнее негдование и разодрал одежды свои (переднюю часть): поступок, который в первосвященнике выражал чрезвычайную степень душевного волнения и показывал величайший избыток мнимой ревности по славе Бога Израилева. «Слышали ли, – вскричал Каиафа к прочим судьям, – слышали ли вы, что Он сказал?.. Он явно богохульствует, и мы еще требуем свидетелей?..»

Все молчали, разделяя с первосвященником притворный ужас от мнимого богохульства. «Что же вы думаете, – продолжал лицемер, – чего Он достоин?» ([Мф. 26, 65–66.](#))

«Смерти, смерти», – повторяли один за другим старейшины.

Так кончился первый допрос. Судьи и советники разошлись, чтобы немного поспать и потом снова собраться при первом рассвете. Цель, давно желанная, достижение которой еще несколько дней назад казалось невозможным, по крайней мере, в продолжение праздника, эта цель – осуждение на смерть Иисуса – теперь, сверх чаяния, была уже почти достигнута; оставалось только в новом собрании подтвердить приговор, вынесенный сейчас.

Господь, в ожидании нового собрания, выведен был из жилища первосвященника, где происходил совет, на двор. До утра оставалось немного времени (два-три часа), но для Него этот промежуток времени был очень тяжел, потому что Он находился в руках буйной толпы, состоявшей из стражей храма и служителей первосвященнических ([Лк. 22, 63–65](#); [Мф. 26, 67–68](#)). Те и другие считали своим долгом выказать

раздражение и презрение к человеку, который, по их мнению, имел дерзость быть врагом их начальников. Может быть, даже первосвященники дали слугам намек, как поступить с Узником. «Пророк Галилейский! Мессия-самозванец!» Такими насмешками началось поругание. Но скоро от слов перешли к ударам. Одни заушали Господа; другие ударяли Его по ланитам, иные плевали в лицо. Те, кто хотел казаться остроумным, закрывали Его лицо ([Мк. 14, 65](#); [Лк. 22, 64](#)) одеждой и при каждом ударе спрашивали: «Угадай, Христос, кто Тебя ударил», – потому что Мессия, по мнению иудеев, должен был знать все.

Что Господь все эти оскорбления переносил терпеливо, без всякого ропота, об этом евангелисты не сочли нужным и упоминать. Они замечали только, если Он что-либо говорил Своим мучителям для их вразумления.

Вернемся к Петру. Здесь прилично рассказать, как исполнилась последняя часть предсказания Иисуса Христа о его отречении.

Несмотря на опасность, встретившую Симона во дворце Анны, он следовал за толпой слугителей, ведущих Иисуса Христа во дворец Каиафы, желая знать, чем кончится суд над Учителем, Которому изменили уже уста Петра, но сердце было верным. Первое возглашение петела при первом отречении Симона, как мы видели, не произвело на него никакого впечатления или, может быть, даже возбудило решимость доказать на деле, что зловещий петел не будет более свидетелем измены апостола. И во дворце Каиафы Симон играл роль человека, который пришел на шум народный из одного любопытства; и также, вмешавшись в толпу слугителей, грелся вместе с ними у огня, который развели на дворе, спасаясь от ночного холода. Но предсказанная Господом измена преследовала Симона и здесь. Галилейское наречие, на котором он говорил, природная живость характера, соединенная теперь с величайшей робостью, особенное внимание к известиям о ходе суда над Иисусом Христом, которые слугители приносили из судилища, и множество других обстоятельств час от часу более и более выдавали Симона перед наглыми слугителями, которые, служа у судей и присутствуя при следствиях и розысках, привыкли замечать людей подозрительных. Один из слугителей, обратив на него внимание, начал говорить окружавшим его: «Этот человек должен быть из числа учеников Иисусовых». Симон затрепетал снова; уста, однажды изменившие, еще скорее открылись для второго отречения: одних уверений показалось уже недостаточно, и малодушный ученик прибавил ко лжи клятву в том, что он вовсе не знает Иисуса. Так скоро и глубоко падает добродетель человеческая!



Избежав опасности, Симон отошел от огня; страх гнал его вон, но любовь опять удержала, и он остановился у дверей.

Протекло еще немного времени; первый допрос кончился – и Иисус Христос был выведен из судилища на двор. Побуждаемый любовью, ученик невольно приблизился, чтобы еще раз взглянуть на своего Учителя, показаться Ему, если можно, и доказать свое участие в Его судьбе. Казалось, безопасно; но вдруг один из служителей остановил Симона вопросом: «Верно, и ты был с Ним; ибо ты галилеянин, и наречие твое выдает тебя». Прочие служители подтвердили это подозрение; ибо наречие галилейское было очень заметно для всякого; а между тем, все знали, что ученики Иисусовы родом галилеяне. Изумленный Симон находился в самом затруднительном положении: ибо, хотя воины, взявшие Иисуса не имели, по-видимому, повеления брать учеников Его, но теперь, когда удалось так счастливо овладеть Учителем, они не пощадят и ученика, который сам попал в их руки. Наверно, сердце Симона ушло в пятки, когда, не дожидаясь его ответа, один из слуг архиерейских, бывший с воинами в саду Гефсиманском, родственник того самого Малха, которому Петр отрезал ухо, начал громко обличать его, говоря: «Не я ли тебя видел с Ним в саду Гефсиманском?» Робкий Симон не знал, что делать, забыл себя и Учителя, умер, по выражению св. Златоуста, от страха и всем, чем можно, начал клясться, что он не только никогда не думал быть учеником Иисуса, но и вовсе не знает этого Человека.

Еще малодушный ученик не успел окончить своих клятв, как проповедник покаяния (петел) возгласил в третий раз.

В это же время Господь, бывший среди стражи на дворе, обернулся в ту сторону, где находился Симон Петр (и где из-за спора начался шум), и посмотрел на него пристально... Петр, при всем замешательстве своем, заметил это; взор Учителя и Господа проник в его сердце<sup>6</sup>. Казалось, он снова слышит роковое предсказание: «прежде нежели пропоет петух, ты отвергнешься Меня три раза». Место малодушия заступили стыд и раскаяние<sup>7</sup>. Но – опыт кончился! Слуги архиерейские, поверив клятвам, оставили Петра в покое. Но шум двора архиерейского был уже невыносим для сердца, терзаемого скорбью, – и он, со слезами на глазах, поспешил вон, чтобы в уединении плакать о своем непостоянстве. **«И изшед вон, плакася горько..»**.

Св. Климент, ученик ап. Петра, повествует, что он всю жизнь при полуночном пении петуха становился на колени и, обливаясь слезами, каялся в своем отречении и просил прощения, хотя оно было дано ему Самим Господом вскоре после Воскресения. По сказанию Никифора, глаза св. Петра от частого и горького плача казались красными.

Разительной чертой характера Петрова оканчивается история этой ночи, за которую произошло столько противоположных явлений: непоколебимой преданности в волю Божью, великодушного терпения, низкой измены, буйного бесчеловечия, мнимой справедливости, истинной праведности; в продолжение которой природа человеческая обнаружилась и с самой лучшей (в Иисусе Христе), и с самой худшей (в Иуде и первосвященниках); и со средней стороны (в Петре); которая положила начало событиям, объемлющим все человечество, которые окончатся только вместе с бытием настоящего мира, но в своих дальнейших последствиях будут продолжаться в вечности.

## **XVII. Окончательный приговор синедриона Иисусу Христу**

*Второе утреннее собрание синедриона. – Второй смертный приговор. – Его совершенная неправильность. – Иисус Христос препровождается к Пилату. – Почему и зачем?*

Наступало утро дня, единственного в истории рода человеческого. В навечерии его, как мы видели, иудеи закалали агнца пасхального; а теперь, среди полудня, был обречен на заклание Агнец Божий, вземлющий грехи мира. Надлежало, чтобы истинная жертва принесена была с жертвой прообразовательной в один день. Умы всех иудеев заняты были последней: думал ли кто-нибудь о первой?..

Еще добрые израильтяне покоились сном, не думая, что «**Утеха Израиля**» была так близко к ним, когда чертоги Каиафы снова наполнились старейшинами, фарисеями и книжниками. Не думали повторять расследования, выискивать свидетелей (все это и прежде делалось только для вида): желали только – сообразно обыкновению – не осуждать преступника на смерть на одном заседании, снова в полном присутствии синедриона выслушать признание Господа, что Он есть Мессия, и вследствие этого снова подтвердить приговор смертный. Чего не доставало для единогласия, то могло быть сделано посредством тайных совещаний в остальную часть ночи. Не страшились более и возмущения народного: жители Иерусалима не могли еще узнать о приключениях прошедшей ночи. Дело тьмы совершалось так успешно, как только могли желать слугители тьмы. По всему можно было им надеяться, что они скоро совершенно избавятся от ненавистного им Обличителя нравов и тем с большим удовольствием займутся празднованием пасхи.

Господь был введен в собрание. «Ты ли Мессия, скажи прямо?» – спросил Каиафа тем голосом, который уже отзывался смертным приговором.

– «Аще и реку вам» (что я Мессия), – отвечал Господь, – «не имете веры. Аще и вопрошу вас» (о том, что могло бы вывести вас из ослепления), «не отвещаете Ми, и» (хотя бы Я доказал, что вы должны верить словам Моим) «ни отпустите Мя». (После этого остается одно) «отселе Сын Человеческий» (Я Мессия) «будет седяй одесную силы Божьей» (не будет более являться перед вами в виде уничиженного узника, а примет вид всемогущего царя и судии)». «Итак, Ты – Сын Божий» (Мессия)? – спросили с нетерпением некоторые из судей.

– «Аз есмь», – отвечал Господь.

«Он Сам на Себя произнес осуждение, – повторяли одни за другими старейшины, – более не о чем и рассуждать. Смерть, смерть богохульнику!.. Смерть, смерть Лжемессии!» (Лк. 22, 66–71.)

Благомыслящие члены синедриона или не были при настоящем решительном осуждении Господа, или должны были молчать. Их частный голос только повредил бы им, ничего не сделав в пользу невинно осужденного. Касательно Иосифа Аримафейского прямо замечается в Евангелии, что он не участвовал в настоящем «преступном совете и беззаконном деле синедриона».

Мы говорим: «преступном совете и беззаконном деле», ибо, как ни старались первосвященники в суде над Господом соблюсти вид законного судопроизводства, настоящий приговор против Него сделан вопреки всем законам правосудия. Единственным основанием послужило объявление Господа, что Он есть Мессия. Но объявление Себя Мессией, которого все ожидали, само по себе должно было быть причиной не смерти, а уважения и почестей. Итак, следовало ожидать, что синедрион, хотя бы для одного вида, потребует доказательств того, что Он есть истинный Мессия, войдет сколько-нибудь в рассмотрение Его дел и учения, от чего, как мы видели, недалек был, по-видимому, сам тесть Каиафы, Анна. Но это вовсе не сделано. Ослепленным личной ненавистью, опутанным с ног до головы расчетами мелкого саддукейского самолюбия судьям-врагам Иисусовым представлялось невозможным, чтобы ожидаемый народом иудейским Мессия был таков, каким казался теперь Иисус Христос: это было для них дело, совершенно решенное. Поскольку же синедрион основал приговор смертный на том, что непременно требовало нового и беспристрастного расследования, то суд его, несмотря на все старания придать ему вид законности, представляет явное неправосудие. «Форма только, – говорит св. Златоуст, – была суда, а в самом деле это было не что иное, как нападение разбойников».

Приняв заявление Господа, что Он есть Мессия, за ложь, синедрион мог находить в Нем два преступления по отношению к двойкой власти,

существовавшей в Иудее. В отношении к отечественным законам, Иисус Христос представлялся человеком нечестивым, который, забыв страх Божий, осмеливается присваивать Себе священное наименование Мессии, чтобы вводить народ Божий в заблуждение, которое по существу своему (ибо с появлением Мессии ожидали преобразования правления) могло иметь пагубные последствия для всей Иудеи. В отношении к римскому правительству, Иисус Христос оказывался возмутителем, который, пользуясь народной верой иудеев в пришествие Мессии, хочет привлечь их на Свою сторону, чтобы потом свергнуть иго римлян. В том и другом отношении виновный Подлежал смертной казни. За богохульство и присвоение достоинства пророческого закон Моисеев повелевал побивать камнями ([Лев. 24, 13](#)); за возмущение народа, по уложению римлян, назначен был меч или крест.

Иудейский синедрион пользовался еще правом наказывать смертью за преступление отечественных законов, но приговоры его исполнялись только после утверждения их областным прокуратором. Следовательно, после осуждения Господа на смерть первосвященникам оставалось только испросить согласия тогдашнего прокуратора и потом передать Его стражам храма и слугам своим на побиение камнями, или другую какую-либо отечественную казнь. Но первосвященники не сделали этого, а предпочли отослать Осужденного к прокуратору, чтобы он приказал казнить Его по законам римским. Это было совершенно в духе фарисейской расчетливости. Совершение казни от лица синедриона обратило бы всю ненависть народа, приверженного к Иисусу Христу, прямо против первосвященников и фарисеев; могли даже опасаться народного возмущения из-за любимого всеми Пророка – что было сделать гораздо труднее, когда Он находился в руках римского, для всех страшного, правительства. Само наступление праздника препятствовало первосвященникам санкционировать отечественную казнь; а отложить ее до окончания праздника значило подвергнуться новой опасности от народа. В предании Господа Пилату представлялась и та выгода, что прокуратор может осудить Его на самую позорную смерть – крест, а эта казнь осуществлялась только по римским законам. Между тем, надлежало исполниться и предсказанию Господа о том, что Его предадут в руки язычников, которые осудят Его на распятие ([Ин. 18, 32](#)). (Мы во всей истории страданий Христовых будем видеть, как естественные, по-видимому, обстоятельства сами собой располагались так, что, против воли врагов Иисусовых, на Нем во всей подробности совершились события, предсказанные за несколько веков пророками и Самим Богочеловеком). Требовалось только придумать, как сильнее подействовать на прокуратора, чтобы он кончил дело без

дальнейшего исследования. Вернейшим средством для этого было, если бы члены синедриона сами явились в его судилище, представили ему и важность дела, и единогласие своего приговора, и очевидность преступления, и крайнюю опасность для самого правительства римского.

Вследствие подобных соображений Иисус Христос в узах был отведен стражами из дома Каиафы в преторию Пилата (так назывался весь дом и, в частности, судилище римского правителя). За Ним следовали туда же первосвященники, старейшины, фарисеи и книжники ([Мф. 27, 1–2](#)).

### XVIII. Судьба предателя

*Раскаяние Иуды. – Свидетельство о невиновности преданного Учителя. – Он повергает сребреники. – Самоубийство. – Село крови. – Исполнение пророчеств. – Характер предателя. – Что побудило его быть в числе учеников Иисусовых? – Почему и для чего он принят? – Страсть сребролюбия – непрестанно возрастающая. – Как могла образоваться мысль о предательстве?.. Иуда не ожидал от него такого конца. – Естественность раскаяния. – Тяжесть греха Иудина.*

Слух об осуждении синедрионом Иисуса Христа на смерть привел, без сомнения, в содрогание весь Иерусалим и, может быть, даже некоторых из врагов Его; но самое сильное действие произвел в том человеке, от которого в настоящем случае всего менее можно было ожидать чувствительности – в Иуде! Будто от какого-то чуда предатель переменял свои мысли и чувства. Раскаяние самое сильное и мучительное наполнило всю его душу и овладело им так, что он, не зная, что делать, решился на самый отважный поступок – идти к первосвященникам, возвратить гибельные сребреники и всенародно свидетельствовать, что он согрешил тяжко – **«предал кровь неповинную!»** Трудно было надеяться тронуть этим поступком (хотя он сам по себе был весьма трогателен) сердце судей – врагов Иисусовых: но ученик-предатель хотел, по крайней мере, облегчить хоть сколько-нибудь нестерпимое бремя греха, подавлявшее его душу. Первосвященники приняли раскаяние Иуды и его свидетельство о невиновности Иисуса с презрительной холодностью людей, которые, якобы занимаясь только исполнением законов, не имеют времени обращать внимания на порывы мечтательной чувствительности. Ни один не захотел спорить с Иудой о невиновности его Учителя (всего менее признаваемой личными врагами Иисуса), но ни один не взялся пролить капли елея на растерзанное сердце предателя. «Что нам, – отвечали, – до твоего поступка? Смотри сам! Ты согрешил (если согрешил), ты и должен отвечать!» – Так холодно говорили уста, хотя

сердце кипело злобой на Иуду за его всенародное раскаяние и свидетельство о Иисусе, которые, служа к оправданию Осужденного, были вместе с тем нестерпимым упреком неправедным судьям Его.

Огорченный упреком священников, бедный предатель действительно обратил весь взор на себя самого, но взор отчаяния, перед которым так скоро является и такой кажется приятной – смерть!.. В смятении чувств он повергает полученные сребреники в храм, спешит в уединенное место и там на древе душит в себе жизнь телесную, давно задушив духовную. Но ужасная картина эта, начатая рукой отчаяния, как бы с намерением продолжается перстом карающего Провидения; висящее тело падает с дерева стремглав вниз, чрево его разрывается от падения, и выпадают внутренности ([Деян. 1, 18](#))...

Первосвященники, по свидетельству св. Матфея, не согласились положить в корван церковный сребреники Иудины: законом запрещено было принимать в [церковь](#) деньги нечистые ([Втор. 22, 18](#)), а это была цена крови! Вместо этого, с общего совета, было куплено впоследствии у одного горшечника пустое место за городом для погребения странников, может быть, и иудеев, которые, толпами приходя во святой град, оканчивали нередко там земное поприще свое, а более, кажется, язычников, которым, как нечистым, по мнению иудеев, приличествовало и место отдельное для погребения. Глас народа, в котором так часто выражается глас Божий, дал вскоре этому кладбищу соответственное имя: Акелдама, то есть место крови.

Таким образом, по замечанию евангелиста, исполнились древние предсказания пророков о предателе и плодах предательства: тридцать сребреников приняты как «цена Ценного, егоже цениша от сынов Израилевых» и отданы за землю горшечника, как то еще издревле открыл Господь верным рабам Своим ([Зах. 11, 12–13](#)).

Сбылось, замечает св. Петр, и слово Давида о том, кто, «**ядый хлебы, возвеличил запинание**» ([Деян. 1,20](#); [Пс. 73, 26](#)); двор его остался пуст – превратился в безмолвное жилище мертвых! В окрестностях Иерусалима и теперь показывают следы села крови.

Но кто укажет следы нрава и жизни несчастного стяжателя, обозначит истинный характер сына погибельного? Проникнет тайну его лица и предательства? – Лицо, на первый взгляд, ужасное и вместе таинственное, состоящее в какой-то особенной, разительной противоположности с достопоклоняемым лицом Сына Человеческого! Каиниты, конечно, жестоко заблуждались, почитая Иуду за его предательство, совершенное якобы потому, что он один из апостолов обладал прозрением в тайну спасения человеческого смертью Сына Божьего; но несогласно с истиной поступил бы и тот, кто захотел бы видеть во всей прошедшей жизни бывшего апостола одно мрачное и

преступное. За противоположное ручается уже его почти четырехлетнее пребывание с Иисусом среди напастей и искушений ([Лк. 22,28](#)), когда многие оставляли Его ([Ин. 6,65–67](#)). Такое постоянство достается в удел не всякому. Сильное раскаяние во грехе, всенародное признание в нем во храме и торжественное свидетельство о невинности осужденного уже Иисуса, подвергавшее Иуду многим серьезным неприятным последствиям, – также громко свидетельствуют, что в душе предателя еще была совесть, что рука его умела не принимать только, а и повергать сребреники. Все это и многое другое заставляло еще отцов Церкви думать, что душа Иуды не чужда была многих добрых чувствований; почему он и был принят в апостолы и причислен к лику двенадцати. Но вместе с тем, в душе Искарриота был зародыш губительной страсти сребролюбия, этого, по замечанию св. Павла, «**корня всех зол**» ([1Тим. 6,10](#)). То и другое – и похвальная, и предосудительная стороны его характера могли равно расположить его следовать за Иисусом. Где еще, как не в Его святом обществе, как не в Его Божественных беседах, была пища для всех благих помыслов и чувствований? При ком, как не при Нем – Мессии, Царе всего мира – удобнее казалось удовлетворить и свою жажду денег? И вот Искарриот – в числе учеников Иисусовых и причтен к лику двенадцати. Быть не может, чтобы Иисус, избравший Своих апостолов после всеобщей молитвы, среди беседований с Отцом, не ведал, что Он избирает Своего предателя. «**Ведяше искони, кто есть предавая Его**», – и однако же избрал его! Избрал, да сбудется писание, «**яко никто же от них погине, токмо сын погубительный**» ([Ин. 17,12](#)). Неизбранный, Искарриот, конечно, не совершил бы предательства в настоящем его виде, но мог совершить в тысяче других видов: ибо Сын Божий, ипостасная [Истина](#) и Благо, предается всякий раз, когда мы злонамеренно изменяем истине и добродетели. Напротив, смертельный недуг, которым заражена была душа Искарриота, нигде не мог найти скорейшего и прямейшего исцеления, как в святом обществе Иисусовом, если бы несчастный захотел восстановить здоровье души своей! В этом отношении включение Иуды в число учеников было для него милостью величайшей...

Постоянная, непосредственная близость Искарриота к Иисусу должна была, по свойству сердца человеческого, сделать одно из двух: или подавить совершенно страсть сребролюбия в сердце Иуды и сделать его совершенно чистым, подобно прочим ученикам; или произвести в нем тайную, постепенно возрастающую скуку от святого общества Иисусова, заставить его, избегая света, так ярко сиявшего перед очами и освещавшего все шаги его, более и более погружаться в собственную тьму, предаться совершенно страсти. К несчастью, над Иудой, по его

собственной воле, сбылось во всей силе последнее. Тогда как прочие ученики, вступив в святое общество Иисусово, оставляли, так сказать, свою собственную жизнь и со дня на день более и более начинали жить божественной жизнью своего Учителя и Господа, – Иуда остался со своей губительной самостоятельностью. В его уме продолжался мрак неверия; в его сердце лежал нетронутый лед самолюбия; он продолжал жить собственной нечистой жизнью, противоположной жизни Учителя. Средоточием этой противоположности была страсть к деньгам, столь противная духу нищеты и самоотвержения Сына Человеческого. Носимый Искарриотом ящик сделался ковчегом завета для сребролюбца, из которого сатана посылал ему свои откровения: вся область тьмы обратилась на эту душу, находя в ней убежище и мнимую твердыню против Того, Кто пришел разрушить «дела диаволя» ([1Ин. 3, 8](#)). Когда Сын Человеческий восходил от одного подвига к другому – несчастный сын погибели ниспадал от лукавства к лукавству, от измены к измене. Все злое настолько глубоко внедрялось в душу Иуды, что должно было оставаться тайной его совести: внешне он был апостол, как и другие.

Учитель, без сомнения, употреблял все средства к излечению недугующего ученика. Свидетельство тому – последняя вечеря. Сколько трогательных и сильных намеков на покаяние! В Евангелии Иоанновом сохранились и другие следы особенного внимания Иисусова к состоянию души Иудиной ([Ин. 6, 70](#)). Но по причине заключения чувств сердца, занятого страстью, все доброе оставалось на его поверхности – не было принято и не могло обратиться в силу и жизнь духовную. Прикосновение – самое легкое и дружеское – врачующей руки к ране производило одно внутреннее содрогание и боль.

Терзаемый своей страстью, может быть, не раз Искарриот, подобно другим, думал оставить Иисуса ([Ин. 6, 66](#)). Но невидимые узы все еще держали его до predetermined времени; внутренний голос сильно еще говорил за Учителя. Могла говорить в пользу пребывания с Иисусом и самая страсть, все еще не терявшая совершенно надежды видеть Иисуса Мессией. Иуда, – как ни тяжело было принуждать себя непрестанно, – принуждал и оставался!..

Последние события, возбуждавшие и в других учениках чаяние о близком воцарении Учителя ([Лк. 19, 11](#)), в Иуде должны были потрясти всю душу надеждой и страхом. «Теперь, – думал Иуда, – не позже, должна решиться Его, – по крайней мере, моя участь! Время подумать решительно о своем будущем состоянии». – Что же слышит сребролюбец от Учителя в продолжение всех последних дней? Частые предсказания о Его будущих страданиях и – ни слова о Его царстве и



земных наградах ученикам! «Первосвященники и фарисеи собираются для совещаний, принимают все меры, осуждают нас на смерть, а мы ходим туда и сюда без дела, проводим дни и ночи ни над чем... Прекрасное общество – но оно не по Иуде, которому нужно чем жить. Я не их, и они не мои! Каждый пойдет своим путем!» – «Но нельзя ли извлечь, – шептал демон сребролюбцу, – последней пользы из твоего почти четырехлетнего пребывания с этими людьми? Синедрион весьма дорожит знанием местопребывания Иисусова: почему не употребить в свою пользу этого вызова?.. Указание местопребывания не причинит большого вреда Учителю, а тебе послужит на пользу. Посмеют ли стражи наложить руки на Иисуса! Не в первый раз возвращаться им от Него без успеха. Даже если бы они захватили Его, то во время праздника, боясь народа, не посмеют причинить Ему ничего худого; дело окончится чем-то неважным – по всей вероятности, изгнанием Иисуса в Галилею; а ты можешь получить награду как патриот и отличишь себя в глазах фарисеев, что может быть весьма полезно для твоей дальнейшей судьбы...»

Адская мысль принята – и ученик-предатель весь занят сатаной! Не ищите теперь логики в его действиях – это значило бы искать порядка в аду. Пусть Каиафа не будет обещать ему ничего более 30 сребреников – эти сребреники покажутся ему горами золота. Вырваться скорее из рая, обратившегося в темницу, кончить, кончить дело – вот чего хочет душа Иудина, [дьявол](#), в ней живущий!..

Но дело кончено! Учитель в руках книжников! С невероятной поспешностью они успевают в продолжение ночи провести два собрания, выслушать лжесвидетелей, произнести осуждение, предать Осужденного Пилату на распятие... Вести о всех этих событиях, подобно громовым ударам, раздаются в душе Иудиной. Разродившись предательством, исполнив внушение сатаны, душа предателя сделалась как бы праздной и потому доступной чувству забытого долга. Какой ужасный голос раздается теперь в этой пустыне! Все доброе, на время забытое, в тысяче видов возникает снова, теснится в сердце, подавляет, разрывает его. Иуда видит одно, слышит одно: смерть Учителя! Для него нет более стыда и тайны; все расчеты, сама страсть исчезла, как адское привидение: осталась одна совесть с мучениями! Дружеское участие в этом положении какого-либо священника, какого-либо человека, может быть, остановило бы душу, готовую провалиться в ад. От нескольких минут зависело все. Что же слышит самоосужденный предатель? «Смотри сам», – говорят ему с презрением. – «О, я хорошо вижу, – думает он в отчаянии, – чего стоит подобное мне чудовище: око за око, кровь за кровь – говорит сам закон», – и первое дерево служит ему орудием казни над самим собой.

После этого уже стократ «унее было, дабы не родился» ужасно несчастный «человек сей!»

Но речет кто: «Аще писано есть пострадати Христу сие, то чего ради порицает Иуду? Писания бо сотворил есть». Но не тем изволением, а от лукавства. Аще же не изволение его испытывати будеши, то и диавола от согрешения свободиши. Но несть сие, несть. Бесчисленных бо достойны суть мук и сей и он, аще и вселенная спасеся. Не предание бо Иудино спасение нам содела, но Христова премудрость и Его художества богатство, иных лукавства в пользу нам употребляя. Речеши: «Аще и Иуда не предал бы, ин не предал ли бы!» – И что сие на предложение? «Яко ащераспятися Христу подобаше, чрез некоего подобаше, речеши: аще чрез некоего, чрез такова человека всячески: аще же все были блази, не содеялося бы смотрение о нас». Не буди; – сам бо Всепремудрый ведяше, како устроить полезная нам, и сему не собившуся; изобильна бо Его премудрость и непостижима. Сего ради да никто возмнит, яко служитель смотрения бысть Иуда, окаевает его» (Злат. Бесед. 18 на Мф.).

### ХІХ. Иисус Христос на суде Пилата

*Характер Пилата и его отношение к синадрию. – Голословное обвинение Иисуса Христа первосвященниками. – Прокуратор им не довольствуется. – Всенародный допрос. – Ответ на него величественный, но противный ожиданию и видам судии. – Тайный допрос. – Пилат объявляет Узника невинным. – Новые клеветы со стороны обвинителей. – Безмолвие Обвиняемого. – Иисус Христос отсылается на суд Ирода.*

Римский прокуратор Иудеи, которому достался несчастный жребий осудить на распятие Господа славы, был Понтий Пилат; человек, по свидетельству иудейских писателей, высокомерный, жестокий и корыстолюбивый. Впрочем, такой отзыв мог быть следствием национального предубеждения против чужеземного правителя, и если заслужен Пилатом, то скорее всего в последние годы его правления. По крайней мере, история суда Пилатова над Иисусом Христом не показывает в нем особенного высокомерия, тем более корыстолюбия. Если бы приговор прокуратора можно было купить сребрениками, то первосвященники, вероятно, не пощадили бы церковного корвана, только бы скорее достигнуть своей цели и избавить себя от унижения, которому они подвергались в претории.

Понтий был собственно прокуратором Иудеи, Самарии и Идумеи – должность, которая сама по себе ограничивалась сбором податей государственных; впрочем, с полным правом претора – решать все дела и казнить смертью, такое совмещение прав делалось в некоторых не

очень значительных провинциях, куда не почитали нужным посылать особых преторов и проконсулов. Такими прокураторами обычно назначались люди всаднического (equestris) достоинства, иногда из вольноотпущенных (libertini), чем-либо отличившихся, и назывались, подобно другим главным начальникам, игемонами, или правителями. Пилат принадлежал к сословию всадников. Обыкновенным местопребыванием иудейских прокураторов был город Кесария; но на праздники, особенно на Пасху, они переселялись в Иерусалим для непосредственного надзора за спокойствием народа и для подавления возмущений, которые нередко происходили во время праздников.

С синедрионом иудейским римскому игемону трудно было жить в мире, ибо две различные и по духу совершенно противоположные власти часто сталкивались. Пилат имел немалые причины негодовать на иудеев и их синедрион. Вскоре после вступления в должность иудейского прокуратора ему захотелось (вероятно, из угождения кесарю) ввести в Иерусалим римские знамена с изображением кесаря – поступок сам по себе не очень важный, но противный иудейским обычаям. Упорство народа, соглашавшегося лучше лишиться жизни, нежели видеть языческие изображения в святом граде, привело к тому, что Пилат принужден был вынести знамена из Иерусалима. Потом Пилат вздумал построить за счет церковных средств водопровод для Иерусалима: намерение, весьма полезное для жителей столицы, частенько, и особенно в праздники испытывавших недостаток в хорошей, здоровой воде, – но неприятное синедриону, которому принадлежали деньги. В этом случае произошло народное возмущение, так что Пилат с трудом успокоил народ, окруживший его лифостротон и нагло требовавший оставить его – без воды.

Об Иисусе Христе и Его действиях Пилат не мог не слышать, но, без сомнения, не имел верного понятия, кроме того, что действия Его нисколько не опасны для римского правительства. Известно было, конечно, Пилату и о происшествиях минувшей ночи: взятии Иисуса Христа под стражу, собрании синедриона и проч., ибо римская стража, усугублявшая свою бдительность во время праздников, сообщала прокураторам о всех происшествиях, заслуживающих внимания. Пилату даже известно было гораздо более, чем хотели и, может быть, ожидали первосвященники: что они преследуют Пророка Галилейского единственно по личным соображениям, из зависти и злобы ([Мф. 27, 18](#)). Таким образом, появление Иисуса Христа в виде узника не было для прокуратора вовсе неожиданным явлением: неожиданно было то, что для обвинения Его явился весь синедрион так рано и в тот день, когда всякий израильтянин, и искренно и лицемерно набожный, старался, сколько можно, удалиться от язычников и всего

языческого, чтобы не потерять законной чистоты, необходимой для совершения Пасхи.

Первосвященники и книжники, «пожирая», по выражению Евангелия, «верблюдов», действительно, не забыли теперь «отцедить комара» (Мф. 23, 24). Придя к претории Пилатовой, они не вошли в нее, «чтобы не оскверниться»; и дали знать игемону, что ожидают его на лифостротоне для такого дела, которое не терпит отсрочки. Не забыли, без сомнения, извиниться перед игемоном в том, что закон не позволяет им войти внутрь претории для личного с ним объяснения.

«Жалкий народ! слепые изуверы!» – думал, конечно, гордый римлянин, чувствительный к тому, что его подчиненные почитают дом его настолько нечистым и богопротивным, что опасаются войти в него. Но римская власть всегда щадила предрассудки побежденных народов; и Пилат немедленно явился на лифостротон.

Первосвященники в кратких словах объявили, зачем они пришли и чего требуют, – надеясь, что Пилат не заставит их судиться с преступником, осужденным целым синедрионом.

Но для Пилата такая поспешность и настойчивость были подозрительны. Наместник кесаря менее всего расположен был служить слепым орудием Каиафова коварства. Как бы не замечая, что обвинители очень торопятся и всем сердцем желают гибели Обвиняемого, римский вельможа принимает спокойный тон беспристрастного судьи и спрашивает: «В чем же вы обвиняете Этого Человека?»

Выслушать обвинение и без рассмотрения дела не осуждать виновного было отличительным свойством римского правосудия (Деян. 25, 15–16).

«Если бы Он не был злодей, то ужели бы мы (все члены синедриона) предали Его тебе для казни?» – был ответ старейшин, все еще надеявшихся, что их личное достоинство заменит все доказательства.

Но такой неопределенный, личный язык все более выдавал тайну врагов Иисусовых; а их самонадеянность еще сильнее возмущала гордость Пилата, внутренне, может быть, радовавшегося случаю досадить своим врагам...

«Когда так, – возразил игемон, – когда вы хотите чтобы я осудил Этого Человека без разбирания дела, то к чему и мое участие? Возьмите Его вы сами и по закону вашему судите – и наказывайте Его, как вам угодно. Я не хочу вмешиваться в ваши дела».

«Но преступление Его, – отвечали обвинители, – требует смертной казни, потому что Он выдавал Себя за Мессию, Царя Израильского; а нам нельзя никого предавать смерти без твоего на то согласия».

Такое внимание к интересам кесаря, особенно уклонение от осуждения на смерть мнимого преступника – в устах первосвященников должны

были казаться Пилату чрезвычайно странными. Отказывались от своих прав те, которые всегда дорожили ими и непрестанно спорили с прокураторами о правах.

Однако же важность обвинения не позволяла более уклоняться от судопроизводства; надлежало приступить к допросу. Поскольку первосвященники в доказательство, что Иисус Христос есть возмутитель народного спокойствия, ссылались единственно на присвоение Им царского имени; поскольку для римского прокуратора важность обвинения в присвоении себе кем-либо звания Мессии иудейского состояла единственно в том, что с этим званием, по отзыву синедриона, соединялось наименование царя, то Пилат, вместо всех расследований, обратился к Господу и спросил Его: «Царь ли Ты Иудейский?»

При настоящих обстоятельствах такой вопрос не мог быть задан без улыбки. Перед Пилатом стоял такой Человек, о Котором нельзя было и подумать, чтобы Он претендовал на престол Иудейский и осмелился спорить о правах на Иудею с кесарем. Конец суда, по-видимому, зависел от того, что Обвиняемый скажет в ответ: признает или не признает Себя царем. Судья, конечно, не ждал, чтобы Узник объявил Себя перед ним царем, не ждал, может быть, и того, что Он прямо отвергнет обвинение иудеев: ибо, во всяком случае, следовало предполагать какое-то основание в обвинении, выдвинутом целым синедрионом. Каково же должно быть удивление Пилата, когда Господь решительно отвечивал: «Я – царь!» ([Мк. 15.2.](#))

Лучше ответа не могли желать враги Иисуса; опаснее его не мог вообразить Пилат. При таком ответе иудеи могли тотчас сказать, что дело кончено, потому что Обвиняемый свидетельствует против Себя. Может быть, Пилат и в самом деле окончил бы теперь свой суд подтверждением приговора Иисусу Христу, сделанного синедрионом, если бы внушающий к Себе благоговение вид Господа, твердость и спокойствие, с которыми произнесено Его признание в том, что Он Царь, – собственное нерасположение Пилата к синедриону и самолюбие – продолжить начатое уже защищение невинности, – не побудили его продолжить расследование.

Такого расследования, впрочем, требовала и справедливость. Иисус Христос, называя Себя царем, не признавал вместе с тем, что Он, как клеветали враги Его, развращает народ и запрещает давать дань кесарю ([Лк. 23.2](#)). Такая неопределенность ответа давала судье достаточный повод потребовать объяснения, в каком смысле Он называет Себя царем?

Думая, может быть, что Узник имеет особенные причины не открывать полностью Своих мыслей в присутствии Своих обвинителей, и вообще

желая дать Ему более свободы в объяснении Своего лица и Своих действий, Пилат вошел в преторию, дав знак следовать за собой туда же и Иисусу.

Первосвященники, при всем желании быть свидетелями тайного допроса, оставались на дворе из опасения потерять чистоту законную, с неудовольствием видя, как мало подействовало на прокуратора то самое признание Господа, которое в синедрионе послужило основанием смертного приговора.

«Итак, Ты выдаешь Себя за царя Иудейского?» – начал Пилат с тем видом, который если не показывал особенного благорасположения, то вызывал к открытому объяснению. Судя обыкновенным образом, прямой отрицательный ответ был, очевидно, самый полезный для Обвиняемого, к Которому прокуратор обращался уже с видимым снисхождением. Но мог ли пользоваться личным снисхождением римского судьи Господь неба и земли, Судья живых и мертвых? Дело шло не о том, чтобы избавиться любым способом – напр., как теперь, с помощью намеренного умолчания – от смерти, а чтобы заставить судью судить правильно и беспристрастно о силе обвинения заключавшегося в слове «царь». Политический, так сказать, римский аспект, в котором одно оно имело перед Пилатом силу уголовного преступления, отсутствовал в этом слове применительно к Иисусу Христу; между тем как в смысле нравственном, пророческом, теократическом оно не заключало в себе вины перед прокуратором и принадлежало Иисусу Христу во всей силе. Поэтому для правильности ответа надлежало знать, в каком именно смысле принимал слово «царь» Пилат, когда спрашивал: «Царь ли Ты?» – Так он и поступил. «От себя ли ты, – спросил Господь Пилата, – говоришь это или другие так сказали обо Мне?» (По собственному усмотрению и разумению этого слова так ты спрашиваешь или с позиций Моих обвинителей, основываясь на их словах и понятии об этом предмете?)

Несмотря на основательность этого вопроса, он для римского вельможи, облеченного правом казнить и миловать, показался не совсем уместным. «Разве я иудей, – отвечал Пилат с надменностью (чтобы мне мешаться в предрассудки, которыми ослеплен народ иудейский и нарушение которых ставят Тебе в вину). – Твои сограждане и первосвященники предали Тебя (как виновного в присвоении имени царя; вследствие чего я как прокуратор, на котором лежит обязанность утверждать приговоры синедриона, должен против воли устраивать Тебе допрос, хотя до сих пор и не видал от Тебя ничего противного законам). Итак, что Ты сделал? (чем подал повод думать, что Ты, по мнению твоих обвинителей, ищешь царства?) Отвечай!»

«Царство Мое» (в слове «царь» заключалось, главным образом, все обвинение иудеев), – отвечал Господь, – «**несть от мира сего**» (не есть какое-либо земное царство, которого ожидают иудеи). «**Аще бы от мира сего было царство Мое: слуги Мои подвизались бы да не предан бых был иудеом. Но царство Мое несть отсюда**» (не есть земное и потому совершенно безопасно для римлян).

Пилат, по-видимому, остался доволен этим ответом.

Только слово «царство» (Господь не без намерения произнес его) звучало сомнительно в ушах политика; тем более, что враги Иисуса Христа могли толковать его в худую сторону. Притом Господь сказал только, в чем не состоит Его царство, а не сказал, в чем состоит оно; о чем также нужно было знать игемону.

«**Однако же Ты царь?**» – спросил Пилат, давая, без сомнения, уразуметь, как неуместно слово это в устах Обвиняемого.

«**Ты глаголеши, яко царь есмь Аз**», – отвечал Господь, давая со Своей стороны знать игемону, что названия этого, как оно ни кажется ему опасным, нельзя не употреблять, когда уже оно употреблено обвинителями и, в чистом своем смысле, совершенно сообразно с истиной. «**Аз на сие родихся**», – продолжал Он, как бы в оправдание Своей твердости в употреблении опасного, но истинного названия, – «**и на сие приидох в мир, да свидетельствую истину**» (с какой бы опасностью это свидетельство ни было сопряжено), «**и всяк, иже есть от истины**» (для кого она дорога и у кого есть в душе чувство истины), «**послушает гласа Моего**».

Еще ап. Павел назвал это признание Господа Себя царем на суде Пилата свидетельством доброго исповедания ([1Тим. 6, 13](#)). В самом деле, оно показывало самую высшую степень самоотвержения и вместе мудрости. Словами: «Я на то родился, чтобы свидетельствовать об истине», – Господь показал, между прочим, что и тайный намек Пилата – удержаться от именованя Себя царем, как весьма опасного, совершенно недостоин Его, потому что Он действительно есть Царь, в самом возвышенном смысле этого слова, Царь – единственный, вечный. Между тем, этими же самыми словами до очевидности обнаружилось свойство царства Христова и Его безопасность для римской власти.

Римский всадник не способен был понять все это в смысле христианском, конечно, а лишь в философском. Римляне, особенно вельможи римские, были в то время знакомы с философией стоиков, по учению которых, истинный мудрец и человек добродетельный есть царь. Изречение Горация: «Ты правитель (гех), если право поступаешь», – сделалось в Риме почти народной пословицей. Одно, может быть, не нравилось игемону, что царь, мудрец, подлежащий его

суду, упорен не только в своих мыслях, но и выражениях, даже опасных: обыкновенный, думал он, недостаток мудрецов-энтузиастов, не знающих политики...

Поскольку Господь так много усвоял истине, то Пилат как бы невольно спросил Его: «Что есть истина?» – и не ожидая ответа, вышел вон из претории к первосвященникам.

Не вдруг можно определить истинный смысл этого вопроса Пилата об истине. Что прокуратор не имел намерения слушать учение Иисуса Христа об истине, это показывает уже его немедленный выход из претории. Может быть, имея в виду последние слова Господа: «Всяк, иже есть от истины, послушает гласа Моего», и будучи тронут внутренне нравственным величием Господа, римлянин хотел показать мимоходом, что и он неравнодушен к истине и в свободное время с удовольствием вступил бы о ней в собеседование. Может быть, вельможа-политик вопросом о истине, а более тоном, которым произнес его, хотел дать подсудимому новый намек на осторожность, как бы говоря: «Ты решаешься жертвовать истине всем, но что такое истина? Доселе ни один философ не только не нашел, даже не определил ее: думай не о истине, а о жизни». Такой образ мыслей вполне может быть приписан Пилату, во времена которого в Риме любимой философией было учение академиков, которые, ничего не утверждая в области истины, все разрушали и подвергали сомнению.

Как бы то ни было, но, выйдя из претории, Пилат решительно объявил иудеям, что он, на основании допроса, находит Иисуса Христа совершенно невиновным ([Ин. 18, 38](#)).

Если бы первосвященники не участвовали лично и так много в деле, теперь рассматриваемом, если бы обвиняли Иисуса Христа только как обыкновенного преступника, то и в этом случае слова Пилата были бы для них весьма жестки. Сказать их – значило все равно, что сказать, что весь синедрион слеп, не стоит доверия и клеветает на человека невиновного. После такого бесчестия синедриону оставалось ожидать с обеих сторон упорных требований и наглых отказов.

Первосвященники скрыли личное негодование на прокуратора, но с еще большим ожесточением начали клеветать на Иисуса Христа: «**глаголаху**», по выражению св. Марка, «**МНОГО**» ([Мк. 15, 3](#); [Лк. 23, 5](#)). Что именно? Представляли, вероятно, какие беспокойства могут происходить в народе, если предприимчивые люди будут безнаказанно присваивать себе титул царей. Незадолго перед тем произошло возмущение Иуды Галилеянина, которое сопровождалось волной убийств и разгромов и могло для красноречия фарисейского служить опытным доказательством опасностей, которые они предсказывали Пилату со стороны Иисуса Христа. В



подтверждение того, что и от этого Галилеянина нельзя ожидать лучшего, могли указывать на чрезвычайную приверженность к Нему народа, на множество Его последователей, которые выжидают только благоприятного случая, чтобы соединиться и действовать открытой силой; могли выставить в качестве возмущения порядка общественного даже некоторые дела Господа (только не чудеса, которые старались скрыть), напр., очищение храма от торжников. Между прочими обвинениями, некоторые из книжников заметили ([Лк. 23, 5](#)), что Иисус Христос показал Себя нарушителем законов не в одной Иудее, что Он давно уже привлек на Свою сторону бесчисленное множество галилеян, где начал Свои действия. Такое замечание вело к тому, чтобы представить Иисуса самым опасным возмутителем, который имеет виды не на одну только Иудею, но и на окрестные области.

Когда обвинители умолкли, и Божественному Узнику надлежало, в Свою очередь, отвечать на их обвинения, Он не сказал ни слова. «Что же Ты не отвечаешь? – спросил Пилат, удивленный столь необыкновенным равнодушием. – Видишь, как много против Тебя обвинений!»

Но Господь продолжал безмолвствовать...

Такое молчание могло удивить всякого. Сами враги Господа должны были находить его весьма странным. Они знали, что Обвиняемый, если бы захотел, мог сказать в Свою защиту многое: знали, что Он обладает особенной силой слова и тем более должен был воспользоваться Своими дарованиями, когда дело шло о Его жизни, для убеждения прокуратора, который казался к Нему расположенным. Вероятно, – так могли они думать, – Он совершенно потерял присутствие духа, или полагается слишком много на снисхождение к Себе прокуратора, или ожидает, чтобы кто-нибудь из народа вступился за Него и рассказал о Его похвальных деяниях. Впрочем, молчание Господа должно было быть для первосвященников приятно во многих отношениях. Если бы Он заговорил, то могли опасаться, что Он обнаружит не только невинность Своих поступков, но и личную ненависть к Себе начальников синедриона; что Он может привлечь каким-нибудь образом внимание Пилата к Своим чудесам, которые если не побудят тотчас освободить Его, то заставят продолжить суд и произвести детальное рассмотрение дела. Это потребует справок и времени, чего именно так сильно хотелось избежать врагам Иисусовым.

Пилат более всех дивился молчанию Господа; однако же несколько не думал считать его следствием невозможности защищать Себя. Мнимая ревность первосвященников о поддержке римского правительства скорее всего могла вызвать смех в хитром римляnine, который очень

хорошо знал на этот счет образ мыслей Анны и Каиафы. С другой стороны, кроткое спокойствие Господа, Его возвышенный и светлый образ мыслей о царстве истины, неизъяснимое величие в Его лице и взорах не позволяли и думать, чтобы в душе столь чистой зрели какие-либо нечистые замыслы. Все располагало Пилата в пользу Подсудимого. «Но как и защищать Его от преследования врагов столь упорных, могущественных и хитрых, когда Он Сам явно небрежет о Своем оправдании и, по-видимому, не ищет спасения от смерти?» Тонкий расчет прокуратора нашел в самых обвинениях средство если не спасти невинного Узника от казни, то избавиться от жестокой необходимости осудить Его на эту казнь.

«Вы говорили, – сказал Пилат, обратясь к иудеям, – что Он начал возмущать народ с Галилеи; разве Он галилеянин?»

«Галилеянин», – вскричали обвинители в несколько голосов, полагая, что это обстоятельство подействует на Пилата, который был особенно не расположен к галилеянам и находился во вражде с их правителем, Иродом Антипой, из-за убийства некоторых из его подданных во время жертвоприношения ([Лк. 13, 1](#)).

Но на уме прокуратора было совсем другое. Под предлогом нежелания вмешиваться в дела, принадлежащие чужому правлению, Пилат решил отослать Иисуса Христа на суд Ирода. В другое время исполнение этого намерения потребовало бы несколько недель, потому что местопребыванием тетрарха Галилейского была Тивериада, отстоящая от Иерусалима на большое расстояние, но теперь это могло быть сделано в течение одного часа, потому что Ирод Антипа, исповедуя иудейскую религию, находился в Иерусалиме для празднования Пасхи. Отклоняя столь благовидным образом от себя судопроизводство над Иисусом Христом, Пилат мог еще при этом надеяться, что такая неожиданная учтивость послужит к примирению с потомком Ирода Великого. Из таких соображений Божественный Узник немедленно отсылается к Ироду в том же самом виде, в каком был приведен из синедриона, то есть в узах и под стражей. Туда же, против воли, должны были следовать первосвященники и прочие члены синедриона, не имея ни малейшего права и предлога протестовать против такого перенесения дела из одного суда в другой.

## **XX. Иисус Христос на суде Ирода**

*Характер Ирода. – Образ мыслей его об Иисусе Христе. – Отношение Ирода к синедриону. – Желание его видеть чудо. – Неисполнение желания. – Поругание и белая одежда, в которой Божественный Узник отсылается к Пилату.*

Тетрарх галилейский, сын Ирода Великого, Ирод Антипа, к которому на суд должен был явиться Агнец Божий, был тот самый деспот, который, в угоду беззаконной жене своей Иродии, лишил жизни Иоанна Крестителя. Жестокость и бесчеловечность не были собственно в характере Антипы, но склонность к чувственности и слабость духа и сердца не раз доводили его до жестокостей. Бесстыдная Иродия продолжала владеть сердцем Антипы и правила им вместе с царством; но теперь ее не было в Иерусалиме. Впрочем, у нее не было причины принимать личное участие в настоящем деле, разве из одного любопытства.

Для Антипы появление в его дворце Иисуса Христа было столь же приятно, сколько неожиданно. Он знал Господа только по слухам: о чудесах Его слышал весьма много; слышал, конечно, что-то и о Его учении: но быть слушателем Иисусовым у Ирода не было никакого желания; хотелось только видеть какое-либо чудо. Прежнее мнение Ирода ([Мф. 14, 1–2](#); [Лк. 9, 7–9](#)), что в Иисусе Христе воскрес Иоанн Креститель, им казненный, теперь уже не тревожило сластолюбца; рассеянность и забавы изгнали из воображения эту мысль, которая могла быть благотворной для его совести.

Но первосвященникам, без сомнения, тяжело было ходить из одного судилища в другое, и притом без всякой определенной надежды. Ирод, несмотря на свою религию, не имел усердия к синедриону, который состоял большей частью из фарисеев, секты весьма требовательной, пользующейся поддержкой народа, не терпевшей чуждого владычества, а поэтому подозрительной для Ирода, чей род происходил из Идумеи, возвысился и держался происками при дворе кесарей. К секте саддукеев, которые также имели сильный голос в синедрионе, Ирод был более расположен и разделял их мнения, впрочем, не так, чтобы во всем следовать саддукейству. Знал, конечно, Ирод, подобно Пилату, и о том, что первосвященники преследуют Пророка Галилейского единственно по личным мотивам. Все это не подавало синедриону большой надежды.

Но не было особенной причины и отчаиваться в успехе на суде Ирода. Как от государя иудейской религии, от него ожидали, по крайней мере, лицемерного уважения к верховному священному судилищу иудейскому и хоть притворного внимания к нарушению иудейских законов, в котором обвиняли Иисуса Христа и которое для Пилата-язычника не имело никакого значения. Если и прежде, как мы видели, фарисеи успели убедить иродиан действовать заодно с ними против Иисуса Христа, то в настоящем случае еще смелее можно было положиться на их содействие.

Посланные от Пилата объяснили, без сомнения, Ироду, в чем состоит дело, почему римский судья не произнес приговора Иисусу Христу и отослал Его к правителю галилейскому: то есть что Обвиняемый, находясь в Иудее, не сделал ничего, заслуживающего казни, и что теперь остается Ироду рассмотреть, не сделал ли его подданный чего-либо такого в Галилее, как утверждали обвинители.

Но Ирод не думал о расследовании дела, незначительность которого в гражданском отношении была для него так же очевидна, как и для Пилата. Не обращая внимания на высоких обвинителей Иисусовых, он, видимо, был рад, что видит наконец перед собой всеми славимого Пророка, Которого так давно и сильно хотел видеть (Лк. 23, 8). «Теперь, – думал роскошный деспот, – теперь Подсудимый, под угрозой мук и смерти, Чудотворец, чтобы добиться моей милости, раскроет передо мной все чудеса Своего могущества или искусства». И множество вопросов немедленно полилось из уст любопытного... Евангелист не говорит, о чем он спрашивал, но что вопрошения словеси многими не касались самого дела, это показывает уже молчание Господа и младенческое любопытство, владевшее Иродом. Всего вероятнее, это любопытство обращено было на прошлые чудеса Господа, в том числе, может быть, и на чудесные обстоятельства Его собственной жизни, напр., гласы с неба и проч. Господь не отвечал ни слова; не показал даже и вида, что Он готов исполнить желание тетрарха – видеть от Него какое-либо чудо.

Сын Человеческий и здесь является в том же величии, в каком мы видим Его в начале служения, когда, искушаемый в пустыне, Он отвергает с презрением предложение сатаны – употребить в личную Свою пользу дар чудес. Нет сомнения, что Ирод, увидев какое-либо чудо, избавил бы Чудотворца от опасности, Ему угрожавшей: но творить в угоду Ироду и царедворцев его чудеса – значило бы унижать Св. Духа, силой Которого они совершались, – повергать святая псам...

Между судьями Господа один только Пилат, по-видимому, был несколько расположен ценить высокие чувства и поступки Подсудимого. Не знающий истинного величия, Ирод, не получая удовлетворения своему любопытству, рассердился. Первосвященники заметили это и тотчас, пользуясь случаем, начали клеветать на Иисуса Христа, доказывая, что Он, как непокорный властям и враг спокойствия народного, давно достоин смерти. Возмутительный нрав галилеян, подданных Ирода, придавал достоверность тем опасностям, которые они предрекали от Иисуса Христа; а настоящее молчание Господа для злоречия служило очевидным примером мнимой непокорности Его властям.

Но Ирод, при всем негодовании из-за обманутой надежды видеть чудо, не был расположен верить клеветам фарисейским. По всей вероятности, молчание Господа он принял за признание в слабости сотворить чудо, достойное внимания. И прежде едва ли от сердца верил Ирод слухам о чудесах Иисуса Христа, приписывал их, может быть, какому-либо тайному искусству; но, как человек без твердых правил, колебался в своем мнении и считал, что искусство стоит внимания. Теперь в полной уверенности, что подсудимый Узник сделал бы для него чудо, если бы мог, Ирод принял Его за посредственного шарлатана, который среди простого народа прослыл Чудотворцем, но в присутствии просвещенных царедворцев был вынужден молчать; который, будучи ослеплен успехами, видя готовность народа признавать Его за великого человека, вообразил Себя Мессией, впрочем, не имея никаких определенных целей; человек низкого рода, без знаний и дарований воинских, с одним пристрастием – поучать народ, Он был ничуть не опасен для правительства. «Такие люди, – думал Ирод, – заслуживают не смерть, а осмеяние», и сам первый начал издеваться над Господом. Толпа царедворцев немедленно присоединилась к своему повелителю. Со всех сторон полетели острые насмешки, язвительные укоризны и грубые шутки. Сын Человеческий был осмеян, поруган так, как праведник только может быть осмеян при дворе, подобном двору Антипы.

В довершение всех насмешек Ирод велел надеть на Иисуса Христа длинную, белую, блестящую одежду. Так одевались в Риме полководцы и все те, которые собирались искать у народа какой-либо должности. Так, думал насмешливый деспот, должен быть одет и Тот, Кто имел безрассудство называть Себя, хоть и без особого умысла и дальних последствий, Царем Иудейским.

В этой же самой одежде Иисус Христос был отослан обратно на суд к Пилату. Дарованием Ему свободы Ирод не хотел, вероятно, раздражить первосвященников; между тем, взаимной хитростью думал отплатить за учтивость Пилата и показать, что он перестает быть его недругом. Ибо с этого времени, по замечанию св. Луки, Ирод и Пилат сделались по-прежнему друзьями. Законным предлогом к возвращению Узника на суд прокуратора иудейского, если нужен был предлог, могло служить то, что Иисус Христос, хотя провел большую часть Своей жизни в Галилее, но родился и записан был в народную перепись в Иудее, управление которой принадлежало Пилату.

Солнце было уже высоко, три допроса и переход из одного судилища в другое продолжались столько времени, что первосвященникам трудно было надеяться в этот же день окончить свое дело. Но отложить его до другого времени значило почти то же, что вовсе оставить. Со временем

обстоятельства еще более могли расположиться в пользу Узника, Которому и без того покровительствовал прокуратор. Особенно нужно было опасаться народа, который, узнав об участии, ожидающей великого Пророка, легко мог восстать против синедриона. Поэтому старейшины с необычным для них терпением опять следовали за Иисусом Христом в Пилатову преторию, получив одно утешение, что Ирод поругался над Господом, но не имея в виду ничего определенного, кроме своего упорства.

## **XXI. Иисус Христос осуждается на бичевание и смерть Пилатом**

*Прокуратор снова провозглашает Иисуса Христа невиновным, соглашаясь только на наказание исправительное. – Упорство первосвященников. – Предложение народу на выбор Иисуса и разбойника Вараввы. – Сон жены Пилатовой и ходатайство за Иисуса. – Первосвященники наущают народ. – **Свобода** Бараеве, крест Иисусу! – Пилат напрасно думал заменить казнь смертную бичеванием. – Лютость этого наказания. – Венец терновый. – Се Человек! – Царя ли вашего распну? – Не имамы царя, токмо кесаря. – Опасность и признаки народного возмущения. – Устрашенный прокуратор оmyвает руки и осуждает на смерть неповинного.*

Пока Иисус Христос находился во дворце Иродовом, перед домом Пилата час от часу более собирался народ ([Лк. 23, 13](#)), не столько для того чтобы быть свидетелем суда над Пророком Галилейским (заключение Его в узы еще не могло сделаться известным всему городу), но чтобы участвовать в подавании голосов за освобождение узника. Ибо в это время у иудеев существовал обычай, чтобы в честь праздника Пасхи давать свободу одному из осужденных на смерть преступников. Народу предоставлено было полное право выбирать кого угодно. Это составляло остаток свободы, которой римляне любили льстить народам, ими побежденным. О выборе кандидатуры, без сомнения, договаривались предварительно. Поскольку Пилат был правителем собственно Иудеи и Самарии, то голоса тех, кто жил в его областях, особенно иерусалимлян, конечно были слышнее прочих и имели больше силы. Фарисеи, пользуясь доверием народа, могли иметь сильное влияние на такие выборы. По возвращении синедриона Пилат, против воли, должен был снова начать суд, для него очень неприятный. Известие о поруганиях, которым Иисус Христос подвергся во дворце Ирода, шутовская одежда, в которой Он был приведен назад, давали понять Пилату, что правитель галилейский почитает Этого Узника за мечтателя, которого не достаточно наказать одним осмеянием, но должно наказать чем-либо...

Итак, подозвав к себе членов синедриона и народ, прокуратор сказал: «Вот, вы привели ко мне Человека Этого как возмутителя народного спокойствия; но я при вас самих расспрашивал Его и нашел совершенно невиновным в том, в чем вы его обвиняете. Ирод, к которому я послал Его, сколько вижу, тех же мыслей; по крайней мере, он не нашел в Его действиях преступления, достойного смерти; итак, я не могу по вашему желанию осудить Его. Наказать, если угодно, я накажу; но после должен возвратить Ему свободу как невиновному» ([Лк. 23, 14–16](#)).

В этих словах уже заметна некоторая уступка со стороны Пилата. Прежде он утверждал, что Узник не достоин ни малейшего наказания, теперь соглашается применить наказание исправительное. Уверенность его в невиновности Иисуса Христа не изменилась, как увидим; изменились только обстоятельства. Положить какое-либо наказание Узнику казалось нужным и для того, чтобы показать внимание к намеку нового друга своего – Ирода на Его мечтательность, а более – из снисхождения к синедриону, чтобы он имел возможность без особенного стыда прекратить преследование невинного. Что такой оборот дела будет стоить Праведнику незаслуженных страданий, об этом Пилат не заботился, считая торжеством своего правосудия, если в таких обстоятельствах сумеет спасти, по крайней мере, Его жизнь.

Но первосвященники, видя снисхождение к себе, сделались настойчивее и объявили решительно, что они требуют смертной казни и не согласятся ни на какое другое наказание. Господь находился перед лифостротомом в одежде Иродовой, спрашивать Его снова не было никакой нужды, ибо обвинения были те же самые, что и прежде. Пилат был в явной нерешительности, что делать...

Шум народа вывел его из недоумения. Праздная толпа изъявляла неудовольствие, что игемон, занявшись судом над Иисусом Христом, медлит исполнить народный обычай – освободить ради праздника одного из преступников. Дерзость эта, в другое время обидная, теперь была приятна для Пилата, так как предоставила ему способ выйти из затруднения. Известно было, что народ намерен просить Варавву, опасного преступника, который произвел возмущение и убийства и теперь со своими сообщниками сидел в темнице, ожидая казни, вероятно, крестной. «Что, – думал Пилат, – если я поставлю Иисуса рядом с этим разбойником и предложу народу на выбор? Ужели иудеи предпочтут Иисусу возмутителя и убийцу?» Последнее казалось совершенно невероятным; ибо Пилат знал, что народ не разделяет с первосвященниками ненависть к Иисусу и что, напротив, народная любовь к Нему была виной их зависти и недоброжелательства.

Сообразив мгновенно все это, игемон обратился к народу: «Хорошо, – сказал он, – я готов исполнить ваше требование; слышу, что вам хочется просить свободы Варавве. Не препятствую. Впрочем, предлагаю вместе с ним на выбор другого. Хотите ли, чтобы я отпустил вам Иисуса, так называемого Христа, Царя Иудейского?» ([Мф. 27, 17](#); [Мк. 15, 9](#); [Ин. 18, 39](#).) Более Пилат ничего не сказал в одобрение Иисуса Христа. Из его уст одобрение скорее могло иметь противоположный результат и показаться посягательством на свободу выбора, которой так дорожил народ, вздыхавший о древних правах. Но что он сказал бы в одобрение, уже некоторым образом заключалось в наименовании Узника Христом, Царем Иудейским, которое, кажется, сказано Пилатом в знак снисхождения. В самом деле, с этим наименованием соединены были все приятные воспоминания, все лестные надежды народа иудейского, некогда имевшего собственных царей и теперь с нетерпением ожидавшего Мессию-Царя из потомков Давидовых. Сама честь народная требовала дать свободу и жизнь Тому Человеку, все преступление Которого состояло в наименовании Себя Царем Иудейским.

Только в устах римского прокуратора название Иисуса Христа Царем Иудейским могло представиться двусмысленным и даже насмешливым. Если не сам народ, то враги Господа могли толковать их так, как будто игемон издевался над ними, испрашивая свободы для Царя Иудейского...

Во всяком случае, предложение Пилата народу об избрании Иисуса Христа было весьма необыкновенно. «Смотри, – замечает Златоуст, – как порядок изменился! Народ должен просить у Пилата свободы преступнику, а теперь сам прокуратор просит ее у народа».

Первосвященники и народ немного удалились для совещания. Пилат оставался на судейском месте, посреди лифостротона, для производства суда над прочими узниками.

Когда таким образом Иисус Христос был всеми оставлен и сам Пилат уже начинал, хотя против совести, склоняться к строгим мерам, невиновность Его обрела на время защиту там, где менее всего можно было ожидать защитников. Жена прокуратора прислала к нему своего служителя с тайной просьбой не осуждать необыкновенного Узника и, если можно, совершенно уклониться от судопроизводства над Ним: «Ибо, – говорила она, – в прошедшую ночь я видела чудесный сон и много пострадала за Сего святого Мужа».

Не имея исторических указаний, бесполезно было бы догадываться, что именно видела во сне жена Пилатова; в таком случае пришлось бы обратиться к догадкам совершенно произвольным. Впрочем, из всего видно, что Прокула убеждена была сном своим не только в



невиновности Иисуса Христа, но и в том, что Он есть Праведник: слово, которое в устах язычницы означало человека необыкновенной добродетели, любимца Божества. Можно также предположить, что во сне открыто было Прокуле, более или менее, и высокое достоинство лица Иисусова, и страшная участь, ожидающая врагов Его и судей неправедных.

На Пилата предостережение жены должно было подействовать тем сильнее, чем более оно совпадало с убеждением его собственного сердца и чем известнее было ему нравственное достоинство его супруги. Если бы он не предложил народу выбор между Иисусом и Вараввой, то, может быть, нашел бы предлог тотчас прекратить, по совету жены, судопроизводство. Впрочем, обстоятельства позволяли Пилату успокоить жену свою насчет судьбы Праведника тем, что в его руках еще было много средств спасти Его если не от наказания, то от смерти.

Между тем как Пилат разговаривал с посланным от жены и производил суд над другими узниками, первосвященники и старейшины пустили в ход все способы, чтобы настроить народ против Иисуса Христа. Сделать это для них было тем удобнее, что Иерусалимляне (имевшие большее право голоса) были приверженнее других к фарисеям, не любили галилеян и вообще были развращеннее и горделивее. Между прочим, в наущение могли говорить: «Синедрион в полном собрании два раза со всем беспристрастием, под клятвой допрашивал Иисуса; и, основываясь на собственных словах Его, нашел в Нем человека нечестивого, крайне опасного для благоденствия народа иудейского... Дела, Им совершенные, странны; но кто не видит, что Ему помогали темные силы, что Он посланник Веельзевула ([Мф. 9, 34](#))? Ибо когда Он совершал их? – В субботу, вопреки закону Моисееву, к поруганию нашей религии ([Мф. 12, 2–8](#)). А чему учит Он? – Разрушает все предания ([Мф. 15, 2](#)), грозит разрушить самый храм ([Мф. 26, 61](#)), поносит все священное, не исключая и нас, первосвященников. А как живет Он? – Ест и пьет с мытарями и грешниками ([Мф. 9:11, 11:19](#)); ведет дружбу с самарянами ([Ин. 8, 48](#)); все презренные люди с Ним в единомыслии. И такой Человек называет Себя **«СЫНОМ БОЖЬИМ!»** Если бы Он был действительно Мессия, то дошел ли бы до теперешнего состояния, позволил ли бы обходиться с Собой, как с рабом, согласился ли бы служить посмешищем для Иродовых слуг? Где пророки Моисей и Илия, которые должны возвестить всем приход Мессии ([Ин. 1, 21](#))? Напротив, этот человек предан собственным учеником: так мало ценят Его сами друзья! Да и кто ожидает Мессию из Назарета ([Ин. 1, 46](#)), из дома плотника? Нет, не будет того, чтобы глупые и дерзкие галилеяне могли дать нам царя:

Иерусалим не поклонится Назарету! Что в пришествии Мессии радостного? Не то ли, что Он освободит народ иудейский от врагов Его, восстановит престол Давидов (Лк. 19, 11)? Но посмотрите на Этого Человека: это ли победоносный потомок Давида, который с трепетом ожидает милости и смерти от приговора римского всадника? Он, когда и был свободен, непрестанно твердил: давайте дань кесарю! Это Мессия – только не иудейский, а римский! Честь народа требует испросить Ему самой поносной казни. Не примечаете ли, что Пилат, называя Его царем нашим и прося Ему свободы, издевается над нами? О, если бы Господь не смирил нас за грехи отцов наших, мы показали бы необрезанному, как поносить Израиля! По крайней мере, охраните честь синедриона, храма, имя Бога Израилева – вы, израильтяне! Проклят, кто скажет хоть слово в пользу Сына Иосифова!»

Преступления Вараввы также могли быть оправданы и уменьшены. Ничто не препятствовало фарисеям произведенное им возмущение изображать в виде патриотической ревности по закону Моисееву и преданиям. Возмущения в Палестине тогда были делом обыкновенным; и при всех несчастьях, от них происходящих, подверженный политической мечтательности народ смотрел на возмутителей как на людей, в которых дышит дух свободы, а поэтому достойных лучшей участи. Напротив, Мессия, не сделавший ни одной попытки свергнуть иго римлян, казался уже по тому самому для многих неистинным.

Наущеная толпа приблизилась к лифостротону. «Итак, кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам, – спросил Пилат, – хотите ли, чтобы я отпустил Царя Иудейского?» (Весьма некстати употребляет он опять это наименование, которое наущенному народу казалось язвительной насмешкой).

«Не Его, – раздалось со всех сторон, – не Его, а Варавву!»

В замешательстве, еще не успев придумать никакого выхода, Пилат, как бы нехотя, спросил народ: «Что же мне делать с так называемым Царем Иудейским? «На крест Его, на крест!» – кричала чернь, словно в самом деле ей предоставлено было право решать все дела.

(Единогласное указание на сам род казни обнаруживает, что наущавшие не забыли никаких подробностей.)

«Но какое зло сделал Он?»

«На крест, на крест!» – более не слышно было ничего.

«Нет, – отвечал Пилат, раздраженный неудачей и не привыкший терпеть подобных наглостей, – что прежде я сказал, то и будет: наказать Его – я накажу, а потом отпущу».

После этого тотчас дано повеление: Варавву освободить, а Иисуса Христа подвергнуть бичеванию. Этим наказанием игемон, как увидим, надеялся совершенно успокоить лютость врагов Его.

Бичевание (*flagellatio*), которым Пилат думал заменить смертную казнь, было одним из самых поносных и мучительных наказаний, которым римляне за важные преступления подвергали большей частью рабов и тех, которые не имели прав римского гражданина. И в иудейских синагогах наказывали розгами, но определенное число ударов было невелико; наказанный не лишался даже чести гражданской. Римляне, напротив, подвергали бичеванию за важные преступления и обычно перед совершением смертной казни. Число ударов и прочие подробности не были определены законом и предоставлялись человеколюбию или бесчеловечности воинов, которые у римлян совершали все казни. Бичи делались из веревок или ремней, в которые по местам ввивались острые костяные или металлические палочки. Нередко осужденные умирали под бичами. Таким-то наказанием Пилат хотел показать снисхождение и к врагам Его и обвинителям!..

Получив приказ, воины, находившиеся при Пилате, взяли Иисуса Христа с лифостротона и отвели в преторию – на двор прокураторский, где совершались подобные наказания; потом созвали большую часть военной спиры, или когорты, состоявшей от 600 до 1000 человек; ибо бичевание было чем-то вроде развлечения для этих грубых людей. Евангелисты не упоминают, чтобы пречистое тело Господа во время бичевания было привязано к столбу, но общераспространенное предание утверждает, что было. Жестокое само по себе, бичевание теперь было еще жесточе: каждый из воинов хотел дать почувствовать силу руки мнимому противнику кесаря – божества преторианцев.

Насытив свою жестокость, воины перешли от мучений к насмешкам – или по обыкновенному в грубых людях сочетанию варварства с увеселением, или по примеру Ирода и его царедворцев. Вздумали заставить Узника изобразить царя, возводимого в царское достоинство. Для этого на обнаженное, покрытое ранами и кровью тело Господа накинули червленую хламиду – род короткой почетной епанчи, закрывавшей только половину тела, которая застегивалась на правом плече и надевалась важными военными людьми. Само собой разумеется, что хламида эта была какая-нибудь ветхая и негодная к употреблению. Военным одеянием хотели только означить мнимое домогательство Иисуса Христа верховной власти над иудеями. Потом некоторые из воинов для того же сделали наскоро венок и надели его на голову Господа. На соплетение венца были взяты тернистые ветви, но какого именно дерева или травы (ибо тернистых пород много) –

этого, по одному значению подлинных слов Евангелия, определить невозможно; потому что греческое слово (аканпса) означает всякое колючее растение. Отцы Церкви, начиная с [Климента Александрийского](#), считают, что это был терн в собственном смысле слова. В самом деле, хотя венец придуман не столько для увеличения мук, сколько в насмешку, бесчеловечная прихотливость воинов, без сомнения, не упустила случая взять самое колючее растение, какое только могло найтись на дворе прокураторском. А поэтому название венца Иисуса Христа терновым соответствует и значению слова, употребленного в подлиннике, и церковному преданию.

Теперь недоставало только последнего знака царской власти – скипетра: вместо него один из воинов вложил в руку Иисуса Христа палку из тростника палестинского, который похож на наш тростник, только гораздо толще и тверже его.

После такого мнимо царского облачения, которое само по себе уже было посмеянием, начались издевательства самые грубые. На Востоке уважение к царям обыкновенно изъясняют падением перед ними на колени. То же делали и теперь. Падая (поодиночке) перед Иисусом Христом на колени, говорили: «Радуйся, Царь Иудейский!» С этими словами каждый воин плевал Господу в лицо; брал у Него из рук трость и ударял Его по голове.

Что такая бесчеловечность была произвольна и даже противоречила законам, об этом воины не думали. Царь-самозванец, галилеянин, презираемый самими иудеями, для них презренными, казался им таким преступником, для которого любое мучение недостаточно.

Иисус Христос среди этих поруганий являлся таким, как провидел Его еще за несколько веков пророк, когда в Божественном вдохновении изрек: «**Яко агнец на заклание ведеса, тако не отверзает уст Своих**» ([Ис. 53. 7](#)). Будучи злословим, по замечанию апостола, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал и Себя и мучителей Своих Своему Отцу, Судии праведному ([1Петр. 2. 23](#)).

Между тем, первосвященники и народ, несмотря на объявление прокуратора, что бичеванием Иисуса Христа должно окончиться все дело, продолжали стоять у претории с явным намерением требовать Его смерти. Снисхождение, им оказанное, увеличивающаяся толпа народа, который во время бичевания еще более мог быть наущен, подталкивали к новому упорству и дерзостям. Пилат видел это. Как самовластный судья, он мог сказать, что дело кончено: но его самовластие было зыбко перед многочисленной толпой мятежной черни, которая, воодушевившись личным присутствием своих вождей, могла отважиться на все. Пришлось выслушать синедрион и народ и не раздражать их явно.

Оставив лифосторотон, Пилат вошел в преторию к воинам, чтобы увидеть, как исполнено его повеление. Увы, оно исполнено было слишком усердно!.. Исполнено так, как, по всей вероятности, не ожидал равнодушный к положению Узника римлянин!.. Взгляд на жалостное положение Узника, бесчеловечность, проявленную по отношению к Нему, и кроткий Божественный вид Страдальца еще более убедили прокуратора в той мысли, что если для Подсудимого, по обстоятельствам, неизбежно было какое-либо наказание, то Он наказан уже слишком много. Но как спасти Его? Показать в этом самом виде народу? «Ужели, – думал Пилат, – и этот жалостный вид не тронет врагов Его, особенно тех из иудеев, которые не имеют к Нему личной ненависти?»

С этими мыслями прокуратор оставляет преторию, повелев следовать за собой Иисусу. «Вот, – сказал он народу, – я вывожу Его к вам, чтобы вы снова знали, что я не нахожу в Нем никакой вины» (Ин. 19,4).

В то же время и Господь вышел из претории, с облитым кровью, полузакрытым багряницей, телом, с колючим венком на голове, которая также была изъязвлена и окровавлена...

«Се человек!» – воскликнул Пилат, по-видимому, тронутый жалостным видом Божественного Узника.

(Смотрите, есть ли в Его лице что-либо дерзкое, мятежное, в Его положении что-либо опасное для правительства! Смотрите, как Он в угоду вам поруган, измучен!)

Слова эти и положение Господа действительно тронули многих из иудеев. Еще раздалось несколько голосов: «Распять, распять Его!» – но уже не с таким свирепством. Первосвященники, старейшины и книжники заметили это и начали кричать сами вместе с народом (Ин. 19,6). Многочисленная толпа слуг их и приверженцев закричала тоже; минуты были самые решительные...

И Пилат начал терять равнодушие судьи. «Ну, – сказал он, – если уж вы так упорны, то возьмите Его и сами распните (если можете), а я еще раз скажу вам, что (по моему образу мыслей и законам римским) не нахожу в Этом Человеке никакой вины». Суровый вид прокуратора показывал, что он сдержит свое слово.

Первосвященники, при всем желании видеть Господа осужденным по римским законам, принуждены были на время оставить эту надежду и снова обратиться к обвинению Его в нарушении отечественных постановлений. В последнем случае представлялась, по крайней мере та выгода, что Пилат, как язычник, не имеющий права судить о священных законах иудейских, а следовательно, о их нарушении, по необходимости должен полагаться на слова книжников иудейских,

которым, при помощи фарисейского правоведения, нетрудно было вывести, что Господь, по уложению Моисея, достоин смерти.

«Что за нужда, – отвечали первосвященники Пилату, – что ты не находишь Его достойным смерти по твоим законам: у нас есть свой закон, по которому Он должен быть казнен; ибо выдавал Себя, между прочим, и за Сына Божьего». Но обвинение это произвело на Пилата совершенно другое впечатление, чем надеялись враги Господа. Прокуратор, по замечанию св. Иоанна, услышав это слово ([Ин. 19, 8](#)), то есть что Иисус Христос называл Себя Сыном Божьим, еще более испугался. До этого он опасался осудить невинного человека, праведника, необыкновенного мужа, может быть, любимца богов; теперь страшился произнести приговор над Сыном Божьим, за Которого **Бог**, Отец Его, Кто бы он ни был, должен жестоко отмстить ему, ибо Пилат, как язычник, несколько не чужд был той веры, что боги иногда в виде человеческого нисходят на землю и рождают полубогов. Ничего невозможного не находил он и в том, что такой полубог явился в Иудее, подвергся узам и предстал его судилищу, ибо языческая религия допускала, что и сами боги принимали иногда вид бедных странников, а полубоги подвергались иногда даже оскорблениям и унижению. Напротив, догадка, не полубог ли находится в его судилище, объясняла для Пилата многое, чего он прежде никак не мог понять: и чудный сон жены его в пользу Узника, ей неизвестного, иноверного; и необыкновенные поступки Господа: Его молчание, необыкновенное терпение, высота мыслей и чувствований.

Расспрашивать обвинителей, как и за какого Сына Божьего выдавал Себя Обвиняемый, показалось неуместным. Раздраженные первосвященники прямо могли сказать Пилату, что он не имеет права вмешиваться в дела их религии, которая находилась под покровительством самого кесаря. Казалось, лучше было обратиться к Самому Узнику и у Него узнать тайну Его Божественного происхождения.

Полный страха и сомнения, Пилат входит немедленно в преторию, дав знак следовать за собой Иисусу Христу.

«Откуда Ты?» – был первый вопрос. Не о месте рождения спрашивалось, ибо Пилат слышал уже, что Господь родился в Галилее, но о том, какого Он происхождения, от людей ли рожден, или от богов? Требовалось, чтобы Господь открыл Свое происхождение – естественное или сверхъестественное.

Если и прежде нетрудно было Иисусу Христу привлечь на Свою сторону судью, то теперь стало еще легче. Несмотря на свой скептицизм, суеверный, испуганный язычник как будто готов был

верить всему, что бы ни было сказано Узником чудесного о Своем происхождении. Но Иисус «**ответа не даде ему**» ([Ин. 19,9](#))!..

Достоин ли был знать святейшую из тайн суеверный язычник, который спрашивал Господа не по любви к истине, а от страха, после того как, совершенно вопреки своей совести, подверг Его мучительному бичеванию? Понтий не способен был понять тайну предвечного происхождения лица Иисусова, которая, по высоте своей, не могла найти себе места даже в уме первосвященников и книжников, всегда почивавших на законе Моисеевом. Все слышанное или прочитанное Пилатом о сынах богов, которыми изобилует мифология греков и римлян, не помогло бы ему в постижении тайны лица Иисусова; на основании этих басен Пилат всего скорее сравнил бы Его в своем уме с каким-либо Геркулесом или Ромулом. Притом избавить Себя от смерти повествованием о Своем небесном происхождении было совершенно несообразно с нравственным достоинством Иисуса Христа. Мы видели, что Он, решившись положить душу Свою за спасение мира, вместе с тем отрекся от всех сверхъестественных средств к Своему освобождению; Ему угодно было, чтобы Его судили как человека, а не как Сына Божьего.

Впрочем, если бы Господь, – как думают, к сожалению, в наше время некоторые даже из ученых толкователей слова Божьего, – происходил от земных родителей, а не произошел, как Он Сам говорил, «**с неба**», от «**Отца**», то, может быть, самая любовь к истине, для свидетельства которой Он родился, побудила бы теперь вывести Пилата из заблуждения, сказав: «Я, подобно всем людям, происхожу от смертных родителей: я не Сын Божий в собственном смысле этого слова и называл себя так единственно в том отношении, в каком каждый добродетельный человек может быть назван сыном Божьим». Пилат, может быть, не был бы неспособен понять, в чем состоит нравственное сыновство Божье. Но как Иисус Христос был и есть действительный, естественный Сын Божий, то Ему и прилично было отвечать (как и ответил) на вопрос Пилата – молчанием.

Поскольку для Пилата причины, по которым он не получал теперь ответа, были непостижимы, между тем, для гордости римского всадника такое молчание казалось вовсе неуместным в Узнике, Который, сын ли Он богов, или нет, близок ко кресту; то он, желая прервать молчание, с надмением спросил: «Как? Ты и мне не отвечаешь? разве не знаешь, что я имею власть распять и отпустить Тебя?»

Несмотря на высокомерие слов этих, в них все еще выражалась склонность Пилата даровать Господу свободу: но куда девался страх его? Туда же, откуда произошел. Легкомыслие родило его,

легкомыслие и рассеяло. Впрочем, привычная хитрость римского вельможи и здесь могла действовать: он мог, скрывая свой собственный страх, с намерением пугать Иисуса Христа своей властью, чтобы судя по тому действию, какое произведет угроза на Узника, заключить: человек ли Он простой, или сын богов.

Между тем, надменными словами: «Я имею власть распять и отпустить Тебя», – Пилат невольно обнаружил тайное свойство своего правосудия и своей совести. «Смотри, – замечает св. Златоуст, – как он предварительно произносит суд на самого себя! Ибо если все было в твоей (Пилат) власти, то почему ты, не найдя в Нем никакой вины, осудил Его на крест?»

Самохвальство судьи не осталось без обличения, которое, без сомнения, столько же казалось необыкновенным для Пилата, сколько было прилично Господу. «Отвеща Иисус: не имети власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше: сего ради предавый Мя тебе болий грех имать» (Ин. 19, 11).

Справедливо, замечает при этих словах [блж. Августин](#), что Иисус Христос «когда молчал, молчал как агнец; а когда говорил, говорил как пастырь». В этих словах слышен истинный глас истинного Пастыря, Который, решившись «положить душу Свою за овцы», не оставляет без вразумления и самых вепрей, ищущих Его души. Пилат, желая знать о том, чего ему нельзя было знать, о небесном происхождении Иисуса Христа, совершенно забыл ту истину, которую ему прежде всего следовало помнить, то есть что суды земные, как и все деяния человеческие, находятся под невидимым управлением Судии Небесного, Который потребует некогда строгого отчета от неправедных властителей. И вот, Господь, не удовлетворив безвременному любопытству Пилата, подает однако же помощь его слабой совести, приводит ему на память истину, что дело, которым он теперь занимается, подлежит, кроме его лифостротона, суду гораздо более высокому, Божественному, и что ему остается быть только орудием этого суда на земле. Словами: «Более греха на том, кто предал Меня тебе», – освещена перед Пилатом, сколько нужно было для его вразумления, будущая судьба врагов Иисусовых и его собственная. Ему дается предварительно слышать будущий приговор себе от Небесного Судьи за то, что не спас от смерти Праведника, слышать во всей точности, то есть что его ожидает неизбежное наказание, хотя меньшее по сравнению с наказанием личных врагов и предателей Иисусовых.

Совесть римлянина и на сей раз не была глуха. Смелое указание Иисуса Христа на Судию Небесного, явный намек на несчастную участь, ожидающую Его гонителей, твердая решимость исполнить Свое великое предназначение, прозрение в тайну совести Пилатовой,



кажется, совершенно устранили неблагоприятную перемену мыслей, которая могла произойти в последнем из-за молчания Господа на его вопросы и даже угрозы. Если судья не слышал от Подсудимого признания в том, что Он есть Сын Божий, то не слышал и отрицания. Между тем, мог полагать, что необыкновенный Узник имеет какие-либо особенные причины не открывать тайны Своего лица и происхождения. Поэтому, выйдя из претории, Пилат, по замечанию св. Иоанна (Ин. 19, 12), не только не изменил прежнюю позицию защитника невиновности Иисусовой, но еще усерднее начал искать возможность спасти Его от смерти. Молчание евангелиста не позволяет сказать с уверенностью, к чему именно обращался прокуратор для достижения этой цели и что было сказано им первосвященникам.

Прокуратору явно нельзя было утверждать, что Обвиняемый не признает Себя виновным в присвоении имени Сына Божьего, ибо кроме того, что Господь не отрекся перед ним от этого наименования, первосвященники могли вдруг представить свидетелей того, что Он называл Себя Сыном Божьим; нельзя было Пилату заявить, и что обвинение Иисуса Христа в наименовании Себя Сыном Божьим не составляет преступления, достойного смерти, ибо не его было дело судить о тяжести преступлений, касающихся иудейской религии. Но тем с большим правом Пилат мог объявить первосвященникам, что подсудимый Узник если в чем-либо и виновен, то уже наказан за то слишком; и несправедливо было бы за одно и то же наказывать так жестоко дважды; мог снова отклонять от себя окончательное решение дела под предлогом необходимого совещания с Иродом, к области которого принадлежал Иисус Христос, мог даже, как представитель кесаря, явно принять Господа под защиту римского правосудия, как человека, гонимого синедрионом по личным мотивам.

Как бы то ни было, защита Пилата была так действительна, что первосвященники принуждены были оставить обвинение Господа в нарушении отечественных законов и почли за лучшее снова обратиться к одному уголовному извету – к измене кесарю. Во время последнего Пилатова допроса фарисейские и саддукейские лжеполитики имели полную возможность договориться между собой и найти средство, как усилить этот извет и сделать его неотразимым для прокуратора. "Итак, ты хочешь, – вскричали гордо первосвященники, – избавить Его от казни? Поступай, как угодно, но знай, что если ты Его отпустишь свободным, то ты не друг кесарю: всякий, кто называет себя царем, есть противник кесарю» (Ин. 19, 12). Наущенная чернь кричала то же самое, упрекая Пилата в неверности своему государю.

При этих неожиданных словах внезапно исчезла вся твердость Пилата...

«Друг кесарев» – было такое наименование, которым гордились знатнейшие люди в Риме, начальники обширнейших провинций. Сам Ирод Великий почитал за особенную честь именоваться и слыть в народе другом Августа. Тем более должен был дорожить этим наименованием римский всадник, который еще весьма далек был от того, чтобы повелитель света назвал его своим другом...

«Если освободишь Его, то ты враг кесарю», – слова эти, сказанные перед всем народом устами целого синедриона, были ужаснее грома. Из них открывалось, что первосвященники готовы перенести дело на суд кесаря, чтобы там обвинять вместе с Иисусом Христом и Пилата как изменника, который нерадит о чести и выгодах своего владыки. Для Пилата эти угрозы тем более имели силу, чем менее он в качестве правителя Иудеи свободен был от проступков, за которые по справедливости и с успехом можно было обвинять его перед кесарем, особенно таким врагам, которые действовали в Риме и золотом, и проiscaми.

Еще бы не так ужасало обвинение перед кесарем в измене, если бы на римском престоле сидел тогда Август или ему подобный. Можно было надеяться, что полубог римский великодушно рассмотрит дело в истинном его виде и не поставит Иисусу Христу в вину одного наименования себя царем. Но Рим стонал тогда под железным скипетром Тиверия – чудовища, которое, не имея доверия и жалости даже к родным, питаясь сомнениями и притворством, терзало всякого по малейшему подозрению; у которого самые бесстыдные изветы всегда находили отклик и награду.

Кроме будущей опасности со стороны кесаря, нужно было страшиться и настоящей – со стороны народа. Необузданная, наущенная фарисеями толпа становилась час от часу наглее и мятежнее. Свирепый крик ее уже показывал, что она готова на любое насилие. Горсть преторианцев ничего не значила в сравнении с бесчисленным множеством иудеев, собравшихся со всего света на праздник Пасхи. Кроме опасности народного возмущения, за него пришлось бы еще отвечать перед кесарем. Что же, если бы Тиверий узнал, что единственной причиной возмущения был отказ римского прокуратора народу иудейскому, требовавшему казни для личного врага Тивериева, каким считали мнимого домогателя престола иудейского?!

Подобные мысли могли смутить и не Пилата, человека с не окончательно заглушенной совестью, имеющего понятие о справедливости и некоторую склонность к ней, но из детства привыкшего, по примеру вельмож римских, ставить свою выгоду выше нравственности, смотреть не столько на совесть, сколько на обстоятельства – угождение кесарю почитать высшим законом своих

действий, казаться справедливым, где можно это делать без вреда для себя, по крайней мере, важного; человека, не знакомого с истинной религией, с лучшими переживаниями и надеждами рода человеческого, теми переживаниями, которые создают истинных героев добродетели, теми надеждами, без которых самая возвышенная нравственность зыбка и ненадежна.

Чтобы для защиты невинного отказаться всенародно от дружбы с кесарем, презреть опасность для собственной жизни, для такой высокой жертвы и в язычестве необходим был твердый дух Регула, бескорыстие Цинцинната, но дух Регулов и Цинциннатов давно оставил Капитолий, наполненный льстецами Августа и рабами Тиверия.

Добавим еще одну мысль. Если некоторые из древних учителей Церкви предполагали, будто Иуда продал своего Учителя в надежде, что Он посредством сверхъестественных сил освободится из рук Своих врагов, то еще основательнее предположить, что Пилат, решившись осудить Иисуса Христа на смерть, вероятно, надеялся, что боги, если Он их сын, не замедлят спасти Его от казни, столь позорной для их божеского достоинства.

Сообразив все это, легко понять, каким образом **«крик народа и первосвященников»** пересилил ослабевшую волю судьи.

Решившись уступить необходимости, Пилат взошел на судейское место для окончания суда. Господь, доселе остававшийся в претории, был выведен на лифостротон для выслушивания приговора. Обвинители также приблизились; вместо шума наступила тишина: все ожидали, что скажет Пилат и чем закончится дело, столь необыкновенное.

«Се Царь ваш!» – воскликнул невольно Пилат, при взгляде на Того, Которого надлежало теперь, вопреки совести и желанию, осудить на смерть.

«Распять, распять Его!» – закричала буйная толпа, желая прекратить зрелище, и для нее нелегкое.

«Как? Царя вашего распять?..»

«Распять, распять Его!»

«У нас нет, – прибавили первосвященники, – царя, кроме кесаря».

Не так говорили они в синагогах своих; там всего чаще повторяли: «У нас нет другого Царя, кроме Бога». Притом все ожидали Царя – Мессию, все надеялись, что Он свергнет иго кесаря; об этом молились в храмах, в домах и в пути, старцы и дети, утром, в полдень и вечером. И между тем, чтобы погубить Иисуса, целый синедрион перед всем народом не устыдился признать себя законным рабом кесаря, которого ненавидел; отказаться от общественных надежд и славы, даже некоторым образом от Самого Мессии! Несколько десятилетий,

протекших от распятия Господа до разрушения Иерусалима, показали, как первосвященники и фарисеи сохраняют верность кесарю: нет ни одной измены, которая бы не была совершена тогда несколько раз, пока от Иерусалима не остались одни камни.

Теперь надлежало произнести приговор «на праведника, любимца, может быть, сына богов». Мысль эта все еще была слишком тяжела для римлянина. В таком случае ищут какую-нибудь опору своей совести. Пилат, к сожалению, скоро нашел ее.

У иудеев было обыкновение, превратившееся даже в закон, что если находили где-либо мертвое тело, то старейшины ближайшего города должны были над головой юницы омыwać руки, говоря: «Руки наши не проливали этой крови, и глаза наши не видали убийства» ([Втор. 21.6](#)). Пилат, прожив немало времени в Иудее, знал об этом обыкновении, подобное которому было и у язычников, которые, в знак своей невиновности и для очищения от грехов, также совершали омовение. Бедный мужеством и слабый совестью, судья язычник решился всенародно обратиться к этому обряду, который, принося некоторое успокоение его совести, был полезен теперь и тем, что стоящие в отдалении иудеи, которые из-за шума не слышали слов Пилата, могли по омовению судьей рук понять, что он осуждает Иисуса Христа против воли. «Я не повинен, – воскликнул Пилат, омывая руки, – я не повинен в крови Праведника Этого! Смотрите вы! вы принуждаете меня пролить ее: вам должно будет и отвечать за нее!»

Слова эти не могли быть произнесены иначе, как с самым глубоким и горьким чувством. Это был единственный в истории случай, когда римский судья выражал с такой силой уверенность свою в невиновности осуждаемого на смерть узника. Если бы прокуратор не был сильно растроган, то одно самолюбие заставило бы его произнести приговор как можно короче, чтобы не подать вида, что его к тому принуждают. Особенно должен был Понтий сожалеть теперь и упрекать себя, если он мог отклонить осуждение Господа, когда получил предостережение от жены, и не отклонил его, потому что считал, будто в его руках еще достаточно средств для Его спасения.

Буйный народ, несмотря на ярость свою, понял, чего хотелось прокуратору и каково состояние души его; но, наущенный слепыми вождями своими, он зашел уже слишком далеко, чтобы вдруг возвратиться назад; опасение осудить невиновного, делающее столько чести язычнику, показалось маловажным для почитателей Иеговы, которым с детства внушали понятие о справедливости. Как бы желая пристыдить или ободрить малодушие прокуратора, все закричали: «Кровь Его на нас и на чадах наших!»

(Слова эти, ужасные сами по себе, представляются еще ужаснее, когда вспомним, что их нужно понимать без всякого ограничения, во всей буквальной точности; потому что иудеи, согласно учению пророков, твердо верили, что Бог за преступление родоначальников наказывает все их потомство.)

Наконец, земной судья, «**видя, яко ничтоже успевае, паче молва**» (возмущение народное) бывает, произнес смертный приговор на Судью живых и мертвых.

Приговор этот, по обыкновению римского суда, состоял из кратких слов, что «**такой-то за такое-то преступление**» осуждается «**на такую-то казнь**».

В дополнение евангельской истории суда над Иисусом Христом не лишне заметить, что Пилат отправил впоследствии к Тиверии донесение, в котором описал жизнь Иисуса Христа, Его чудеса и святость, свой суд над Ним и причины, побудившие осудить Его на распятие. В существовании этого донесения, подлинник которого был давно утрачен, не позволяют сомневаться свидетельства [Иустина Мученика](#) и [Тертуллиана](#), которые ссылались на него, как на несомненное доказательство, в своих апологиях к сенату и народу римскому. Тиверий, по свидетельству этих же писателей, так был поражен описанием чудес и святости Иисуса Христа, что предложил сенату включить Его в число римских богов; но сенат, неизвестно по каким причинам, на это не согласился, и Тиверий ограничился тем, что под страхом казни запретил преследование христиан.

Заметим еще, что Пилат незаконным осуждением Иисуса Христа на смерть не избегнул опасности, которой страшился. Через четыре года после этого он был вызван в Рим на суд по доносу иудеев и, не сумев оправдаться, был заточен в Вену, где покончил с собой.

Участь другого судьи Иисусова, Ирода Антипы, была немного лучше Пилатовой. Подстрекаемый властолюбивой Иродией, он вместо тетрархии галилейской начал домогаться в Риме царской власти над всей Иудеей, желая владеть ей нераздельно, по примеру отца своего, Ирода Великого. Но это домогательство приняло такой несчастный оборот, что Антипа, вместо венца царского, сослан был в ссылку в Лион и умер в нищете.

## XXII. Взгляд на образ суда над Иисусом Христом

*Чрезвычайная необыкновенность сего суда. – Характер трех судилищ. – Низость и виновность первосвященников. – Нечистота Пилатовых видов и его двоедушие. – Благородство жены Пилатовой. – Откуда и для чего чудный сон ее? – Нравственное величие Господа во время суда. Молчание Его нисколько не препятствовало правильности суда. – Свойство Его ответов.*

*– Трогательность Его внешнего положения. -Дивное исполнение путей Промысла.*

При самом поверхностном взгляде на образ суда над Иисусом Христом тотчас открывается, что он во многом был отличен от обыкновенных и даже необыкновенных судов человеческих. В продолжение нескольких часов выдержать истязание от трех различных властей – иудейской, галилейской и римской – за такое дело, которое ни одна из них не признавала своим; быть упорно обвиняему иерусалимским синедрионом и народом за то, чего синедрион и весь народ нетерпеливо ожидали; найти ревностного защитника своей невинности в римском прокураторе, которого все, по-видимому, не располагало в пользу Подсудимого: и Его бедность, и молчание, и силазрагов, и опасность обвинения; из уст судьи слышать неоднократно торжественное признание Своей невинности и непосредственно за этим от того же судьи выслушать приговор на смерть крестную, с наименованием Праведника; иметь множество и естественных, и сверхъестественных средств для Своей защиты и пользоваться ими не больше, чем нужно для обнаружения Своей невинности, – это такие обстоятельства, которые находим только в истории суда над Иисусом Христом!

Каждое судилище обнаруживало свой собственный характер. В синедрионе Иисус Христос был судим личными врагами Своими – как судит беззаконие. Во дворце Ирода жребий Его находился в руках деспота, который не знает другого закона для себя, кроме прихоти, и все правосудие которого состояло в том, чтоб не быть слишком неправосудным. Претория Пилатова могла служить убежищем невинности человеческой, но не могла вместить правды Божественной. Здесь вместе с правосудием заседал дух мирской, языческой власти, на суде которой голос невинности или не был слышен, или должен был отзываться выгодой. [Истина](#) небесная в лице Сына Божьего, кажется, посетила теперь все суды человеческие, чтобы видеть, **«аще есть разумевай или взыскай правду»**. И теперь, как во время Давида, оказалось, что все уклонились и сделались непотребными: **«несть творяй благое, несть до единого»** ([Пс. 13, 3](#)).

Ослепление и буйство народа иудейского, особенно вождей его, обнаружилось во всей силе. Если бы Иоанн Креститель воскрес, то и теперь, когда вся Иудея наполнилась славой чудес Иисуса Христа, когда первосвященники сами неоднократно слышали беседы Его, рассматривали лицо и дело Его и готовились вознести Его на крест, – и теперь проповедник покаяния мог бы снова сказать всему народу иудейскому: **«Се стоит посреде вас некто, егоже вы не весте!»** ([Ин. 1, 26.](#))

– Нельзя вероломнее отвергнуться Мессии, как отвергаются Его теперь; нельзя жесточе преследовать Его, как преследуют теперь. Не будем предполагать, что враги Иисуса Христа действовали против Него вопреки ясному и твердому убеждению, что Он – обетованный Мессия: это значило бы приписывать природе человеческой злобу и ожесточение дьявола, который ненавидит истину, потому что она истина. Должно однако же сказать, что со стороны вождей народа иудейского сделано все, чтобы им остаться некогда безответными. Как недостойно и бесчестно поступили они при самом взятии Иисуса Христа под стражу! Как безрассудно и опрометчиво решили на своем соборе дело о Мессии – лица, с Которым неразрывно соединено временное и вечное благо всего Израиля, в Котором они могли узнать своего Царя, Судию и Господа! Положим, что нищета Иисуса Христа соблазняла их: но разве они не слышали о чудесах Его? Разве не перед их почти очами совершилось за несколько дней воскрешение Лазаря? Если и это событие не могло убедить синедрион в том, что Иисус Христос есть Мессия, то, по крайней мере, должно было заставить его действовать осмотрительнее, не спешить с казнью человека, который, по общему мнению, имел в себе столько признаков Мессии. Сама медлительность, с которой производился суд над Господом в претории, по-видимому, допущена Промыслом для того, чтобы враги Его имели время увидеть свою ошибку и придти в чувство. Можно сказать, что Пилат был для них в этом случае проповедником покаяния. Между тем, к каким низким средствам не прибегают старейшины иудейские, чтобы достигнуть цели, слепо выбранной! Подкупают ученика, идут после вечера пасхальной с мечами и дубинами в Гефсиманию, собираются, подобно разбойникам, в полночь для совещания; переходят из одного судилища в другое, наущают народ, притворяются усердными слугами кесаря, угрожают судье клеветой, даже кричат вместе с чернью – это ли стража дома израилева, драгоценные камни святилища, преемники Моисея и пророков?.. Никогда верховный совет иудейский не унижался до такой степени, до какой унизился теперь; чтобы собственным посрамлением купить бесчестную казнь для своего Мессии.

Трудно представить, чтобы среди толпы народа, требовавшей Господу смерти, не было людей, к Нему приверженных. Но их собственная безопасность заставляла не объявлять, по крайней мере, при первосвященниках, своего мнения. В противном случае, они сделались бы жертвой необузданности слуг и клеветов фарисейских, которые до того простерли свою дерзость, что начали угрожать самому прокуратору. А поэтому молчание евангелистов о том, чтобы хоть кто-то из иудеев вызвался защищать Иисуса Христа перед Пилатом, надо принимать за решительное свидетельство, что таких защитников не

было; и так называемое Никодимово евангелие, в котором Никодим, силоамский расслабленный, жена кровоточивая и капернаумский сотник повествуют перед прокуратором о учении и чудесах Иисуса Христа, не стоит доверия исторического. Испросившая смерть Господу толпа однозначно показала, что значит народный голос и как легко злоупотреблять его действием людям злонамеренным. Вместо того чтобы гласу народа быть звучным, но мирным гласом Божиим, он сделался теперь диким воплем Веельзевула...

Поведение Пилата служит выразительным примером, чего можно ожидать от судьи со слабым характером, поставленного перед необходимостью отказаться во имя истины от всех личных выгод. Над ним вполне оправдались слова Господа: светильник телу есть око: «**аще убо будет око твое просто, все тело твое светло будет, аще око твое лукаво будет, все тело твое темно будет**» ([Мф. 6, 22–23](#)). Око души Пилатовой – начало его действий – было лукаво: не вечный, непременяемый закон правды лежал в глубине его сердца и диктовал линию его поведения, а нечистая любовь к самому себе, пристрастие к земным выгодам, прикрытое любовью к справедливости; и вот, все тело Пилата является темным, все поступки его, несмотря на похвальную их сторону, содержат что-то, достойное сожаления и презрения. Самое первое действие прокуратора уже запечатлено изменой истине: он хочет уклониться от осуждения невинного, предоставляя это то иудеям, то Ироду: как будто позволить другим совершить злодеяние, имея возможность остановить его, – не то же самое, что самому совершить его! Потом единственно из угождения именитым и сильным обвинителям Праведник подвергается мучительному бичеванию. Не важно, что Он может умереть под бичами: для судьи довольно, что он хотел спасти Его от смерти. Таково правосудие людей века. Думают, что все сделано с их стороны, между тем как не хотят сделать именно того, что должно. И все прочие усилия Пилата для освобождения Иисуса Христа представляют жалкую борьбу своекорыстия с чувством долга. Видишь человека, который мучает сам себя, устремляется во все стороны, обращается с распутия на распутие, чтобы выбраться из пропасти, в которую зашел добровольно; но не хочет возвратиться на царский путь правды, который лежит прямо перед его очами и на который зовет совесть.

Наконец, страх и своекорыстие превозмогли; но Пилат, поправ справедливость, хочет сохранить на себе ее личину: судья омывает руки и думает быть чистым от крови Праведника!.. При этом зрелище чувство сожаления невольно превращается в негодование...

Впрочем, мы не имеем права простирать суждения своего о Пилате далее приговора, который уже произнесен вслух Самим



Господом. «Более» (во всяком отношении более) «греха на том, кто предал» ему Господа – на Иуде, иудеях, особенно на старейшинах иудейских. Тогда как первосвященники, видимо, приближались к ужасной крайности (некоторые, может быть, и впали в нее) греха против Духа Святого, который, по слову Самого Спасителя, не простится ни в сем веке, ни в будущем ([Мф. 12, 32](#)), Пилат явно грешил только против Сына Человеческого, следовательно, принадлежал к числу тех грешников, за спасение которых осужденный им Сын Божий шел теперь на крест.

Великодушным поступком жены Пилатовой некоторым образом искупаются низкие действия мужа ее. Какая разительная противоположность между этой язычницей и той иудеянкой, наложницей Ирода, которая так мало уважала Иоанна Крестителя ([Мк. 6, 17](#))! Что Иоанн был праведник, даже пророк, достойный того, чтобы признавать его за Мессию, – этому все верили; и несмотря на это, Иродия, не колеблясь, принесла его в жертву своей бесстыдной страсти. Прокула, напротив, будучи язычницей, имела открытое сердце для всего истинного и доброго. Она видит необыкновенный сон, принимает его за откровение небесное и спешит, даже вопреки отечественному закону, не позволявшему женам вмешиваться в дела мужей – правителей, спасти Праведника от смерти. Различие религий, которое, к несчастью, так часто удаляет людей друг от друга, не препятствует ей искать спасения иудейскому Узнику. Не напрасно приняла она сон свой за указание свыше. Если бы он был следствием одного воображения, то почему оно именно в ту ночь вызвало сочетание мыслей, настолько совпадающее с положением Пилата и Господа? Нет! Воображение скорее представило бы, что теперь для ее мужа настал удобный случай осуждением на смерть бедного Галилеянина приобрести выгодную дружбу синедриона. Но, видно, такая нечистая мечта не могла возникнуть в благородной душе Прокулы.

Невероятно, чтобы Клавдия Прокула принадлежала к числу иудейских прозелиток. Кем она могла быть обращена в иудейство? Такими ревнителями веры, какими Господь описывал фарисеев ([Мф. 23:15](#))? Но от этих наставников она не получила бы выгодного представления об Иисусе Христе и, наученная фарисеями, скорее всего согласилась бы поддержать их в борьбе против Праведника.

Вероятнее, что Прокула сама по себе имела благородный образ мыслей и чувствований<sup>8</sup> и было достойно того, чтобы Промысл открыл ей волю свою, как некогда открывал ее и другим язычникам – Авимелеху ([Быт. 20, 3](#)), друзьям Иова и т. д. ([Иов. 20, 7](#)).

«Но что вышло из этого сна? – спросит кто-нибудь, – если он не был игрой фантазии? Предостережение пришло слишком поздно; оно не могло изменить, по крайней мере, не изменило хода дел».

Действительно, сон жены Пилатовой не изменил судьбы, ожидавшей Господа: и, может быть, если бы он мог изменить ее, то не был бы и послан; но тем не менее, он был нужен и сделал свое дело. Жена Пилата, конечно, не осталась равнодушной к дальнейшей судьбе Праведника, Который так сильно задел ее душу; она приняла участие в последующих событиях христианства, вступила в контакт с учениками Иисуса и уверовала в Него. Предание, весьма древнее, утверждает, что Прокула, находящаяся в греческих святцах, – не кто иная, как жена Пилата, обратившаяся в [христианство](#) и претерпевшая мучения за имя Праведника, Которого не смогла спасти от казни.

Сам Пилат не остался глух к предостережению жены, хотя, к своему несчастью, и не последовал ее совету. Оно-то, вероятно, побудило его перед произнесением смертного приговора подтвердить свою уверенность в невиновности Господа таким выразительным действием, как умовение рук; оно-то побудило его торжественно назвать Праведником осужденного на смерть Узника: это выражение, очевидно, взято им у жены, которая так назвала Иисуса Христа. Такое свидетельство о невиновности Иисуса Христа из уст судьи – язычника служит к чести христианской религии, заграждает уста врагов Иисусовых и впоследствии могло подействовать на сердце самих иудеев.

Кроме того, Промысл ниспосланием чудесного сна жене Пилатовой показал, что Он никогда не попускает человеку искушаться сверх сил ([1Кор. 10, 13](#)). Пилату предстояло величайшее искушение: для защиты невиновного Узника отказаться всенародно от наименования друга кесарева. Совесть его, сама по себе слабая, без опоры на истинную религию неминуемо должна была пасть под тяжестью этого искушения. Между тем, Пилат до сих пор довольно верно, по видимому, следовал ее слабому мерцанию. И вот, Промысл посылает ей подкрепление свыше. Пилат не воспользовался небесным вразумлением; но Промысл оправдал пути свои. Без этого некоторые из нас, может быть, пожалели бы, что Пилат, сделавший столько попыток быть правосудным, в таких крайних обстоятельствах был предоставлен самому себе.

Господь среди обвинителей и судей Своих является в неподражаемом величии духа. Платон, может быть, узнал бы теперь своего праведника, изображением которого так полна была душа его, если б был свидетелем суда над Иисусом. Теперь уже совершенно не заметно в Нем следов той кровавой, изнурительной борьбы с Самим Собой,

которую Он испытал в саду Гефсиманском. Теперь виден «лев от колена Иуды» (Апок. 5,5), который, будучи связан невидимыми узами правосудия небесного, явился «агнцем, не отверзающим уст» (Ис. 53,7), когда ведут его на заклание. Между тем как судьи и обвинители все приписывали себе, Господь взирает на них как на орудия, которыми управляет высшая сила. Духом, невидимо Он стоял на другом суде – на суде Отца, Который «освятил Его и послал в мир, дабы Он вознес телом Своим грехи рода человеческого» (1Петр. 2,24). Невидимый суд этот, происходивший в совете триипостасного Божества, касался уже не одного лица Иисусова, а всего мира, искупление которого принял на Себя Сын Божий. Здесь врагом Господа был князь тьмы, который был должен потерять владычество над родом человеческим (Ин. 12,31–32), обвинителем – сама правда Божья, требовавшая удовлетворения за грехи людей, освобождаемых от смерти вечной. Здесь – прежде сложения мира произнесен приговор, который теперь исполнялся перед лицом неба и земли. С этой божественной высоты что значил для Сына Божьего Пилат с его Преторией, синедрион с его лжесвидетелями, Ирод с его царедворцами?..

Зная, что чаша страданий не может мимо идти, Господь спокойно взирал, как она перед Его очами наполнялась до верха. Впрочем, святое молчание Его нимало не препятствовало правильности суда. Личным врагам Своим, первосвященникам и книжникам, Он дважды сказал более того, нежели они желали знать: что Он есть Мессия и что отныне они сами увидят в Нем Божественного Судию. Их ослепление было виной, что они не обратили внимания на это грозное предостережение. Убийца Иоанна требовал чудес, а не слов, хотя не стоил ни того, ни другого. Предтеча сказал уже ему все, что могло поселить в его сердце любовь к справедливости, и отсеченная в угождение Иродиаде глава его засвидетельствовала, чего должно ожидать от сердца Иродова. Пилат не получал ответа только тогда, когда спрашивал из любопытства, а не по долгу, и знал истину настолько, что, даже осуждая Иисуса Христа на смерть, принужден был своей совестью назвать Его Праведником. Римский всадник уступил бы необходимости осудить Праведника, хотя бы слышал несколько самых красноречивых речей в Его защиту. «Уне, да един умрет за люди», было правилом более римского, нежели иудейского правления. Чтобы не допустить народ до возмущения, чтобы удержать титул друга кесарева, иудейский прокуратор не пощадил бы ни Демосфена, ни Цицерона...

Ответы Иисуса Христа судьям, при всей краткости их, постоянно выражают высшую мудрость. Сердцеведец видел состояние их совести и более с ней, нежели с лицами и вопросами их, соразмерял Свои ответы. Поэтому-то кое-что в словах Его может быть для нас не совсем

понятно; что-то даже, судя по обстоятельствам, в которых они произнесены, может показаться как бы несоответственным, между тем как на самом деле все слова Господа были сильны и убедительны, как это лучше всего доказывает пример Пилата.

Самый внешний вид Господа, несмотря на мучения и поношения, без сомнения, отличался невыразимым величием и трогательностью. Если толпа народная была к Нему не столь чувствительна, как можно было ожидать, то потому, что, наущенная книжниками, распаленная злобой, не видела, можно сказать, сама себя. Но посмотрите на судью-язычника! Каждый раз, как только он вступает в личную беседу с Божественным Узником, даже не получив ответа на свои вопросы, даже оскорбившись Его молчанием, всегда однако же возвращается к обвинителям с новым убеждением в невиновности Подсудимого. Что заменяло для него в таком случае слова, брало верх над его самолюбием, как не кроткое величие чистоты и святости, сиявшее, несмотря на внешнее уничтожение, в лице и взорах Богочеловека? Не то же ли самое обуздало и удержало от строгих мер и тетрарха галилейского, чье самолюбие так много страдало, не будучи удостоено ни одним словом в ответ на столько вопросов?.. Вообще, образ суда над Иисусом Христом со всей точностью показывает, как премудро Промысл управляет деяниями человеческими: как он, не нарушая свободы человеческой, приводит в исполнение свои судьбы через тех самых лиц, которые противятся этому исполнению. По-видимому, все происходило случайно: каждый действовал по своей воле, даже по страстям, самым противоположным: сребролюбивый Иуда получает сребреники, честолюбивый синедрион мстит за оскорбленную гордость, прихотливый Ирод хочет видеть чудо, человекоугодливый Пилат страшится кесаря, грубые воины предаются насмешкам; между тем, **«запечатлеваются видения и пророки, приводится правда вечная, истребляется помазание, град и святилище иудейское предобручаются разрушению»** ([Дан. 9, 24–26](#)).

«Нет! – скажем и мы словами знаменитого витии-пастыря, – не человеки здесь ругаются Божьему величеству, Божий Промысл посмеивается буйству человеческому, без нарушения свободы, заставляя его служить высочайшей своей премудрости. Не лукавые рабы перехитряют Господа: всеблагий Отец не щадит Сына, чтобы не погубить рабов лукавых. Не вражда земная уязвляет любовь небесную; небесная любовь скрывается во вражду земную, чтобы смертью любви убить вражду и распространить свет и жизнь любви сквозь тьму и сень смертную. **«Бог возлюбил мир, и Сына Своего едиnorodного дал есть, да всяк веруя в Онъ, не погибнет, но имать живот вечный»**.

### XXIII. Распятие

*Предварительные замечания о крестной казни. – Крестный путь. – Плач жен иерусалимских. – Слова к ним Иисуса Христа. – Он изнемогает под Своим крестом. – Симон Киринейский заставляется нести крест. – Место казни, издревле примечательное. – Смирна и уксус. – Господь отрекается от них. – Распятие. – Молитва за распинателей.*

Крестная казнь, на которую осужден был Иисус Христос, принадлежит к изобретениям бесчеловечной жестокости, которыми прославились восточные деспоты, и составляла последнюю в ряду самых ужасных казней. С Востока она перешла в Рим и следовала за победителями света всюду, пока не была уничтожена [Константином Великим](#). У евреев крестной казни не было; за некоторые преступления закон повелевал вешать на дереве преступников, но их не прибывали гвоздями, и трупы при наступлении вечера надлежало снимать для погребения. В самом Риме распинали только рабов, которые там не считались за людей. Из жителей провинций пригвождали ко кресту одних разбойников и возмутителей общественного спокойствия. Распятию большей частью предшествовало бичевание. Производилось оно, как и все прочие казни, вне городов и селений, на местах более видных, например, на холмах или при больших дорогах. Распинателями бывали воины, которые у римлян совершали все казни. Преступник сам должен был нести свой крест до места казни, подвергаясь в это время насмешкам и побоям. Крест ставили прежде, а потом уже пригвождали к нему преступника: отсюда выражения «**восходить, быть поднят, вознесу на крест**». С распинаемого снимали всю одежду, которая поступала в распоряжение воинов. Погребения для распятых не было. Тела оставались на крестах и становились добычей плотоядных птиц и животных, пока не истлевали. Иногда однако же родственникам позволялось погребать их. В случае нужды (при наступлении праздника, торжества и проч.) жизнь распятых могла быть по закону сокращена: у них перебивали ноги, могли задушить дымом и жаром от зажженного под крестом хвороста, убить ударом в голову или сердце и проч.

Сам вид и состав креста, насколько можно заключать из тщательного сопоставления всех древнейших свидетельств, были таковы: основанием креста служили прямой столб или доска, которые укреплялись в земле. На верхней части делалась перекладина, иногда на самом вершине столба, почему крест и походил на букву Т, но большей частью – несколько ниже верха, соответственно положению рук, к ней прибываемым, отчего верхний конец столба, по словам Иустина-мученика, был похож на рог. В середине (in medio) столба

приделывалось, также похожее на рог, седалище (*sedile*) для поддержания тела, чтобы оно тяжестью своей не разорвало рук и не оторвалось от креста. Таким образом, крест, по словам св. Иринея, имел пять концов, два в длину, два в ширину и один посередине. О подножии древние писатели до 6-го века нигде не упоминают; свидетельства позднейших слабы, и они могли быть следствием их непонимания; ибо, говоря о подножии, они не говорят уже о седалище; последнее по ошибке могло быть принято ими за первое. Руки, а иногда и ноги, прибывались ко кресту гвоздями; кроме этого, тело распятого нередко привязывали к столбу веревками. Вверху столба, над головой распятого, прибывалась небольшая белая дощечка, на которой черными буквами записывали его имя и преступление. Дощечку эту иногда несли впереди преступника до места казни, или он сам нес ее на своей шее. Иногда письменное объявление заменялось словесным: для этого один из воинов должен был кричать: такой-то распинается за такое-то преступление. Кресты делались невысокие, так что ноги распятого от земли отделяло не более трех футов.

Отцы Церкви сравнивают крест с птицей, которая с распахнутыми крыльями летит по воздуху, с человеком, плывущим или молящимся с распростертыми руками, с мачтой и реем корабля и проч. Поскольку евангелисты не говорят, что крест Иисуса Христа в чем-то отличался от обыкновенных крестов, да и не было в том никакой нужды, то, без всякого сомнения, следует считать, что он имел вид вышеописанный, то есть был четвероконечен, а считая и седалище, пятиконечен.

Мучения распятых были ужасны. Надо вообразить неестественное положение тела с простертыми вверх, пригвожденными руками, причем малейшее движение, необходимое для жизни, сопровождалось новой нестерпимой болью. Тяжесть повисшего тела с каждым часом все больше раздирала язвы рук. Кровь, лишившись естественного круговращения, прилиwała к голове и сердцу, вызывая головокружение и сердечное томление, которое мучительнее самой смерти. Несчастный, проникнутый со всех сторон смертью, переживал сам себя и стонал в муках до трех, а иногда до 6-ти и более дней. Чаша с ядом, поданная такой рукой, какой она подана была Сократу, являлась величайшим благодеянием в сравнении с казнью крестной.

С мучением распятых равнялось одно только их бесчестье. Название крестоносцев (*crucifer, cruciarius*) было последним выражением гнева и презрения. Самые жестокие господа за тяжкие преступления рабов своих приказывали надевать на них крестообразное иго (*furgam*) и в этом позорном виде водить по улицам. Это значило лишить несчастного имени человека, отдать в жертву всеобщему презрению. Для иудеев казнь крестная особенно была отвратительна, потому что

закон Моисеев гласит: проклят всяк висящий на дереве! По этой-то причине самое славное воскресение Господа и божественные чудеса, сопровождавшие проповедь о Нем апостолов, не могли затмить в глазах неверующих беславия креста Христова; и он, по замечанию ап. Павла, оставался для иудеев соблазном, а для еллинов безумием ([1Кор. 1, 23](#)). Вообще, казнь крестная была столь жестока и поносна, что сам Цицерон не находил слов к ее описанию и именем отечества требовал, чтобы не только тело, но, если можно, зрение и слух, само воображение римского гражданина было свободно от креста.

И эту-то казнь Отец Небесный благоволил избрать для едиnorodного, возлюбленного Сына Своего!!! Христианин, помни это и избегай грехов, за которые Сын Божий претерпел крест и которыми Он, по уверению апостола, распинается до сих пор ([Евр. 6, 6](#)).

Тайна нечестия, над которой так деятельно трудился сам князь тьмы ([Ин. 13, 2, 27, 12:31](#)), была уже наполовину совершена: Святой Святым вменен с беззаконными; оставалось только вознести Его на крест, чтобы Он мог «**привлечь к Себе всяческая...**» ([Ин. 12:32](#)).

У евреев, если верить Талмуду, существовало обыкновение, чтобы осужденный на смерть преступник был казнен не сразу после осуждения. Глашатай несколько раз всенародно объявлял его имя, вину, свидетелей преступления и род казни, ему назначенной, вызывая всякого, кто может идти в суд и защищать несчастного. И у римлян был закон, изданный Тиверием, по которому смертная казнь совершалась не раньше, чем через 10 дней после приговора. Но для Иисуса Христа, хотя Он судим был и по римским, и по иудейским законам, ни тот, ни другой обычай не был соблюден. Отсрочка казни простиралась только на обыкновенных преступников, а возмутители общественного спокойствия, враги Моисея и кесаря, каким клевета представила Иисуса, не имели права на эту милость: их казнь тем была законнее, чем скорее совершалась. Итак, Иисус Христос сразу после осуждения был предан воинам, которые у римлян совершали все казни. Первым делом их было снять с Него багряницу и одеть в собственную Его одежду: этого требовал обычай и, может быть, жалость. Молчание евангелистов не позволяет сказать решительно: был снят при этом и терновый венец или оставался на голове Господа до самого снятия Его с креста. Впрочем, древнее обыкновение изображать Иисуса Христа на кресте в терновом венце имеет вид исторического предания. В подтверждение его можно сказать, что распинатели имели достаточно поводов оставить венец на голове Господа, так как, по их представлению о Нем, он был весьма кстати, подтверждая то, о чем говорила надпись.

Потом воины, как было принято, возложили на Иисуса Христа крест и повели Его за город, где производились казни. Для такого шествия

обыкновенно выбирались главнейшие улицы, и оно с намерением делалось как можно продолжительнее; но теперь ограниченность времени не допускала ни малейшего промедления, ибо до пасхального вечера, который был если не столь свят, как предшествующий, в который сносили пасху, то еще более торжествен и праздничен, оставалось всего несколько часов. Поскольку по закону распятым нельзя было оставлять на крестах после полуночи, а крестная смерть, как мы видели, была долгой, то распятие Иисуса Христа следовало отложить до другого времени, если бы не было принято в особых случаях прерывать жизнь распятым насильственной смертью. Синедрион, при всем желании продлить как можно более мучения личного врага своего, должен был решиться на это средство: иначе во время праздника пришлось бы опасаться возмущения народного в защиту Иисуса Христа.

Открылось необыкновенное зрелище! Тот, Чьи беседы в храме народ иерусалимский всегда слушал с восторгом, Который, казалось, повелевал всей природой, давая исцеление слепорожденным, изгоняя бесов, воскрешая мертвых, Которому еще за несколько дней оказывалось уважение как потомку Давида, как царю Израилеву, проходил пространными стогнами иерусалимскими среди двух злодеев, влача за Собой тяжелый крест! Теперь-то особенно должны были исполниться слова, сказанные некогда Иисусом Христом о Своем униженном состоянии: **«блажен есть, иже еще не соблазнится о Мне»** ([Мф. 11, 6](#))!

«Возможно ли (так могли думать многие даже из тех, кто до сих пор надеялся увидеть в Иисусе Христе обетованного пророками Избавителя), возможно ли, чтобы Мессия подвергся такой участи, какой подвержен теперь Иисус? Кто сам не в состоянии избавить себя от поносной казни, тот может ли принести избавление бедному народу иудейскому? Разве не обманываемся мы все, ожидая восстановления царства Израилева, надеясь на пришествие Мессии сильного и могущественного? Но так учили нас отцы наши; так, говорят, писано в законе и пророках. И для чего бы все пророки за несколько веков в таких величественных выражениях предвозвещали пришествие Мессии, если Мессия будет таким человеком, каким является теперь Иисус, если ему суждено, ничего не сделав для народа, стонущего под игом бедствий, окончить жизнь свою поносной смертью? И какая смерть? Крестная!.. **«О, проклят всяк, висий на древе!»** Нет! Что бы кто ни говорил, а это знамение не спасения, а клятвы: верно, Сам Бог нашел что-либо преступное в Этом Человеке».

Так могли думать некоторые. С другой стороны, колеблющаяся вера последователей Иисусовых имела для себя немалую опору. В ком было



сердце, чуткое к истине и добродетели, знакомое с высокими чувствами веры и святой любви, тот не мог согласиться с фарисеями и книжниками, выставившими Иисуса Христа в виде оболъстителя с нечистыми помыслами. «Нет! Он не оболъщал нас, когда говорил с такой сладостью о любви к Богу и ближнему, когда раскрывал перед нами святые пути Промысла, воззывал нас к подражанию вере и добродетелям наших праотцов; когда сердце наше пламенело тем чистым восторгом, которого никогда не вызывали беседы фарисеев и книжников. Поведение Его совершенно достойно Сына Давидова. Если бы Он искал земной славы, то сколько представлялось Ему случаев действовать силой! Не смирение ли и кротость Его были причиной того, что фарисеи так легко взяли Его? Ему приписали мятеж и измену, но это явная клевета, изобретенная первосвященниками за то, что Он обличал их пороки, от которых мы страдаем. Не сам ли Пилат объявлял Его несколько раз невиновным и во время осуждения назвал праведником? Его осудили на смерть крестную, но Он, слышно, Сам давно предрекал эту смерть, говорил, что Ему от Самого Бога предопределено пострадать для спасения Израиля. Мы, слушая наших (слепых) учителей, не ожидали подобных событий. Но разве нам известна вся судьба Мессии? Кто постиг весь смысл пророчеств, в которых Он изображается и страдающим? Не сами ли книжники противоречат себе, когда описывают лицо Мессии? Притом, еще не все окончится с Его смертью. Он обещал, как слышно, чрез три дня воскреснуть. О, если бы сбылось это обещание!..»

Поступок с Иисусом Христом Ирода, конечно, многим напомнил Иоанна Крестителя, им убитого, а воспоминание всеми уважаемого и любимого Иоанна устранило соблазн, происходящий от креста Иисуса, ибо все знали, что Иоанн признавал Его Агнцем Божьим, вземлющим грехи мира, и так высоко ставил Его, что почитал себя недостойным служить Ему вместо раба ([Ин. 1,27](#)).

С Господом вели на казнь двух преступников ([Лк. 23, 32](#)), которые также осуждены были на распятие и, без сомнения, сами несли кресты. Древнее предание говорит, что один из этих преступников назывался Гестас, а другой Дисмас. О преступлениях их нет верных сведений; кажется однако же, что они принадлежали к обществу Вараввы и участвовали в мятеже и убийствах, им произведенных, ибо с Вараввой, по замечанию св. Марка (15, 7), находились в темнице и его сообщники, чья участь должна была решиться перед праздником и, судя по роду преступления, – крестной казнью.

За осужденными следовало великое множество народа ([Лк. 23,27](#)). Казни среди праздников для набожных иудеев, какими становились в это время весьма многие, были делом неприятным и отвратительным. Но

казнь Пророка Галилейского, в Ком многие надеялись увидеть Мессию, невольно привлекала всякого. Между тем, она сделалась теперь известной всему Иерусалиму, вмещавшему во время Пасхи несколько сот тысяч жителей.

С народом Господь не беседовал. Было время для имеющих уши слышать; теперь оставалось имеющим очи видеть. Само несение креста и изнеможение препятствовало Ему говорить, тем более для шумной толпы народа.

Жалостные крики и вопли некоторых женщин вывели однако же Господа из безмолвия. То были не ближайшия ученицы Его, которых мы увидим на Голгофе и которым не могло быть сказано то, что теперь будет сказано, а частью жены иерусалимские, может быть, матери детей, которые пели Ему «осанна», частью – другие из пришедших со всей Иудеи на праздник. Ничто не могло удержать их от слез при виде Иисуса, изнемогающего под тяжестью креста: ни присутствие первейших лиц синедриона, которые пылали ненавистью ко Господу и ко всякому, кто был к Нему привержен, ни опасение прослыть в народе соучастницами в преступлениях, приписанных Пророку Галилейскому, – они открыто предавались всей горести, к какой только способны сердца чуткие и безутешные...

Для Господа, Который обещал не забыть даже чаши студеной воды, поданной во имя Его ([Мф. 10,42](#)), сострадание жен не могло не иметь значения. Но смерть, на которую шел Он, была превыше обыкновенных слез сострадания: надлежало плакать и сокрушаться всем коленам Израилевым, только не о том, о чем плакали жены.

**«Дщери иерусалимские!»** – сказал Господь, обратясь к ним, – **«не тачитесь о Мне; обаче себе плачете и чад ваших».**

(Такое дивное запрещение плакать о Нем, когда Он, изнемогая под крестом, шел на очевидную и мучительную смерть, могло быть совершенно понято лишь после Воскресения Иисуса Христа; но совет плакать о себе и о чадах своих и теперь давал понять женам и каждому, какое великое различие между чувствами Иисуса Христа, в таком положении не оставляющего мысли и заботы не только о настоящей, но и о будущей судьбе чад Иерусалима, и бесчувствием первосвященников, которые перед Пилатом с таким безрассудством призывали на своих соотечественников кровь Праведника.)

**«Яко се»,** – продолжал Господь, – **«дни грядут, в ня же рекут: блаженны неплоды и утробы, яже не родиша, и сосцы иже не доиша. Тогда начнут глаголати горам: падите на ны, и холмом: покройте ны. Зане, аще в сурове (зеленеющем) древе сия творят, в сусе (древе) что будет?»** ([Лк. 23, 29–31.](#))

Нельзя было сильнее изобразить бедствий, угрожавших Иерусалиму. Бесчастье почиталось у иудеев самым тяжким несчастьем и наказанием Божиим: а потому дойти до того, чтоб завидовать бесчадным, значило придти в полное отчаяние. Так выражались и пророки ([Ос. 10, 8](#); [Ис. 2, 10–19](#); [Апок. 6, 16](#)), когда от имени Бога Израилева угрожали Израилю за его преступления. Но эта угроза произнесена Сыном Человеческим без всякого чувства личного негодования на неблагодарных соотечественников. Он не говорит, что наступают дни, когда вы, пославшие Меня на казнь, «скажете», а говорит просто: «скажут», ни мало не касаясь личных врагов Своих. Высочайшее чувство самоотвержения заставляет Его забыть все собственные страдания, и Он запрещает плакать о Себе; но истинное чувство любви к бедному отечеству побуждает не скрывать ужасных зол, его ожидающих, в предостережение тем, которые еще могли внимать истине. Это была последняя проповедь покаяния, которую народ иудейский слышал из уст своего Мессии, произнесенная с самым нежным чувством любви к ближним. Войны, глад, язвы и прочие бедствия, за которыми следовало разрушение Иерусалима, действительно, должны были обрушиться всей своей тяжестью на беременных женщин и матерей, имеющих грудных младенцев. Так и прежде, изображая ученикам Своим эти бедствия, Господь представил особенно участь жен непраздных: «горе же доящим в тыя дни» ([Лк. 21, 23](#); [Мк. 13, 17](#); [Мф. 24, 19](#))!

Слова: «Если с зеленеющим деревом (со Мною) это делают; то что будет с сухим» (с народом иудейским), – значат много, очень много ужасного для народа иудейского. Но и в этих словах нет никакого личного негодования. Это присловие, непрестанно переходившее из уст в уста; и когда же приличнее было употребить его, как не теперь, для вразумления всех и каждого? Если вожди народа иудейского, первосвященники, фарисеи и книжники сравниваются здесь с сухим деревом (обыкновенный у пророков символ людей нечестивых), то это сравнение еще с большей выразительностью уже звучало из уст Иоанна Крестителя, когда торжественное посольство от лица синедриона спрашивало его, не он ли Мессия ([Мф. 3, 10](#)).

В то время, когда Иисус Христос в последний раз предостерегал таким образом Своих соотечественников, слова Его, вероятно, были приняты с любовью немногими. Но во время разрушения Иерусалима, происшедшего спустя несколько лет, самые упорные враги Господа должны были вспомнить их. Нельзя без содрогания читать описания тогдашних бедствий народа иудейского. Состояние матерей было таково, что некоторые из них решались закалать собственных детей для снеди... Тогда скалы и пещеры палестинские, служившие во время войн

обыкновенным убежищем иудеев, сделались, как предрекал теперь Господь, гробами для многих тысяч несчастных, которые действительно призывали сами на себя смерть как последнюю отраду.

Когда приблизились к городским воротам, Иисус Христос изнемог до того, что не в силах был далее нести Своего креста и, как говорит древнее предание, преклонился под ним. Человеколюбие ли римского сотника, распорядившегося казнью, или бесчеловечие иудеев, опасавшихся, что жертва их злобы может умереть до казни, были причиной, только воины решились помочь Иисусу и, вопреки обыкновению, возложить Его крест на другого. Провидение не умедлило послать для этого человека, некоего Симона, родом или прозванием Киринейского, который, возвращаясь с села, встретил стражу, ведущую Иисуса, при самом выходе из города. Воины тотчас «захватили» его и «заставили» нести крест Иисусов: поручение тягостное и, при настоящих обстоятельствах, чрезвычайно бесчестное; а поэтому весьма вероятна догадка некоторых, что Симон был из числа последователей Иисуса Христа и при встрече с Ним подал какой-либо знак сострадания, из-за чего воины сами или по совету иудеев решились возложить на него крест. По крайней мере, три евангелиста ([Мф. 27, 32](#); [Мк. 15, 21](#); [Лк. 23, 26](#)) не без причины почли нужным передать потомству имя и род человека, который нес крест Господа, и причину эту следует искать в том, что Симон нес крест не по одному принуждению, а с любовью к Распятому на нем; или в том, что он впоследствии совершенно узнал цену креста Иисусова и носил его до конца своей жизни. Св. Марк упоминает еще, что Симон был отцом Александра и Руфа, которые, по крайней мере, во время написания Маркова Евангелия, принадлежали к числу христиан и были всем известны по своим добродетелям: иначе упоминание о них не имело бы никакого смысла. Руф, видимо, есть тот самый, которого ап. Павел в послании к Римлянам (16,13) называет избранным в Господе и которого память он столько уважал, что мать его именовал своей матерью. Такого семейства был главой Симон, удостоенный Провидением высочайшей и единственной чести – разделить с Господом тяжесть Его собственного креста!..

Чтобы кто-либо, видя Симона, несущего крест, не подумал, что он сам осужден на распятие, воины, возложив на него крест, заставили Иисуса Христа идти прямо впереди него. Новое положение это, являясь некоторым облегчением, в то же время могло служить для врагов Господа поводом к новым клеветам и насмешкам. Казалось, Провидение с намерением соединяло у креста Иисусова все, что могло быть мучительнейшего и более поносного, дабы Началовождь спасения человеческого собственным опытом узнал все.

Наконец, достигли Голгофы, или лобного места. Так называлась одна из горных северо-западных возвышенностей около Иерусалима, на которой совершались казни и которая с этих пор должна была соделаться самым священным местом на земном шаре. Древнее предание иудейской Церкви утверждало, что на этой горе погребена была глава Адама; и вот, над этой главой должна была пролиться теперь очистительная кровь [Адама](#)второго. Здесь же Авраам поднял жертвенный нож на своего единокровного Исаака; и вот, теперь над Единородным Сыном Божиим должно было на самом деле совершиться то, что в Исааке послужило только к преобразованию будущего.

Между тем как воины ставили и укрепляли кресты, Иисусу Христу дано было, по древнему обычаю, питье, состоящее из вина, смешанного со смирной. Такое смешение, вызывая помрачение рассудка, делало менее мучительными страдания распятых. Судя по тому, что в числе последователей Иисуса Христа было довольно людей весьма богатых и усердных, следовало ожидать, что питье, Ему поднесенное, будет приятно, по крайней мере, не отвратительно: между тем, оно было горько, как желчь, и кисло – как уксус. Обстоятельство это заставляет думать, что напиток готовили враги Иисуса Христа и что мирра и вино взяты были самые плохие.

Не были ли даже добавлены при этом настоящие желчь и уксус? Бесчеловечность врагов Иисусовых делает это возможным, а слова ев. Матфея подтверждают эту мысль ([Мф. 27, 34](#)). В таком случае, чтобы понять евангелистов, следует предположить, что одни подносили Господу вино, смешанное со смирной, как то упоминается у ев. Марка, а другие – враги Его – давали Ему пить уксус с желчью, как повествует Матфей. Впрочем, нет особенной нужды допускать, что евангелисты говорят не об одном и том же питье: ибо слово, употребленное св. Матфеем, означает не один уксус, а всякую кислоту, и в частности, вино плохое, окисленное, какое, без сомнения, и давалось преступникам. Равным образом, и желчь означает всякую горечь, особенно смирну, которая у евреев и называлась горечью. А поэтому, говоря словами Феофилакты, уксус с желчью значит то же у св. Матфея, что у св. Марка вино со смирной: ибо и вино могло быть названо уксусом из-за очень кислого вкуса, и мирра – желчью, потому что она весьма горька. Так точно понимал сказания евангелистов в свое время и [блж. Августин](#), основываясь, между прочим, на древнейшем Сирском переводе Евангелия Матфеева, где вместо желчи стоит слово, означающее вообще горечь. Ев. Матфей, заменяя смирну желчью и вино уксусом, без сомнения, имел в виду выражение псалма Давидова (по переводу

Седмидесяти): «дата в снeдь мою желчь и в жажду напошиа мя оцта»([Пс. 89, 22](#)).

Господь принял в руки чашу с питьем, но отведав, отдал назад. Чаша холодной воды, может быть, была бы Им выпита, потому что продолжительное изнеможение сил, в котором Он находился, вызывало жажду; но питье, притупляющее чувства, было недостойно Того, Кто один за всех пил чашу гнева Божьего. Несмотря на жестокость мучений, ожидавших Его на кресте, Сын Человеческий хотел претерпеть их все в полном сознании. Другого прохлаждающего питья без смиренности или не было, или враги Господа не позволили дать.

Первосвященники и старейшины, несмотря на великий день праздника, все находились на Голгофе. Могли опасаться, что без их личного присутствия непостоянный народ изменит отношение к Иисусу Христу; или последователи Его отважатся остановить казнь. Но скорее всего, на Голгофу их привело желание быть свидетелями бесчестия и мучений умирающего Иисуса, отравить последние минуты Его клеветой и насмешками, не позволить хоть немного облегчить Его страдания, видеть образ мыслей собравшегося во множестве народа и сформировать по своему желанию его мнение.

Ах, природа человеческая обнаружилась уже во время суда над Иисусом Христом с такой мрачной и низкой стороны, что от нее, не искажая исторических фактов, можно ожидать теперь всего!..

Приступая к изображению самого распятия и смерти Богочеловека, честно признаемся, что мы с душевным трепетом касаемся этого предмета: надо повествовать о том, что вызывает благоговейное удивление самих ангелов ([1Петр. 1, 12](#))... Творец видимых и невидимых ([Ин. 1, 3](#); [Кол. 1, 16](#)), Который мог призвать, даже сотворить легионы ангелов ([Мф. 26, 53](#)) для исполнения воли Своей, возносится на крест, подобно преступнику, и подвергается ужасным мучениям!.. Единородный Сын Божий оставляется среди мучений смертных Отцом, у Которого Он имел славу, прежде мир не бысть ([Ин. 17, 5](#)), с Которым Он есть едино ([Ин. 10:30, 5:23](#)) по существу и славе! Господь всяческих, имеющий жизнь в Самом Себе ([Ин. 5, 26](#)) и дающий бытие всякой твари, истаивает от жажды, умирает, как последний из сынов человеческих! Это такие понятия, которых никогда не создало бы самое пламенное воображение, если бы они не были преподаны верой; это премудрость Божья тайная, сокровенная, которая, будучи от век предназначена в славу нашу, никем однако ж не была познана, доколе Бог не благоволил открыть ее святым Своим ([1Кор. 2, 7–8](#)). Здесь по необходимости теряется всякое соответствие слова и изображаемого предмета, и повествование, само по себе слабое, становится еще более поверхностным и косноязычным. Сами евангелисты в этом случае изображают Иисуса

Христа, так сказать, только по плоти ([1Кор. 2, 7–8](#)), как Он представлялся чувствам зрителей, не раскрывая того, что происходило в Его духе, не изъясняя тайны внутренних страданий Богочеловека. Кто хочет знать эту тайну (а не участвуя в ней живой верой и живой деятельностью, нельзя быть истинным христианином), тот должен обратиться с молитвой к Самому Духу Божьему ([1Кор. 2, 10](#)), Который один предвозвещал Христовы страдания до совершения их ([1Петр. 1, 13](#)), один и возвещает тайну этих страданий после их совершения. Слово Божье объявляет только, что для понимания всей силы страданий Христовых надо сораспяться со Христом и спогребстись Ему ([Рим. 6, 4](#)). А один из уразумевших свидетельствует, что после этого разумения весь мир покажется ничем ([Фил. 2, 8](#)).

Когда кресты были укреплены в земле, воины, как обычно, сняли с Иисуса Христа всю одежду, взяли пречистое тело Его, приподняли на крест, распростерли руки и начали прибивать их к дереву гвоздями. Потоки крови полились на землю...

Вместо стонов и воплей, обыкновенных и неизбежных в таком случае, из уст распинаемого Господа слышалось другое: в ту минуту, когда, по всей вероятности, ожесточенные враги Его со злобной радостью впелись взором в Его лицо, ожидая видеть выражение муки, Господь кротко возвел очи к небу и сказал: «Отче, прости им! Не велят бо, что творят».

Таково послушание даже до смерти, и смерти крестной! Того, Который предал Его в руки врагов, попустил осудить на мучения и смерть, Божественный Страдалец называет Своим Отцом, точно так же, как называл Его при гробе Лазаря ([Ин. 11, 41](#)) или когда глас с неба при всем народе свидетельствовал о Его Божественном достоинстве ([Ин. 12, 28](#)). Заповедав последователям Своим молиться за врагов, Богочеловек подает теперь пример этой высокой молитвы, подает в минуту ужаснейших страданий от врагов Своих. Непосредственно слова этой молитвы, конечно, относились к распинавшим воинам (которые виновны были не тем, что исполняли дело своего звания, но что, подчинившись желанию иудеев, обнаруживали излишнюю жестокость); но по сути своей ходатайственная молитва Господа обнимала собой всех врагов Его: из нее не исключался ни Каиафа, ни Пилат, ни Ирод. Ибо все они, по своей злобе или по лукавству, действительно не знали сами, что делали. «Ибо если бы знали, – говорит св. Павел, – то не распяли бы Господа славы».

Впрочем, это не значит, что не было виновных в смерти Господа. Кто бы не смог понять, если бы захотел, того, что понял и с такой силой исповедал даже отчаянный Иуда? Поэтому-то и Господь говорит: «Прости им!» Без молитвы Господа, может быть, природа не перенесла

бы поругания Творцу своему и враги Его, подобно врагам Моисея и Аарона ([Числ. 16, 32](#)), были бы поглощены землей, которая с трепетом держала на себе Его крест.

#### XXIV. Иисус на кресте

*Распятие двух разбойников. – Особая надпись на кресте Иисусовом и недовольство первосвященников. – Дележ одежды между воинами. – Насмешки над Иисусом черни, первосвященников, воинов, распятого разбойника. – Покаянная молитва разбойника благоразумного. – Ответ на нее. – Помрачение солнца. – Усыновление Иоанна Богоматери. – Последние страдания и последние слова Иисуса Христа на кресте. – Его смерть. – Она не была ускорена сверхъестественно.*

После Иисуса Христа распяли и двух преступников, одного по правую, а другого по левую сторону. Такое положение было выбрано специально, чтобы Святой Святых и на кресте представился как бы преступнейшим из злодеев. Дьявол, по замечанию св. Златоуста, хотел через это помрачить славу Господа: но, сам не зная, увеличил ее, потому что через это исполнилось одно из пророчеств о том, что Иисус Христос будет **«вменен с беззаконными»** ([Ис. 53, 12](#)).

После совершения казни над главами распятых, по обыкновению, прибиты были выбеленные дощечки, на которых изображалось их имя и преступление. В надписях разбойников не было никакого отступления от обыкновенной формы. Но над главой Господа вместо изъяснения вины, сверх чаяния, увидели следующие двусмысленные слова: «Иисус Назорянин, царь Иудейский». Притом надпись эта была не только на латинском или иноземном языке, как обыкновенно делалось, а на всех основных для того времени языках, то есть латинском, греческом и иудейском. Так было сделано с особенным намерением по приказанию самого Пилата. Надпись составляла то же самое обвинение, по которому Иисус Христос был осужден на смерть: присвоение достоинства царя Иудейского; только оставалось нерешенным: законно или незаконно присвоил Он Себе это достоинство, признали Его иудеи своим царем или не признали? Судя по надписи, каждый скорее мог подумать, что это действительно царь Иудейский, которого подданные не смогли защитить от римлян или который изменнически оставлен ими. Три языка для надписи были использованы Пилатом, потому что чужестранцы и многие из иудеев, пришедших на праздник из отдаленных стран, плохо знали еврейский язык. Притом, такая торжественность еще более позволяла думать, что Распятый есть важное политическое лицо, а следовательно, подвергала гордый синедрион еще большему осмеянию. «Вот как, могли говорить,



поступают с царями иудейскими! Вот какого Мессию ожидают иудеи! Как они безрассудны, слепы!..»

Первосвященники тотчас поняли смысл надписи и поспешили к Пилату с просьбой, чтобы он изменил ее. «Не надо, – говорили они, – писать: царь Иудейский, а написать, как Он говорит: Я царь Иудейский. То есть пусть каждый знает, что мы не признавали Его царем, а Он Сам выдавал Себя за Мессию».

«Что я написал, то написал», – был ответ прокуратора, и первосвященники со стыдом и досадой возвратились на Голгофу, чтобы насытить свое чувство мести.

Явно, что Пилат составлением надписи, тем более отказом поменять ее желал досадить первосвященникам. Между тем, по замечанию отцов Церкви, судья римский и в этом случае, сам не зная, служил исполнителем распоряжений высших. «Пилат, – рассуждает [блаженный Августин](#), – что написал, то написал, поскольку Господь что сказал, то сказал. Он сказал: «Я царь, поставленный над Сионом – горой святой» ([Пс. 2, 3](#)), сказал, что Ему должно пострадать, чтобы войти в славу Свою; и вот, пригвоздившие Его к кресту этим самым, так сказать, возвели Его на престол; оставалось провозгласить нового Царя, и Пилат-язычник посредством трехязычной надписи торжественно провозглашает Его, вопреки властям иудейским, перед всеми народами: пророческий символ грядущих событий! Народ иудейский, продолжая отвергать иго царства Христова, видел и доселе – к посрамлению своему – видит, как народы языческие один за другим признают распятого Иисуса своим Царем, Спасителем и Господом».

Особенная надпись, сделанная на кресте Иисуса Христа, по замечанию Златоуста, послужила впоследствии и для отличия его от других крестов, с которыми он был зарыт в землю, когда мать [Константина Великого](#), св. Елена, решила обрести живоносное древо.

Окончив распятие, воины тотчас занялись разделом между собой одежды распятых, которая, по закону, становилась их собственностью. Верхнюю одежду и прочее одеяние Иисуса Христа они разделили на четверых ([Ин. 19, 23](#)), раздирая по частям то, что не могло принадлежать одному: но хитон, или нижнюю одежду, нельзя было разделить, нельзя было даже разорвать, потому что он не был сшит, а весь соткан сверху донизу. Видя это и оценив качество хитона, воины решились, не раздирая, бросить о нем жребий, кому достанется.

Обстоятельство это, по-видимому, не такое важное, становится весьма значительным, когда узнаем, что через это исполнилось также одно из древнейших пророчеств о Мессии. Св. Давид, как прообраз своего великого Потомка по плоти, описывая свои бедствия, говорит, что одежды его были разделены врагами и о хитоне его метали жребий

([Пс. 21, 19](#)). Что к состоянию Давида могло относиться только косвенно, как прообраз будущего, потому что о хитоне Давида никогда и никому не приходилось метать жребий, то над Иисусом Христом совершалось теперь во всей действительности. С такой точностью Промысл благоволил изобразить за несколько веков самые малые черты страданий Христовых! И если когда-либо совершались ветхозаветные пророчества, то тем более при кресте, ибо в нем, как в центре, сами собой сходятся все рассеянные лучи созерцаний пророческих; между тем сияние этого света совершенно разгоняет мрак, окружающий крест Иисусов, показывая, что он во всех подробностях своих был делом не буйства человеческого, а премудрости Божьей.

Из дежега одежды Иисуса Христа, между прочим, видно, что она была добротна и прилична и что между вещами, Ему принадлежавшими, не было ни одной, которая была бы нехороша. Тканый хитон показывает даже избыток и изящество и, как повествует предание, был плодом трудов Его Матери. Если сравнить одеяние Иисуса Христа с суровой пустынной одеждой Иоанна Крестителя, то усматривается значительное различие, как и во всем внешнем образе жизни Иисуса и Его Предтечи.

Разделив одежду, воины оставались у креста в качестве стражи, которая приставлялась к распятым, чтобы тела их не были преждевременно сняты родственниками или знакомыми для погребения; и теперь была тем нужнее, что толпы стекавшегося народа могли устроить беспорядок.

Когда распинали Господа, враги Его, по-видимому, не издевались над Ним. Народ также стоял только и смотрел ([Лк. 23, 35](#)). Появление надписи над главой Его послужило как бы знаком к всеобщим насмешкам.

Толпа народа, всегда буйная, читая надпись, кивала головой и кричала: «Уа, тридневный восстановитель храма! Уа, царь Израилев! Что же Ты медлишь спасти Себя? Вот какой Ты Сын Божий, что не можешь сойти с креста ([Мк. 15, 29](#))!»

Первосвященники и старейшины не только не препятствовали черни издеваться над умирающим Господом, но и сами всячески ругали и злословили Его. Насмешки и поругания оставались единственным средством, которое они могли противопоставить хитрости Пилата, хотевшего осмеять их посредством надписи. Между тем, у первосвященников лежало на сердце еще нечто, гораздо важнее надписи, что побуждало их участвовать в самых низких насмешках. Теперь всем сделалось известно, что они – единственная причина столь ужасной казни для Иисуса и что Пилат долго не хотел осуждать Его. Необходимо было оправдать перед народом свое злодеяние и

настроить общественное мнение так, чтобы чужеземные иудеи, собравшиеся со всех уголков на праздник, не разнесли по свету историю, как синедрион из низкого честолюбия предал позорной смерти праведника, едва ли даже не Мессию. Для такой цели поругания и насмешки казались самым лучшим средством: ибо опыт доказывает, что достойнейшие люди теряют авторитет, когда по какой-либо причине подвергаются осмеянию.

Лицемеры, по обыкновению, приняли вид усерднейших служителей Бога Израилева, строжайших ревнителей закона и, обращаясь к народу, говорили:

«Смотрите, других спасал, а Себя не может спасти! Напрасно ли мы уверяли вас, что от Этого Человека нельзя ожидать ничего доброго? Что друг мытарей и грешников рано или поздно займет место посреди злодеев? Что осквернение субботы не останется без небесного отмщения? Нам не верили, думали, что Он свят; вот теперь самое дело показало, мы ли говорили правду или Он! Кто не ожидает Мессии? Мы жизнь свою отдали бы за Его пришествие. Но ужели мы обязаны веровать в Мессию на кресте? И много ли нужно доказательств? Если Он действительно царь Израилев, пусть сойдет сейчас с креста, и мы тотчас же уверуем в Него» ([Мк. 15, 32](#)).

«В самом деле, – издевались прочие старейшины, – это совсем не царский престол. Теперь видно, каков Он, Сын Божий, и каковы Его чудеса. Оставил ли бы Отец собственного Сына в таком положении? Он уповал на Бога, пусть же теперь избавит Его Бог, если Он угоден Ему» ([Мф. 27, 39–43](#); [Мк. 15, 29–32](#); [Лк. 23, 35](#)).

Последние насмешки суть те же самые, которые Давид в вышеприведенном псалме влагает в уста врагов праведника, им описываемого. Так верно исполнялись пророчества в действиях, даже несознательных, тех самых людей, которые исполняли их. При насмешках, бесстыдно повторяемых самыми властями иудейскими, не удивительно, что и грубые воины, стоявшие на страже, говорили Иисусу Христу: «Если Ты царь Иудейский, то зачем не спасешь Себя?» Такая насмешка в устах римских воинов могла быть плодом только самого слепого подражания. Когда иудей кричал таким образом, то выражение: «царь Израилев, для чего не спасешь Себя» – у него имели смысл и силу, ибо Мессия, по его мнению, должен быть чудотворец, следовательно иметь возможность помогать себе во всех случаях; язычник, напротив, под царем Иудейским подразумевал обыкновенного человека, из чего никак не следовало, чтобы он мог сойти сам с креста. Но грубые воины нимало не заботились о смысле слов своих, бездумно повторяя слышанное от других. Св. Лука упоминает еще ([Лк. 23, 36](#)), что воины подносили Иисусу Христу кислое

питье, без сомнения, то самое, которым они имели обыкновение утолять свою жажду, находясь под открытым небом в жаркий полдень. Значит, между насмешками они не забывали и сострадательности к распятым, которые от мучений еще сильнее их должны были чувствовать жажду: обыкновенное сочетание в грубых людях доброго с худым, человечности со зверством. Молчания, по крайней мере, можно было ожидать от тех несчастных, которые сами висели на крестах. Но и из них один, по свидетельству евангелистов, злословил Иисуса, требуя, чтобы Он как Мессия спас и Себя, и их. Хотел ли этот несчастный в помрачении рассудка, вызванном смирной, только развеселить себя, участвуя в общих насмешках? Или действительно, по неведению, почитал Иисуса Христа виновным и достойным казни? Или даже гордился тем, что участвовал в возмущении за свободу, и думал низко о Том, Кто, называя Себя Мессией, не произвел никакого переворота? Во всяком случае, видно развращенное сердце, виден грешник, который хочет перейти нераскаянным и в другой мир ([Лк. 23, 39–43](#)).

Тем более возвышенный образ мыслей обнаружился в другом распятом. Хула На Иисуса Христа была для него нестерпимее креста. «Ужели в тебе, – сказал он хулившему, – совершенно нет страха Божьего, что ты издеваешься над тем, что сам терпишь? И мы осуждены праведно, терпим по делам; а Он, Он не сделал никакого зла!»

Слова эти как бы дали ему смелость изъяснить перед Самим Господом чувство веры и уважения, таившееся в его сердце. «**Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Твоем!**» «**Аминь, глаголю тебе, – отвечал Господь, – днесь со Мною будеши в раи**».

Нет сомнения, что понятие кающегося разбойника о царстве Иисуса Христа еще не было свободно от всех мнений, с которыми оно обыкновенно соединялось в уме иудея. Разбойник не мог быть выше апостолов, которые представляли себе, как мы видели, царство Иисуса Христа еще земным и чувственным. Поэтому в словах разбойника надо предполагать смысл, не превышающий его понятия. Я верю, как бы он говорил Господу, что крест не воспрепятствует Тебе восторжествовать над Своими врагами: Ты воскреснешь и, воскресив с Собой всех, ожидавших Твоего пришествия, утвердишь потом на земле царство Израилево. Не забудь тогда и о мне недостойном; воскреси вместе с другими и дай место в царстве Твоем!

А принимая, по необходимости, в таком смысле слова кающегося разбойника, нельзя не видеть в ответе Господа мудрого снисхождения к слабым понятиям человеческим. Раем иудеи называли одно из отделений Шеола, служившее, по их мнению, местопребыванием душ праведных. И вот Господь обещает кающемуся пребывание в раю, то

есть обещает блаженное по смерти состояние, но не говорит ни слова о царстве Своем, ибо сказать: «ныне ты будешь со Мной в царстве Моем» значило бы возродить в уме разбойника мысль, что в этой же самый день будет учреждено видимое царство Мессии.

Таким образом, Божественный Учитель истины и на кресте продолжал шадить слабость людских понятий, открывать истину, сколько могли вмещать слышащие, взирать не только на правильность мыслей, но и особенно на чистоту сердца и его расположение к добру. Прежде, во время служения Своего, окруженный чудесами, Он именовал Себя Господом субботы, храма: со креста является Господом рая и ада, Которому принадлежит всякая власть не только на земле, но и на небе. Первосвященники требовали, чтобы Он, прекратив спасать других, спас Себя Самого: Господь продолжает спасать других, пренебрегая собственным посрамлением. Справедливо св. Фулгенций ответ Иисуса Христа кающемуся разбойнику называет последним завещанием Его ко всем кающимся грешникам, которое начертано не тростью, а крестом.

Торжество злоречия и клеветы не было продолжительно: вскоре после распятия Господа Промысл начал являть, что Он «не даст Преподобному Своему увидеть истление» (Деян. 2, 27). Среди ясного полдня небо вдруг покрылось мраком (Мф. 27, 45; Мк. 15, 33; Лк. 23, 44), как бы во свидетельство, что великое дело тьмы приближалось уже к своей полуночи. Мрак этот походил на солнечное затмение; впрочем несколько не был его следствием, потому что Пасха иудейская всегда совершалась во время полнолуния, когда луна не может находиться между землей и солнцем и вызвать солнечное затмение. По мнению Златоуста, Феофилакта и Евфимия, мрак во время распятия Иисуса Христа происходил от сгущения облаков между землей и солнцем, произведенного сверхъестественной силой.

Ев. Матфей говорит, что «тьма бысть по всей земли». Хотя выражение это не должно понимать буквально, как справедливо замечено еще древними учителями Церкви, потому что земля у св. писателей часто означает одну какую-либо страну, особенно иудейскую, даже один город; впрочем, нет никакой причины ограничивать помрачения воздуха одной Палестиной. Оно, без сомнения, распространилось, в большей или меньшей степени, так же далеко, как и землетрясение, за ним последовавшее, которое, как видно из современных свидетельств, охватило большую часть Азии, Африки и Европы.

Замечательно, что древние иудейские писатели, которые в своих сочинениях обыкновенно или отвергают или извращают чудеса евангельские, не возражают против повествования о помрачении солнца во время страданий Христовых. Замечательно также, что

языческий историк Флегонт, чьи слова приводятся Евсевием, [Оригеном](#) и [Юлием Африканским](#), настолько согласен с евангелистами в описании одного необыкновенного помрачения солнца, случившегося в царствование Тиверия, что называет для него тот же самый час (шестой или, по нашему, 12-й пополудни). Вообще надо полагать, что событие это, как и прочие чудеса, за ним последовавшие, были тогда известны всем: иначе [Тертуллиан](#), приводя их в доказательство божественности христианской религии, не ссылался бы перед лицом сената и народа римского на публичные архивы, где хранились описания подобных явлений.

Необыкновенное помрачение воздуха, последовавшее за распятием Господа, должно было закрыть хульные уста врагов Его и произвести на них впечатление самое мрачное. Если они не посчитали этого явления следствием бесчеловечности, проявленной по отношению к Праведнику, то, сообразно господствовавшим понятиям, не могли не видеть в нем предвестия общественных бедствий, тем более печального и ужасного, что оно случилось в день самого светлого праздника. В то время народы вообще верили, что необыкновенные воздушные явления, особенно помрачение солнца, предвещают худое, а иудеи тем более держались этого мнения, так как пророки, предсказывая народные бедствия, нередко соединяли с ними помрачение солнца. Особенно тьма могла просветить многих из иудеев, когда увидели, что, начавшись с распятием Иисуса Христа, она окончилась с Его жизнью; потому что обстоятельство это яснейшим образом показывало, что естественным, по-видимому, событием управляет сила сверхъестественная, Божья, и что свет мира материального померк, потому что на кресте угасал Свет мира духовного.

Для почитателей Иисуса Христа помрачение воздуха и сопровождавшая его тишина в природе были благоприятным случаем приблизиться ко кресту, где в это время сделалось покойнее. Таковы были, по свидетельству евангелистов, все знакомые Господу, в частности, многие жены галилейские, пришедшие на праздник, которые, по замечанию Марка, и когда Иисус был в Галилее, ходили за Ним ([Мк. 15, 41](#)) и помогали Ему от своего имущества ([Мф. 27, 55](#)): Саломия, жена Зеведея, мать Иакова и Иоанна ([Мк. 15, 40](#); [Мф. 27, 56](#)); Мария Магдалина; Мария, сестра Богоматери, мать Клеопы ([Ин. 19, 25](#)), Иакова и Иосии; Иоанн, ученик и друг Иисусов; Мать Господа.

Иосифа, обрученника Богоматери, не было, вероятно, не только на Голгофе, но и на земле. С того самого времени, как Иисус Христос, будучи 12 лет, приходил с родителями Своими в Иерусалим на праздник Пасхи ([Лк. 2, 41–51](#)), об Иосифе вовсе не упоминается в

Евангелии, хотя при некоторых случаях весьма прилично было упомянуть о нем, если бы он был жив.

Учеников Иисусовых, кроме Иоанна, также не видно у креста: так, по крайней мере, заставляет думать молчание евангелистов. Отсутствие их тем извинительнее, что Сам Господь и Учитель запретил им подвергать себе опасности. У Петра был свой крест: он плакал в уединении...

И Лазарь не мог появиться между врагами Иисуса, не подвергая свою жизнь опасности. Древнее предание говорит, что он вскоре после воскресения своего, избегая преследования синедриона, удалился из Иудеи.

С Матерью Господа неразлучнее всех был Иоанн: их соединяли и равная скорбь, и равная любовь к Распятому. Ученик по чувству сердца уже занимал место сына для безутешной Матери.

Прочие почитатели Господа все еще оставались в некотором отдалении от креста ([Мк. 15, 40](#)), может быть, на одной из возвышенностей, окружавших Голгофу. Но Богоматерь, св. Иоанн, Мария Клеопова и Мария Магдалина, презирая страх и опасность, подошли так близко, что Господь не только мог видеть их, но и говорить с ними ([Ин. 19, 25](#)). Ужасный вид для сердца матери, и – такой матери, какова была св. Мария! Оружие, предсказанное Симеоном в минуты Ее радости и величия ([Лк. 2, 35](#)), пронзило теперь всю душу Ее. Дружелюбное сердце Иоанново также терзалось печалью. Видя своего возлюбленного Учителя и Друга, висящего на кресте, посреди разбойников, – он невольно должен был вспомнить о своем безрассудном прощении. Теперь ясно было, что он совершенно не знал, чего просил у Иисуса, когда желал занять место по правую Его сторону, и как горька чаша, которую он обещался тогда испить с такой решительностью ([Мф. 20, 22](#)).

Впрочем, евангелисты не говорят, чтобы Матерь Господа и друзья Его рыдали, подобно женам иерусалимским. Их рыдания возмутили бы последние минуты лица, нежно любимого. Сама горесть их была выше слез: кто может плакать, тот еще не проникнут силой всей скорби, на какую способно сердце человеческое.

И для Иисуса Христа взгляд на Матерь был новым мучением. Путешествуя постоянно из одной страны в другую для проповеди, Он не мог исполнять обычных обязанностей сына, но все же был надеждой и утешением Своей Матери, даже в земном отношении. Теперь Мария была Матерью уже не Иисуса, всеми любимого, уважаемого, Которого страшился сам синедрион, Который составлял предмет надежд для всего Израиля, а Иисуса, всеми оставленного, поруганного, окончившего жизнь на Голгофе, вместе с злодеями!..

Нужно было преподать какое-нибудь утешение, преподать однако же так, чтобы оно, служа отрадой на всю жизнь, не обрушило теперь на нее

насмешек и преследований врагов, многие из которых находились еще у креста. Каких бы ни позволили они себе дерзостей, если бы узнали, что между ними находится Матерь Иисуса? Господь не назвал Ее Матерью.

«Жено», – сказал Он Матери, – «се сын Твой». Взгляд на Иоанна объяснил эти слова.

Потом, указывая взором на Матерь, сказал Иоанну: «Се Мати ТВОЯ» ([Ин. 19, 26. 27](#)).

Это значило, что последняя воля Божественного Страдальца состоит в том, чтобы Матерь и ученик не разлучались и после Его смерти, как соединились теперь у Его креста; чтобы Иоанн принял на себя обязанность сына, а св. Мария оказывала ему любовь матернюю. Ученик со всей точностью исполнил волю умирающего Учителя и Друга; и с того самого часа, как свидетельствует в своем Евангелии, принял Богоматерь в дом свой, заботился о Ней и до самой кончины Ее, как говорит предание, был Ее любящим сыном. Для св. Иоанна тем удобнее было принять в свою семью Богоматерь, что дом его был богат и благоустроен. Между тем, ученики Иисусовы, оставив все стяжания, чтобы последовать за Ним, не теряли через это прав собственности и, когда можно было, возвращались в свои дома и занимались хозяйством. И для Саломии, матери Иоанновой, усыновление сына ее Матерью Иисусовой было очень приятно. Ибо хотя она имела предрассудки в рассуждении земного царства Мессии (кто не имел их?) и получила от Иисуса Христа, как мы видели, отказ и упрек за прошение о невозможном ([Мф. 20, 20–22](#)), она несколько не изменила свое отношение к Нему и теперь, забыв об опасности, стояла на Голгофе, чтобы быть свидетельницей последних минут Его.

Усыновление св. Иоанна служит новым доказательством, что св. Иосифа не было уже в живых и что братья Иисусовы, о которых упоминается в Евангелии ([Ин. 7, 5](#)), не были Его родными братьями, как думали некоторые еретики.

При снятии со креста и погребении Иисуса о Богоматери евангелисты уже не упоминают, хотя снова говорят о прочих женах. Отсюда заключают, что Богоматерь удалась с Голгофы еще до смерти Господа, вскоре после того, как последовало усыновление Иоанна. Может быть, Сам Господь дал знак ученику увести Матерь. При всей крепости духа и преданности Ее в волю Промысла, которые достаточно засвидетельствованы присутствием Ее на Голгофе и приближением ко кресту, материнское сердце могло не перенести последней борьбы жизни со смертью, которая предстояла Богочеловеку. С Богоматерью должен был удалиться и Иоанн, присутствие которого для Нее было так нужно. Впрочем, он опять явится на Голгофе и, кажется, перед самой



смертью своего Божественного Друга; ибо, описывая в своем Евангелии последние минуты Его, как очевидец, и дополняя в этом отношении прочих евангелистов, он за усыновлением непосредственно повествует о жажде Господа.

Преподавая утешение другим, Господь Сам имел величайшую нужду в утешении. Со времени распятия протекло около трех часов ([Мф. 27,46](#)); боль от ран, тяжесть в голове, томление в сердце, пламень во всех внутренностях усилились до крайней степени. Никогда пророчества не исполнялись с такой силой, как теперь исполнялись на Нем слова св. Давида о Мессии: «**излияхся, яко вода, и рассыпашася вся кости моя, сердце мое бысть яко воск, таяй посреде чрева моего; изсше яко скудель крепость моя, и язык мой прильпе гортани моему, и в персть смерти свел мя еси. Ископаша руце мои и нозе мои; исчетоша вся кости моя. Обыдоша мя пси мнози; смотриша и презреша мя**» ([Пс. 21, 15–18](#)).

Божественный Страдалец, вероятно, Сам остановился мыслью на этом пророчестве... Сила уходила вместе с жизнью... Угасающий взор все еще стремился к небу, но оно было мрачно – ни одного луча света, ни одного утешения... Правосудный Отец как будто оставил Сына, страждущего за грехи людей... Мысль эта довершила меру страданий, и без того ужасных: человеческая природа изнемогла...

«**Елои, Елои**», – воскликнул Божественный Страдалец, – «**лима савахфани!**» (Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил?)

Ответа не было... Он заключался в наших грехах: Господь, по замечанию св. Киприана, для того спросил Отца, чтобы мы спросили самих себя и познали свои грехи. «Ибо, – продолжает священномученик, – для чего оставлен Господь? Дабы нам не быть оставленными Богом; оставлен для искупления нас от грехов и вечной смерти; оставлен для показания величайшей любви к роду человеческому; оставлен для доказательства правосудия и милосердия Божьего, для привлечения нашего сердца к Нему, для примера всем страдальцам».

Это единственное толкование жалобной молитвы Иисуса, которое надо знать и всегда помнить Его последователям. Полный смысл этой молитвы есть и должен быть для нас тайной... Впрочем, в ней не видно никакого сомнения или огорчения. Уже повторение слов: «**Боже Мой, Боже Мой**», – показывает противное. Видна только жалоба на тяжесть мучений – и внешних, и внутренних, а особенно на видимое как бы затмение Божественного единства Его со Отцом, которое заменяло доселе все утешения, и теперь, нарушившись, составило последний предел внутренних страданий и верх креста; то есть видно такое чувство, которое столь же свойственно человечеству, сколько Божеству прилично бесстрастие.

Молитвенное восклицание Господа для врагов Его послужило новым поводом к насмешкам. Изверги притворились, что не поняли Его слов, и, основываясь на некотором сходстве звучания Елоаг с именем Илии, придали им смысл обращения к этому пророку: «Смотрите, – кричали один другому, – Он зовет Илию на помощь», то есть смотрите, как Он, и умирая, продолжает представляться Мессией: ибо все верили, что Илия вместе с другими пророками должен явиться перед появлением Мессии и быть Его предтечей и слугой; верили также, что этот пророк является иногда, чтобы помочь тем, которые его призывают.

К прочим мучениям Господа присоединялись теперь еще смертельная жажда, следствие большой потери крови, – предвестница в распятых близкой смерти. Изнемогая от этого нового мучения, Божественный Страдалец воскликнул: **«жажду!»**

Жалобный вопль этот, провиденный и предсказанный также пророком ([Пс. 69, 22](#)), тронул одного из воинов. Он тотчас окунул в уксус губку, надел ее на иссоповую трость и приложил к устам Иисуса... Сотник не препятствовал человеколюбию подчиненного, будучи готов позволить и более, потому что распятый Праведник час от часу более привлекал его внимание и уважение.

Но враги Иисуса и здесь проявили бесчеловечность. «Оставь Его, – кричали с досадой воину, – Он надеется на Илию; так посмотрим, придет ли Илия снять Его со креста». Даже сам воин, напоивший Иисуса Христа, как бы опасаясь показаться слишком отзывчивым, говорил: «Что за нужда; может быть, Илия замедлит придти».

Вкусив немного прохладительного питья, Господь далее воскликнул громко: **«Совершишася!»** Это был последний предел и судеб Божьих, которые исполнялись теперь над Ходатаем Бога и людей, и самых страданий Его; ибо пречистое тело Его, для которого страдания, по самому совершенству его, были невероятно мучительны, уже готово было разлучиться с душой. Возведя взор к небу, Иисус сказал: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой!..» При этих божественных словах глава Его преклонилась (как обыкновенно бывает с умирающими), и Он **«испустил дух»** ([Ин. 19, 30](#); [Лк. 23, 46](#))...

Так окончилась жизнь, равной которой не было и не будет на земле!

Все, сказанное Господом перед Своей смертью показывает, что мысль Его в эти решительные минуты была заключена в слове Божьем. При первой борьбе, которую Он, как второй Адам, должен был выдержать в пустыне в начале служения Своего, слово Божье было для Него единственным щитом против разжженных стрел сатаны ([Мф. 4, 1–10](#)). И теперь, в последней борьбе с немощами природы человеческой, с болезнями тела и духа, Господь обращается за утешением к тому же слову Божьему. В нем, как на чертеже Своей жизни и служения, видит

настоящее, прошедшее и будущее: видит, что оставалось еще претерпеть для блага человечества, видит, наконец, исполнение всех великих судеб Божьих и как победитель, который «истоптал уже точило ярости Божьей» (Ис. 63, 2), восклицает: «Совершишася!» Нужно ли напоминать о том, как многозначительно это восклицание! Целая история рода человеческого должна служить его изъяснением; но одна только вечность раскроет вполне то, что совершилось теперь на малом холме Голгофском. Ал. Павел говорит, что на кресте расторгнуто рукописание грехов человеческих (Кол. 2, 13. 14): оно расторгнуто в ту самую минуту, когда Господь изрек: «Совершишася!»

При всей лютости страданий, при всем унижении, Сын Человеческий до самой последней минуты является с полным сознанием Своего Божественного достоинства и великого предназначения. Последний взор Его устремлен к небу, последний глас Его обращен к Отцу! Мы видим всемогущего Посланника Божьего, у Которого, как Он Сам сказал, никто не может взять жизни против Его воли (Ин. 10, 18). Поэтому если Он предает ее теперь, то предает Сам, добровольно и только исполнив Свое великое дело, – предает не ангелу смерти, а Отцу, Который дал Ему «иметь живот в Самом Себе» (Ин. 5, 26)...

Впрочем, мнение, что смерть Богочеловека на кресте ускорена сверхъестественным действием Божественным, чтобы тело Его, которое должно воскреснуть, не подверглось сокрушению голеней, не может быть принято, хотя оно высказано еще древними учителями Церкви и подтверждается, по-видимому, некоторыми обстоятельствами самой истории евангельской (непродолжительным пребыванием Господа на кресте, удивлением Пилата, что Он уже умер, и сотника, что смерть Его наступила вдруг за громкими восклицаниями и проч.). Достойно ли это мнение Божественного Страдальца? Мы видели, как Он решительно отказался от всех сверхъестественных средств для Своей защиты; можно ли после этого думать, что Он воспользовался чем-то сверхъестественным для сокращения Своих страданий? Чтобы внутренний крест Его остался, так сказать, недоконченным? Нет! Кто учил других, что «претерпевши до конца спасен будет», Тот Сам, без сомнения, терпел до конца: подвигоположник не может быть ниже подвижников. Вождь спасения нашего явился совершенным через страдания (Евр. 2, 10), поэтому, сокращая страдания, мы как бы сократим Его совершенства. И не довольно ли естественных причин, которые могли ускорить на кресте смерть Богочеловека? Бичевание одно, как мы заметили, нередко оканчивалось смертью бичуемого. Удивительно ли, что прервалась жизнь Того, Кто, кроме бичевания, претерпел множество других

мучений, Кто еще в саду Гефсиманском был изнурен кровавым потом до того, что имел нужду в ангеле укрепляющем, а на пути к Голгофе, под тяжестью креста ослабел настолько, что даже бесчеловечные враги заметили, что жизнь Его в опасности? Если крест иногда не скоро умерщвлял, то надо помнить, кого он не скоро умерщвлял и кто были люди, которых распинали на крестах. Громкие восклицания распятых не только не показывают избытка жизненных сил, но, по замечанию опытных физиологов, являются несомненным признаком наступающей смерти. Распятые вместе с Господом должны были остаться в живых дольше уже потому, что не были подвергнуты бичеванию, да и по некоторым другим причинам.

### **XXV. взгляд на покаявшегося на кресте разбойника**

*На трогательном поступке разбойника, кающегося и проповедующего со креста покаяние, охотно останавливается взор и успокаивается сердце, страдающее от печального зрелища страстей и буйного неразумия бесчеловечных врагов Иисусовых.*

Иисус Христос – в глубочайшем унижении: Он поруган, оклеветан, пригвожден ко кресту, оставлен даже теми, которые были свидетелями великих дел Его; сами ученики и сродники с трепетом взирают на крест Его – символ проклятия и гнева Божьего; и вот в эти ужасные минуты распятый одесную Его преступник возносится мыслью превыше всех соблазнов, окружающих крест Иисусов, находит более величия в унижении Праведника, нежели в постыдном торжестве первосвященников; при всех исповедует Его невинность и свое окаянство. Мало этого, вера кающегося проникает за пределы всего видимого: Того, Который вместе с ним терпит мучения, находится близ смерти, он признает Господом неба и земли, Владыкой рая и ада; не видит более креста Иисусова; зрит одно Его вечное царство и молит даровать себе в нем место!.. Такая вера есть подлинно вера в распятого Иисуса!..

Как не спросить при этом: откуда такое величие духа и такое достоинство в характере разбойника?

Кто был для него проповедником и учителем такой мудрости??<sup>10</sup>

Обыкновенно предполагают, что покаявшийся не был до креста своего разбойником и убийцей, в собственном смысле этих слов, и нет причин представлять характер его совершенно испорченным. Знаем ли мы, что впервые толкнуло его на преступление, – число их и обстоятельства, при которых они совершены? Как легко человеку, и при незлом сердце, впасть иногда в величайшие проступки? Чего не может произвести, например, в одно мгновение сильный гнев? Каких ужасных явлений

причиной не бывают другие бурные страсти, которые однако же совмещаются иногда с похвальным в других отношениях образом мыслей и чувств? До чего не в состоянии были довести покаявшегося, между прочим, худые сообщники, вроде другого распятого, который злословил Господа? Могло статься, что все эти причины не имели влияния на проступки распятого: но сколько могло быть других причин, которых мы не представляем, но которые объяснили бы, как он оказался на кресте, будучи способным заслужить рай!

Впрочем, мы сказали уже, что покаявшийся, по всей вероятности, не был разбойником в собственном смысле этого слова, а принадлежал к числу сообщников Вараввы, который незадолго перед тем произвел народное возмущение; а поэтому нет причины предполагать его низким грабителем и убийцей. «Тем хуже, – скажет кто-либо, – возмутитель общественного спокойствия стоит всякого грабителя и убийцы». Так! Но вспомним, что власть римлян над Иудеей была властью завоевателей, и притом беззаконных, которые действовали не оружием и победами, а обманом и хитростью. При таком положении вещей, когда еще и секта зилотов и сами фарисеи проповедовали, что народ Божий не должен находиться в рабстве у язычников, легко было и доброму человеку увлечься истинной или ложной патриотической ревностью и произвести возмущение во имя самого Моисея и Бога Израилева. История иудейская, особенно перед разрушением Иерусалима, представляет немало подобных примеров. Вообще, если судить о зилотах и сикариях, не терпевших римского владычества, даже по одному описанию Флавия, то можно предположить в некоторых из них весьма много похвальных качеств. Сам ап. Павел до обращения в [христианство](#) находился в тесном общении с зилотами и, несмотря на чистоту своих намерений и нрава, участвовал с ними в убийстве первомученика Стефана ([Деян. 7, 58](#)). Пример этот уже достаточно ясно показывает, как можно быть добрым по сердцу и, между тем, злым по делам! Почему же не предположить подобного и в преступнике, покаявшемся на кресте?..

Признание распятого, что он осужден справедливо, не опровергает этого предположения. Возмутив общественное спокойствие, сделавшись виной убийств, он действительно заслужил казнь; но сердце его было свободно от навыка ко злу, от того ожесточения, которое бывает уделом людей, долго живших явными злодействами, привыкших не только попираť права человечества, но и находить в том удовольствие и славу. Напротив, обличение, сделанное покаявшимся своему сообщнику, обнаруживает в обличающем чуткую совесть, сердце, не чуждое страха Божьего, твердо верящее в будущие после смерти награды праведным и наказание нечестивых.

Для такого человека пребывание в темнице не могло не иметь полезных последствий. Мечты рассеялись, совесть пробудилась, рассудок вступил в свои права; и то, что прежде казалось делом благоразумия или необходимости, представилось следствием страсти и буйства. Зная дух римского правления, противнику римлян нельзя было ожидать помилования; поэтому дни заключения были вместе днями приготовления к смерти – новое побуждение к покаянию! Одна мысль о смерти останавливает многих на пути беззакония: чего не может произвести над сердцем грешника само приближение смерти! В эти минуты и каменные сердца смягчаются; удивительно ли, если сердце чуткое сделалось особенно способным к покаянию?

С другой стороны, с уверенностью можно утверждать, что покающийся до заключения в темницу был свидетелем некоторых чудес Иисуса Христа, может быть даже слушателем Его, и разделял вместе с другими уверенность, что Человек, так учащий и так чудодействующий, должен быть Посланником Божиим (это первая мысль, которая сама собой рождается в уме от слов, произнесенных им со креста<sup>11</sup>). Темничное уединение поэтому живо напомнило ему беседы Иисуса Христа, столь трогательные для кающихся грешников. «Иисус проповедовал свободу; но не одобрял возмущений: Его свобода есть свобода истины и добродетели. Ах, если бы возможно было теперь следовать этому учению. По крайней мере, еще раз услышать Божественного Учителя! Получить от Него прощение грехов!» Наступает час казни – и раскаявшийся преступник внезапно видит себя рядом с Иисусом, узнает, что ему и Пророку Галилейскому надлежит претерпеть одну и ту же смерть!.. Зрелище печальное – видеть праведника, осужденного на позорную казнь, но для кающегося грешника некоторым образом отрадное! Для кого не отрадно умереть вместе с праведником, вместе с ним пройти мрак гроба и явиться к Судии Небесному? И кающееся сердце еще прочнее утверждается в святых чувствах, еще сильнее располагает к Иисусу. И как не расположиться! Его кроткое спокойствие и незлобие, поразительные слова Его к женам и дочерям иерусалимским, великодушные, с которым отвергнуто питье, омрачающее чувства, чистейшая молитва за Своих распинателей, могли тронуть всякого, кто имел слух и сердце<sup>12</sup>.

Оставалось преодолеть одну трудность – признать Мессию в человеке распятом, приближающемся к смерти. Но поскольку она преодолена, то мы смело можем предположить, что покающийся был и прежде свободнее других от всеобщего предрассудка о бессмертии Мессии и имел какое-либо понятие о Его страданиях. И почему, собственно, нельзя сделать такое предположение? Если история не слишком благоприятствует ему, то и не исключает его совершенно. Вскоре после

жизни Иисуса Христа у иудеев возникает мнение о двух Мессиях, славном и страждущем, раскрытое во всех подробностях. Закон исторической постепенности говорит, что начало такого образа мыслей находится во временах предшествующих. И разве не имели иудеи перед глазами множество пророчеств, в которых Мессия описывается страждущим и умирающим? Что эти пророчества относились к Мессии еще до Иисуса Христа, за это ручается уже весь [Новый Завет](#). Неоспоримо притом, что лучшие из иудеев ожидали от Мессии очищения грехов народа Божьего ([Лк. 1, 7; 2, 30](#)); верили, что поэтому явление Его сопряжено будет со многими бедствиями, что даже Он Сам многими будет отвергнут ([Лк. 2, 34](#)). Но от такого образа мыслей далек ли переход к мнению, что Мессия для искупления грехов подвергнется страданиям и смерти? Если бы даже совершенно никто из иудеев не ожидал Мессии страждущего, то один Иоанн Креститель, изображавший Иисуса Христа Мессией и вместе **«Агнцем Божьим, вземлющим грехи мира»**, мог поселить во многих иудеях веру в Мессию страждущего. Эта же вера могла возникнуть во многих благодаря собственным словам Иисуса Христа, Который не раз всенародно свидетельствовал, что Сыну Человеческому надлежит пострадать, **«дабы войти в славу Свою»**. Вообще надо предположить, что проповедью Иоанна Крестителя и Иисуса Христа предрассудок о земном царстве Мессии был весьма ослаблен, иначе крест Иисусов произвел бы в последователях Его гораздо более ужаса и потрясений, чем теперь видим.

Сообразив все это, не трудно представить, каким образом один из распятых с Иисусом Христом преступников вдруг оказывается, по выражению отцов Церкви, мучеником, евангелистом и пророком. Живо чувствуя собственное недостойнство и готовясь к смерти, он видит перед собой вечность и Судию живых и мертвых.

Зрелище ужасное! «О, если бы Праведник, вместе со мной страждущий, был Мессия? Так, это точно Он! Во смирении суд Его взятся; Он как овча, веден был на заклание, как агнец, не отверзал уст Своих, – Он, Который одним словом воскрешал мертвых! Напрасно враги вменияют Его быть **«в труде, в язве от Бога и в озлоблении»**. Он грехи наши носит и о нас болезнует; Он мучится за беззакония наши: **«наказание мира нашего на Нем»** ([Ис. 53, 1–40](#)). Мысль – утешительная для совести, уязвленной раскаянием; и кающийся грешник, в порыве святого чувства, спешит облобызать верой крест Того, в Ком он видит Искупителя и Судью: **«Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Твоем!»**

Впрочем, вера покаявшегося, во всяком случае, достойна удивления; и кто имел ее, тот достоин был войти в рай вместе с Начальником и

Совершителем веры. Пусть он знал об учении и чудесах Иисуса Христа – кто же не знал этого из тех людей, которые теперь издеваются над Ним? Пусть обстоятельства содействовали его обращению – но другой распятый разве не в подобных находился обстоятельствах? Однако же мы видим в нем человека нераскаянного. Покаявшийся сделал то, чего на его месте, может быть, не сделали бы многие и многие... «У него, – рассуждает [Григорий Великий](#), – оставались только сердце и уста свободны; и он принес Богу в дар все, что имел: **«сердцем уверовал в правду, а устами исповедал во спасение»**. «Не знаю, – признается [блж. Августин](#), – чего бы не доставало сей вере: подлинно, Иисус Христос не нашел подобной в целом народе иудейском, даже в целом мире». Св. Златоуст заметил еще в покаявшемся высокую черту любви к ближним, которая побудила его прежде пещись о спасении своего сообщника, а потом уже просить Господа и о себе. Тем непростительнее, когда грешники, злоупотребляя примером покаявшегося на кресте разбойника, воображают, что, проведя всю жизнь во грехах, они перед самой смертью успеют исправиться и минутным покаянием заслужить целую вечность блаженства. Не отвергая той утешительной, вытекающей из сущности христианства истины, что самое позднее раскаяние, по силе веры в заслуги Искупителя, может быть действительно, не отвергая, говорю, этой истины, которая, впрочем, по самому духу христианской религии, требует многих ограничений и действительное совершение которой над грешниками известно только одному Богу, – нужно сказать, что пример разбойника, покаявшегося на кресте, по самому существу своему, не менее способен возбудить страх, чем надежду. Чтобы прилагать к себе этот пример, надо вообразить себя находящимся в ужасном положении покаявшегося и, между тем, имеющим такую веру, какой, по словам Августина, не нашлось в целом мире. После этого каждый почувствует, чего стоит рай, даруемый, по-видимому за одно слово!

Подобным образом рассуждал о покаявшемся на кресте разбойнике и св. [Димитрий Ростовский](#), предполагая, что он помилован, между прочим, за прежние некоторые добрые качества и дела его и что поэтому грешники не должны злоупотреблять примером этого разбойника, отлагая свое покаяние до смерти. «Не вси, – пишет святитель, – то (прощение грехов) получают, и не мнози, но мало некто, нецыи токмо, разве тыи, иже в житии своем, аще и грешном, имеяху некая добрая дела, достойная от Господа воспоминовения и милосердия, якоже и о разбойнике повествуется: егда бо пречистая Мати Божия с Сыном своим и со св. Иосифом обручником, бежащи от Ирода, грядяше в Египет, негде в пустых местах нападоша на них разбойницы и хотяху отняти осла, на нем же малая некая своя



потребная несяху, иногда же Мати со Отрочатем везаешься: един убо от разбойник тех, видев Отроча зело красное, и удивився красоте необычной, рече: аще бы Бог принял на Ся тело человеческое, не бы был краснейший паче Отрочате Сего: то рек, воспрети другом своим озлобити сих путников. Той разбойник потом распят с Господом нашим. Се слыши ты, каковым подается при кончине покаяние и прощение!» (Соч. св. Димит. Ч. 2. 1818 г., стр. 421–2).

## XXVI. Чудесные знамения с их последствиями

*Землетрясение и его обширность. – Раздрание завесы в храме и его знаменованье. – Воскресение мертвых. – Кто восстал и когда? – Выразительность знамений и их нравственное значение. – Перемена образа мыслей об Иисусе Христе в неблагоприятных дотоле иудеях. – Вера и исповедание сотника. – Ожесточение первосвященников. – Откуда оно и до чего простиралось?*

Пока Богочеловек оставался в живых, природа как бы не хотела возмущать последних минут Его необыкновенными явлениями и страдала с Господом своим безмолвно: одно только солнце, по выражению Златоуста, не могло освещать позорище бесчеловечия. Но едва Господь предал дух Свой в руки Отца, открылся ряд знамений, которые всему миру показали, что один из крестов, стоящих теперь на Голгофе, несравненно святее храма Иерусалимского.

Первым знамением было землетрясение, настолько сильное, что многие из каменных скал, обычных для ландшафта Иудеи, треснули и гробницы, в них заключавшиеся, открылись, чтобы принять силу Того, Которого не мог ограничивать Его собственный гроб... Явления этого, некоторым образом, следовало уже ожидать после необыкновенного помрачения воздуха, с которым оно, видимо, связано; тем не менее, оно служило поразительным свидетельством самого неба о невинности и Божественном достоинстве распятого Иисуса. Если Господь творит ангелами и слугами Своими естественные силы природы, то они, при всей ограниченности своей, становятся непосредственными провозвестниками воли и славы Божьей, и смертные должны внимать вещанию их, как гласу Самого Бога. Только великий Правитель мира, повелевающий «**земле трястися**», мог повелеть ей сотрястись в ту самую минуту, когда Иисус Христос предавал дух Свой.

Страшное само по себе, землетрясение было еще страшнее, если подземные удары (как можно предположить) последовали вдруг за смертью Иисуса Христа. Заколебавшиеся от землетрясения кресты представляли в это время жуткое зрелище: издали могло казаться, что распятые силятся сойти с крестов.

[Кирилл Иерусалимский](#) спустя три века при всех христианах иерусалимских говорил, что на скалах, окружающих Голгофу, сохранились еще трещины, произведенные землетрясением во время страданий Христовых. И Флавий рассказывает об одном землетрясении в Иудее, совпадающем по времени с описываемым нами, которое, по словам его, произвело великие опустошения.

Непобедимая сила креста не остановилась на трепещущей земле, проникла в храм Иерусалимский и произвела явление, из которого для «**имеющих очи видеть**» весьма ясно открывалось, что Мессия, ожидаемый народом иудейским, уже пришел. Внутренняя завеса храма, отделявшая Святое Святых от Святилища, внезапно разорвалось с верхнего края до самого низа (так что ковчег завета, херувимы и прочие святыни, находившиеся во Святом Святых, которых никому не позволено было видеть под страхом смерти, теперь, по необходимости, были видимы для каждого находившегося в храме священника).

Чтобы вполне понять внутреннее отношение этого события к смерти Мессии и то действие, которое оно могло иметь на умы иудеев, нужно привести на память устройство храма Иерусалимского, образ мыслей иудеев о храме и Мессии и вообще дух [религии](#) Моисеевой.

«**Святое Святых**» было последней из трех частей храма, недоступной для самих священников, которым позволялось входить только во Святое (вторую часть) и, по мнению иудеев, означало небо, где обитает Сам [Бог](#). Завеса, отделявшая Святое Святых, была из ткани всех возможных цветов, по сказанию Флавия, изображала собой весь мир и поднималась для одного первосвященника лишь раз в год, в «**день очищения**», когда он с кровью тельца, закланного за грехи всего народа, являлся перед самое лицо Божье ([Евр. 9, 7](#)). Над ковчегом завета предполагалось невидимое обитание Иеговы, Который, как Царь народа еврейского, избранного Им в особенное достояние, открывал иногда с этого места волю Свою. В этом отделении храма вовсе не было света: символ непостижимости Иеговы, Который еще Моисею сказал, что человек не может видеть лица Его, не подвергаясь смерти ([Исх. 33, 20](#)). Посему-то вход во Святое Святых, исключая первосвященников, возбранен был всякому под страхом смертной казни.

С другой стороны, иудеи ожидали, что Мессия искупит народ израильский от всех грехов, так что не нужно более будет никаких жертв ([Лк. 1, 76. 77](#)), почему, кроме других имен, и называли Его великим первосвященником. Верили также, что Мессия откроет лицо Иеговы: объяснит все сомнения касательно религии, установит новое, лучшее богослужение; что устройство храма при этом или переменится, или

вовсе уничтожится; ибо Он Сам будет вместо храма, а плоть Его вместо завесы.

Итак, раздранная рукой Самого Бога завеса и открытое Его невидимой силой Святое Святых, являли всем, особенно священникам, что Бог не благоволил более обитать во мгле ([Евр. 8:5, 6](#)), не хочет уже быть чтимым так, как Его чтили дотоле – кровью козлов и тельцов ([Евр. 10:4, 5, 7](#)), что истинная, единая жертва – Агнец Божий, вземлющий грехи мира, принесена уже на Голгофе за весь мир, и теперь неприступный престол страшного Иеговы должен сделаться престолом благодати, доступным для всякого ([Евр. 10, 29, 7:19–20](#)).

Священники, находившиеся в храме на чреде служения, должны были ужаснуться при этом беспрецедентном для них явлении. Разодранная завеса, без сомнения, была вскоре заменена новой, и народ не видел ее, но слух об этом не мог остаться в узком кругу служителей храма, распространился, без сомнения, в народе, создавая благоприятное отношение к христианству.

Что касается способа, которым разодралась завеса, то нет нужды видеть здесь особое чудо. Когда действием всемогущества Божьего тряслась вся земля и разбивались каменные скалы, то одновременно легко могла разорваться завеса, которая по требованиям строгого закона о неприступности Святого Святых со всех сторон была плотно прикреплена ко входу, который закрывала. По свидетельству Иеронима, в евангелии к евреям (до нас не дошедшем) было написано, что самый свод Святого Святых, к которому прикреплялась завеса, раскололся на две части. Сказание это, вполне согласное с обстоятельствами землетрясения, объясняет, как разорвалась завеса.

Наконец, действие естественного, по-видимому, землетрясения простерлось за пределы естества, как бы для того, чтобы неверие – иудейское оно или христианское – не имело возможности предполагать, что необыкновенные знамения сами собой стеклись и окружили крест Иисуса. Мы говорим о воскресении мертвых, которым, по свидетельству ев. Матфея, закончился ряд чудесных знамений голгофских. Чем необыкновеннее это событие, тем более хотелось бы некоторым знать его во всех подробностях; но откровение, как и во многих других случаях, не отвечает любопытству. Поэтому нам остается только привести несколько сказаний об этом событии древних учителей Церкви. Но прежде повторим слова самого евангелиста: **«И гроби отверзошася, и многа тела усопших святых восташа: и изшедше из гроб, по Воскресении Его»** (Иисуса Христа), **«внидоша во Святый град и явишася мнозем»** ([Мф. 27, 52–53](#)).

Кто эти воскресшие и сколько их?

Из слов св. Матфея видно только, что их было много и что все они были – святые, а кто именно и сколько – не видно. Поэтому одни из древних учителей полагали, что в это время воскресли многие патриархи и пророки, особенно те, которые находились в родственном союзе с Иисусом Христом, как Авраам, Давид; или служили прообразом Его лица, как Иов и Мелхиседек. Другие, имея в виду, что давно умершим трудно быть узnanными, думали, что воскресшие теперь святые принадлежали к числу недавно умерших, каковы были Симеон Богоприимец, Анна пророчица, Иосиф Обручник и проч. Можно добавить, что воскресли только те, кто погребен был в окрестностях Иерусалима; ибо древнейшее предание говорит, что скалы (в которых находились гробы) распались только около Иерусалима. Так называемое евангелие Никодимово решительно указывает в этом случае на воскресение двух сынов Симеона Богоприимца.

Когда последовало воскресение святых?

И здесь одни из древних верили, что они воскресли вместе с Иисусом Христом, Который после смерти Своей сошел во ад и извел их оттуда с Собой. Главной основой этого верования, кроме их образа мыслей о сошествии Иисуса Христа во ад и самом аде, служили слова апостола: «Иже» (Христос) «**есть начаток, перворожден из мертвых, яко да будет во всех Той первенствуя**» (Кол. 1, 18). Но большая часть отцов Церкви всегда считала, что воскресение святых последовало непосредственно за смертью Иисуса Христа. Такое мнение гораздо согласнее со словами евангелиста, который неотделяет по времени этого события от землетрясения и расторжения завесы. Вышеприведенные слова апостола не противоречат ему, иначе они противоречили бы воскресению всех людей, которые чудесным образом восстали из мертвых до Воскресения Христова или взяты на небо, подобно Илии и Еноху.

Прочие вопросы: касательно явления святых во Иерусалиме, лиц, которым они являлись, их последующей жизни и проч. – встретят нас в истории Воскресения Иисуса Христа, к которой они и принадлежат. Вместо того чтобы предаваться любопытству, гораздо полезнее обратить внимание на то, как величественны знамения, возвестившие смерть Богочеловека, как соответствуют они достоинству Сына Божьего, цели Его пришествия в мир, духу религии, Им проповеданной.

Всеми оставленный, поруганный, изъязвленный, умирающий на кресте посреди злодеев Страдалец есть единородный Сын Отца, Слово, Которым все сотворено и все содержится, Бог неба и земли, видимых и невидимых: и вот, предсмертный глас Его сотрясает небо и землю, вся

природа свидетельствует Ему покорность, как Владыке, признает торжественно Господом своим и на кресте!..

Умиравший среди поношений и мук Страдалец есть великий Ходатай Бога и людей, Который, приняв на Себя грехи всего рода человеческого, должен не с кровью (Евр. 9, 8–12) козлов и тельцов, но со Своей собственной однажды войти во святилище, чтобы предстать лицу Божьему (Евр. 10, 24) и потом, упразднив Своим жертвоприношением все жертвы, оставить после Себя открытым для всех неприступный дотоле путь к престолу благодати (Евр. 10, 19). И вот, когда принесена жертва Голгофская, храм иерусалимский – скиния Ветхого Завета, которая должна была стоять, пока не придет Ходатай Завета Нового (Евр. 9, 10), колеблется теперь в своем основании, «означая изменение колеблемого так, как уже совершившегося» (Евр. 12, 27). Завеса скрывающая Святое Святых, расторгается сверху донизу; престол Иеговы выходит из мрака, его окружающего, – да ведают «священники по чину Ааронову», да ведают весь народ израильский, что «Первосвященник по чину Мелхиседекову» уже пришел и принес Свою жертву, что наступило время Нового Завета сынам Израилевым, который должен быть начертан не на скрижалях, а на сердцах (Евр. 8, 9–10, 10:16).

Умиравший на кресте Страдалец есть воскресение и живот всех, верующих во имя Его; Он для того и вкусил смерть, чтобы смертью Своей разрушить «державу смерти и избавить тех, которые из страха смерти, через всю жизнь были подвержены рабству» (Евр. 2, 14–15). И вот, едва Иисус Христос вступил в область смерти, держава ее начинает разрушаться, гробы отверзаются, тела усопших восстают и восстанием своим уверяют, что Иисусу Христу дана всякая власть не только на земле, но и на небе (Мф. 28, 18), что Он имеет «ключи ада и смерти» (Апок. 1, 18) и что непременно наступит некогда тот день, когда все находящиеся во гробах услышат глас Сына Божьего и, услышав, оживут (Ин. 5, 25). Явление воскресших во Иерусалиме должно было убедить каждого, что саддукеи, которые тогда весьма оживились со своим безотрадным учением, прельщают и прельщаются, «глаголюще не быти воскресению» (Деян. 23, 8).

Умиравший Иисус есть Основатель и Глава нового завета благодати, в котором нет уже греха, побеждающего человеколюбие, в котором где умножается «грех, там преизбыточествует благодать» (Рим. 5, 20), в котором Сын Божий является не только Судьей мира, но и его Спасителем; и как кротки знамения, окружившие крест Иисуса Спасителя! Небо помрачается, но не изливает огня и жупела на Иерусалим неверный, как излило некогда на грады, преогорчившие Бога; земля сотрясается, но убийцы Иисуса Христа стоят на ней так же

безопасно, как и плачущие друзья Его. Сами гробы отверзаются не для того, чтобы поглотить живыми гонителей Сына Божьего, достойных смерти вечной; из них восстают сонмы праведных, чтобы своим явлением проповедать Иерусалиму покаяние и веру в Мессию, им отверженного.

Не такими были знамения Ветхого Завета. Там малые дети засмеялись над естественным недостатком престарелого пророка – и внезапно выходит из пустыни львица и разрывает проклятых пророком детей на части ([4Цар. 2, 24](#)). Там два сына Ааронова приносят вместо святилищного чуждый огонь на жертвенник – и сами немедленно пожигаются огнем небесным, и родителю воспрещается даже скорбеть о их казни ([Числ. 3, 25](#)). Там презрители лица Моисея, по выражению апостола, только верного раба в доме Божьем ([Евр. 3, 5](#)), нисходят живые во ад ([Числ. 16, 35](#)); здесь презрители, убийцы едиnorodного Сына Божьего остаются живы.

Таковы знамения Бога Искупителя! Таков благотворный дух религии Иисуса, непознанный до времени еще самими апостолами! ([Мф. 12, 4](#).) Такова жертва любви, перед которой не вспоминаются неправды человеческие! (Иерем. 31, 31–34; [Евр. 8, 12](#).)

Пример трепещущих тварей не остался тщетным и для разумных существ. Многие из иудеев, стоявших на Голгофе, видя страшные знамения, поражены были недоумением и ужасом. Вместо злословия и клеветы вокруг креста почившего Иисуса воцарились безмолвие и тишина. Всюду видны были люди, с поникшими головами возвращающиеся в город. Более впечатлительные плакали и били себя в грудь ([Лк. 23, 48](#)). Мнение, что распятый Иисус есть Сын Божий, снова начало пробуждаться во всей силе. Теперь многие, даже из злословивших, сказали бы от всего сердца: «Сниди со креста; мы веруем в Тебя», но лев от Иуды уже почил; и кто возбудит его?..

И римские воины увидели теперь, что Тот, Чье мертвое тело они охраняют, едва ли не выше всех божеств их. Они не знали Бога Израилева, но Бог всей природы, по мановению Которого колебалась теперь земля, известен всякому. Стоя на трепещущей Голгофе и сознавая себя виновными перед умершим Праведником, стражи от сильного страха не знали, что предпринять, но единодушно говорили, что распятый Страдалец должен быть «Сын Божий» ([Мф. 27, 54](#)).

Особенно поражен был благоговением и удивлением римский сотник, начальник стражи. Внимание к Иисусу Христу возникло в нем еще прежде ([Мк. 15, 39](#)) страшных знамений, вероятно, из-за отзыва прокуратора о Его невиновности и удивительных слов, сказанных Господом на пути к Голгофе и со креста. Если он не запретил своим воинам глумиться вместе с первосвященниками, то сам не участвовал в

насмешках. По замечанию св. Марка ([Мк. 15.39](#)), сотник стоял прямо напротив креста, когда Иисус Христос предал дух, наблюдая, вероятно, не только за последними словами, но и за выражением лица Богочеловека. Громкие восклицания Иисуса перед смертью очень удивили его. Заключая из них об избытке в Нем телесных сил, он не иначе объяснял себе тут же последовавшую смерть Его, как благоволением богов, восхотевших прекратить страдания своего любимца. Наконец, страшное землетрясение, рассеяв остающиеся в душе сотника сомнения, обнаружило веру его во всей полноте и силе. Признавая вместе с прочими воинами, что Иисус есть действительно Сын Божий, он не остановился на этом хладном признании, но вслух «**прославил**» Бога ([Мк. 15.39](#)), Который так грозно показывал теперь смертным, что рано или поздно Он награждает добродетель и наказывает зло, попускает иногда страдания праведным, даже смерть, но и в самой смерти показывает, что «**упование их исполнено бессмертия**» ([Прем. 3,4](#)).

Непосредственный переход этот от страха и удивления к прославлению Бога служит доказательством того, что сотник и прежде отличался набожностью и по образу мыслей своих достоин был чести стоять на страже у креста Христова. Нет сомнения, что слова «Сын Божий» в устах его теперь имели значение не выше того, какое придавал им Пилат: но древнее предание утверждает, что Лонгин (имя сотника) узнал впоследствии в Иисусе истинного Сына Божьего и своей кровью засвидетельствовал твердость исповедания, произнесенного им на Голгофе. [Церковь](#) ублажает страдания его 16 октября.

Исповеданием сотника окончилось видимое действие страшных знамений на сердца людей, окружавших крест Иисуса.

Но неужели эти чудесные явления никак не подействовали на первосвященников и старейшин иудейских – тех людей, которые, можно сказать, были их главной причиной, вознеся, в безумии своем, на крест Господа славы?

К сожалению, на этот важный вопрос нельзя не ответить отрицательно. В то время, как помрачалось небо, тряслась земля, распадались каменные скалы, отверзались гробы и восставали мертвые, в то самое время первосвященники помышляли о приличии праздника, требовавшем, чтобы тела распятых не оставались долго перед лицом торжествующего Иерусалима! – о том, как сократить жизнь несчастных! – о новом посрамлении Иисуса, намереваясь предать тело Его земле вместе с телами злодеев! Явление ужасное для сердца, любящего человечество, не желающего видеть между людьми извергов, достойных ада!

«Такова, – восклицает св. Златоуст, – сила зависти! Враги Иисуса Христа единожды и навсегда обрекли себя на все злодеяния». Но не одна зависть владела сердцами первосвященников и книжников, в них жила и суеверная приверженность к преданиям старцев, к своим мнениям, которые постоянно были отвергаемы Иисусом Христом как зловредные; в них было и алчное корыстолюбие, соединенное с притеснением ближних, Им нередко обличаемое; были личная ненависть и злоба; был, наконец, стыд – явиться перед всем народом иудейским убийцами Мессии или, по крайней мере, пророка. Столько демонов (ибо так по справедливости св. отцы называют страсти) – до какой слепоты и ожесточения не могли довести сердца, и без того давно ожесточенные, холодные к истине и добродетели, преданные фанатизму или чувственности, привыкшие саму религию обращать в орудие страстей самых низких! Фараон, Дафан и Авирон уже давно явили собой пример ослепления и упорства, видимых теперь в старейшинах иудейских. Злое сердце всегда неистощимо в возражениях против самых очевидных истин, когда они для него нестерпимы. А что могло быть нестерпимее для гонителей Иисусовых Его Божественного достоинства? В уме книжников и фарисеев был уже гибельный запас возражений против чудес Иисуса Христа; те же самые возражения могли они использовать и против чудес, бывших ради Иисуса Христа. Ничто не препятствовало грубым изуверам думать и говорить, что настоящие знамения если не явления естественные, то действие темных сил, которые огорчены потерей своего наперстника, каким злоба их давно изображала Иисуса ([Мк. 3, 22](#); [Мф. 9, 34](#); [Лк. 11, 15](#)). Для саддукеев, отвергавших бытие духов и бессмертие, настоящие знамения могли не иметь особого значения уже потому, что Иисус Христос умер: ибо, по их учению, смертью человека все оканчивалось. Знамения не произвели никакой видимой перемены в судьбе Иисуса Христа: Его тело оставалось спокойно на кресте, язвы были открыты; оно подверглось всем поруганиям. «Явный знак, – могли толковать книжники, – что помрачение солнца и землетрясение не имеют отношения к смерти Иисуса». Притом, между знамениями не было ни одного, которое привело бы к гибели кого-либо из врагов Иисусовых: они все оставались живы, невредимы, неприкосновенны – еще одно доказательство для сердец грубых, что это знамения не божественные, не ради Иисуса; потому что, вспоминая события своей истории, они видели, что людей, раздражавших Бога, немедленно постигала смерть. Что всемогущество Божье щадит их теперь, оставляя им время на покаяние, что Мессии Искупителю не свойственно мстить личным врагам Своим казнию – мысли эти были выше Каиафы, который мог сребрениками купить достоинство первосвященника, но не мог стяжать



истинного познания о Боге и Его совершенствах, о Мессии и великой цели Его пришествия в мир. Нельзя забывать и того, что самое поразительное из знамений, последовавших за смертью Иисуса Христа – воскресение мертвых, – теперь еще не было известно.

Если бы, несмотря на высказанное, ожесточение первосвященников показалось кому-либо непонятным, то нужно вспомнить, что история, не имея возможности проникать в сердце, судит о человеке по деяниям; а деяния не всегда бывают согласны с сердцем, по крайней мере, часто не выражают с точностью состояния сердца человека действующего. Многие из врагов Иисуса уничиженного останутся до времени врагами Иисуса прославленного; в их жизни не произойдет еще видимая перемена, но из этого нельзя заключать, что не произошло никакой перемены в их сердце. Положим, что сердце самого Каиафы сильно дрогнуло от мысли: не от Бога ли знамения, бывшие на Голгофе? Если не произошло совершенной перемены в образе его мыслей, то одна хитрость заставит надменного, преданного плотоугодию саддукея ([Деян. 5, 17](#)) не обнаруживать своих сомнений, продолжать, даже против совести, дело, однажды с такой торжественностью начатое, следовать волей или неволей течению обстоятельств. После Вознесения Господа на небо сама история показывает значительную перемену в поступках первосвященников в отношении к христианству: они стали уже менее жестокими к апостолам, не так решительны в преследовании христиан. Весьма вероятно, что такой перемене в поступках (хотя все еще двусмысленной) давно предшествовала некоторая перемена в мыслях. Кроме того, видим что по Вознесении Господа весьма многие из священников иудейских обращаются в [христианство](#) ([Деян. 6, 7](#)); между тем, известно, что сословие священников особенно преследовало Иисуса Христа. Что заставило этих людей уверовать в Распятого? Вероятно, не только известие о Воскресении Иисуса, но и страшные знамения, свидетелями которых они были.

## **XXVII. Последние события при кресте Иисуса**

*Первосвященники просят Пилата о сокращении жизни распятых ради наступающей субботы. – Перебитие голени распятым. – Иисусу Христу не перебиваются голени по причине Его смерти. – Один из воинов прободает Его ребро. – Истечение крови и воды. – Свидетельство о сем Иоанна, -Для чего оно особенно выразительно. – Исполнение в этом событии двух пророчеств.*

Между тем, как одни более или менее раскаивались, другие упорствовали, страшный день приближался к вечеру, который, будучи важен уже потому, что был окончанием первого дня Пасхи, делался еще

священнее от того, что им предназначалась суббота, по выражению евреев, царица праздников ([Ин. 19, 31](#)). Для многочисленного празднующего народа, который имел обыкновение прохаживаться по стенам города и собираться на холмах, его окружающих, было бы очень неприятно, если бы распятые и на другой день оставались на крестах посреди Голгофы, весьма близкой к воротам Иерусалима. Кроме того, был бы нарушен закон, повелевавший до захода солнца предавать погребению казненных преступников. Первосвященники чувствовали это неприличие и решились сократить жизнь распятых, чтобы тела их предать земле до наступления субботы. Поскольку казнь, теперь совершенная, во всем зависела от прокуратора, то и для сокращения жизни распятых необходимо было его согласие. Первосвященники не устыдились снова просить Пилата об этом деле, которое приличествовало более всенародным исполнителям казней, нежели первым служителям Бога Израилева. Стыд этот вознаграждался злым удовольствием причинить распятому Иисусу новые мучения (первосвященники отправились к Пилату прежде Его смерти) и иметь в своих руках Его мертвое тело. Нет сомнения, что они погребли бы Его вместе со злодеями в каком-либо отвратительном месте, а может быть, и совершенно лишили бы погребения, чтобы сделать предметом всеобщего презрения, потому что иудеи ничем так не гнушались, как **«мертвецом непогребенным»**.

Пилат без всякого прекословия согласился на просьбу первосвященников, которая и по иудейским и по римским обычаям была совершенно справедлива. Для исполнения приказания отправлены новые воины. Св. Иоанн находился еще у креста Иисусова, когда они пришли на Голгофу. Его-то сказание будет служить теперь единственным источником нашего повествования.

Оба преступника, распятые с Иисусом, еще были живы, поэтому воины немедленно перебили им голени. Другое представилось им, когда они подошли к Иисусу Христу: совершенное отсутствие движения и дыхания, закрытые глаза, поникшая голова свидетельствовали, что Он уже умер. Римские воины не решились мучить бездыханное тело и убивать мертвого. Только один из них, желая, вероятно, удостовериться в смерти, ударил Иисуса Христа копьём в бок. Поскольку при этом ударе не последовало никакого движения и никакой реакции нервов и поскольку сам удар был (вероятно) силен и смертелен, то не осталось уже никакого сомнения ни для врагов, ни для друзей Иисуса, что Он действительно умер. Из язвы однако же немедленно истекла кровь и вода или похожая на воду жидкость, которая обыкновенно бывает в теле человеческом. Такое истечение крови и слова, сказанные Иисусом Христом по Воскресении Фоме: «Принеси руку твою и вложи в бок

Мой» ([Ин. 20, 27](#)), – показывают, что рана была глубока, а истечение похожей на воду влаги позволяет думать, что Иисус Христос был пронзен в левый бок, в предсердие. Поскольку мертвое тело, сколько бы ему ни причиняли ран, никогда не источает крови, то некоторые из отцов Церкви богомудро полагали, что кровь и вода истекли из тела Иисуса Христа действием непосредственной силы Божьей в ознаменование таинства Евхаристии.

Св. Иоанн, пересказывая это событие как очевидец, выражается с особенной силой и останавливает предварительное внимание читателя следующими словами: «**И видевый (Иоанн) свидетельствова, и истинно есть свидетельство его; и той вестъ, яко истину глаголет, да вы веру имете**» ([Ин. 19, 35](#)).

Что за цель этого замечания? В чем евангелист хочет уверить своих читателей? Почему прободение тела Иисусова на кресте копьем и истечение из него крови и воды нужно было указать с такой выразительностью?

Для объяснения этого еще в древности полагали, что мысль и замечание евангелиста направлены против докетов-еретиков, которые, почитая тело человеческое произведением злого начала, утверждали, что Иисус Христос (по их мнению, один из эонов) принял на Себя не истинное тело человеческое, а только один (эфирный) призрак его, который хотя был пригвожден ко кресту, но не терпел никаких страданий. Поэтому Иоанн, как очевидец, хотел уверить своих читателей, в предостережение от докетов, что тело Иисуса Христа, как во время Его жизни, так и по смерти было совершенно сходно с действительным телом человеческим, состоящим из плоти и крови. Мнение это подтверждает не только история (ибо ересь докетов появилась в первом веке и существовала именно в Малой Азии, где написано Евангелие Иоанново), но и некоторые места в посланиях Иоанновых, которые также весьма приметно направлены против докетизма ([1Ин. 4, 1–3](#)). Могло также стать, как предполагают некоторые, что во время написания Евангелия Иоаннова были люди, сомневавшиеся в реальности смерти Иисуса Христа: или потому, что Он недолго оставался на кресте и не претерпел сокрушения голеней, или по заимствованному от иудеев предрассудку, что смерть не сообразна с достоинством Мессии. Для выведения таких людей из заблуждения весьма сильным средством служило повествование Иоанна о прободении ребра Иисусова копьем, которое самых маловерных должно было уверить, что Сын Божий из послушания Отцу смирил Себя не до креста только, но и до смерти крестной.

Но независимо от этих побуждений и целей, св. Иоанн не мог не остановить своего и всеобщего внимания на событии, нами

рассматриваемом, уже потому, что в нем, как он сам замечает, исполнились два важных предсказания Ветхого Завета о Мессии. Первое из них гласило: «кость не сокрушится от него», другое: «воззрят на нень, егоже прободоша».

Первое из этих предсказаний, сделанное Моисеем ([Исх. 12, 10](#)), относилось собственно к агнцу пасхальному, которого израильтяне должны были печь целым, не раздробляя и не ломая в нем ни одной кости. По разумению св. Иоанна, пасхальный агнец был в этом отношении свыше предустановленным прообразом истинного Агнца Божьего, закланного теперь на Голгофе, у Которого также не сокрушено ни одной кости. Не углубляясь в свойство ветхозаветных прообразований, из которых многие исполнились над Иисусом Христом во время Его страданий и которые около времен пришествия Христова были замечены самими иудейскими раввинами, скажем только, что несокрушение костей, совершенно не нужное в агнце пасхальном, было не только весьма прилично, но и необходимо для истинного Агнца Божьего – Иисуса Христа. Св. Иоанн тем более должен был остановиться на этом прообразовании, что он слышал, как Иоанн Креститель называл Его Агнцем Божьим, и что смерть Иисуса Христа последовала в день Пасхи, когда закалался агнец пасхальный.

Второе предсказание взято из пророческого видения Захарии ([Зах. 12, 10](#)), который, описывая будущее избавление народа еврейского от бедствий, его окружающих, говорит, что в то время покаявшиеся израильтяне будут взирать с плачем на Того, Которого они прежде этого ненавидели, оскорбляли и пронзили. Из пророчества Захарии не видно, кто именно был или будет пронзен неверными иудеями, перед кем они принесут потом покаяние. Но все описание таково, что при чтении его мысли невольно останавливаются на Иисусе Христе, прободенном на кресте, – тем более, что история еврейского народа не представляет лица, к которому хотя бы с малой вероятностью можно было отнести слова пророка.

### **XXVIII. Снятие со креста и погребение**

*Иосиф Аримафейский просит у Пилата позволения погребсти тело Иисусово. – Характер просителя. – Участие в погребении Никодима. – Место гроба. – Погребение. – Душевное состояние учеников и почитателей Иисусовых.*

Едва только первосвященники вышли из претории с жалким позволением сократить жизнь распятым новым мучительным средством, перед Пилатом явился другой проситель, желавший иметь позволение снять со креста и предать погребению тело Иисусово. То

был Иосиф Аримафейский. Не покажется излишним, если мы предварительно скажем несколько слов об этом св. муже, которому Провидение предоставило уникальную честь – оказать Самому Сыну Божьему последнее благодеяние в Его земной жизни.

Армафей, отечество Иосифа, – древний Гараматаим ([1Цар. 1, 1](#)), место рождения Самуила-пророка, или, что вернее, Рама (по сиро-халдейски Армафа), город в колене Вениаминовом, упоминаемый св. Матфеем ([Мф. 2, 18](#)). Великое богатство ([Мф. 27, 57](#)) делало Иосифа лицом значительным в то время, когда в Иерусалиме все можно было купить за деньги, начиная от должности последнего мытаря до сана первосвященника. Кроме этого, Иосиф принадлежал к числу знатнейших членов синедриона ([Мк. 15, 43](#); [Лк. 23, 50](#)) и вместе с другими благомыслящими советниками, вероятно, составлял в синедрионе оппозицию приверженцам Каиафы. Это оппозиционное общество, чьи благородные усилия к поддержанию падающего отечества во время последних междоусобий, предшествовавших разрушению Иерусалима, с такой благодарностью вспоминаются иудейским историком Иосифом Флавием, искренне заботилось о благе народа иудейского. Ни почести, ни богатства, заставлявшие многих саддукеев вовсе оставить надежду на Промысл о народе еврейском, нисколько не препятствовали Иосифу ожидать пришествия Мессии и воздыхать со многими истинными израильянами о Его святом царстве ([Лк. 23, 51](#); [Мк. 10, 43](#)). Если он, подобно прочим, думал об этом царстве с некоторыми предрассудками, представляя его земным и чувственным, то не был однако же, подобно прочим, упорен в своих мнениях; с ревностью искал наставления и всегда готов был слушать тех, которые могли открыть ему истину. Эта ревность сблизила его с Иисусом Христом. Несмотря на то, что синедрион ненавидел и преследовал Пророка Галилейского, что Небесное Царство, Им проповедуемое, было совершенно противоположно земному царству, ожидаемому народом иудейским, что все беседы Его были о духовной нищете, столь противной людям, обладающим благами века сего, – Иосиф сделался искренним последователем и учеником Иисусовым ([Мф. 27, 57](#)). Недостаток этого ученика состоял в том, что он, опасаясь преследования первосвященников, хранил в тайне свою расположенность к Учителю и свои отношения с Ним ([Ин. 19, 38](#)), – недостаток в общем-то извинительный, потому что Господь, щадя слабость человеческую и предвидя плохие последствия для Иосифа, не требовал от него и ему подобных, чтобы они признавали Его всенародно Мессией, тем более вступались за Него в синедрионе. В последних действиях синедриона против Иисуса Христа, а равно и в суде над Ним Иосиф не участвовал ([Лк. 23, 51](#)) – или потому, что, не видя никаких средств спасти

невиновного, не хотел быть свидетелем Его осуждения; или потому, что хитрость первосвященников нашла средство совершенно отстранить его от этого дела. Впрочем, бездействие в то время, когда столь ужасным образом решилась судьба Иисуса, без сомнения, было весьма тяжело для сердца благородного, которое стыдится малодушия, – оставить без защиты невинного даже и тогда, когда знает, что спасти его нельзя.

К числу необыкновенных событий, последовавших за смертью Иисуса Христа, нужно отнести и то, что тайные ученики Его вдруг оживились чрезвычайным мужеством. Презирая стыд объявить себя перед целым иудейским народом последователем Иисуса, уже казненного, Иосиф твердо решил оказать Ему последний долг дружбы и уважения – спасти от посрамления, по крайней мере, смертные останки своего Наставника.

Решимость эта была сопряжена с немалой опасностью – не со стороны Пилата, от которого можно было ожидать благосклонного отношения к просьбе в пользу Иисуса, ибо он считал Его праведником, а со стороны первосвященников, которые в малейшем знаке уважения к Иисусу Христу видели противодействие своим замыслам, а на покушение погребсти Его с честью могли взирать не иначе, как на выступление против синедриона тем более опасное, что его совершал теперь знаменитый член синедриона, чей пример был весьма важен для народа, и без того приверженного к памяти Иисуса.

Однако же Иосиф, раз и навсегда презрев страх, явился в претории римской с дерзновением ([Мк. 15:43](#)), свойственным великодушию. Прощение его было для Пилата первым известием, что Иисус Христос уже умер. Игемон весьма удивился такой скорой смерти, потому что из многих опытов знал, что распятые остаются в живых гораздо дольше. Не имея никакой причины сомневаться в истинности свидетельства Иосифова о смерти Иисуса, он желал однако же знать ее подробности. Для этого немедленно был призван сотник, стоявший на страже у креста Иисусова. «Давно ли Он умер?» – спросил Пилат. И, получив надлежащий ответ, повелел отдать Иосифу тело Иисусово для погребения.

Едва ли в этом случае в душе Пилата снова не возникла мысль о сверхъестественном союзе Иисуса Христа с Божеством. Скорая смерть Его на кресте могла служить для язычника признаком благоволения к Нему богов. Об этом же свидетельствовали и чудесные знамения, если только Пилат был внимателен к ним. Во всяком случае, известие о скорой смерти Господа облегчало совесть судьи, которая должна была страдать, представляя страдания на кресте Праведника, им невинно осужденного. Подобное облегчение принесло и прошение Иосифа.

Соглашаясь на погребение Иисуса, отдавая тело Его друзьям, Пилат таким снисхождением к мертвому как бы исправлял несправедливость по отношению к живому. Само невнимание к вражде первосвященников, которые позволение, данное Иосифу, почитали, без сомнения, новым для себя посрамлением, было как бы жертвой, которую Пилат принес памяти Праведника.

Едва только воины успели нанести телу Иисуса Христа последний удар своей бесчеловечности, Иосиф явился на Голгофу. Вместе с ним пришел Никодим ([Ин. 19. 39](#)), тот самый, который приходил некогда к Иисусу Христу ночью и слушал Его высокую беседу о духовном возрождении, необходимом для людей, желающих войти в царство Мессии ([Ин. 3. 1–21](#)), тот самый, который однажды перед всем синедрионом, осуждавшим Иисуса, сказал: «Судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?» ([Ин. 7. 51](#)). Подобно Иосифу, Никодим был богат и заседал в верховном совете иудейском ([Ин. 3. 1](#)); подобно ему, принадлежал тайно к числу последователей Иисуса Христа и не открывал всех своих мыслей о Нем, боясь первосвященников ([Ин. 19. 39](#)); и подобно ему, хотел теперь благородным самоотвержением загладить прежнее малодушие, иногда почти неизбежное, но всегда тягостное для сердец великодушных. Если Никодим не разделил с Иосифом дерзновения явиться в преторию Пилата с просьбой о погребении, то не по недостатку усердия, а по нужде: он в это время подготавливал вещи, необходимые для погребения.

Итак, тело Иисуса Христа немедленно было снято со креста. Из евангельской истории не видно, чтобы в этот момент произошло что-либо примечательное: тут слышны были одни вздыхания, видны – одни слезы. Господь снова вступил в мирный круг дружбы и любви, из которого исторгла Его рука предателя.

В то же время, конечно, были сняты и тела распятых с Иисусом. Если у них были родственники и друзья, то и они имели право плакать над ними, хотя не имели права похоронить их без особенного позволения прокуратора.

В руках врагов Иисусовых оставался теперь один крест Его. Еще не пришло время, чтобы этому священному дереву было воздано уважение, приличное жертвеннику, на котором заклана всемирная жертва. Древнее предание говорит, что иудеи зарыли потом крест Иисусов в землю в таком месте, которого никто не знал, кроме них, и откуда он извлечен впоследствии усердием равноапостольной Елены, матери [Константина Великого](#).

Поскольку до субботнего вечера оставалось совсем немного времени, то друзья Иисусовы, сняв пречистое тело Его со креста, немедленно

заялись погребением, в котором быстрота должна была спорить с усердием и уважением к Погребаемому.

Прежде всего нужно было найти приличное место для погребения. У Иосифа близ Голгофы был сад, в котором, как и по всей округе, находились каменные скалы. В одной из них, по обыкновению иудеев, высечена была пещера для погребения. Никто еще не был погребен в этой пещере, и Иосиф предназначал ее, вероятно, для себя и своего семейства ([Ин. 19,41](#)). Обладание местом этим, не совсем приятное из-за близости его к Голгофе, было на этот раз очень кстати для Иосифа и прочих друзей Иисусовых, т. к. давало возможность не только погребсти Божественного Мертвеца, не теряя времени, но и беспрепятственно приходить на гроб Его, чтобы изливать горесть свою слезами.

Поэтому пречистое тело Господа немедленно перенесено было в сад Иосифов. Провидение в этом случае явило следы своего особенного смотра. Если бы в пещере, где решили положить тело Иисусово, были уже прежде погребены тела других людей, то злоба врагов Иисусовых могла бы впоследствии говорить, что воскрес не Он, а другой, или что Он воскрес не Своей силой, а от прикосновения к костям какого-либо праведника, как это случилось однажды во времена царей Израильских. При всей нелепости этой лжи, они могли бы смущать и соблазнять легковерных.

Тотчас занялись и погребальными приготовлениями. Иудеи вообще почитали погребение делом важным, даже ставили его в число добродетелей для погребальных (Тов. 1, 20). Любили также, подобно прочим народам, и погребальное великолепие, например, драгоценные ароматы. Поэтому, погребение Иисуса Христа, которое совершали два знаменитых и богатых человека, желая своим усердием стереть бесчестие, Ему нанесенное, было настолько великолепно, насколько позволяло время.

Погребальные полотенца, доставленные Иосифом, были самые тонкие и дорогие, какие получали обычно из Египта, славившегося этими изделиями. А Никодим принес столько ароматов, что их достаточно было бы на погребение самого первосвященника. Это было смешение из смирны (душистой смолы из одного дерева, растущего в Аравии) и алая (благовонного растения, один из видов которого, не самый ценный, рос и в Палестине, но лучшие получались из Индии); то и другое употреблялось при погребении, иногда в порошках, иногда в виде масти. Если вес ароматов, упомянутый евангелистом (около ста литров), и не соответствует в точности нашему весу, то, по крайней мере, заставляет предполагать, что их принесено значительное количество.



Остаток ароматов мог быть употреблен на усыпание гробницы. Некоторая часть, вероятно, была сожжена в конце погребения, что также было частью погребальных иудейских обрядов.

По окончании приготовлений тело Господа, по обыкновению ([Ин. 19, 40](#)), было омыто чистой водой; потом осыпано благовониями и вместе с ними обвито четверугольным широким платом (плащаницей). Голова и лицо были обвиты узким головным полотенцем (сударь). То и другое перевязано шнурками. Так Иисус Христос положен был в гроб в том же виде, в каком Лазарь был восставлен Им из гроба ([Ин. 11, 44](#)). Но ароматы не спасли Лазаря от тления, а в Иисусе Христе, источнике нетления, они служили только признаком несовершенства веры Его почитателей, которые, при всем уважении к Нему, как замечает св. Златоуст, нимало не думали, что они погребают теперь Господа жизни и смерти.

Ограниченность времени не позволяла соблюсти всех прочих погребальных обрядов. Недостаток их надеялись восполнить по прошествии субботы, когда закон Ветхого Завета не мог уже препятствовать усердию к Законодателю Завета Нового.

Вход в пещеру, где положили тело Иисусово, был плотно завален огромным камнем ([Мф. 27, 60–61](#)): предосторожность, необходимая в Иудее, где водились хищные звери и птицы, но излишняя для Того, Кто и во гробе не преставал быть Господом земли и неба.

Как при снятии со креста, так и при погребении присутствовали некоторые из жен, преданных Господу, которых мы видели стоящими при кресте Его, – Мария Магдалина и Мария Иосифова ([Мф. 27, 61](#)). Усердие Иосифа и Никодима не давало теперь места их усердию: они смотрели только, как и где погребали Господа ([Мк. 15, 47](#)). Однако же от нежной любви их к Иисусу не скрылось, что драгоценным останкам Его еще можно оказать некоторые знаки уважения; и они решились запастись снова благовонными мастями, чтобы после субботы придти и помазать тело своего Учителя. Такое намерение принято ими, конечно, с согласия Иосифа, который имел столько достатка и любви к Иисусу, что мог всю пещеру наполнить ароматами, но не хотел препятствовать нежному усердию людей, гораздо менее его богатых, но столь же великодушных и благоговейных к памяти Иисуса.

По окончании погребения все, участвовавшие в нем, немедленно удалились, каждый к себе, для празднования навечерия пасхальной субботы, которая была величайшим праздником.

Как мрачен, нерадостен был теперь день этот для учеников и друзей Иисуса, особенно для Его Матери, для Петра, который должен был скорбеть и о потере Учителя и о своем падении! Мысль эта наполняла всю душу, подавляла все прочие мысли, не позволяла придти в себя,

чтобы хоть как-то осознать это неожиданное, страшное событие. Будущее покрыто было непроницаемым мраком; прошедшее более смущало, нежели утешало. Память о чудесах Иисусовых, о Его прежнем величии делала еще страшнее крест и гроб Его. До сих пор ученики Его шли неровным, тесным, часто тернистым путем; но шли по следам Учителя, облеченного могуществом Сына Божьего, обращая на себя всеобщее внимание, разделяя с Ним Его славу, утешая себя величественными надеждами на будущее: и вот путь этот внезапно приводит их к Голгофе, пресекается крестом Учителя и совершенно оканчивается Его гробом! Положение печальное, безутешное!

Скорбь учеников Иисуса была бы не так чрезмерна, если бы они менее уверены были в Его достоинстве. Тогда она скоро могла бы превратиться в охлаждение к Тому, Который так внезапно изменил их надеждам, подвергнув Себя смерти, а их посрамлению. Тогда скорбело бы обманутое самолюбие.

Но любовь и уважение к Иисусу несколько не умалились в сердцах признательных. Души учеников Его были соединены с Ним вечным небесным союзом. Гроб Его соделался для них святилищем, в котором заключены были все их святые помыслы, все чистые желания, вся вера их.

И с этой-то святой любовью непрестанно встречалась ужасная мысль: «Он умер! Он не то, чем был, чем мы почитали Его! Он не Мессия! Он, Который был и есть для нас все!»

Предсказания Иисуса Христа о Своей смерти и Воскресении должны бы были рассеять сомнения, облегчить скорбь учеников Его. Но эти предсказания, как мы видели, не останавливали на себе их внимания или казались им непонятными. Не умея представить, как Мессия может умереть, они не думали о Его Воскресении. И многократные обещания Иисуса, при прощании с ними на вечери, что они вскоре опять увидят Его, были теперь забыты или превратно истолкованы. Если бы кто сказал: «Он воскреснет, мы увидим Его», – растерзанное печалью, подавленное сомнениями сердце могло отвечать так же, как отвечала некогда Марфа: «Знаю, что воскреснет – в воскресение мертвых, в последний день: тогда мы все увидим Его». Уже по Воскресении Господа ученики Его вспомнили те случаи, когда Он предсказывал им Свое Воскресение.

## XXIX. Кустодия

*Дальнейшее ожесточение первосвященников. – Их мнимое опасение подлога со стороны учеников Иисусовых. – Просьба и дозволение поставить для верности стражу и приложить печать. – Кустодия. – Мысли у гроба Иисусова.*

Предписанный законом строгий покой великого дня субботы пасхальной связал, как мы видели, бездействием самых пламенных почитателей Иисусовых, но не мог прекратить несчастной деятельности ожесточенных врагов Его. Злоба в этом случае показала, что она бывает иногда памятьнее любви: если в уме учеников Иисусовых, как будто каким-либо чудом, приведены были в забвение Его многократные предсказания о Своем Воскресении из мертвых, то фарисеи и книжники не забыли этого и приняли меры против того, чтобы предсказание это не сбылось на самом деле. Привыкнув действовать нечисто, по внушению страстей и выгод, Каиафа и клеветы его воображали, что ученики Иисусовы, в отмщение за смерть Учителя, обязательно воспользуются подобным предсказанием, то есть унесут тайно тело Учителя из гроба, скажут народу, что Он воскрес из мертвых, и таким образом поднимут опасное для синедриона волнение. Погребение Его членом синедриона в собственном саду и гробе, казалось, открывало все возможности для такого поступка. Поэтому в тайном совете Каиафином немедленно решено – принять все необходимые меры и для этого окружить гроб Иисусов на три дня стражей. В подобной страже у первосвященников не было недостатка; все же они не решились действовать сами и почли за лучшее снова обратиться к прокуратору, как новая встреча с ним после событий предшествующего дня ни казалась тяжелой. Кроме того, что этим снималась ответственность за последствия новой меры, римская стража была гораздо надежнее иудейской из-за строгой дисциплины и полной непричастности народным волнениям из-за Иисуса. Явясь к Пилату, первосвященники и книжники приняли, по-прежнему, вид ревностных блюстителей общественного покоя и выгод римского правительства: «Мы вспомнили, – так говорили лицемеры, – что Этот льстец, еще будучи в живых, сказал: после трех дней Я воскресну из мертвых. Итак, прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу, что Он восстал из мертвых. В таком случае последний обман может быть хуже первого».

Гордый всадник римский, еще недавно так жестоко униженный этими самыми людьми перед целым народом, всего менее был расположен верить их заботам об общественном благе, но противиться явно предложению, которое казалось плодом дальновидной осторожности и неутомимого попечения о спокойствии народном, было не в духе римской власти. Поэтому Пилат немедленно согласился на предлагаемую меру, выразив, впрочем, свое недоверие к чистосердечию синедриона тем, что сам нисколько не принял в ней непосредственного участия.

«У вас есть кустодия, – отвечал Пилат (так называлась военная стража при храме), подите, возьмите из нее, сколько угодно, и стерегите гроб, как знаете».

Против такого мнимого доверия нечего было возразить, и первосвященники, взяв нужное число воинов, отправились в вертоград Иосифов. Тут, без сомнения, тщательно осмотрели всю внутренность погребальной пещеры, чтобы увериться в целости тела Иисусова и в том, что из пещеры нет другого выхода, кроме того, который завален был огромным камнем. После освидетельствования камень этот опять был привален ко входу и для большей безопасности от любой попытки войти в пещеру запечатан печатью синедриона. Поставленная стража также, без сомнения, была должным образом проинструктирована, получив приказ стеречь неусыпно то, от чего зависело, как говорили первосвященники, спокойствие целой Иудеи, Пилатовой претории и самого кесаря.

Таким образом, злоба врагов Иисусовых сделала, со своей стороны, все, что нужно было для засвидетельствования перед целым светом истины Воскресения Христова!.. Провидение и в этом случае показало, как оно, не подавляя нисколько свободы человеческой, премудро употребляет для достижения целей тех самых людей, которые идут нагло вопреки его святым определениям

Ученики и почитатели Иисусовы, кроме, может быть, Иосифа, которому принадлежал вертоград, вовсе не знали о кустодии, поставленной синедрионом у гроба Иисусова; иначе по прошествии дня субботнего они не собирались бы идти на этот гроб, чтобы помазать тело Его благовонными мастями, потому что теперь это уже было невозможно.

**«Время действовать Богу: ибо разорен закон Твой» (Пс. 118, 126)!** Так от избытка горести, восклицал некогда Давид, видя, как переполнялась чаша беззакония в руках некоторых людей. Стократ надлежало повторить это восклицание тому, кто был у гроба Иисусова. Тут особенно время было действовать Богу, Самому Богу, ибо – разорен был не закон только, поруган и самый Законодатель! Человечество никогда не видало столько великого, прекрасного, божественного, сколько видело в краткое время служения Иисусова. И все великое, прекрасное, божественное – было заключено теперь в гробе, запечатано печатью Каиафы! Что было бы с человечеством, если бы печать эта не растаяла от огня правды Божьей, если бы плоть Праведника увидела истление (Деян. 2, 31)? Мир божественный, раскрывавшийся на время, опять закрылся бы – навсегда. Царство Божье, низведенное на землю, опять воспарило бы на небо. После божественного озарения наступила бы еще более мрачная ночь.

Частные действия добра могли остаться. Закхей продолжал бы, вероятно, быть милостивым, помилованная грешница – целомудренной, Иосифы и Никодимы могли бы хранить уверенность, что Учитель от Бога пришел ([Ин.3,2](#)). Но великое дело спасения человеческого осталось бы погребенным вместе с Иисусом. Безотрадны были слова учеников: над всеми сими третий день есть, отнележе сия быша ([Лк.24,21](#)). Но как ужасны были бы слова эти, когда бы надлежало говорить: «над всеми сими третий день есть, отнележе сия быша» ([Лк.24,21](#)). Но как ужасны были бы эти слова, когда они звучали бы так: «над всеми сими третий год, третий век, третье тысячелетие есть, отнележе сия быша!»

Без Иисусова: «Радуйтесь!» ([Мф.28,9](#)) – не было бы радости в сердце апостолов; без Иисусова: «мир вам!» ([Ин.20,19](#)) – не распространился бы мир по лицу земли. Надо было прежде сказать воскресшему Учителю: Господь и Бог мой! ([Ин.20:28](#)), – и потом уже умирать за Господа и Бога своего. Воскресение утвердило учеников в вере, «породив их», как выражается св. Павел, в упование живо. А без этого – не раздался бы глас проповеди апостольской, и мир остался бы без креста – со своими идолами, Афины и Рим – с их «неведомым Богом» ([Деян.17,23](#)).

Итак, время было действовать Богу, Самому Богу! Это была самая решительная минута не только для всего человечества, но и для самого мироправления Божественного – минута, когда надлежало перед лицом всего мира ангелов и человеков показать торжественно, что «не один конец благу и злу, праведному и нечестивому» – что «есть Бог, судяй земли!» Итак, «воскреси Боже! Суди земли! Яко Ты» – един Ты – «наследиши во всех языцех!»

\* \* \*

<sup>1</sup>

Все сии бедствия действительно почитаемы были за предвестие будущего. Плин. Ест. Ист. II. 88.

<sup>2</sup>

Комета, в виде меча, являлась целый год над Иерусалимом; кроме сего видимы были на воздухе толпы сражающихся всадников. Флавий 6, 5.

<sup>3</sup>

Необыкновенный свет ночью вокруг жертвенника, продолжавшийся около часа; в праздник опресноков двери медные, кои с трудом отворяли двадцать человек,

отворялись сами собою. Жертвенное животное разрешилось от бремени перед жертвенником. В праздник пятидесятницы ночью слышали в храме голос: «Пойдем отсюда!» – Флавий 6, 5.

4

За четыре года до войны один поселянин, как бы вдохновенный свыше, начал по городу кричать: «Горе Иерусалиму и храму!» и продолжал сие делать семь лет – до самой осады города; наконец, сказав: «Горе и мне», убит в ту же минуту камнем, брошенным из пращи неприятельской. Флавий 17, 5.

5

Царь Агриппа, речью сильной и трогательной, всенародно убеждал Иудеев прекратить возмущение.

6

«Тот не мог оставаться во тьме отречения, на кого воззрел Свет мира» (Блаженный Иероним).

7

Ты еси Петр, и на сем камени созижду [Церковь](#) Мою, и врата ада не одолеют ей ([Мф. 16:18](#)).

8

«Поэтому-то, – думал св.Златоуст, – и откровение дано было ей, а не Пилату».

9

Толков. на Мф. и Мк.

10

Св.[Кирилл Иерусалимский](#) спрашивает: «Какая сила просветила тебя, о разбойник? Кто научил тебя воздать поклонение всеми презренному и ко кресту пригвождённому?...» Также св.Лев: «От коего наставления родилась сия вера? Какое учение произвело её? Какой проповедник возбудил оную в сердце?»

11

Некоторые из отцов предполагали даже, что разбойник раскаялся, увидев чудесные знамения: землетрясение, расторжение камней и прочие. Но эти знамения произошли после смерти Иисуса Христа, а разбойник принёс исповедание прежде.

12

Феофил. и Евф. Толк. на 27 Мф.

**Источник:** *Сочинения Иннокентия архиепископа Херсонскаго и Таврическаго - В 7-и томах, изд. 2-е. - Санкт-Петербург : И. Л. Тузов, 1908-. : Т. V. – 1908. – 707 с. / Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. 3-402 с.*